

Польский М., протопр., Новые мученики
Российские. т. I.

НОВЫЕ МУЧЕНИКИ РОССИЙСКІЕ

—
Первое собраніе матеріаловъ

— * * * —

Составилъ
ПРОТОПРЕСВИТЕРЪ М. ПОЛЬСКІИ

— 1949 г. —

Разбивка страниц настоящей электронной книги соответствует оригиналу.

Протопресвитер Михаилъ Польскій

НОВЫЕ МУЧЕНИКИ РОССИЙСКІЕ.
Первое собраніе матеріаловъ.

Jordanville,

USA

1949.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие 3

Глава 1. Владимир, митрополит Киевский и Галицкий 10

” 2. Вениамин, митрополит Петроградский 25

” 3. [Митрополит Анастасий (Грибановский)] Похвальное слово
новым священномученикам Русской Церкви 58

” 4. Гермоген, епископ Тобольский и иже с ним 66

” 5. Епископы: Андроник Пермский, Феофан Соликамский и
Василий Черниговский и иже с ними 69

” 6. Леонтий, епископ Астраханский 71

” 7. Никодим, епископ Белгородский 73

” 8. Макарий, епископ Вяземский 73

” 9. Иоаким, архиепископ Нижегородский 77

” 10. Платон, епископ Ревельский 82

” 11. Патриарх Тихон 84

” 12. Архиепископ Иларион 125

” 13. Петр, митрополит Крутицкий 135

” 14. Агафангел, митрополит Ярославский 144

” 15. Арсений, митрополит Новгородский 148

” 16. Арсений архиепископ Серпуховский 150

” 17. Анатолий, митрополит Одесский 153

<u>” 18. Дамаскин, епископ Глуховский</u>	157
<u>” 19. Соловецкие узники и их исповедание</u>	164
<u>[Памятная Записка Соловецких Епископов, представленная на</u> <u>усмотрение Правительства. 169]</u>	
<u>” 20. Общий список некоторой части умучен. епископата</u>	178
<u>” 21. Протоиереи: И. Кочуров, А. Скипетров, Ф. Орнатский</u>	183
<u>” 22. Протоиерей Иоанн Восторгов</u>	187
<u>” 23. Кунцевич Л. З. миссионер</u>	193
<u>” 24. Процесс московских священников</u>	195
<u>” 25. Дело священника Коллерова в Кимрах</u>	197
<u>” 26. Игумен Антонин</u>	199
<u>” 27. Попов Ив. Вас., проф.</u>	200
<u>” 28. Общий список некоторой части умученного духовенства</u>	203
<u>” 29. Государь Император Николай II-ой и Его Семья</u>	218
<u>” 30. Великая Княгиня Елизавета Феодоровна</u>	265
<u>Источники</u>	286

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Собирая материалы о жизни, страданиях и мученической кончине за веру или просто в вере умученных и убиенных в российской смуте от большевицкого безбожного гонения, мы полагаем только начало этому делу. Всех, кто только может дать имена мучеников и свои хотя бы краткие сообщения о них, или указать на материалы о них и фотографии, а также дать дополнения и поправки к тем сообщениям, которые есть в этой книге, мы приглашаем их непременно сделать это и помочь этому начинанию. Никто не может быть безразличным к славе Церкви Христовой. Страдания за нее не могут быть забыты. Да не изгладится, но да прославится память о наших мучениках из рода в род.

Первый Всероссийский Священный Собор 5/18 апреля 1918 г. издал определение «О мероприятиях, вызываемых происходящим гонением на Православную Церковь». Вот несколько пунктов его, касающихся между прочим и нашей задачи собирания материалов о мучениках:

1) Установить возношение в храмах за Богослужением особых прошений о гонимых ныне за Православную Веру и Церковь и о скончавших жизнь свою исповедниках и мучениках.

2) Совершить торжественные моления: (а) поминальное об упокоении со святыми усопших и (б) благодарственное о спасении оставшихся в живых.

Примечание. Таковые моления совершены соборным служением: заупокойное в храме Духовной Семинарии 31 Марта и моление в храме Христа Спасителя 1 Апреля.

3). Установить во всей России ежегодное молитвенное поминовение в день 25 Января, или в следующий за сим воскресный день (вечером) всех усопших в нынешнюю лютую годину гонений исповедников и мучеников.

4) Устроить в Понедельник второй седмицы по Пасхе во всех приходах, где были скончавшие жизнь свою за Веру и Церковь исповедники и мученики, крестные ходы к местам их погребения, где совершить торжественные панихиды с прославлением в слове священной их памяти.

5) Преподать благословение от Святейшего Собора всем исповедникам.

6) Обратиться к Святейшему Патриарху с просьбою о выдаче благословенных Патриарших грамот пострадавшим за Веру и Церковь.

7) Напечатать и раздать Членам Священного Собора к их отъезду из Москвы краткое сообщение о пострадавших в нынешние дни гонений за Православную Веру и Церковь для распространения среди православного народа.

3

4

8) Просить Святейшего Патриарха, чтобы в случаях ареста гонимых за Веру и Церковь и впредь согласно уже применяемому ныне порядку, Его

Святейшеством были делаемы непосредственные сношения с местными властями об освобождении арестованных и одновременно о сделанных сношениях были извещаемы местные Епархиальные Архиереи.

9) Поручить Высшему Церковному Управлению собирать сведения и оповещать православное население посредством печатных изданий и живого слова о всех случаях гонения на Церковь и насилия над исповедниками Православной Веры.

С такой ясностью осознала наша Святая Церковь наступивший момент и оценила значение для нее первых жертв гонения. И что она не могла выполнить, попав в полосу тягчайшего внешнего стеснения, то осталось заветом на будущее и в некоторых пунктах безусловным обязательством для той части Русской Церкви, которая могла оказаться свободной от гонений, именно для заграничной ее части. И здесь, за границей, в частичных и разбросанных заметках, в разных печатных изданиях, можно найти о мучениках некоторые материалы, из которых главным образом и составлен настоящий сборник. Кто же мученики российские?

Из миллионов убитых многие миллионы и сотни тысяч умерли с верою, молитвою и покаянием на устах и в сердце. И они прощены, и покрыли свои грехи мученичеством, и, как кающийся разбойник на кресте, в день своей смерти получили со Христом Царство Небесное.

Но мученики ли из них те, кто убиты за политическую неблагонадежность в отношении к большевицкой власти? Что же такое эта благонадежность для власти безбожников, врагов всякой веры и наиболее всякой правды Христовой? Не измена ли это Богу, Христовой Церкви и нравственному закону? Если Церковь благословляет воинов с оружием в руках защищать веру и правду, то подлинно мученики и те, кто убиты как явные противники цинично безнравственной и богоборной государственной власти, которая сама себя открыто считает врагом, а не «службой Божиим», каковым бы ей подобало быть (Рим. 13, 4).

Мученики и невинные жертвы суть и все пострадавшие и умерщвленные за одно свое происхождение или только за принадлежность к известному общественному классу. Эти никогда не предполагали, что быть военным, носить высокий титул, быть дворянином, купцом, помещиком, фабрикантом или только родиться в этих семьях уже является в глазах каких-то людей преступлением, достойным смерти. И в великом множестве погибали не только главы таких семей, но и самые семьи. Некая раба Божия, жена дворянина-помещика, обняв своих детей и стоя на молитве в домово́й своей церкви, была умерщвле-

на вместе с ними ворвавшейся ватагой большевиков. И сколько таких убийств было!

Бесчисленное множество наиболее благочестивых крестьян и рабочих были подвергнуты властью тяжким притеснениям, клеветническим обвинениям, лишению работы и имущества, заключениям в тюрьмы и лагеря для того только, чтобы терроризировать население и страхом принудить его принять те или другие хозяйственные и политические ее мероприятия. В силу только своей веры эти люди явились неблагонадежным элементом народа для неверующей власти, «козлом отпущения» и жертвой за грехи других.

Их великое множество, этих востекших в Царствие Божие с радостью истинной свободы, очистивших в земном страдании грехи свои, омывших и убеливших одежды свои кровью Агнца, пришедших от великой скорби (Откр. 7, 14). Они свидетели теперь пред Богом за Землю Русскую и молятся за нее. Каждого из них знает Бог. Имена и дела их — тайна для людей, ибо их никто из нас перечесть не может. Они имеют славу Церкви Небесной.

Но есть для них и слава Церкви земной. Почитая все их великое множество, Церковь имеет среди них общеизвестные на земле примеры, объявленные исповеднические подвиги, могущие служить для подражания, образцы благочестивой и святой жизни или плодотворной церковной деятельности, предшествовавших славной вообще или мученической кончине, наконец просто святое и невинное страдание во Христе. Спасая своих членов, Церковь ищет им назидания: она слагает историю, принимает показания, воспекает всех святых и мучеников, находя в них приращение себе. Она не оставляет свечу под закрытием, но ставит ее на подсвечник, чтобы светила всем. Многие спасаются и иногда или часто едва спасаются сами. Иные же, спасаясь, много послужили спасению других. Вот кто светильники в Церкви.

Прежде всего велики и преславны те, кто сделали такими светильниками в Церкви, явив всем свои подвиги благочестия, святости или исповедничества, занимая невидное место в обществе и состоя рядовыми членами массы мирян Церкви разного звания и положения. Неизвестные и невидные они стали известны и видны всем.

Те же подвиги, совершенные с неменьшим трудом, если еще не с большим, дают славу Церкви людям высокого общественного и государственного положения. Они естественно видны всем.

Но есть те, кто были призваны и поставлены быть светильниками Церкви и только оправдали подвигом жизни свое положение. Можно ли сказать, что их положение было легче всех, хотя к славе Церкви они ближе всех.

Это светильники-наставники, архипастыри и пастыри Церкви. О них сказано нам: «Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их» (Евр. 13, 7). Они оказались верными, не отреклись от служения и не принесли жертв новым идолам, хотя были между ними и такие немногие, чтобы показать, что это было возможно. Кто умер только с верою и, может быть, по другим поводам. Но во время гонений на веру этих убивали за веру, как именно свидетелей и защитников ее.

Устанавливая предмет и пределы того, что может войти в собрание материалов о мучениках, мы имеем повод и основание дать полный список мучеников российских прежних времен. Отсюда мы получим назидательное сравнение между мучениками прежними и новыми и список последних может быть оправдан.

Святых в Российской Земле просиявших и ее Церковью прославленных около пятисот. Из них мучеников поименно известно 61 и других с ними убиенных и неизвестных по именам около ста. Таким образом, количество прославленных мучеников на общее число всех святых российских достаточно велико. Вот имена их, и годы их мученической кончины и дни их церковной памяти.

Феодор и Иоанн, варяги, первомученики, 984 г. 12 июля.

Борис и Глеб, благов. князья, страстотерпцы. 1015 г. 24 июля.

Леонтий, Епископ Ростовский. 1077 г. 23 мая.

Ярополк-Петр Изяславич, благ. Кн. Владимир-Волынский. 1086 г. 21 ноября.

Григорий, преподобномуч. Печерский. 1095 г. 8 января.

Евстратий, преподобномуч. Печерский. 1096 г. 28 марта.

Василий и Феодор, преподобномуч. Печерские. 1098 г. 11 августа.

Кукша, священномуч. Печерский. 1113 г. 27 августа.

Михаил, Князь Муромский. 1120 г. 21 мая.

Игорь Ольгович, блаж. Вел. Кн. Черниговский. 1147 г. 5 июня.

Андрей Боголюбский, бл. Кн. Владимирский. 1174 г. 30 июня.

Никита Столпник, преподобномуч. Переяславский. 1186 г. 24 мая.

Авраамий, муч. Болгарский (на Волге). 1229 г. 1 апреля.

Василий (Василько), Кн. Ростовский. 1238 г. 4 марта.

Георгий Всеволодович, Вел. Кн. Владимирский. 1238 г. 4 февраля.

Меркурий, муч. Смоленский. 1238 г. 4 марта.

Евпраксия, бл. Кн. Псковская. 1243 г. 16 октября.

Михаил, бл. Кн., и Феодор, боярин, Черниговские. 1246 г. 20 сентября.

7

Константин, бл. Кн. Ярославский. 1257 г. 3 июля.

Роман Ольгович, Кн. Рязанский. 1270 г. 19 июля.

Иоасаф и Василий, игумены Псковские, и с ними 17 иноков. 1299 г. 4 марта.

Михаил, бл. Князь Тверской. 1318 г. 22 ноября.

Иоанн, Антоний и Евстафий, муч. Виленские. 1347 г. 14 апреля.

Иулиания, благ. Кн. Вяземская. 1406 г. 21 декабря.

Исидор, пресвитер Юрьевский, и с ним 72 муч. 1472 г. 8 января.

Макарий, Митрополит Киевский. 1479 г. 1 мая.

Герасим и Питирим, епископы Пермские. 1430 г. и в 1455 г. 29 января.

Иоанн, муч. Казанский. 1529 г. 24 января.

Адриан, преподобномуч. Ондрусовский. 1549 г. 26 августа.

Адриан, игумен Пошехонский, Давид и др. иноки с ними. 1550 г. 5 марта.

Стефан и Петр, муч. Казанские. 1552 г. 24 марта.

Агапит, преподобномуч. Маркушевский. 1569 г. 9 января.

Корнилий, игумен Псково-Печерский. 1570 г. 20 февраля.

Иаков и Иоанн, отроки Менюжские (Новг.). 1570 г. 24 июня.

Симон, блаж. юрод. Юрьевский. 1584 г. 4 ноября.

Димитрий, Царевич Московский. 1591 г. 15 мая.

Василий, муч. Мангазейский. 1600 г. 23 марта.

Ермоген, Патриарх Московский. 1612 г. 17 февраля.

Евфросин, преподобномуч. Синозерский. 1612 г. 20 марта.

Галактион, преподобномуч. Вологодский. 1612 г. 24 сентября.

Прокопий, блаж. юрод. Вятский. 1627 г. 21 декабря.

Иов, преподобномученик Ущельский. 1628 г. 6 августа.

Симон, преподобномуч. Устюжский. 1644 г. 12 июля.

Афанасий, игумен Брестский. 1648 г. 5 сентября.

Макарий, архим. Овручский, преподобномуч. Каневский. 1653 г. 7 сентября.

Иосиф, Митрополит Астраханский и Терский. 1671 г. 11 мая.

Павел, муч. Русский (Константиноп. Церкви). 1683 г. 3 апреля.

Гавриил, младенец (Слуцкий). 1690 г. 20 апреля.

Пахомий, муч. Русский (Константиноп. церкви) 1730 г. 7 мая.

Констанций, священмч. Русский (Константиноп. церкви) 1743 г. 26 декабря.

При общем взгляде на этот список мы уже видим, что новые мученики явились подражателями и продолжателями подвига прежних.

Святитель Филипп, Митрополит Московский, мученической смертью запечатлел свою борьбу за правду Божию с земной властью, поправшей эту правду. Святейший Патриарх Гермоген положил душу свою за свой родной народ, защищая его от иноверных. Святитель Иосиф, Митрополит Астраханский, от безбожных мятежников Стеньки Разина «люте пострадал». И против современных врагов, соединивших в себе все нечестие прежних, на путь этого же самого исповеднического подвига стали целые сонмы русских иерархов во главе со священномучениками Митрополитами Владимиром и Вениамином. Этот же тяжелый крест пал и на плечи множества пастырей, иноков и мирян.

8

А разве не стал в одном лике святых страстотерпцев, благоверных князей Бориса и Глеба, убиенных Святополком Окаянным только для закрепления своей власти, Государь Николай Второй? А зарезанный в Угличе царевич Димитрий не имеет ли с собой такого же нежного, окровавленного отрока цесаревича Алексея и также ни в чем неповинных четырех прекрасных дев, сестер его? А их мать, соименная святой мученице царице Александре, и также сестра ее, великая княгиня Елизавета Феодоровна, не стали ли первомученицами нашего времени после княгинь Евпраксии и Иулиании?

Мы имеем великое и славное воинство новых страдальцев. Младенцы и отроки, старцы и взрослые, князья и простые, мужи и жены, святители и пастыри, монахи и миряне, цари и их подданные составили великий собор мучеников Российских, славу нашей Церкви.

Если места страданий и кончины мучеников всегда делались священными и особо чтимыми, то вся земля российская освятилась их кровью. Некоторые же прежние святые места получили сугубое значение. Соловецкая обитель, прославленная подвигами Святителя Филиппа, преподобных Зосимы, Савватия, Германа и многих других сделалась местом заключения и страдания многочисленных епископов и пастырей Церкви. Местом же первого судища и следствия над ними сделалась Москва, знаменитая своими святынями и трудами великих первоиерархов. Петроград вдруг в эту годину испытаний потерял свое первенство среди городов и уступил свое место этому сердцу Русского народа. Но и он впервые стал знаменит своими исповедниками. Этой славы ему не хватало.

В истории гонений на христианство Москва действительно явилась третьим Римом и страдания Русской Церкви получили вселенское значение по своему масштабу и внутреннему смыслу. Рим, времен его апостольского православия, претерпел страшные гонения от язычества. Греческий православный Константинополь пережил крестовые походы от потерявшего православие того же Рима и тяжкое мусульманское иго. На Москву обрушились страшные удары безбожия, нового неслыханного врага всякой веры и особенно христианства, заявляющего, при том же, претензию на мировое владычество.

Таким образом, все гонения на христианство в главные эпохи истории происходили только на Православную Вселенскую Церковь (в Риме, в Константинополе, в Москве). И, прежде всего, на фоне ее происходит столкновение Христа и антихриста. В орбиту безбожного разрушительного влияния в данный момент

9

вовлечены все православные страны и народности, части Вселенской Церкви. Гонения же возрастают в своей силе и тонкости, а враги Церкви — в духе заблуждения и зла: сначала язычество, потом ереси, наконец безбожие.

В составе Вселенской Церкви Русская Церковь наиболее молодая и не знает в своей истории массового гонения от язычества и ересей, но за то на ее поле Вселенская Церковь получила тяжкие удары от безбожия.

Наша Церковь не только заполнила пробел своей истории и не в начале, а в конце тысячелетнего своего существования восприняла мученичество, которого ей не хватало, но и завершает общий подвиг Вселенской Церкви, начатый Римом и продолженный Константинополем.

Дивен Промысел Божий в жизни Его Святой Церкви, которая достигает ныне своей полноты и славы.

Может быть к собранию материалов о мучениках нужно было бы предпослать общий очерк истории гонения на Церковь во все эти годы, но эту задачу можно выполнить и в последующем дополнительном издании материалов, которые мы должны тщательно собирать и готовить для лучших времен и лучшей обработки.

Глава 1. Владимир, Митрополит Киевский и Галицкий.

Митрополит Владимир является первомучеником в длинном ряде убиенных и замученных Российских православных архиереев. В то время, когда убили в Киеве Митрополита Владимира, в Москве происходил Священный Собор Всероссийской Православной Церкви. Весть о мученической кончине старейшего иерарха России глубоко взволновала всех членов Собора. И именно на день его смерти (25 января) Собор и установил ежегодное молитвенное поминовение всех усопших во время гонений исповедников и мучеников.

Высокопреосвященный Владимир, Митрополит Киевский и Галицкий до пострижения в монашество назывался Василием Никифоровичем Богоявленским. Он родился 1-го января 1848 г. от благочестивых родителей в селе Малых-Моршках Тамбовской губ., где отец его был священником и впоследствии был тоже зверски убит. Владыка Митрополит получил образование в духовном училище и в духовной семинарии, и в 1874 году окончил Киевскую Духовную Академию. Далее следует семилетняя педагогическая служба в качестве преподавателя в родной Тамбовской духовной семинарии. В 1882 году будущий Митрополит посвящает себя пастырскому служению в г. Козлове Тамб. губ., где молодой батюшка о. Василий явился ревностным проповедником и учителем народа. В 1886 году Господь ниспослал первый тяжелый крест о. Василию. Умирает его дорогая спутница жизни молодая жена, умирает вскоре и единственный малютка ребенок. О. Василий тогда же удалился в обитель и принял монашество с именем Владимира, но не долго оставался о. Владимир в Козловском монастыре. Дальнейшее служение церкви о. Владимира быстро вело его по иерархической лестнице. В 1888 году он был посвящен в сан Епископа Старорусского, Викария Новгородской епархии. В 1891 году Владыка получил назначение в Самарскую епархию. В то время Самарскую губернию постигло величайшее бедствие от неурожая и холер-

ной эпидемии. Владыка Владимир в эти дни народного бедствия проявил себя великим героем духа, всецело отдавшись служению больным и заботам

о голодающих и своим личным примером воодушевлял пастырей на самоотверженный подвиг страждущему народу.

И слово Владыки было не тщетно, а голос Святителя не умолкал пока не утихла буря народного бедствия.

С 18-го октября 1892 г. Преосвященный Владимир управлял в продолжении пяти лет Грузинским Экзархатом, уже в сане Архиепископа Карталинского и Кахетинского.

В 1898 г. Архиепископ Владимир был назначен на высокий иерархический пост Митрополитом Московским и Коломенским, где его служение протекало пятнадцать лет.

В Москве Митрополит Владимир на первых же порах своего служения принимал энергичные меры оживления пастырской деятельности московского духовенства и стремился к тому, чтобы частым богослужением и проповедью, религиозно-нравственными беседами столичное духовенство ближе стояло к народу и фабрично-рабочему классу.

Владыка Владимир не только побуждал к тому свое духовенство, но и сам являлся добрым примером. Нередко Митрополит являлся на фабрики и заводы и после молитвы вел беседы с рабочими о вреде увлечения социализмом, — как бы пророчески предсказывая к какому несчастью приведет Россию это противохристианское учение.

Вся архипастырская деятельность Митрополита Владимира в Москве была полна любви и забот о пастве. Не знавшие Митрополита Владимира близко, считали его малодоступным и сухим. Действительно лицо Владыки всегда несколько нахмуренное носило глубокий отпечаток какой-то скорби. В силу врожденной скромности своего характера и даже некоторой застенчивости, Владыка старался всегда быть незаметным. Он, также незаметно для посторонних глаз, оделял нищих, вдов и сирот. Проявлял горячие заботы о спасении нравственно потерянных людях и о пьяницах. Будучи врагом алкоголя, Владыка энергично покровительствовал насаждению трезвости; сам вел беседы и издавал полезные листки и брошюры о губительности порока пьянства.

Характеризуя Митрополита Владимира в эпоху московской его деятельности один иерарх писал: «Кроткий и смиренный, ничего для себя лично никогда не искавший, правдолюбивый и честный, Владыка Владимир, постепенно и тихо восходил на высоту

иераршей лестницы и сразу высоко поднялся своим авторитетом и привлек сердца церковной и патриотической России в дни всеобщего шатания и измены (1904-1905 гг.), когда немногие оставались верными долгу и присяге, твердыми в защите Православной Церкви. Владыка Митрополит Московский тогда явил доблестный образец твердого и неподкупного стража Церкви и Родины... Да, на правдолюбивого, твердого, честного Владыку Владимира можно смело положиться, он ни в коем случае не обманет, не предаст, не изменит правде... Эти высокие свойства и характер души нашего первоиерарха слишком ценны в наши годы шатания. Жемчуг ценен потому, что его редко находят...»

Немало уделял внимания и учащимся всех учебных заведений, а особенно заботился Митрополит Владимир о семинаристах, подготовлявших себя на пастырское служение и вел с ними отеческие душевные беседы. Приводим выдержку одной из последних бесед Митрополита Владимира с московскими семинаристами. Владыка вспоминал настроенность учащихся старой школы и противопоставлял нынешнему настроению и взглядам будущих пастырей. — «Тогда ученики более проникались идеальным стремлением и по выходе из школы отдавали себя на служение Церкви, довольные немногим в жизни. — Вы скажете, что хлеб Церкви теперь стал черствым. Вероятно, иногда это бывает. Сухая корка не поддается молодым зубам. Но следует, прежде всего, думать не о том, что можно взять от народа, а что ему сами вы можете дать. Народ беден, жизнь его разъедается пороками пьянства и разврата. Он блуждает в дебрях сектантства и раскола. Когда в народную среду вы внесете истинный свет христианского знания, тогда улучшится материальное положение народа, и он сумеет вас отблагодарить. Нужно помнить что материальное благоденствие пастыря — не самое главное в его жизни. Служение пастыря само по себе безмерно высоко, и имеет ценность в самом себе. Пастырь вносит свет в темную среду, пробуждает лучшие чувства, вносит в душу народа мир и спокойствие. Разве это не великое дело, и разве оно не может примирить человека с достатком в жизни»!

Вся полнота любви Митрополита Владимира к своей Московской пастве и глубина связи его с Москвой сильно сказались при расставании Владыки с москвичами, когда Владыка был назначен на Петроградскую первосвятительскую кафедру.

Прощаясь, Митрополит сказал сквозь слезы: — «Дерево, когда растет, не чувствует, каким множеством разнообраз-

ных корней и их тончайших разветвлений оно связано с землею. Но, когда дерево пересаживают в другое место, оно не может не чувствовать всей глубины своей связи с землею. Так и со мною. Ощущаю всю глубину тяжести при разлуке с Москвой, с которой я за 15 лет духовно сросся, но да будет воля Божия».

В 1912 г., когда скончался первоиерарх Православной Российской Церкви, Антоний Митрополит Петербургский и Ладожский, на его место был назначен Митрополит Владимир. Три года Владыка управлял Петербургской епархией и это было труднейшее время для церковно-общественной работы, ибо тогда усиливалось в Петербурге влияние «темных сил», т. е. «распутинство». Митрополит Владимир со свойственными его характеру прямолинейностью и твердостью убеждений вел посильную борьбу с темными силами.

Борьба эта была особенно трагична по своему внутреннему смыслу, при наличии того тягостного и рокового недоразумения, которое существовало между лучшими кругами русского общества к каковым примыкал Митрополит Владимир — с одной стороны и Государыней Императрицей Александрой Феодоровной — с другой стороны.

Государыня — самоотверженная, беспредельно любящая мать, более всего в жизни любила своего сына — наследника-Цесаревича и более всего трепетала за его судьбу. И вот этой то силой материнской любви воспользовались темные силы. Случайным ли стечением обстоятельств, или действием темных нам неведомых сил произошло то, что Императрица глубоко уверовала, что судьба Наследника Цесаревича тесно связана с судьбой «старца» Григория Распутина. На этом убеждении Царицы построено было его громадное почти неограниченное влияние.

Когда это влияние стало оказывать действие в сфере церковной жизни, Митрополит Владимир считал для себя невозможным дальнейшее молчание и попросил аудиенции у Государя.

Архиереи вообще имели очень редко аудиенции у Императора. Все сношения между ними обычно поддерживались чрез Обер-Прокурора.

Обер-Прокурор, в данном случае — В. К. Саблер, узнав о цели с какой Митрополит Владимир желал видеть Государя, предупреждал Владыку о том, что это очень болезненная и сложная тема. Но Митрополит смело шел на исполнение того, что он считал неременным своим священным долгом и как Первосвятителя Церкви и как верноподданного.

Добившись аудиенции Митрополит Владимир смело и прямо указал Государю на все сплетни и грязные рассказы, которые

15

ходили в обществе в связи с именем Распутина, указал на губительность его влияния, особенно в церковных делах.

Государь, прослушав Владыку Митрополита, сказал, что быть может он и прав во многих отношениях, но что Царица-мать никогда с этим не согласится.

Государыня, узнав о разговоре Государя с Митрополитом, была страшно возмущена и горячо негодовала против Митрополита за его вмешательство в семейную жизнь царской семьи. Государыня заявила, что Митрополит — не верноподанный, если он может допустить грязные сплетни и разговоры о царской семье и передавать их Государю, когда в действительности ничего этого нет. В ответ на обвинения против Распутина, она говорила, что «старец Григорий неоднократно спасал жизнь нашего сына Наследника Цесаревича и никогда грязной мысли о старце она не допустит».

Государыня была права по-своему. Конечно никакой грязной тени, ничего кроме самого светлого, кристально чистого, не было в жизни и во взаимоотношениях Царской Семьи. Но грязь связанная с Распутиным проникла в некоторые сферы близкие ко Двору и об этом-то и говорил Митрополит Владимир Государю, а Государыня не знала и не хотела знать ничего об этой грязи.

Такова была трагедия тех тяжелых лет, оба чистые, высокие духом, праведные перед Богом, царица и митрополит не поняли друг друга. И Государыня не захотела выслушать того, кто воистину был и верноподданным и добрым святителем Божиим, того, кому предлежала такая же мученическая кончина как и всей Царской Семье.

Митрополит Владимир в 1915 году впал в немилость и был удален из Петрограда на кафедру митрополита Киевского.

Здесь будет кстати вспомнить слова, сказанные этому великому иерарху одним архиереем: «Вы были первенствующий иерарх между нами не только по своему общественному положению, но и по Вашим высоким духовным качествам, когда Вы светили нам в тяжкие годы церковной жизни. Именно когда люди совершенно изолгались и постоянно изменяли

своим убеждениям, Вы не боялись говорить «правду царям», сознательно подвергая себя огорчениям и страданиям, и в то же время претерпевая все житейские скорби со смирением и покорностью Божественному Промыслу и с величайшей твердостью души».

Киевская паства с первых же дней окружила своего архипастыря любовью и искренним сочувствием, видя и ценя в нем гонимого за правду опального святителя.

16

Как первенствующему в Св. Синоде Митрополиту Владимиру, по вступлении в управление Киевской Митрополии, пришлось вновь приехать в Петроград.

В 1917 году, когда Владыка Митрополит возвратился в Киев, то там уже началась разруха церковной жизни под натиском революции. Образовался «исполком» и быстро начался развал церковной жизни. Бывший в то время в г. Киеве Епархиальный съезд духовенства и мирян вылился в «Украинский съезд» и было предъявлено требование, чтобы в «автономной» Украине была «независимая от Синода Украинская Церковь». Митрополит Владимир любовно, заботливо предостерегал тогда сторонников этой ненормальной затеи, видя, что разделение церкви приведет только к торжеству внутренних и внешних врагов. Пастырей и пасомых Митрополит Владимир призывал терпеливо относиться к своим великим обязанностям участия в церковном епархиальном управлении, избегая вражды и разделения. Но сам архипастырь потерпел много тяжких обид, оскорблений и огорчений.

Осенью 1917 г. образовалась отдельная от России Украинская Держава, а вслед за этим в Киеве провозгласилось и временное правительство для всей Украинской церкви. Во главе этого церковного правительства встал бывший на покое Архиепископ Алексей Дородницын.

Образовавшееся самочинное церковное украинское правительство, или как оно называлось «рада», начало переустройство всего уклада церковной жизни в отделенных радой украинских епархиях. Во все духовные консистории были посланы «украинские комиссары». Воспрещалось поминовение за богослужением Всероссийского Патриарха Тихона, а вместо него приказывалось помянуть «всеукраинскую церковную раду», возглавляемую Архиепископом Алексием. По адресу Киевского

Митрополита Владимира самозванные духовные комиссары высказывались весьма грубо и оскорбительно.

В это время Митрополит Владимир присутствовал в Москве на Всероссийском Церковном Соборе, а Киевские «комиссары в рясах» обсуждали вопрос о недопущении своего Архипастыря Митрополита Владимира в Киев — «цю ни к чему людину», как они грубо выражались о нем по-украински.

Все эти самочинные деяния рады встревожили все православное киевское население. Собралось многолюдное собрание киевских приходских советов, на котором постановили всеми силами протестовать против самочинной антиканонической попытки создать автокефальную украинскую церковь.

17

Вскоре после описанных событий Митрополит Владимир возвратился из Москвы с Церковного Собора в Киев и тогда началось со стороны врагов Церкви всяческое глумление над семидесятилетним Старцем-Митрополитом.

Первоначально бунтовщики явились в покои Митрополита с грубым требованием об уходе Владыки из Киевской Митрополии.

Приводим акт неслыханного дотоле в православно-христианском мире оскорбления:

«Девятого сего декабря 1917 г. в два часа дня по поручению, будто бы, центральной рады, заявила ко мне комиссия во главе с назвавшим себя председателем украинской церковной рады священником о. Маричевым и депутатами: прот. Н. Шараевским (новый лже-митрополит) свящ. П. Тарнавским, свящ. С. Филипенком, дьяконом Ботвиненко и иеродиаконотом Порфирием и каким-то военным, и после речи о. Маричева было мне заявлено словесное постановление рады о том, чтобы был удален из Киева Преосвященный Никодим Епископ Чигиринский, чтобы немедленно вступили в должность членов консистории вновь назначенные, а так же предложено выехать из Киева и мне. Желая иметь письменное заявление об этом со стороны поименованной депутации, я позвал личного своего секретаря и предложил ему записать это требование депутатов, и чтобы последние подписались под ним, но они категорически отказались от этого. Этот акт подписали: Владимир Митрополит Киевский. Секретарь А. Левков».

Вскоре после этого грубого акта произошел в покоях старца Владыки новый случай. Между 10-12 часами ночи, в лаврскую квартиру Митрополита явился член церковной рады священник Фоменко в сопровождении военного и с неожиданною ласковостью стал предлагать Митрополиту Владимиру патриаршество в украинской церкви.

Митрополит выразил удивление по поводу такой перемены фронта: то от него требуют в три дня уехать из Киева, то предлагают быть украинским патриархом. Но через несколько минут секрет этой ласковости открылся. Ночные посетители потребовали, чтобы хозяин выдал из средств митрополичьего дома сто тысяч рублей.

И когда Митрополит заявил, что эти средства принадлежат всей епархии, которая одна только и может распоряжаться ими, то поведение гостей резко изменилось и сделалось настолько угрожающим в отношении к одинокому Архипастырю, что он поспешил пригласить чрез келейника монастырскую братию

18

чтобы удалить непрошенных ночных посетителей, но последние безобразничали в митрополичьих покоях еще часа полтора.

Каково было душевное состояние в эти дни тяжелых испытаний Киевского Святителя митрополита Владимира, можно судить из рассказа свидетеля очевидца. (Подпоруч. Кравченко).

12 декабря 1917 г. во время приема, Владыка обратился к последнему с такими словами: «Я никого и ничего не боюсь. Я во всякое время готов отдать свою жизнь за Церковь Христову и за Веру Православную, чтобы только не дать врагам Ея посмеяться над Нею. Я до конца буду страдать, чтобы сохранилось Православие в России, там где оно началось». Сказав эти слова, Владыка Митрополит сильно и горько заплакал.

В Киево-Печерской Лавре в это время расположился бывший Владимирский Архиепископ Алексей Дородницын. После революции паства из Владимира его прогнала за дружеские отношения с Распутиным. Изгнанный из епархии, Дородницын, украинец из Екатеринослава, перекочевал в Киев, где в тумане революционных настроений назревало стремление к автокефалии, к независимой от Москвы Церкви.

Устроившись в Лавре, архиеп. Алексей стал мутить монахов украинцев и возбуждать их против Митрополита Владимира в надежде добиться его увольнения и самому сесть на его место. Монахи стали притеснять Митрополита, сначала в мелочах. Случалось, ему нужно куда-нибудь съездить, а монахи не дают лошадей и заявляют: «Владыка Алексей на лошадях уехал»... Положение создавалось для Митрополита Владимира тягостное и когда к нему приехали другие два архиерея он просил их как-либо вразумить бесчинника. Но их некоторые усилия оказались напрасными. Дородницын создал для Митрополита Владимира такое положение, что он чувствовал себя в митрополичьих покоях в Лавре, как в осажденной крепости.

Митрополит Владимир был глубоко честный, прямой и стойкий человек. Он не подчинился никаким требованиям группы людей, незаконно собравшихся в Киеве в украинской церковной раде под главенством Архиеп. Алексея Дородницына, которого Митрополит Владимир считал величайшим и тяжким церковным преступником и мятежником, в чем Архиеп. Алексей сам сознался и раскаялся перед церковью уже изгнанный украинцами же ¹⁾. Даже под угрозой лишения жизни Митроп. Владимир не подчинился незаконным требованиям, что он и доказал своею мученической смертью, которой он мог бы избежать если бы захотел укрыться от врагов и убийц.

¹⁾ Умер в Новороссийске от паралича сердца в январе 1920 г.

В январе месяце 1918 г. в Киеве началась гражданская война.

Положенное начало гонения и преследования Митрополита Владимира озверевшими его же бывшими духовными детьми, продолжалось и завершилось убийством Владыки во время обладания Киевом сатанистами изуверами.

Красное знамя революции — эмблема крови и сатанизма, позорно развевающееся с 1917 г. над Россией, всюду, где появится, влечет за собой потоки неповинной человеческой крови, произвол, братоубийство, а также разрушение святынь и храмов Божиих.

В борьбе двух вражеских партий за обладание г. Киевом многие Киевские обители и храмы подвергались обстрелу и в значительной степени пострадали. На долю же Киево-Печерской Лавры выпали исключительные дни страданий и гонения. С 15 января в Лавру начали попадать ружейные

пули и снаряды, а с 22-го января канонада усилилась и Лавра оказалась под жестоким обстрелом со стороны большевиков, предполагавших, что с лаврской колокольни за ними происходит наблюдение, но в действительности колокольня была заперта, и в Лавре в то время никаких войск не было.

Обстрел же большевиками церквей и колоколен обычное явление всюду, где они ведут войну.

От снарядов значительно пострадали Великая Лаврская церковь и колокольня. Снаряды попадали внутрь церкви и производили значительные повреждения. 23-го января вечером большевики овладели Лаврой и тогда начались в Лавре дикие насилия и варварства. Вооруженные люди врываются в храмы в шапках на головах, с папиросами в зубах. С криком и площадной бранью производили обыски даже во время богослужения; ругались и кощунствовали над Святынями.

Монахов-стариков раздевали и разували на дворе, издевались над ними и секли нагайками. Во время обысков происходил повальный грабеж.

В то время, когда большевики обстреливали Лавру, Митрополит Владимир молился Богу или в храме, или у себя в покоях. Последнюю литургию Владыка служил 21-го января в воскресенье в Великой Лаврской церкви. 24-го января Митрополит в той же церкви служил акафист Успению Божией Матери. Это последнее служение в церкви накануне расстрела Митрополита Владимира по наблюдению сослужащих Владыки, отличалось особенной задушевностью и проникновенностью.

Ночь на 25-е января была тревожная. В эту ночь было произведено нападение четырех вооруженных мужчин и одной жен-

ины в одежде сестры милосердия на квартиру наместника Лавры. Грабители произвели тщательный обыск, забрали ценные вещи, ели все, что находили в кельи, пили чай, а глубокою ночью трое из них выходили «на разведку» и в то время ограбили деньги у казначея и у благочинного.

Днем 25-го января три вооруженных солдата произвели обыск в митрополичьих покоях, и, не найдя ничего ценного, взяли из несгораемой кассы золотую медаль. Вечером вновь явилось в Лавру пять вооруженных людей. Один из них одетый в черную кожаную тужурку был комиссаром.

Все они накануне (24-го января) уже были в Лавре и обедали в лаврской трапезе. Комиссар, бывший тогда в матросской фуражке, остался недоволен лаврским черным хлебом, бросил хлеб на пол и закричал на всю трапезную: «разве я свинья, чтобы есть такой хлеб?» — Монах трапезник ответил: «у нас господя, лучшего хлеба нет, какой нам дают, тот мы подаем». Трапезник монах Ириней свидетельствует, что 24-го января вечером эта партия вооруженных людей вторично была в лаврской трапезной. Матрос был пьян и говорил в трапезной: — «Нужно сделать здесь что-либо особенное, замечательное, небывалое». Потом он сказал: «пойдем к Митрополиту на чай, мне нужно с ним поговорить». После этого они все встали и ушли, а через час снова пришли в трапезу и, усевшись начали высыпать из карманов серебряные деньги, а комиссар-матрос достал еще и золотые часы и на вопрос «товарищей» — «где взял их», ответил — «это мое дело». Вся эта компания 25-го января вечером, войдя в Лавру, спросила одного монаха — «где живет Митрополит»? — Монах, узнавший их, ответил матросу: — «дом его около того места, где вы кушаете, там он и живет». Матрос на это сказал: — «мы его сегодня заберем».

В злодеянии убийства Митрополита Владимира свою роль сыграла агитация Алексея Дородницына среди монахов Лавры. Когда в трапезной Лавры монахи кормили банду матросов, то были расспросы: довольна ли братия начальством? Не имеют ли монахи каких-либо жалоб?.. Послушники, распропагандированные революцией и возбужденные агитацией Дородницына, стали жаловаться на притеснения: «народ несет в Лавру большие деньги, а поедает их он»... — и они указывали наверх, где находились покои Митрополита.

Будущие убийцы Митрополита пошли в трапезу и монах последовал за ними. Предводитель убийц резко обратился к монаху с вопросом. — «Почему у вас комитетов нет? — везде

комитеты, а у вас их нет». Монах ответил: «у нас не должно быть комитетов, — мы монахи». Грубый матрос закричал на монаха: «вы только миллионы и тысячи собираете». Грубый изувер матрос долго еще ругался, кричал, а потом начав кощунствовать, он спросил монаха: «отец! скажи, что у вас в пещерах? Все оттуда вынесем и рассмотрим, если там ничего не окажется, или окажется воск или тырса (опилки) — всех вас перережем». Монах отвечал: — «что я вам буду говорить? Если я вам буду говорить правду, — вы все равно не поверите. Теперь ваша власть, пойдите посмотрите и узнаете правду». В 1917 г. безбожники уже кощунствовали в

лаврских пещерах, они резали кинжалами святые мощи, прокладывали штыками, выбрасывали из гробниц, и надругавшись ставили свят. мощи преподобных на голову. Грубый матрос продолжал спрашивать монаха. — «Ты знаешь, кто был отец Серафим в Сарове? — Отец Серафим был вторым лицом после Царя, потому то Серафим и святой. Вот и ваш Митрополит Владимир будет святой».

Уходя из трапезной матрос сказал монаху: — «больше вы Митрополита не увидите». Убийцы пошли к Владыке Митрополиту, чтобы выполнить убийственный замысел.

Было 6 ½ часов вечера.

На крыльце митрополичьего дома слышалось три резких звонка. В открывшуюся дверь вошли убийцы — пять человек в солдатской форме, а во главе был матрос.

Матрос спросил: — «где Владимир, Митрополит?» Швейцар указал на пребывание Владыки Митрополита в нижней келлии о. наместника, архимандрита Амвросия.

Проходя в келью к Митрополиту, один солдат сказал: — «мы желаем переговорить с Митрополитом; мы идем сейчас из трапезной и нам там братия жаловалась, что он не разрешает комитеты. С ним нужно переговорить, чтобы он разрешил совет, чтобы, было так, как у нас».

Владыка Митрополит вышел к убийцам и спросил: — «в чем дело?» Трое убийц увели Владыку в комнату и там оставались с ним наедине некоторое время. У дверей поставили караул. Потом из комнаты палачи повели Митрополита в его верхние покои. Когда Владыка проходил мимо стоявших в стороне Епископа Феодора и архим. Амвросия, то сказал им: «вот они хотят уже расстрелять меня, вот что они со мной сделали» и при этом развел руками. Следовавший за Владыкой матрос грубо закричал: — «иди, не разговаривай, кто тебя будет расстреливать! — До коменданта пойдешь».

Поднявшись на первую площадку лестницы, ведущей на верхний этаж, Митрополит остановился, и, обращаясь к сопровождавшим его убийцам сказал: «ну, господа, если вам угодно расстрелять меня, расстреливайте здесь же на месте, — я дальше не пойду». Матрос на это грубо заметил: — «кто тебя расстреливать будет! — Иди».

Убийцы повели Митрополита в его спальню, где, заперев за собою двери оставались с Владыкой там двадцать минут. Там Владыку пытали, душили цепочкой от креста, требовали денег и глумились. Потом келейники нашли в разных местах спальни, на полу разорванные цепочку, шелковый шнурок, ладонку и серебряную нателъную икону.

Через двадцать минут Митрополит, окруженный, тремя палачами, вышел из спальни одетый в рясу, с панагией на груди и в белом клобуке на голове.

При выходе на крыльцо к Владыке подошел под благословение его старый келейник Филипп, но матрос оттолкнул его от Митрополита, закричав: — «Довольно кровопийцам кланяться, кланялись, будет». Владыка, приблизившись сам к келейнику благословил его, поцеловал и, пожав руку, сказал: — «прощай Филипп»! — вынул из кармана платок и вытер слезы.

Филипп передавал, что Митрополит был спокоен — словно шел на служение литургии. Когда Митрополит надевал шубу, один из солдат сказал: — «это важный преступник»! а матрос закричал на него: — «будет тебе, никаких разговоров».

Забытый и брошенный своей братией, окруженный палачами и убийцами, ни в чем неповинный, кроткий и смиренный старец, Митрополит Владимир спокойно шел на казнь. По дороге, в ограде Лавры Митрополит шел, осеняя себя крестным знамением и в предведении смерти, благоговейно напевал «Благообразный Иосиф».

Случайный очевидец убийства Митрополита передает, что к месту расстрела от лаврских ворот Владыку привезли на автомобиле. Когда убийцы вывели Владыку из автомобиля на площадку, то он спросил: — «Вы здесь меня хотите расстрелять?» — Один из палачей ответил: — «А что-ж, церемониться с тобой что ли?» Тогда Митрополит попросил у них разрешения помолиться Богу, на что последовал ответ: — «только поскорей». Воздев руки к небу, Владыка молился вслух: — «Господи, прости мои согрешения вольные и невольные и приими дух мой с миром!» Потом благословил крестообраз-

но обеими руками своих убийц и сказал: — «Господь вас да простит».

Вдруг, среди гробовой тишины послышались за стеною Лавры ружейные выстрелы. Сначала четыре, а через пол минуты еще два и еще. — «Это Владыку расстреливают» — говорит один инок.

«Для убийства столько выстрелов слишком много» — замечает подошедший третий инок.

После раздавшихся выстрелов забегали по двору Лавры человек пятнадцать матросов с револьверами и фонарями в руках. Один матрос спросил стоявших монахов: — «батюшки, провели Владыку?» — «Провели за ворота», — был робкий ответ иноков. Матросы побежали за ворота и через минут двадцать возвратились в Обитель. — «Нашли Владыку?» — спросил один монах матроса. — «Нашли, так всех вас по одному повыведем» — отвечал матрос.

В эту ночь покой Лавры больше не нарушался. Вся Обитель спала крепким сном и не чувствовал никто, что за тысячу шагов от Лавры в луже крови лежал прах истерзанного убитого Настоятеля и Отца Лавры, Митрополита Владимира.

На рассвете шли в Лавру на богомолье женщины, и уже от них братия Лавры узнала, что Митрополит Владимир лежит расстрелянный за Лаврой на маленькой полянке, среди крепостных валов.

Тело убитого Владыки обнаружено было в расстоянии 150 сажень от ворот Лавры. Убитый лежал на спине, покрытый шубой; на нем не оказалось панагии, кlobучного креста, чулок, сапог с галошами и золотых часов с цепочкой. Медицинским освидетельствованием на теле покойного обнаружены следующие ранения: огнестрельная рана у правой глазной щели, резанная рана покровов головы с обнажением кожи, колотая рана под правым ухом и четыре колотых раны губы, две огнестрельные раны в области правой ключицы, развороченная рана в области груди, с вскрытием всей грудной полости, колотая рана в поясничной области с выпадением сальника и еще две колотые раны груди.

В девять часов утра Лаврская братия решила перенести тело убиенного Митрополита в Лавру, для чего архим. Анфим, получив от большевиков пропуск, отправился с четырьмя санитарями к месту убийства. Отслужив краткую литию, и, положив тело на носилки, к одиннадцати часам дня принесли останки Священномученика в Михайловскую лаврскую церковь, где покойный Владыка проводил в молитве последние дни своей

жизни. Когда о. Анфим поднимал тело Митрополита для перенесения, то к нему подбежало человек десять вооруженных солдат и рабочих и начали глумиться и ругаться над расстрелянным Владыкой, и не разрешали уносить тело. — «Вы еще хоронить будете его — в ров его бросить, тут его закопать! Мощи из него сделаете, — это для мощей вы его забираете», — неистово кричали изуверы. Когда понесли тело Владыки, то проходившие благочестивые женщины плакали, молились и говорили: «Страдалец-мученик, Царство ему небесное». А изуверы кричали: — «какое ему царство, ему место в аду, на самом дне».

Для расследования обстоятельств убийства Митрополита Владимира Священный Собор избрал комиссию под председательством Тамбовского Архиепископа Кирилла, но она не могла уже исполнить своей миссии. Киев был отрезан от Москвы новыми обстоятельствами революции.

Памяти убиенного Митрополита было посвящено особое торжественное заседание, происходившее в Соборной палате при участии Патриарха и духовенства всей Москвы.

В истории Русской Церкви он был единственным иерархом, который последовательно занимал все три митрополичьи кафедры — Московскую, Петербургскую и Киевскую, и завершил свой жизненный подвиг в 1918 году приятием священномученического венца, как бы открыв собою славу Русской Церкви.

Глава 2. **Вениамин, Митрополит Петроградский.**

I.

Полоса «изъятия церковных ценностей» до Петрограда дошла довольно поздно: в середине марта 1922 года.

Главой Петроградской епархии в то время был Митрополит Вениамин. Избрание его из викарных епископов в митрополиты состоялось летом 1917 года при Временном Правительстве. Это, был кажется первый

случай применения демократического порядка избрания митрополита. Петроградское население огромным большинством (в том числе голосами почти всех рабочих) вотировало за владыку Вениамина. Оно давно его знало и было глубоко привязано к нему за его доброту, доступность и неизменно сердечное и отзывчивое отношение к своей пастве и к нуждам ее отдельных членов.

Митрополит Вениамин, уже будучи в этом сане, охотно отправлялся по этому зову для совершения молений и треб в самые отдаленные и бедные закоулки Петрограда. Рабочий, мастеровой люд зачастую приглашал его для совершения обряда крещения, и он радостно приходил в бедные кварталы, спускался в подвалы — в простой рясе, без всяких внешних признаков своего высокого сана. Приемная его была постоянно переполнена — главным образом простонародьем. Иногда он до позднего вечера выслушивал обращающихся к нему, никого не отпуская без благостного совета, без теплого утешения, забывая о себе, о своем отдыхе, о пище...

Митрополит не был, как говорится, «блестящим оратором». Проповеди его всегда были чрезвычайно просты, без всяких ораторских приемов, без нарочитой торжественности, но, в то же время, они были полны какой-то чарующей прелести. Именно, незамысловатость и огромная искренность проповедей Митрополита делала их доступными для самых широких слоев населения, которое массами наполняло церковь, когда ожидалось служение Митрополита.

26

Даже среди иноверцев и инородцев Митрополит пользовался глубокими симпатиями. В этой части населения он имел не мало близких личных друзей, которые, несмотря на разницу верований, преклонялись перед чистотой и кротостью его светлой души и шли к нему в минуту тяжкую за советом и духовным утешением.

Если в России, в это мрачное время, был человек абсолютно, искренне «аполитичным», — то это был Митроп. Вениамин. Это настроение было в нем не вынужденным, не результатом какой-либо внутренней борьбы и душевных преодолений. Нет. Его евангельски простая и возвышенная душа легко и естественно парила над всем временным и условным, над копошащимися где-то внизу политическими страстями и раздорами. Он был необыкновенно чуток к бедам, утеснениям и переживаниям своей паствы, помогая всем, кому мог и как умел, — в случае надобности просил, хлопотал... Его благородный дух не видел в этом никакого унижения, ни

несогласованности с его высоким саном. Но, в тоже время, всякую «политику» он неумолимо отметал во всех своих действиях, начинаниях и беседах, даже интимных. Можно сказать, что этот элемент для него просто не существовал. Всякие политические стрелы просто скользили по нему, не вызывая никакой реакции. Казалось, что в этом отношении он весь закован в сталь. Ни страха, ни расчета здесь никакого не было (это доказало будущее). Митрополит лишь осуществлял на деле то, что, в отношении выполнимости, кажется (может быть, с большим основанием) почти неразрешимым вопросом: евангельское исключение из религиозной жизни всякой политики; т. е., в данном случае, вопросов об отношении к советской власти, к ее представителям и т. д. С известной точки зрения, может быть, это был недостаток, отврат от жизни, но таков факт, и тут ничего не поделаешь. Из духовного облика Митрополита нельзя выбросить эту черту, тем более, что она очень характерна для его высшей степени цельной и монолитной психики.

Таков был тот, на долю которого выпало, в качестве главы Петроградской епархии, столкнуться с подступавшей все ближе волной изъятия церковных ценностей, уже помутневшей от пролития крови...

Не трудно было предугадать, зная характер и душу Митрополита, как отнесется он к изъятию. В этом вопросе для него не существовало колебаний ни на одну минуту. Самое главное — спасение гибнувших братьев. Если можно хоть немногих, хоть единую душу живую, исторгнуть из объятий голодной смерти, — все жертвы оправдываются.

Митрополит, с его детской простотой веры, был большим любителем церковного благолепия. Для него, как для самого примитивного верующего, священные предметы были окружены мистическим нимбом, но дальше он не шел. Силою своего проникновенного духа он отбрасывал в сторону все эти настроения и чувствования, в его глазах совершенно невесомые сравнительно с предстоящей задачей спасения людских масс. В этом отношении он шел дальше Патриарха, не встречая никаких препятствий к отдаче даже освященных сосудов и т. п. — лишь бы исполнить свой христианский и человеческий долг до самого конца.

Но, на ряду с этим, ему представлялось необходимым всячески стремиться к тому, чтобы отдача церковного имущества носила, именно, характер вполне добровольной выдачи «пожертвования». Ему несомненно претила самая процедура изъятия, которой предстояло иметь вид какого-то

сухого, казенного, принудительного акта, — отдачи нехотя, из-под палки, под давлением страха и угроз. Прежде всего, по мысли его, тут было бы явное противоречие истине и справедливости. Он был заранее уверен или, по крайней мере, питал надежду, что население горячо и единодушно отзовется на его призыв, что оно пожертвует во славу Божию и во имя долга христианского с радостью все, что только можно. Для чего же прибегать, хотя бы только внешним образом, к насилию, — ненужному и оскорбительному для населения — в творимом им святом деле.

Другая, вызываемая давлением обстоятельств, необходимая предпосылка к пожертвованию церковных ценностей, должна была, по его мнению, заключаться в народном контроле над расходованием всего пожертвованного. В основе всех происшедших, до петроградских изъятий, бунтов было не нежелание спасти какой бы то ни было ценой погибающих от голода людей, — но глубокое недоверие к ненавистой власти. Население заранее было убеждено, что, вторгаясь грубейшим образом в сферу интимнейших чувств верующих, отнимая у них то, что украшало храмы и богослужения, — большевики, в то же время, ни единого гроша из отнятого не передадут по объявленному назначению. Удивляться такому, хотя бы и утрированному, недоверию — не приходится. Власть его вполне заслужила.

На этой почве могли возникнуть протесты и эксцессы и в Петрограде, а, следовательно, и неизбежные кровавые расправы. Предвидя это, Митрополит считал весьма целесообразным введение в контроль представителей от верующих.

Существовало, кроме того, для Митрополита еще одно пре-

пятствие к исполнению требований власти (в той резкой форме, в какой они предъявлялись), — препятствие, которое, при известной постановке дела, для него было непреодолимым. Благословить насильственное изъятие церковных предметов он не мог, ибо считал такое насилие кощунством. Если бы власть настаивала на принудительном характере изъятия, то ему оставалось бы лишь отойти в сторону, не скрывая своих воззрений, как православного иерарха, на насилие в данном случае. Это, вряд ли, содействовало бы умиротворению умов, как бы, в то же время, Митрополит ни настаивал на необходимости пассивного, спокойного отношения к распоряжениям власти (а он это неоднократно говорил, проповедывал и циркулярно сообщал подчиненным ему лицам).

Впрочем, даже благословение Митрополитом насильственного изъятия не изменило бы положения: в результате, получилась бы только потеря Митрополитом всего своего духовного авторитета и, следовательно, предоставление полного произвола стихийному негодованию верующих масс...

Иное дело — благословить пожертвование. Делая это, он только исполнил бы свой прямой пастырский долг.

Суть тут не в «формальных нюансах». Большая разница была по существу. При согласии власти на «пожертвование» и на «контроль», — отпадало основание к недоверию со стороны масс, и на первый план выступало возвышенное стремление помочь голодающим. Тогда народ радостно (как предполагал Митрополит) отзовется на призыв своего духовного водителя, тогда его пастырский голос будет действительно авторитетным, и все совершится мирно и благополучно.

Все это было, конечно, не столько «требованиями» или «условиями» (Митрополит отлично понимал, что ни о какой борьбе и речи быть не может), — сколько пожеланиями, в осуществимость которых он верил, — тем более, что считал это выгодным и для власти, которая, как представлялось его не искушенному политикой уму, должна была стремиться к безболезненному проведению изъятия. Ведь, что «изъятие», что «пожертвование», рассуждал он, по существу — одно и то же. Власть получит все то, что ей нужно. А, между тем, от того или иного внешнего подхода к этому вопросу зависело мирное или кровавое разрешение такового.

Несомненно, что ко всему указанному выше у Митрополита примешивались еще мечты, свойственные его идеалистическому настроению. Суровая действительность не мешала ему грезить о предстоящем чудном зрелище. Ему представлялся всенародный

жертвенный подвиг во всей его неопикуемой внешней и внутренней красоте; ярко освещенные храмы, переполненные молящимися, огромный общий душевный подъем; трогательное умиление на всех лицах в сознании величия совершаемого... Церковь, в лице верных детей своих, предводимая духовенством, радостно отдающая все для спасения братьев, приемлющая с готовностью внешнюю нищету ради духовного обогащения... В результате — не одоление Церкви, а наоборот, неожиданная ее победа... Если такие

мечтания представляли тоже своего рода «политику» — то, надо признать, такую, которая, конечно, ничего общего с политикой земной не имела.

Все эти прекрасные грезы были, увы, безжалостно и вскоре растоптаны грядущими событиями...

II.

Петроградский Совет, по-видимому, недостаточно был посвящен в глубокие политические расчеты московского центра. Петроградская власть искренне считала, что единственная цель декретов об изъятии — это получение в свое распоряжение церковных ценностей. Поэтому петроградский совет, вначале, в этом вопросе держался примирительной политики. Он находил нужным, не отступая, по существу, от декретов, стараться провести их в жизнь, по возможности, в форме, не вызывающей осложнений. Совет учитывал известное ему настроение масс. Опасаясь эксцессов, он, казалось, льстил себя надеждой отличиться мирным выполнением декретов и, ради этого, готов был пойти на некоторый компромисс.

Члены комиссии Помгола (помощи голодающим) при Петроградском Совете начали «кампанию по изъятию» с неоднократных визитов в Правление Общества Православных Приходов. Придавая этому учреждению большое значение (весьма преувеличенное), в смысле влияния на верующие массы, члены Помгола стремились, сообщая с Правлением, выработать такой порядок отдачи ценностей, который был бы наиболее приемлемым для этих масс. Со своей стороны, Правление, оказавшееся неожиданно для самого себя, в роли посредника между населением и властью, проявило весьма большую уступчивость. Оно еще более, чем члены Помгола, боялось стихийных беспорядков и кровавых осложнений. Смягчить, насколько удастся, формы изъятия, не затрагивать, по возможности, религиозных чувств населения — к этому сводились, в сущности, все пожелания Правления, и, в этом отношении, в начале оно встретило известный отклик в среде Помгола. Митрополит находился в курсе переговоров.

Наконец, 5-го марта 1922 г. Митрополит получил официальное приглашение пожаловать на завтра в Помгол для участия в выработке порядка исполнения декретов о церковных ценностях. 6-го марта

Митрополит явился в Смольный в сопровождении нескольких лиц (в числе коих находился бывший присяж. поверен. и юрис-консульт Лавры — Иван Михайлович Ковшагов, впоследствии убитый вместе с Митрополитом). Владыка представил комиссии Помгола собственноручно им написанное и подписанное заявление. В этой бумаге, изложенной в весьма корректном тоне, указывалось на то: а) что Церковь готова пожертвовать для спасения голодающих все свое достояние; б) что для успокоения верующих необходимо, однако, чтобы они сознавали жертвенный, добровольный характер этого акта; в) что для той же цели нужно, чтобы в контроле над расходованием церковных ценностей участвовали представители от верующих

В конце своего заявления Владыка указывал, что, если, паче чаяния, изъятие будет носить насильственный характер, то он благословить на это свою паству не может. Наоборот, по пастырскому своему долгу, он должен будет осудить всякое активное содействие к такому изъятию. При этом Митрополит ссылается на тут же процитированные им каноны.

Митрополит встретил в Помголе, как это удостоверяется и в обвинительном акте, самый благожелательный прием. Выставленные им предложения даже не обсуждались детально, до такой степени они казались явно приемлемыми. Общее настроение было настолько светлым, что Митрополит встал, благословил всех и со слезами сказал, что, если так, то он собственными руками снимет ризу с образа Казанской Богоматери и отдаст ее на голодающих братьев.

На другой и на третий день в разных газетах (в том числе московских «Известиях») появились сообщения о состоявшемся соглашении. Газетные заметки были составлены в тоне, благоприятном для Митрополита и, вообще для Петроградского духовенства, которое, дескать, обнаружило искреннее желание выполнить свой гражданский долг и т. д.

Но, увы, вся эта иллюзия соглашения оказалась весьма быстротечной. Московский центр, по-видимому, остался недоволен петроградским советом, не уразумевшим истинных целей похода «пролетариата» на церковные ценности. Перспектива изъятия по добровольному соглашению с духовенством, пожалуй, увеличила бы престиж последнего, что вовсе не улыбалось московским политикам. Не соглашение, а раскол, не примирение, а война. Таков был лозунг, о котором не догадался недалековидный петроградский Помгол.

Надо думать, что петроградскому совету было сделано соответствующее разъяснение или внушение, и, когда уполномоченные Митрополита явились, как было условлено, через несколько дней в Помгол, чтобы поговорить о некоторых деталях соглашения, то они встретили уже другое настроение и даже других представителей Помгола. Посланцам Митрополита было весьма сухо объявлено, что ни о каких «пожертвованиях», ни о каком участии представителей верующих в контроле — не может быть и речи. Церковные ценности будут изъяты в формальном порядке. Остается условиться лишь о дне и часе, когда духовенство должно будет сдать власти «принадлежащее государству» имущество. Представители Митрополита заявили, что они не уполномочены на этой почве вести переговоры, и удалились.

Легко понять, как глубоко был потрясен Митрополит докладом своих представителей. Было ясно, что все его планы и надежды рушились. Однако, он не мог так легко расстаться с тем, что уже считал достигнутым. Он отправил в Помгол вторичное письменное заявление, в котором ссылался на состоявшееся уже соглашение и вновь перечислял свои предложения, настаивая на них и указывая, что, вне этого порядка действий, он не видит возможности не только способствовать умиротворению масс, но даже благословить верующих на какое-либо содействие изъятию. На это заявление никакого ответа не последовало. Всякие переговоры были прекращены. Чувствовалось приближение какой-то грозы. Между тем, кое где в Петрограде уже начались описи и изъятия, — по преимуществу в небольших церквях. Особо острых столкновений, однако, не было. Вокруг церквей собирались, обыкновенно, толпы народа, они негодовали, роптали, кричали по адресу членов советских комиссий и «изменников»-священников бранные слова; изредка имели место оскорбления действием, наносили побои агентам милиции, бросали камнями в членов комиссии, но, все таки ничего особого серьезного не случилось. Самые «возмущения» не выходили за пределы обычных нарушений общественной тишины и порядка, которые, в прежнее время, были бы подсудны мировому суду. В данном случае, власти тоже, по-видимому, не думали пока о муссировании этих событий. Составлялись протоколы, которые направлялись «по подсудности» в народные суды; этим ограничивалось.

Но в ближайшие дни предстояло изъятие ценностей из главнейших храмов. Многие заставляло думать, что тут не обойдется так благополучно. Власти готовили какие-то особые меры. Население глухо волновалось.

III.

В эти же дни произошли события, оказавшие решительное и неожиданное влияние не только на изъятие ценностей и на судьбу Митрополита, но и на положение всей Русской Церкви. События эти послужили тем зародышем, из которого в ближайшие недели выросла так называемая, «живая церковь».

В те дни никто еще не предвидел возникновения раскола среди духовенства. Наблюдались, конечно, разногласия, чувствовалось, что среди духовенства есть элементы авантюрного характера, склонные передаться на сторону власти, но они казались слабыми и невлиятельными, что серьезного значения им не придавали. Наоборот, казалось, что преследования со стороны власти объединили духовенство, и что отдельные выступления каких бы то ни было групп немыслимы. Да и повода к этому не было. Духовенство держало себя пассивно, — если угодно, даже «лояльно». Для раскола, нужен был, если не повод, то предлог, и, притом, демагогического характера.

Этот предлог был найден, не без усиленного подстрекательства, разумеется, со стороны большевиков. Наступившая заминка, после сорванного соглашения по вопросу об изъятии, давала возможность фрондирующей, недовольной части духовенства выступить под флагом необходимости в безотлагательной помощи голодающим.

24-го марта 1922 года в петроградской «Правде» появилось письмо за подписью 12 лиц, среди которых мы находим большую часть будущих столпов «живой церкви», священников: Красницкого, Введенского, Белкова, Боярского и других. Авторы письма решительно отмежевывались от прочего духовенства, укоряли его в контрреволюционности, в игре в политику в народном голоде, требовали немедленной и безусловной отдачи советской власти всех церковных ценностей и т. д. Надо, однако, сказать, что, несмотря на вызывающий тон письма, авторы его не могли не признать (такова была сила правды), что следовало бы, все-таки, во избежание оскорбления религиозных чувств православного населения, чтобы в контроле участвовали представители верующих. Нужно также заметить, что в числе подписавших были лица, просто, не дальновидные, увлеченные своими товарищами-политиканами и впоследствии глубоко раскаивавшиеся в подписании означенного письма.

Власть торжествовала. Раскол был налицо. Нужно было только всячески его раздувать и углублять, а на это большевики мастера.

Петроградское духовенство было невероятно поражено и возмущено письмом 12-ти, в котором оно совершенно основательно усматривало все признаки политического доноса. На состоявшемся многолюдном собрании духовенства, авторам письма пришлось выдержать жестокий натиск. Главным защитником выступления 12-ти был Введенский, произнесший речь чрезвычайно наглую и угрожающую. Ясно было, что он уже чувствует за собой могущественную «заручку» и на нее уповает.

Митрополит, со свойственной ему кротостью, прекратил эту угнетающую сцену и постарался утишить разбушевавшиеся страсти. Для него самое главное сводилось к тому, чтобы предотвратить кровавые столкновения между верующими и агентами власти. Медлить нельзя было. Положение становилось все более напряженным. Было решено вступить в новые переговоры с властью и, по настоянию Митрополита, задача эта была возложена на Введенского и Боярского, как на лиц, перешедших на положение благопричастствуемых властью.

Последствия оправдали этот выбор. Новые посланцы быстро уладили дело. Между Митрополитом и петроградским советом состоялось формальное соглашение, изложенное в ряде пунктов и напечатанное в «Правде» в начале апреля. Кое-каких уступок от власти, все-таки, удалось добиться. Самое существенное было то, что верующим предоставлялось заменять подлежащие изъятию церковные предметы другим равноценным имуществом. Митрополит, со своей стороны, обязался обратиться к верующим с соответствующим воззванием, которое и было напечатано в том же номере газеты. В этом воззвании Владыка, не отступая от своей принципиальной точки зрения, умолял верующих не сопротивляться, даже в случае применения насильственного способа изъятия, и подчиниться силе.

Казалось бы, с этого момента, все споры и недоразумения на этой почве между духовенством и властью следовало считать законченными. Изъятие продолжалось с большой интенсивностью. Серьезных препятствий действия власти, по-прежнему, не встречали, если не считать отдельных случаев народных скоплений, оскорблений агентов власти и т. п. сравнительных мелочей. В конце концов, изъятие было произведено всюду с таким успехом, что сам глава местной милиции вынужден был констатировать в официальном донесении, блестящее и сравнительно вполне спокойное проведение кампании (само собою разумеется, что это донесение было сделано тогда, когда возбуждение дела против Митрополита еще не предвиделось).

Но грянул гром с совершенно другой стороны.

IV.

Введенский, Белков, Красницкий (выдвинувшиеся скоро вперед, как фактический глава и организатор живо-церковного движения) и, иже с ними, не могли и не желали останавливаться на сделанном им шаге. Благодаря содействию и подстрекательству сов. власти, перед ними открывалась новая грандиозная перспектива: захватить в свои руки церковную власть и пользоваться ею по своему усмотрению, под крылышком благосклонного большевистского правительства.

В начале мая в Петрограде разнеслась весть о церковном перевороте, произведенном означенной группой, об устранении патриарха Тихона от власти и т. д. Точных сведений еще никто, впрочем, не имел.

Введенский, явившийся после переворота из Москвы в Петроград к Митрополиту, заявил ему об образовании нового верховного церковного управления и о назначении его, Введенского, делегатом от этого управления по Петроградской епархии.

В ответ на это со стороны Митрополита последовал шаг, которого, вероятно, никто не ожидал, памятуя удивительную душевную мягкость и кротость Владыки. Но, всему есть пределы, Митрополит мог проявить величайшую уступчивость, пока речь шла только о церковных ценностях. Цель изъятия и, с другой стороны, опасность, угрожавшая верующим, оправдывали такую линию поведения. Теперь, лицом к лицу с одним из узурпаторов церковной власти, Митрополит не только разумом, но всем инстинктом искренне и глубоко верующего христианина сразу понял, что дело идет уже не об «освященных сосудах». Волна мятежа подступает уже к самой Церкви. В этот роковой момент он осознал свою огромную ответственность и властно заявил Введенскому: «Нет, на это я не пойду».

Но Митрополит этим не ограничился.

На другой же день состоялось постановление Владыки, по смыслу которого Введенский был объявлен находящимся «вне Православной Церкви», — с указанием всех мотивов этого постановления. Впрочем, кротость Владыки сказалась и тут. В постановлении был указан его временный характер, — «пока Введенский не признает своего заблуждения и не откажется от него».

Постановление, напечатанное немедленно в советских газетах, вызвало изумление и ярость со стороны большевиков. В первую минуту

озлобление было так велико, что большевики совсем забыли о неоднократно провозглашенном ими принципе «невмешательства» в церковную жизнь. Заголовки газет запе-

стрели истерическими аншлагами вроде того, что «митрополит Вениамин осмелился отлучить от Церкви священника Введенского. Меч пролетариата тяжело обрушится на голову Митрополита». Нечего и говорить, что все эти бешенные выкрики выдавали, окончательно и официально, закулисное доселе участие большевиков в живоцерковной интриге (о чем, впрочем, все и без того догадывались).

Однако, после бешенных атак первых дней, наступило некоторое раздумье. Обаяние Митрополита среди верующих было очень велико. Отлучение Введенского не могло не произвести на них огромного впечатления. Физически уничтожить Митрополита было нетрудно, но возведенное им постановление пережило бы его и могло создать серьезные последствия, угрожавшие в зародыше раздавить новую «революционную церковь». Решили, поэтому, испробовать другой путь — путь угроз и компромиссов.

Через несколько дней после отлучения к Митрополиту явился Введенский в сопровождении бывшего председателя петроградской ЧЕК'а, а затем петроградского коменданта Бакаева, который с этой должностью совмещал должность чего-то вроде «обер-прокурора» при вновь образовавшемся «революционном епархиальном управлении». Введенский и Бакаев предъявили Митрополиту ультиматум. Либо он отменит свое постановление о Введенском, либо против него и ряда духовных лиц будет — на почве изъятия церковных ценностей — создан процесс, в результате которого погибнут и он, и наиболее близкие ему лица.

Митрополит спокойно выслушал предложение и ответил немедленным и категорическим отказом. Введенский и Бакаев удалились, осыпав Митрополита рядом яростных угроз.

Митрополит ясно понимал, что эти угрозы не тщетны, и что с того момента, как он стал поперек дороги власти в ее начинаниях, по поводу образования революционной церкви, — он обречен на смерть. Но сойти с избранного им пути он не мог и не желал.

Предчувствуя, что через короткое время ему придется вступить на свой многострадальный путь, он приготовился к ожидавшей его участи, отдал наиболее важные распоряжения по епархии, повидался со своими друзьями и простился с ними.

Предчувствия не обманули Митрополита. Через несколько дней вернувшись откуда-то в лавру, он застал у себя «гостей»: следователя, многочисленных агентов ЧЕК'а и стражу. У него произвели долгий, тщательный и, понятно, безрезультатный обыск. Затем ему было объявлено, что против него и других лиц

36

возбуждено дело о сопротивлении изъятию церковных ценностей, и что он будет находится под домашним арестом. Этот льготный арест продолжался недолго, — 2 или 3 дня, по истечении которых Митрополита увезли в дом предварительного заключения, где он находился все дальнейшее время до своей мученической кончины.

V.

Дело покатилося по заранее уготовленным рельсам советского правосудия.

Кроме Митрополита к делу привлечены были: большинство членов правления общества православных приходов, настоятели некоторых церквей, члены разных причтов и, просто, люди, попавшиеся во время уличных беспорядков при изъятии ценностей, — всего 86 человек, большинство которых было посажено под стражу.

Этот монстр-процесс возбудил огромное волнение в городе. Много сотен лиц — семьи обвиняемых, их друзья — стали судорожно метаться по всему городу, хлопоча об освобождении заключенных и спеша запастись защитниками.

Надлежало в первую очередь, разрешить крайне важный вопрос о защите самого Митрополита. Существовавшая тогда еще легальная организация Красного Креста (имевшая целью помогать политическим заключенным) и разные другие общественные кружки и организации, считали желательным, чтобы защиту Митрополита взял на себя бывший

прис. поверенный Я. С. Гурович, который с момента прихода большевиков к власти, оставил адвокатуру и никогда в советских судах не выступал. Было ясно, тем не менее, что такое отношение Гуровича к советской юстиции не могло быть применено к данному делу, в виду его крупного исторического значения для русской церкви и страны. Так смотрел на этот вопрос и сам Гурович, просивший, однако, обсудить другое тактическое препятствие, вытекавшее из его еврейского происхождения. Защита Митрополита, несомненно, весьма тяжелая и ответственная задача. В таком деле, и при такой обстановке, возможны, со стороны защиты, промахи и неудачи, от которых никто не застрахован. Но, если они постигнут чисто русского человека, никто его в них не упрекнет, тогда как еврей защитник, при всей его добросовестности, может сделаться мишенью для нападок со стороны групп и лиц, антисемитически настроенных.

Все эти переговоры и сомнения были разрешены неожиданно быстро тем, что сам Митрополит обратился из своего заточе-

37

ния к Гуровичу с просьбой взять в свои руки его защиту, не колеблясь и не сомневаясь, ибо он, владыка, ему безусловно доверяет. Все вопросы были исчерпаны этим заявлением, и Гурович немедленно принял на себя защиту.

Дело началось в субботу 10 июня 1922 года.

Заседания петроградского революционного трибунала происходили в зале филармонии (бывшем Дворянском Собрании), на углу Михайловской и Итальянской улиц.

В этот день, с раннего утра, густая толпа народа запрудила Михайловскую и Итальянскую улицы, а также прилегавшую к последней часть Невского проспекта. Несколько десятков тысяч человек стояли здесь в течении ряда часов в ожидании доставления подсудимых, в особенности же Митрополита, в трибунал. Стояли недвижимо, в благоговейной тишине. Милиция не решалась разогнать это странное молчаливое сборище: слишком уже оно импонировало. Наконец показалась карета, в которой везли Митрополита под эскортом конных стражников. Толпа загудела, почти все опустили на колени и запели: «Спаси, Господи, люди твоя». Митрополит благословлял народ из окна кареты; почти у всех на глазах были слезы.

VI.

Прежде чем приступить к краткому изложению самого процесса, мы считаем не лишним охарактеризовать главных действующих лиц в нем.

Характеристика Митрополита нами уже дана. Каким он был на митрополичьей кафедре, таким сел и на роковую скамью большевистского суда, — простой, спокойный, благостный. Само собой понятно, что он был центром всего громадного процесса. На нем сосредотачивалось все внимание и врагов, и обожавшей его верующей массы, заполнявшей, поскольку ее допускали, зал заседания, и прочей публики, не верующей или инако верующей, но относившейся, в общем, в течение всего процесса, к Митрополиту с исключительным сочувствием, как к явной и заранее обреченной жертве большевиков (из этого числа мы исключаем тех «посетителей» — красноармейцев, представителей завкомов и коммунистических ячеек — которые направлялись предусмотрительно властью в большом количестве «по нарядам» в трибунал для того, чтобы создать соответствующее видам власти настроение).

Другая замечательная личность в процессе, вслед за Митрополитом, обращавшая на себя значительное внимание, это архимандрит Сергей (в мире бывший член Государственной Думы

В. П. Шеин). Большое сходство и, в то же время, яркий контраст с Митрополитом. Сходство — в глубокой вере и готовности за нее пострадать; разница — в характерах и в темпераментах. Митрополит не боялся смерти, он и не искал ее: он спокойно шел на встречу ожидавшей его участи, отдавшись на волю Божию. О. Сергей, как бы, желал «пострадать за веру». Отсюда его пламенные, вдохновенные речи на суде, отличавшиеся от спокойных и сжатых объяснений и ответов Владыки на суде. Старый политический боец чувствовался еще в отце Сергии. Нечто, бесконечно возвышавшееся над политикой, пронизало всю личность Митрополита. Мученик первых веков христианства, в мучениях радостно-торжествующий над изумленными палачами и — благостный, спокойный, живущий вдали от мира, весь в созерцании и молитве, святой отшельник той же эпохи — воплощением таких двух образов седой старины казались отец Сергей и Митрополит.

Председатель Правления О-ва объединенных петроградских православных приходов, профессор Петроградского Университета Ю. Л.

Новицкий — спокойный, ясный и твердый в своих объяснениях и бывш. присяж. повер. И. М. Ковшаров, заранее покорившийся своей участи, смело глядевший в лицо своим «судьям» и не скупившийся на полные горького сарказма выпады — таковы остальные две жертвы из тех четырех, которые были обречены на смерть ради вящего торжества советской власти и укрепления нарождавшейся «Живой церкви» ...

Кроме Митрополита, были привлечены к делу: епископ Венедикт, настоятели почти всех главных петроградских соборов, профессора Духовной Академии, Богословского института и университета, студенты и т. д. Остальная (большая) часть подсудимых состояла из людей «разного чина и звания», более или менее случайно захваченных неводом милиции при уличных беспорядках во время изъятий. Тут были женщины, старики и подростки; был какой-то карлик с пронзительным голосом, вносящий комическую ноту в тяжелые переживания процесса; была фельдшерица, обвинявшаяся в «контрреволюционной» истерике, в которую она впала, находясь в церкви во время нашествия советской комиссии; был даже какой-то перс, чистильщик сапог, магометанин, не понимавший, как оказалось, по-русски, — все же привлеченный за «сопротивление изъятию церковных ценностей», — и т. д... Словом, эта часть подсудимых представляла собой обыкновенный, весьма случайный по составу, осколок пестрой уличной толпы... Очевидно было, что никто и

не думал делать сколько-нибудь тщательный отбор подсудимых. Некогда было...

Зал заседания огромен; он вмещает, считая с хорами, около 2500-3000 человек. И, тем не менее, во время процесса, он всегда был переполнен. Можно сказать, что за несколько недель разбора дела, значительная часть петроградского населения прошла через этот зал. Ничто не останавливало притока публики: ни утомительная подчас монотонность судебного следствия, ни облава, устроенная на второй же день процесса перед зданием филармонии и захватившая несколько сот человек (из публики, ожидавшей открытия заседания), которые оставались арестованными вплоть до самого окончания дела, — ни, наконец, риски и опасности, ожидавшие публику в самом зале.

Здесь неоднократно производились аресты — лиц, якобы, манифестировавших в пользу подсудимых (демонстрации в пользу обвинения встречались, понятно, очень благосклонно). Хозяевами в зале

были, собственно, «командированные» посетители. Их всегда было очень много. Остальная публика сидела, обыкновенно, молчаливая, приниженная, только тоскливыми лицами, да не всегда сдерживаемыми слезами, выдавая свое глубокое затаенное волнение.

«Введите подсудимых», — распорядился председатель.

Среди мертвой тишины из самого отдаленного угла зала показалась процессия. Впереди шел Митрополит, в своем облачении, с посохом в руке. За ним — епископ Венедикт. Далее — прочие духовные лица, а за ними остальные подсудимые.

Публика, завидев Митрополита, встала. Митрополит благословил присутствовавших и сел.

Начался бесконечно утомительный формальный опрос подсудимых (имена, фамилии, возраст, судимость и т. д.), занявший весь день.

К чтению обвинительного акта было приступлено лишь в понедельник, 12 июня.

Каким образом большевики создали обвинение против Митрополита и др. обвиняемых. Очень просто. В их распоряжении были десятки отдельных производств, возникших по поводу отдельных же эпизодов, имевших место при изъятии ценностей в разных петроградских церквях и в различное время. По возникновении надобности в создании данного дела — все эти производства «сшили» в единое целое (в переплетном смысле), и все события, в них изложенные, были объявлены результатом злонамеренного подстрекательства со стороны «преступного общества», состоявшего из Митрополита и др. лиц, —

главным образом, членов Правления О-ва петроградских православных приходов.

Обвинительной формулой Митрополиту вменялось в вину то, а) что он вступил в сношения и переговоры с сов. властью в Петрограде, имевшее целью добиться аннулирования или смягчения декретов об изъятии церковных ценностей, б) что он и его сообщники находились при этом в сговоре со всемирной буржуазией и в) что, как средство для возбуждения верующих против сов. власти, те-же обвиняемые избрали... распространение

среди населения копий заявлений (указанных выше), Митрополита в Комиссию Помгола.

Эта формулировка сама за себя говорит. Достаточно обратить внимание на то, что объявляется преступным факт вступления в переговоры с сов. властью, — переговоры, к тому же возникшие по ее же инициативе и закончившиеся соглашением.

По оглашении обв. акта трибунал перешел к допросу подсудимых по существу предъявленного к ним обвинения.

Первым был подвергнут допросу Митрополит.

В течении ряда часов (12 и 13 июня) обвинители и судьи осыпали его вопросами, на которые он, абсолютно не волнуясь и ни на миг не теряясь, давал своим ясным, спокойным голосом короткие, категорические, исчерпывающие и не допускающие разнотолкования ответы.

Допрос Митрополита велся, главным образом, в трех направлениях: а) в отношении Митрополита к постановлениям Карловацкого Собора (об этих постановлениях, вообще, говорилось в процессе очень много, — едва ли не больше, чем о самом изъятии); б) об отношении Митрополита к декретам об изъятии церковных ценностей и в) об упомянутых выше двух заявлениях Митрополита в Помгол.

По первому вопросу Митрополит ответил, что постановления Карловацкого Собора ему неизвестны, — ни официально, ни приватно.

По второму вопросу Митрополит заявил, что он считал и считает необходимым отдать все церковные ценности для спасения голодающих. Но он не мог и не может благословить такой способ изъятия ценностей, который, с точки зрения всякого христианина, является очевидным кошунством.

Но центр тяжести — в отношении личной ответственности Митрополита — заключался в 3-м вопросе. От него домогались неустанно указаний — путем разнообразнейших и коварнейших вопросов — кто, в действительности, был вдохновителем или редактором заявлений, поданных в Помгол. Ему весьма прозрач-

но внушалось, что назови он «редакторов» или даже отрекись только от содержания своих заявлений, — и он будет спасен.

Мы склонны думать, что эти соблазнительные внушения были, в известной степени, искренними. Большевики отнюдь не стремились во что бы то ни стало убить Митрополита. Они даже наверно предпочли бы уничтожить его морально. Митрополит, расстрелянный за стойкость своих убеждений, — это имело-бы свои «неудобства». Наоборот, Митрополит, раскаявшийся, приведенный к повиновению, униженный, морально развенчанный и «милостиво» пощажженный — такой результат был бы гораздо заманчивее и для сов. власти, и, тем паче, для стоявшей за ее спиною в этом деле «живой церкви».

Это было настолько очевидно, что и участники процесса, и даже публика как-то особенно настораживались каждый раз, когда Митрополиту предлагались вопросы по этому предмету. Что сов. власть ведет здесь «игру» на жизнь или смерть, — это сквозило и в тоне, и в редакции вопросов. Но, увы, в этой игре у сов. власти не оказалось партнера. Митрополит, как бы не замечал протягиваемых ему «спасательных кругов» и, глядя прямо в лицо трибуналу, твердо и неизменно отвечал: «я один, совершенно самостоятельно, обдумал, написал и отправил свои заявления. Да, впрочем, я и не потерпел бы ничего вмешательства в решение таких вопросов, которые подлежали, исключительно, моему ведению, как архипастыря». При этих ответах в голосе Митрополита замечался даже некоторый оттенок властности, — вообще, ему совершенно несвойственный.

После этого — для него лично все было кончено. Предстоявшая ему участь окончательно определилась. Всем присутствующим было ясно величие души этого человека, который своей монашеской рысью, своим собственным телом закрыл от большевиков своих товарищей по несчастью.

Митрополиту было объявлено, что допрос его окончен. С тем же невозмутимым спокойствием, со светлой улыбкой на устах, Митрополит, среди вздохов и сдержанных рыданий в публике, — возвратился на свое место.

Нужно отметить, что один лишь обвинитель Смирнов пробовал (в начале допроса) держаться свойственного ему издевательского тона в отношении Митрополита.

Со стороны защитника Гуровича не замедлил, однако, последовать резкий протест по этому поводу. Защитник заявил и Смирнову, и трибуналу, что каковы бы ни были их личные верования и убеждения, никто не имеет права так третировать человека, к которому питает благоговейное уважение все население

Петрограда. «Мы знаем, что вы можете расстрелять Митрополита, — сказал защитник, — но вы не можете ни оскорблять Митрополита, ни допускать этих оскорблений, и всякий раз, как это случится, защита будет неустанно протестовать».

Протест защиты был поддержан аплодисментами публики. Председатель трибунала грубо оборвал публику, но, очевидно, какие-то закулисные меры внушения были кем то, власть имеющим, приняты в отношении Смирнова. По крайней мере последний, в дальнейшем допросе Владыки, держал уже себя — со стороны формы — сравнительно прилично.

Неизгладимое впечатление оставил также допрос архим. Сергия. Звучным, решительным голосом отвечал он на сыпавшиеся на него, как из рога изобилия, вопросы. Он не позволял «допросчикам» злоупотреблять своим положением. Система допроса в сов. суде заключается, между прочим, в том, — чтобы по одному и тому же предмету предлагать бесконечно повторявшиеся вопросы, слегка варьируя форму их. Грубый прием, рассчитанный на то, чтобы легче «сбить» допрашиваемого. О. Сергей неумолимо пресекал эти попытки, заявляя резко и определенно: «я уже на этот вопрос ответил и повторять свои ответы не желаю». Он не допускал со стороны трибунала и обвинителей обычного издевательского тона в отношении допрашиваемого. Так, Смирнов, поставив сначала о. Сергию ряд вопросов о его происхождении, воспитании и прошлой деятельности, — обратился к нему напоследок с вопросом: «Как же Вы оказались в монахах, по убеждению?». О. Сергей выпрямился во весь свой высокий рост, оглядел Смирнова с ног до головы уничтожающим взглядом и бросил ему в ответ: «Послушайте, Вы по-видимому, не понимаете оскорбительности Вашего вопроса. Я Вам отвечать не буду».

Архимандрит Сергей был привлечен к делу в качестве одного из товарищей председателя злополучного общества петроградских православных приходов. Он отрицал (и это вполне соответствовало действительности) утверждение, будто бы, Правление занималось политикой: лично же себя объявлял совершенно солидарным с Митрополитом.

Председатель того же правления, проф. Ю. П. Новицкий, в своих объяснениях подробно охарактеризовал деятельность правления, доказав рядом неопровержимых данных, что деятельность эта вращалась, исключительно, в круге вопросов церковно-приходского быта.

Бывший юрисконсульт Лавры, И. М. Ковшаров, с первой же минуты процесса, ясно предвидевший его неизбежный финал,

43

— давал на поставленные ему вопросы хладнокровные, меткие по смыслу и часто едкие по форме ответы.

Не будем подробно говорить о поведении остальных подсудимых (надо думать и поныне здравствующих в сов. России) во время их допроса. Достаточно сказать, что духовенство и, вообще, интеллигентская часть подсудимых, в общем, держали себя спокойно, без того панического заискивания, которое часто наблюдается со стороны обвиняемых в сов. трибуналах. Случаев оговоров или инсинуаций по адресу других лиц с целью смягчить свою собственную ответственность не было. Многие держали себя с большим достоинством; некоторые — героически, открыто исповедуя свою солидарность с точкой зрения Митрополита.

VII.

Допрос подсудимых, продолжавшийся без малого 2 недели наконец окончен.

Трибунал переходит к допросу свидетелей.

Главнейший и интереснейший из них, Введенский, — волей судеб не мог быть допрошен. На второй же день процесса, при выходе из зала заседания на улицу, какая-то пожилая женщина швырнула в Введенского камнем, чем причинила ему поранение головы. Была-ли эта рана, действительно, серьезной, или же Введенский использовал этот случай, чтобы уклониться от дачи в трибунале свидетельского показания — решить трудно. Во всяком случае, Введенский, «по болезни», больше в трибунал не являлся. Обвинение заменило его другим, «равноценным», свидетелем, Красницким.

Первым допрашивался член Помгола, он же «ректор университета, имени Зиновьева», Канатчиков. Этот «ученый» в опровержение всего, что было признано даже в обвинительном акте, — заявил совершенно неожиданно, что Помгол никогда ни на какие переговоры и компромиссы не шел, и что предложения Митрополита сформулированные в его заявлениях,

были с самого начала отвергнуты. Когда же защитник Гурович предъявил ему его собственное предшествующее показание (прямо обратное, по содержанию, тому, что свидетель только что заявил), — Канатчиков, не смущаясь, объяснил, что у него «странно устроенная память: он, свидетель, человек — схематических построений; отдельных же фактов он никогда не помнит». Это оригинальное заявление, по требованию защитника, вносится целиком в протокол заседания.

Затем, в зал был введен свидетель Красницкий.

44

Высокий, худой, лысый, с бледным лицом, с тонкими бескровными губами, еще не старый человек (лет 40-45), в священнической рясе, — решительными шагами, с вызывающим видом подошел к своему месту и начал свое «показание». И с каждым словом, с каждым звуком этого мерного, спокойного, резко-металлического голоса, над головами подсудимых все более сгущалась смертная тьма. Роль свидетеля была ясна. Это был очевидный «судебный убийца», имевший своей задачей заполнить злостными инсинуациями и заведомо ложными обобщениями ту пустоту, которая зияла в деле на месте доказательств. И надо сказать, что эту свою роль свидетель выполнил чрезвычайно старательно. Слова, исходившие из его змеевидных уст, были настоящей петлей, которую этот человек в рясе и с наперсным крестом, поочередно набрасывал на шею каждого из подсудимых. Ложь, сплетня, безответственные, но ядовитые характеристики обвинения в контрреволюционных замыслах — все это было пущено в ход столпом «живой церкви».

Фигуры членов трибунала и самых обвинителей померкли на время пред Красницким. Так даже их превосходил он в своем стремлении погубить подсудимых. Какое-то перевоплощение Иуды... Как-то жутко и душно становилось в зале... Все — до трибунала и обвинителей включительно — опустили головы... Всем было не по себе.

Наконец, эта своего рода пытка окончилась. Красницкий сказал все, что считал нужным. Ни трибунал, ни обвинители — редкий случай — не поставили ему ни одного вопроса. Всем хотелось поскорее избавиться от присутствия этой кошмарной фигуры, — свободнее вздохнуть.

Но раздался голос защитника Гуровича. «Я желаю предложить несколько вопросов свидетелю Красницкому». Вооружившись кипой газет, оказавшихся «Епархиальными Ведомостями» за 1917 и 1918 годы, —

защитник спросил Красницкого, он ли является автором многих статей, напечатанных тогда в «Епархиальных Ведомостях» за подписью Красницкого и призывавших к возмущению против большевиков, чуть ли не к истреблению их.

Красницкий признал себя автором этих статей и собирался уже дать какие-то объяснения по поводу своей политической «метаморфозы», но был прерван председателем, нашедшим (немного поздно), что «все это не имеет отношения к делу». Тем не менее, защите удавалось еще раз осветить, с той же стороны, личность Красницкого. Воспользовавшись тем, что он очень много распространялся о «контрреволюционной кадетской пар-

45

тии», обвиняя чуть ли не все петроградское духовенство в «кадетизме», — защита предложила свидетелю вопрос, в чем-же, по его мнению, сущность политической программы кадетов. «Ведь вы разбираетесь в политических программах. Вы сами, ведь, принадлежали к одной партии. Вы, кажется, состояли членом Русского Собрания. — Да. — Не вы ли в декабре 1913 года читали в этом собрании доклад «об употреблении евреями христианской крови» — Да, успел еще ответить растерявшийся Красницкий. Председатель вновь поспешил прийти к нему на помощь запретом продолжать допрос в этом направлении. Но дело было уже сделано. Фигура политического ренегата и предателя была дорисована окончательно. Я. С. Гурович требует внесения всей этой части допроса в протокол. В публике — волнение и негодующие взгляды. Красницкий, бравируя, с усмешкой на бескровных устах, уходит.

Больше он в зале не появлялся.

Следующим был допрошен священник Боярский, один из подписавших указанное выше заявление в «Правде» от 24 марта и впоследствии (после процесса) присоединившийся к «Живой церкви».

Этот свидетель обманул ожидания обвинителей и трибунала. От него видимо ожидали показаний в роде данных Красницким, — но, вместо этого, он, представил трибуналу горячую апологию Митрополита, произведшую тем большее впечатление, что свидетель — опытный оратор и популярный проповедник. Трибунал и обвинители, не ожидавшие такого «сюриприза», не стеснялись проявлять в разных формах свое недовольство свидетелем, при постановке ему дополнительных вопросов, — но Боярский стойко держался на своей позиции.

Это недовольство перешло в нескрываемую ярость, когда следующий свидетель, проф. технологического института, Егоров, еще более усилил впечатление, произведенное предшествующим свидетелем, — выяснив во всех подробностях историю переговоров Митрополита с Помголом (Егоров был одним из представителей Митрополита) и в конце разрушил своим правдивым рассказом все выводы по сему предмету обвинительного акта.

Ожесточение обвинителей и трибунала было так велико, что председатель, резко оборвав свидетеля до окончания его показания, объявил совершенно неожиданно перерыв на несколько минут.

Люди, искушенные в таинствах советской юстиции, предрекли, что такой перерыв «не к добру» и что «что-то готовится».

46

Предсказания эти оправдались. Трибунал, минут через 10, возвратился и предоставил слово обвинителю Смирнову, который заявил, что, так как из показания Егорова с ясностью вытекает, что он — единомышленник и «пособник» Митрополита, то Смирнов предъявляет к свидетелю соответствующее обвинение, ходатайствуя о «приобщении» Егорова к числу подсудимых по данному делу и о немедленном заключении его под стражу.

Хотя все и ожидали «чего-то», но, все-таки, случившееся превзошло ожидания. В публике изумление и знаки негодования. Я. С. Гурович просит слова и, превратившись в защитника Егорова, произносит речь, смысл которой сводится к тому, что, в данном случае, налицо несомненная попытка со стороны обвинения терроризировать неудобных ему свидетелей, что во всем том, что сказал Егоров, нет никаких данных, которые могли бы быть обращены против него (да и сам обвинитель не указывает этих данных; настолько, по-видимому, он заранее уверен в успехе своего требования), и что согласие трибунала с предложением обвинителя будет, по существу, равносильно уничтожению элементарнейшего права подсудимых защищаться свидетельскими показаниями.

Трибунал удалился «на совещание» и, возвратившись через несколько минут, провозгласил резолюцию об удовлетворении предложения обвинителя, с тем, что о Егорове должно быть возбуждено особое дело. Егоров тут же был арестован.

Таково положение свидетеля в советской юстиции,

Легко себе представить, что пережили и почувствовали, узнав об этом инциденте, остальные свидетели той же группы, в особенности, вызванные по почину защиты. К счастью для них, трибунал «усек» список свидетелей, освободив этих лиц от допроса. Вместо них, потянулись нескончаемой вереницей, на ряд дней — милиционеры, агенты ЧЕКИ и т. п., свидетельствовавшие об обстоятельствах, при которых тот или иной подсудимый (главным образом, из числа уличных бунтарей) были задержаны.

VIII.

Обыкновенно, в сложных многодневных процессах, по окончании судебного следствия объявляется перерыв на день-два, чтобы дать сторонам возможность ориентироваться перед прениями в собранном ими материале и «собраться с мыслями». В данном случае, перерыв был, тем более, необходимым, что защита знакомилась впервые с делом лишь в заседаниях три-

47

бунала. Изучить заранее материалы следствия, представляющие ряд увесистых томов, не было ни возможности, ни времени. Окончание предварительного следствия, предание суду и назначение дела к разбору следовали с такой молниеносной быстротой, что защитники фактически были лишены всяких способов к заблаговременному ознакомлению с делом.

Но само собой разумеется, все это «буржуазные предрассудки». Трибунал, не смотря на протесты защиты, объявил, что через два часа будет приступлено к прениям.

Слово представляется обвинителям.

Вся суть поединка между обвинением и защитой заключалась в вопросе, можно ли, в настоящем случае, говорить о наличии «контрреволюционного сообщества». При удовлетворительном ответе на этот вопрос смертный приговор для главнейших подсудимых неминуем (62 ст. советского угол. кодекса); при отрицательном — кары свелись бы к долгосрочному тюремному заключению: говоря это мы имеем в виду спор, так сказать, академический; по существу, приговор, как водится, давно уже был предreshен, что было всем прекрасно известно.

«Вы спрашиваете, где мы усматриваем преступную организацию», воскликнул Красиков: «да ведь она пред вами. Эта организация — сама Православная Церковь, с ее строго установленной иерархией, ее принципом подчинения низших духовных лиц высшим и с ее нескрываемыми контрреволюционными поползновениями».

В течении почти 3 часов Смирнов с яростью, почти истерически, выкрикивал какие то отдельные слова, обрывки предложений, безграмотные, ничем не связанные. Единственное, что можно было понять, — это то, что он требует «16 голов». Когда он впервые выкрикнул это требование, зал огласился аплодисментами. Аплодировала, конечно, «командированная» публика, подкрепленная на сей случай несколькими сотнями красноармейцев, которые явились на это время со своим командным составом и заняли хоры.

Жалко было несчастных стенографисток, вынужденных записывать эту «кровавую белиберду».

После речи последнего обвинителя, начались речи защитников.

Первым из защитников говорил профессор А. А. Жижиленко, представивший в своей речи подробный анализ понятия о «преступном сообществе» и доказавший, что этот квалифицирующий признак совершенно отсутствует в настоящем деле.

Затем, слово перешло к защитнику Митрополита, Я. С. Гуровичу.

В начале своей речи Гурович указал, что обвинение пытается переместить центр тяжести настоящего дела в область всяких исторических, политических и иных экскурсов, не имеющих ничего общего с процессом. Эти выпады — безличные, безответственные — замаскировывают абсолютную пустоту обвинения в отношении конкретной ответственности лиц, посаженных на скамью подсудимых. Если защитник останавливается вкратце на этих «экскурсах», то только потому, что даже в них допущено столько вопиющих противоречий исторической истине, столько явных выдумок, что их нельзя не отметить.

Защитник представил затем краткий анализ приведенных обвинителями «историко-политических справок» о прошлой роли и значении русского православного духовенства и показал, что все они отличаются, частью и в лучшем случае, тенденциозными преувеличениями, а в остальном явным искажением истины.

Как яркий пример бесцеремонного обращения обвинителей с историей (и, притом, недавнего времени), — Гурович указал ссылку обвинения на Бейлисовский процесс, в создании которого Красиков решился обвинить... русское православное духовенство. Более вопиющее измышление трудно себе даже представить. Всем известно, что русское духовенство не только не принимало участия в создании злополучного дела Бейлиса, — но, наоборот, лучшие и учнейшие его представители боролись против кровавого навета на евреев. Тогдашняя юстиция долго металась в безнадежных поисках «благоприятного» эксперта в среде православного духовенства. Никто из них на эту роль не шел. Пришлось удовлетвориться пресловутым католическим ксендзом Пранайтисом, откопанным где-то в глубине Сибири и не поддержанным своими же единоверцами.

Мало того, православное духовенство открыто боролось с антисемитской демагогией в деле Бейлиса. Из той самой петроградской духовной академии, питомцы и профессора которой ныне сидят на скамье подсудимых, явился на киевский процесс один из виднейших ученых, профессор Троицкий. Он понес долгий, бескорыстный и самоответственный труд по разоблачению той многовековой, кровавой легенды, на которой был построен процесс Бейлиса. Благодаря, в значительной степени, его мужественной борьбе за истину, Россия не была опозорена обв. приговором по делу Бейлиса. И после всего этого, обвинение позволяет себе укорять русское православное духовенство в создании Бейлисовского процесса.

49

— «Я счастлив», сказал защитник, «что в этот исторический глубоко скорбный для русского духовенства момент я, еврей, могу засвидетельствовать перед всем миром то чувство искренней благодарности, которую питает — я уверен в этом — весь еврейский народ к русскому православному духовенству за проявленное им в свое время отношение к делу Бейлиса».

Среди обвиняемых сильное волнение. Привлеченные к делу профессора дух. академии и многие из обвиняемых духовных лиц не могут сдерживать слезы.

После некоторого перерыва защитник продолжал свою речь.

Он объявил, что отныне защита строго замкнется в рамки дела, дабы не дать возможности обвинению искусственными приемами прикрыть полную фактическую необоснованность данного процесса

Охарактеризовав самую «технику» создания настоящего дела посредством чисто механического соединения отдельных производств и протоколов, ни по содержанию, ни по времени событий, не имеющих ничего общего, Гурович восстановил со всеми подробностями историю возникновения дела.

Он обрисовал все прошлое Митрополита, указав на те черты его характера и деятельности, которые уже известны читателям. «Одна из местных газет, — сказал он, между прочим, — выразилась о Митрополите (по-видимому, желая его уязвить), что он производит впечатление «обыкновенного сельского попа». В этих словах есть правда. Митрополит совсем не великолепный «князь церкви», каким его усиленно желает изобразить обвинение. Он смиренный, простой, кроткий пастырь верующих душ, но, в этой его простоте и смирении — его огромная моральная сила, его неотразимое обаяние. Пред нравственной красотой, этой ясной души, не могут не преклониться даже его враги. Допрос его трибуналом у всех в памяти. Ни для кого не секрет, что в сущности, в тяжелые часы этого допроса, дальнейшая участь Митрополита зависела от него самого. Стоило ему чуть-чуть поддаться соблазну, признать хоть немного из того, что так жаждало установить обвинение, и Митрополит был бы спасен. Он не пошел на это. Спокойно, без вызова, без рисовки он отказался от такого спасения. Многие ли из здесь присутствующих — я говорю, конечно, и о людях на него нападающих — способны на такой подвиг. Вы можете уничтожить Митрополита, но не в ваших силах отказать ему в мужестве и высоком благородстве мысли и поступков».

Далее, Гурович очертил деятельность петроградского О-ва православных приходов, положение местного духовенства, настроение верующих масс... Особенно подробно остановился защитник на главарях «живой церкви», в которых он усматривал истинных виновников и творцов настоящего дела. Он предсказывал, что советская власть рано или поздно разочаруется в этих — ныне пользующихся усиленным фавором — людях. Создаваемая ими «секта» не будет иметь успеха — это можно сказать наверно. Слабость ее не только в отсутствии каких-либо корней в верующем

населении и не в неприемлемости тех или иных ее тезисов. В истории бывали примеры, что и безумные, в сущности, идеи и секты имели успех, иногда даже продолжительный. Но для этого необходимо одно условие. «Секта всегда представляет в начале своего возникновения, оппозицию, меньшинство, и притом, гонимое большинством. Героическое сопротивление большинству, власти, насилию, часто увлекает массы на сторону сектантов, «бунтарей». В настоящем случае, далеко не то. За «живую церковь» стоит, очевидно для всех, гражданская, советская власть со всеми имеющимися в ее распоряжении скорпионами и принудительными аппаратами. Принуждение не создает и не уничтожает убеждений. «Церковная революция», происшедшая с разрешения и при благоволении атеистического «начальства», искренних христиан, даже из фрондирующих, привлечь не может. Народ может еще поверить богатому и властному Савлу, после того как он, превратившись в Павла, по своей охоте, променяет свое богатство и положение на рубище нищего, на тюрьму и муки гонения. Обратные превращения не только не создают популярности, но заклеиваются соответствующим образом. Люди, ушедшие из стана погибающих в лагерь ликующих, да еще готовящие узы и смерть своим недавним братьям, — кто пойдет за ними из истинно верующих.

Нет, не сбудутся ожидания, возлагаемые сов. властью на нового «союзника».

Обращаясь к самой постановке обвинения, защитник находил, что таковая не заслуживает серьезной критики. Формулировка обвинения была бы прямо анекдотичной, если бы за ней не вырисовывались трагические перспективы. Митрополиту вменяют в вину факт ведения им переговоров с сов. властью, на предмет «отмены или смягчения декретов об изъятии церковных ценностей». Но, если это — преступление, то подумали ли обвинители, какую они роль должны отнести при этом петроградскому совету, по почину которого эти переговоры начались, по желанию которого продолжались и к удовольствию коего закончились.

Как обстоит дело в отношении доказательств. Было бы разумеется совершенно нелепо говорить о доказательствах той сплошной фантастики, которой переполнены и обв. акт, и речи обвинителей, по поводу «всемирного заговора» с участием в нем Митрополита и др. подсудимых. Впрочем, не больше доказательств и в другой, стремящейся быть конкретной, части обвинения, — относящейся к возбуждению, будто бы, Митрополитом верующего населения против сов. власти.

В чем усматриваются доказательства этого деяния. Единственно в том, что, будто, Митрополит через близких ему лиц, распространял в народе переписанные на пишущей машинке копии своих заявлений в Помгол.

Защита отрицает самый факт подобного распространения. Нет надобности говорить о том, что ни по форме, ни по содержанию, означенные заявления совершенно не соответствуют понятию о воззваниях духовного пастыря к пастве. Но, независимо от этого, против этого обвинения — неумолимая действительность и логика событий. Защита представила ряд номеров сов. газет, из которых видно, что еще до изъятия, а также и во время такового, заявления Митрополита в Помгол неоднократно оглашались сов. печатью. Следовательно, сама же сов. печать способствовала тому, что десятки тысяч экземпляров заявлений Митрополита проникли в народные массы. Какое же значение и цель — сравнительно с таким массовым распространением — могли иметь несколько десятков копий, сделанных на пишущей машинке (самое большое 100-150 копий, по предположению обвинения). При данных обстоятельствах предъявлять к Митрополиту подобное обвинение — не равносильно ли обвинению кого либо в том, что он, желая способствовать распространению огня, уже охватившего со всех сторон огромное здание, бросил в пламя... горящую спичку, или, с преступной целью усилить наводнение, приблизился к несущимся на встречу бурным волнам и... выплеснул в них стакан воды.

Все такие «данные», представленные обвинителями, свидетельствуют, в сущности, лишь об одном: что обвинение, как таковое, не имеет под собой никакой почвы. Это ясно для всех. Но весь ужас положения заключается в том, что этому сознанию далеко не соответствует уверенность в оправдании, как должно было бы быть. Наоборот: все более и более нарастает неодолимое предчувствие, что, не смотря на фактический крах обвинения, некоторые подсудимые, и в том числе Митрополит, — погибнут. Во мраке, окутывающем закулисную сторону дела, явственно виднеется разверстая пропасть, к которой «кем то»

неумолимо подталкиваются подсудимые... Это видение мрачно и властно царит над внешними судебными формами происходящего процесса, и никого эти формы обмануть не могут.

В заключение Я. С. Гурович сказал, приблизительно, следующее:

Чем кончится это дело. Что скажет когда-нибудь о нем беспристрастная история.

«История скажет, что весной 1922 г. в Петрограде было проведено изъятие церковных ценностей, что, согласно донесениям ответственных представителей советской администрации, оно прошло, в общем «блестяще» и без сколько-нибудь серьезных столкновений с верующими массами».

«Что скажет далее историк, установив этот неоспоримый факт. Скажет ли он, что, не смотря на это и к негодованию всего цивилизованного мира, сов. власть нашла необходимым расстрелять Вениамина, Митрополита петроградского, и некоторых других лиц. — Это зависит от вашего приговора».

«Вы скажете мне, что для вас безразличны и мнения современников и вердикт истории. Сказать это не трудно, — но создать в себе действительно равнодушие в этом отношении невозможно. И я хочу уповать на эту невозможность».

«Я не прошу и не «умоляю» вас ни о чем. Я знаю, что всякие просьбы, мольбы, слезы не имеют для вас значения, — знаю, что для вас в этом процессе на первом плане вопрос политический, и что принцип беспристрастия объявлен неприменимым к вашим приговорам. Выгода, или невыгода для советской власти. — вот такая альтернатива должна определять ваши приговоры. Если ради вящего торжества советской власти нужно «устранить» подсудимого, — он погиб, даже независимо от объективной оценки предъявленного к нему обвинения. Да, я знаю, таков лозунг. Но, решитесь ли вы его провести в жизнь в этом огромном по значению деле. Решитесь ли вы признать этим самым пред лицом всего мира, что этот «судебный процесс» является лишь каким то кошмарным лицедейством. Мы увидим»...

«Вы должны стремиться соблюсти в этом процессе выгоду для сов. власти. Во всяком случае, смотрите, не ошибитесь... Если Митрополит погибнет за свою веру, за свою безграничную преданность верующим массам, — он станет опаснее для советской власти, чем теперь... Непреложный закон исторический предостерегает вас, что на крови мучеников растет, крепнет и возвеличивается вера»...

Само собой разумеется, что нами приведен лишь весьма краткий (по необходимости) очерк речи защитника.

В связи с речью Я. С. Гуровича нужно отметить одно обстоятельство, весьма показательное для характеристики настроения, вызванного процессом в среде не только верующих, но и коммунистов, — сравнительно, низших рангов, разумеется.

В виду аплодисментов, сопровождавших кровавые «рефрены» Смирнова, — защита опасалась контрманифестации, со стороны настоящей, «вольной» публики... Поэтому, еще до своих речей, защитники «агитировали» среди публики, прося ее воздержаться от всяких внешних проявлений своих чувств, в интересах как подсудимых, так и самой публики, могущей подвергнуться всяким репрессиям.

Я. С. Гурович счел даже необходимым в своей речи предупредить еще раз публику о том же, указав, между прочим, в своем выступлении, что он просит и надеется на то, что все — и враги, и друзья — его выслушают со вниманием и, главное, в должном спокойствии. «Не забывайте», прибавил он: «что я говорю от лица человека, который, может быть, обречен на смерть; а слова умирающего должны быть выслушиваемы в благоговейной тишине».

Но столь долго и насильно сдерживаемое настроение публики, все-таки прорвалось, и этот момент совпал с окончанием речи Я. С. Гуровича, которая была покрыта долго не смолкавшими аплодисментами. Трибунал заволновался, хотел было «принять меры», но оказалось, что в аплодисментах приняли живейшее участие... многочисленные коммунисты, занявшие часть зала. Столь неожиданный состав аплодировавших объясняется тем, что рядовые, «массовые», коммунисты глубоко не сочувствовали созданию данного процесса и, как выяснилось впоследствии, довольно откровенно выражали свое возмущение по этому поводу.

Не лишено также интереса отношение трибунала к речи защитника. Следует признать, что во время речи трибунал держал себя внешне корректно. Я. С. Гурович не был ни разу прерван (в общем, его объяснения в защиту Митрополита заняли свыше шести часов). Очевидно было даже, что трибунал слушает защитника с полным вниманием. Чем объясняется такое отношение трибунала, — заранее ли принятым решением предоставить защитнику полную свободу объяснений, или же неожиданностью высказанной суровой правды, которую, вряд ли, часто приходится слышать сов. трибуналам, — судить не беремся. Пу-

блике даже казалось, что во время речи защитника, трибунал иногда, как будто, проявлял признаки сочувственного волнения. Это не невозможно. Из живых людей, все-таки, очень трудно сделать совершенных манекенов, как ни стараются большевики. В конце концов, члены трибунала сотворили, конечно, волю пославших их, но быть может, не без некоторой горечи в душе.

IX.

Судебные прения окончились. Очередь — за последним словом подсудимых.

Председатель делает распоряжение о прекращении с этого момента стенографирования процесса. Цель этого характерного распоряжения весьма понятна. Большевики не желают закрепления и распространения в населении тех речей, которые произнесут подсудимые в эти трагические минуты...

«Подсудимый Василий Казанский», обращается председатель к Митрополиту: «вам принадлежит последнее слово».

Митрополит, не спеша, встает. Четко вырисовывается его высокая фигура. В зале — все замерло.

В начале Митрополит говорит, что из всего, что он услышал о себе на суде, на него наиболее удручающе подействовало то, что обвинители называют его «врагом народа». — «Я верный сын своего народа, я люблю и всегда любил его. Я жизнь ему свою отдал, и я счастлив тем, что народ — вернее, простой народ — платил мне тою же любовью, и он же поставил меня на то место, которое я занимаю в православной церкви».

Это было все, что Митрополит сказал о себе в своем «последнем слове». Остальное, довольно продолжительное, время своей речи он посвятил исключительно соображениям и объяснениям в защиту некоторых подсудимых, ссылаясь на документы и иные данные и обнаружив при этом большую память, последовательность и невозмутимое спокойствие. Одно из его утверждений представлялось, как он сам это признал, не доказанным. По этому поводу он заметил, со свойственной ему тихой улыбкой: «думаю, что, в этом отношении, вы мне поверите без доказательств. Ведь я, по всей вероятности, говорю сейчас публично в последний раз в своей жизни; человеку же, находящемуся в таком положении принято верить на слово».

Момент был, во истину, потрясающий и незабываемый. Всем была ясна огромная нравственная мощь этого человека, который в такую минуту, забывая о себе, думает только о несчастьи других и стремится им помочь.

55

Среди наступившей за заключительными словами Митрополита благоговейной тишины, — раздался голос председателя, — голос, в котором, как будто, прозвучала какая-то доселе ему не обычная мягкая нота: «вы все говорили о других; трибуналу желательно знать, что же вы скажете о самом себе». Митрополит, который уже сел, вновь приподнялся и, с некоторым недоумением посмотрел на председателя, тихо, но отчетливо сказал: «О себе. Что же я могу вам о себе еще сказать. Разве лишь одно ... Я не знаю, что вы мне объявите в вашем приговоре — жизнь или смерть, — но, что бы вы в нем не провозгласили, — я с одинаковым благоговением обращу свои очи горе, возложу на себя крестное знамение (при этом Митрополит широко перекрестился) и скажу: слава Тебе, Господи Боже, за все» ...

Таково было последнее слово Митрополита Вениамина.

Передать настроение, охватившее публику — невозможно. Иное легче пережить, чем описать.

Трибунал сделал перерыв.

Затем объяснения подсудимых продолжались.

Профессор Ю. П. Новицкий был очень краток. Он указал, что привлечение его к делу объясняется лишь тем, что он состоял председателем Правления О-ва объединения правосл. приходов. В приписываемых же ему деяниях, он совершенно неповинен. Но, если сов. власти нужна в этом деле жертва, он готов без ропота встретить смерть, прося лишь о том, чтобы сов. власть этим и ограничилась и пощадила остальных привлеченных.

И. М. Ковшаров заявил, что он знает, какая участь его ожидает. Если он давал объяснения в свою защиту, то только ради того, чтобы закрепить в общественном сознании, что он умирает невинным.

Сильное впечатление произвело последнее слово архимандрита Сергия. Он нарисовал картину аскетической жизни монаха и указал на то, что, отрешившись от всех переживаний и треволнений внешнего мира, отдавши себя целиком религиозному созерцанию и молитве, — он одной

лишь слабой физической нитью привязан к сей жизни. «Неужели же», сказал он: «трибунал думает, что разрыв и этой последней нити может быть для меня страшен. Делайте свое дело. Я жалею вас и молюсь о вас».

Объяснения остальных подсудимых особого интереса не представляли. Большинство заявило, что ничего прибавить к речам защиты не имеет.

Председатель объявил, что приговор будет объявлен завтра (в среду 5-го июля) вечером.

56

Ко времени объявления приговора зал был почти пуст. Обыкновенной публики не пускали. Зато хоры были переполнены красноармейцами.

В 9 час. вечера трибунал вышел, и председатель огласил приговор.

Были присуждены к расстрелянию десять лиц: Митрополит Вениамин, архимандрит Сергей, Ю. П. Новицкий, И. М. Ковшаров, епископ Венедикт, Н. К. Чуков (настоятель Казанского собора и ректор богословского института), Л. К. Богоявленский (настоятель Исаакиевского собора), М. П. Чельцов (протоиерей), Н. Ф. Огнев (профессор военно-юридической академии) и Н. А. Елачич (б. пом. статс-секр. государственного Совета). Остальные обвиняемые были приговорены к тюремному заключению на разные сроки, — с «изоляцией» и без таковой. Значительная часть подсудимых (главным образом, из уличной толпы) была оправдана.

«Хоры» приветствовали приговор аплодисментами.

На подсудимых, их защитников и сумевших проникнуть в зал немногих лиц из публики приговор особого впечатления не произвел.

Многие знали его содержание уже за много дней и были к нему подготовлены.

Потянулись томительные дни. Кассационные жалобы, поездки в Москву, хлопоты, ходатайства перед ВЦИК-ом о помиловании.

Предвестником окончательного результата был омерзительный длинный пасквиль Красикова, появившийся в московских «Известиях», — в котором этот быв. присяжный поверенный наносил последний удар в спину

беззащитным и беспомощным осужденным, доказывая, что о помиловании первых четырех приговоренных к расстрелянию, не может быть и речи. Президиум ВЦИК-а так и постановил, заменив только последним шести подсудимым расстреляние — долгосрочным тюремным заключением (еп. Венедикту, Чукову, Богоявленскому, Чельцову, Огневу и Елачичу).

В понедельник, 14 августа 1922 г. лицам, явившимся в дом предварительного заключения для обычной передачи пищи Митрополиту, отцу Сергию, Новицкому и Ковшарову, было объявлено, что эти заключенные «потребованы и уже отправлены в Москву». Люди, знающие большевицкий условный жаргон, поняли в чем дело...

В ночь с 12 на 13 августа Митрополит, о. Сергей, Новицкий и Ковшаров были увезены из тюрьмы и расстреляны в нескольких верстах от Петрограда.

57

Имеются некоторые сведения (сообщенные при обстановке, гарантирующей их достоверность) о последних минутах расстрелянных...

Новицкий плакал. Его угнетала мысль о том, что он оставляет круглой сиротой свою единственную 15-летнюю дочь. Он просил передать ей на память прядь своих волос и серебряные часы.

О. Сергей громко молился: «прости им, Боже, — не ведают бо, что творят».

Ковшаров издевался над палачами.

Митрополит шел на смерть спокойно, тихо шепча молитву и крестясь.

Так умерли эти люди.

Опасаясь возбуждения петроградских рабочих масс, вызванного приговором, большевики не решились объявить расстрел Митрополита в Петрограде и распустили слух, что Митрополит увезен в Москву. По другим данным, православные мученики были отвезены на ст. Пороховые по Ириновской ж. д. и там расстреляны.

Предварительно все были обриты и одеты в лохмотья, чтобы нельзя было узнать, что расстреливают духовенство.

Население долго не хотело верить смерти Митрополита. По этому поводу создавались разные легенды. Утверждали, между прочим, что большевики где-то тайно заточили Митрополита. Возникновению этих слухов способствовало, между прочим, отсутствие, официального сообщения о том, что приговор «приведен в исполнение». Впрочем, в этих легендах (говорят и поныне держащихся) есть некая частица истины, как почти во всех народных преданиях: физически Митрополит Вениамин убит — в этом, к несчастью, нет сомнения — но в сердце народном его светлый образ навсегда останется живым...

Глава 3.

Похвальное слово (митрополитам Владимиру и Вениамину), новым священномученикам Русской Церкви.

Какую дань слова принесем вам, верные свидетели Слова, доблестные страстотерпцы и пастыри, вменившиеся яко овцы закления. Витийствующий язык изнемогает пред величием вашего подвига. Ваши язвы, подобно множеству отверстых уст, сами вещают о вашем терпении; ваша кровь говорит лучше, чем кровь Авеля (Евр. 12, 24). Вы сами служите нашею похвалою. В вас и через вас мы приносим жертву благодарения Господу, всегда победители нас творящему о Христе Иисусе (2 Кор. 2, 14). Среди великого испытания скорбями мы преизобилуем ради вас радостью (2 Кор. 8, 2) и восклицаем вместе с Златоустом: «Благословен Бог! и в наш век произросли мученики, и мы удостоились видеть людей, закалаемых за Христа, людей, проливающих святую кровь, которая орошает всю Церковь. Мы удостоились видеть людей, ратующих за благочестие, побеждающих, увенчиваемых... и мы имеем теперь у себя этих венценосцев» (Беседа 3 на Первую книгу Паралипоменон).

Многие хотели бы видеть, что мы видели, и не видели, слышать то, что мы слышали, и не слышали. Нам суждено было быть свидетелями ваших чудных дел, и любви, и служения, и веры, и терпения (Апок. 2, 18) и на нас лежит священный долг возвестить об них миру, проповедывать на кровех о том, что мы видели своими очами, что осязали руки наши (1 Иоан. 1, 1).

Но нам не достанет ни времени, ни сил повествовать о новых Сампсонах, Давидах, Гедеолах, Самуилах, об этом чудном воинстве

Христовом, которое верою побеждало царства, творило правду (Евр. 11, 32. 35) и посрамило древнего врага.

59

Тебе, первосвятитель древней Киевской Церкви, соименный Св. Просветителю Руси, подобало предначать славное поприще борьбы и страданий, ты стал предводителем боговенчанного полка, и тебе да воздастся от нас первый венец хвалы.

Сама Божественная Премудрость предуказала, чтобы на горах Киевских, там, где Апостольскою рукою было утверждено некогда знамение св. Креста, вознесен был на крест преемник апостолов, как один из первых свящennemучеников наших дней. Крещение Русской Церкви огнем и кровию должно было начаться оттуда, где положен был первый камень в ее основание и где изначала приял водное крещение русский народ.

То были тяжкие и скорбные времена, когда область темная начала усиливаться на Русской земле и когда суд небесный впервые возгремел над домом Божиим (1 Петр. 4, 17). Тогда Господь, уготовляя нас на день испытания, восставил нам пастыря и отца по сердцу нашему, дабы он собрал воедино ратоборцев Христовых и извел их на брань с врагами Церкви. Вместе с другими святителями возрадовался тогда и ты как друг женихов, за глас женихов (Иоан. 3, 29), и по тебе пришедшим не завидел. Будучи всегда готов исполнить всякую правду (Матф. 3, 15), ты повиновался слову Первоиерарха и, оставив священный собор, отошел к твоей пастве, которую уже стали расхищать волки хищные, не щадящие стада. Сыны тьмы не могли стерпеть твоей ревности о Церкви Божией и с оружием в руках, как на разбойника, пришли к тебе под мраком ночи, чтобы взять тебя на заклятие. Лестью и коварством они извели тебя из стен древней Лавры, как бы из священного Сиона, и вознесли на уединенное возвышенное место, на эту новую Голгофу. Подобало, чтобы по образу вечного Первосвященника, нося поругание Его, ты вышел за стан и пострадал вне врат (Евр. 13, 12). Там именно и приял ты смерть от жестоких мучителей, пронзивших острием твое тело в то время, как ты простирал к ним благословляющие руки, молясь за своих врагов.

Это место, орошенное твоею кровью, навсегда останется священным алтарем для верующих; и тихий свет лампы немеркнущим светом будет озарять оттуда твой первомученический подвиг, облиставший всю Русскую Церковь. Тебя предпослала она, как начаток исповедников, число коих стало исполняться потом с каждым днем.

«Первый из пострадавших, ты, — по слову Св. Григория Богослова, — стал путем для других». Одушевленные теми же чувствами, устремились за мученическими венцами Ангелы Церквей Пермской, Тобольской, Астраханской и целые сонмы других

святителей и иереев Божиих, прошедших сквозь огонь и воду, испытавших поругание и раны, узы и темницу, от них же многие побиени быша, претрени быша, убийством меча умроша, даже пропяты (распяты) быша, не приемше избавления, да лучшее воскресение улучат (Евр. 11, 35-37).

Среди этой доблестной дружины зрим и тебя, священная главо, славный Первосвятитель града Св. Петра, возлюбленный твоею паствою так же, как тезоименитый тебе древний Патриарх своим отцем Иаковом. Младший многих из своих собратий, ты предупредил, однако, их твоим апостольским дерзновением и духовным разумом. Еще в юности ты лобызал пламенеющим сердцем раны первых мучеников и скорбел, что не можешь приобщиться к их славному подвигу. Господь узрел твою святую ревность и по исполнении времен послал тебе тот же искус. По Его изволению, преемники Ирода и на тебя наложили руки, чтобы сделать тебе зло, и, задержав, ввергли в темницу (Деян. 12, 4). Напрасно преданная тебе паства волновалась, как море, вздымающее гневные волны. Ни ее мольбы и угрозы, ни твое незлобие и смирение — ничто не могло исторгнуть тебя из рук нечестивых, повлекших тебя на свое незаконное судилище. Исполненный веры и силы, кроткий и дерзновенный, как первомученик Стефан, предстал ты перед новым синедрионом. Враги не могли противостоять мудрости и Духу, вещавшему твоими устами, когда ты изобличал их клеветы и выражал радостное желание умереть как христианин, стражда без правды (1 Петр. 2, 19; 4, 16).

Однако они продолжали противиться истине даже тогда, когда некая жена из их сонма, соревнуя благородной жене Пилата, выступила на твою защиту и стала умолять судей не брать на себя неповинной крови. Древний приговор: «Повинен есть смерти» был произнесен, но не приведен немедленно в исполнение только потому, что паства по-прежнему не хотела расстаться со своим пастырем, что дети не хотели уступить палачам своего отца. Несколько дней ты снова должен был томиться в предсмертных муках, искупая, однако, оставшееся время для назидания пасомых, ибо для слова Божия нет уз (2 Тим. 2, 9). Уже обреченный в жертву (2 Тим. 4, 6) ты; подобно Великому Апостолу языков, писал из темницы последние заветы своим ученикам и сопастырям. Эти бессмертные слова, начертанные не

столько чернилами, сколько твоею кровью, должны быть увековечены на все времена наряду с посланиями древних мучеников.

«В детстве и отрочестве, — писал ты одному из твоих сподвижников-пастырей, — я зачитывался житиями святых и во-

61

схищался их героизмом, их святым воодушевлением, жалел, что времена не те и не придется переживать то, что они переживали. Времена переменились, открывается возможность терпеть ради Христа от своих и чужих. Тяжело страдать, но по мере наших страданий избыточествует и утешение от Бога. Трудно переступить этот рубикон, границу и всецело предаться воле Божией. Когда это совершится, тогда человек избыточествует утешением, не чувствует самых тяжких страданий, полный среди страданий радости и внутреннего покоя, он других влечет на страдания, чтобы они переняли то состояние, в котором находится счастливый страдалец. Об этом я ранее говорил другим, но мои страдания не достигли полной меры. Теперь, кажется, пришлось пережить почти все: тюрьму, суд, общественное заплевание, обречение и требование самой смерти под якобы народные аплодисменты, людскую неблагодарность, продажность, непостоянство и т. п., беспокойство и ответственность за судьбы других людей и даже за самую Церковь.

Страдания достигли своего апогея, но увеличилось и утешение. Я радостен и покоен, как всегда. Христос наша жизнь, свет и покой. С Ним всегда и везде хорошо. За судьбу Церкви Божией я не боюсь. Веры надо больше, больше ее надо иметь нам, пастырям. Забыть свою самонадеянность, ум, ученость и дать место благодати Божией.

Странны рассуждения некоторых, может быть, и верующих пастырей (разумею Платонова) — надо хранить живые силы, т. е., их ради поступиться всем. Тогда Христос на что? Не Платоновы, Вениамины и т. п. спасают Церковь, а Христос. Та точка, на которую они пытаются встать, погибель для Церкви. Надо себя не жалеть для Церкви, а не Церковью жертвовать ради себя. Теперь время суда. Люди и ради политических убеждений жертвуют всем. Посмотрите, как держат себя эс-эры и другие. Нам ли, христианам, да еще иереям, не проявить подобного мужества даже до смерти, если есть сколько-нибудь веры во Христа, в жизнь будущего века?!»

Сколько возвышенной силы в этих кротких и смиренных словах, запечатленных твоею смертью!

Радостный, ты шел на крест, отвергнув последнее искушение «пожалеть себя для Церкви».

По завету Св. Апостолов ты не захотел высокоумствовать о себе и предпочел душу свою положить за Церковь, вместо того,

62

чтобы уклоняться в слова лукавствия и ставить немощное человеческое выше силы и мудрости Божией.

И так как ты до конца прошел по стопам Подвигоположника, Он за верность и кротость освятил и возвеличил тебя (Сир. 15, 14), покорив под ноги твои самых врагов Церкви, вынужденных потом исповедывать перед людьми твои неповинные страдания и поклониться им.

Так исполнилось желание твоего сердца: ты обрел и жребий и венец страстотерпцев Христовых и смертью купил себе вечную жизнь.

Так же поступили и многие другие архиереи и священники Бога Вышнего, призванные пострадать за свидетельство, которое они имели (Апок. 6, 9).

Когда начались дни огненного испытания для Церкви, и Господь не восхотел принять от нас всесожжения и жертвы, они не стали советоваться с плотью и кровию, но, уразумевши Его волю, сами принесли себя в непорочное заклание (Евр. 10, 6-9). Вслед за Вечным Первосвященником и Ходатаем Нового Завета они вошли во святилище с своею кровию, да очистятся грехи людские (Евр. 9, 12-15), ибо без пролития крови не бывает прощения (Евр. 9, 22). Среди искушений и мук эти истинные пастыри не оставили первую любовь свою (Апок. 2, 4), воспламенившую некогда их сердце желанием священства, и сохранили даже до последнего издыхания целым и невредимым залог, врученный им при рукоположении.

Славны ваши имена, мужественные страстотерпцы, которых ни жизнь, ни смерть, ни настоящее, ни грядущее, ни высота суетных отличий, ни глубина унижения — ничто не могло отлучить от любви Божией во Христе Иисусе (Рим. 8, 38-39).

Ваш пример показал воочию, что «можно убить, но не победить священника Божия, держащегося Евангелия и сохраняющего заповеди Божии», как вещает нам один из древних священномучеников.

Не с нынешнего дня начались испытания Церкви. Еще Св. Василий Великий писал о своем плачевном времени: «нас постигло гонение самое тяжкое. Ибо гонят пастырей, чтобы рассеялось стадо. Одна ныне вина, за которую жестоко наказывают, — точное соблюдение отеческих преданий. За это благочестивых изгоняют из отечества и переселяют в пустыни. Неправедные судии не уважают ни седины, ни подвигов благочестия, ни жизни, ни юности, ни старости, проведенной по Евангелию. Но тогда, как

ни одного злодея не осуждают без обличения, епископов берут по одной клевете и предают наказанию без всякого доказательства вносимых на них обвинений. А иные из них не знали обвинителей, не видели судилищ, даже не были сперва оклеветаны, но безвременно ночью похищены насильственно, сосланы в отдаленные страны и злостраданиями, какие должны были терпеть в пустыне, доведены до смерти. Глас плачущих слышен в городе, слышен в селах, по дорогам, в пустынях. Одна у всех жалостная речь, потому что все говорят о достоплачевном. Похищены радость и духовное веселие. В плач обратились наши праздники, дома молитвенные затворены, на алтарях не совершается духовного служения» (Письмо к Италийским и Галлским епископам).

Все эти бедствия, изображенные великим Отцем Церкви, пришли на вас седмерицею, ибо никогда столп злобы богопротивные не поднимался так высоко, никогда еще человеческая жестокость не была столь изобретательной и беспощадной.

Теперь самый плач о невинно-убиенных считается уже преступлением и потому не смеет раздаваться открыто.

Весь ум, все завоевания науки нашего просвещенного времени, кажется, обращены прежде всего на то, чтобы причинить возможно больше страданий людям. С давних пор известны истязания огнем, голодом и холодом, железом, бичами и скорпионами, цепями, темницами. Современное искусство к ним присоединило целый ряд новых изощренных телесных мучений и кроме того утонченные нравственные пытки, которых не знал еще грубый век Нерона и Диоклетиана. Вы понесли на себе все эти болезни и раны, после которых самая смерть могла иногда казаться благодеянием. Вместе с всемирным проповедником Павлом вы должны были терпеть беды не только от врагов, но и от сродник и от лжебратий, корчемствующих истину, возлюбивших мзду Валаамову, предавших своих сослужителей

слугам антихриста и облекшихся вместе с Иудою в клятву, как в ризу (Псал. 108, 18).

Об них издревле изрек Дух Святый: «ты носишь имя, будто жив, но ты мертв» (Апок. 3, 1).

Облекшись в броню правды и преподобие истины, вы были живым обличением для всех, поклонившихся зверю. Сего ради возненавидел вас мир. Но вы победили последний силою лучшею, показавши себя почти бесплотными во плоти.

Все знают, что нет ничего на земле дороже жизни. Все отдает человек взамен души своей; чтобы выкупить жизнь, он

64

готов пожертвовать славой, богатством, самыми нежными родственными привязанностями, дружбой, даже честью и совестью. Самый гордый и независимый из людей падет к ногам своего палача, будет целовать его окровавленные руки, подобострастно заглядывать ему в глаза, желая прочитать там свое помилование. Никогда человек не бывает более жалок, как в то время, когда он судорожно хватается за ускользающую от него нить жизни, жертвуя для нее вечными ценностями, и никогда не бывает так велик, как если он торжествует духом над немощью плоти и презирает все земные соблазны ради нетленного блаженства. В этом красота мученичества, высоко почитавшегося во все времена и у всех народов.

Особенно ярко светит этот подвиг в наши сумрачные и малодушные дни, когда за умножение беззаконий оскудела вера, охладела любовь, колеблется надежда, когда немощи отдельных людей вменяются в вину самой Церкви, как будто она уже истощила свою прежнюю силу. Ваше адамантово мужество оправдало Церковь пред лицом мира. Благодать Божия, призобиловавшая там, где умножился грех, снова избрала безумное мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира, чтобы посрамить сильное (Рим. 5, 20; 1 Кор. 1, 27). Вы были в отчаянных обстоятельствах, но не отчаявались; низлагаемые, не погибали. Во всем вы явили себя, как служители Божии, в великом терпении, в бедствиях, нуждах, тесных обстоятельствах, под ударами в темницах (2 Кор. 4, 8-9; 6, 4-5). Вы воскресили перед нами образы Св. Игнатия, Поликарпа, Златоуста и многих других исповедников и священномучеников, украсивших лучшие времена христианства. Ваша доблесть озарила новою славою Русскую Церковь, возраставшую в вас

сподвижников Филиппа и Гермогена и началовождей целого сонма других мучеников разных званий и возрастов, принесенных ею в жертву Богу.

За то, что она явила новых страстотерпцев, ее имя возвещается ныне во всем мире. Вместе с нею и вся Вселенская Церковь пожинает плоды вашей победы и если, по словам Св. Киприана, у нее нет недостатка ни в лилиях, ни в розах (письмо к мученикам и исповедникам), то, убелив ее одежды своими кровью, вы достойны наименоваться теми и другими. Вы соединили небо с землею в общей радости, ибо вместе с воинствующею о вас веселится и Церковь торжествующая, к которой вы приобщились ныне. Не вам ли, убиенным за слово Божие, даны там белые одежды и сказано, чтобы вы успокоились на малое время, пока ваши сотрудники и братия исполнят число (Апок. 6, 9-11).

65

«Восхищаясь воспоминаниями о вас, мы, подобно Св. Григорию, делаемся от удовольствия как бы вдохновенными, некоторым образом соучаствуем в вашем мученичестве, приобщаемся вашему подвигу»¹⁾).

Да будет же память ваша во благословениях, да процветут кости ваши от места своего (Сир. 45, 13-14). Народы будут рассказывать о вашем мужестве и мудрости, а Церковь не престанет возвещать вам хвалу (44, 14), восклицая: «радуйся, собор крепкий и терпеливый, победительное ополчение, царственное священство, столпы благочестия, священнодействовавшие сами себе мучением, коих смерть явилась последним совершительным таинством. Чрез вас прославляется Христос, Иже вчера, днесь, Той же и во веки» (Евр. 13, 8).

Митрополит Анастасий.

¹⁾ Слово в похвалу Св. священномученику Киприану.

66

Глава 4. Гермоген, епископ Тобольский и иже с ним.

Саратовский епископ Гермоген, аскет, образованный человек, добрейший и чистый до конца и безраздельно был увлечен борьбой с нараставшим революционным брожением. Увидев вред Распутина, он хотел взять с него клятву, что он больше не переступит порога царского дворца. Распутин этой клятвы давать не хотел и еп. Гермоген, стоя в епитрахили и с крестом в руке, проклинал Распутина. Он стал телеграммами просить и умолять Государя не принимать Распутина. Это обстоятельство и непорядки в управлении епархией привели еп. Гермогена к лишению епархии и к заточению в Жировицкий монастырь Гродненской губернии. После революции его выпустили и назначили епископом Тобольским, в каковом звании он и был членом Всероссийского Церковного Собора.

В 1918 году патриарх Тихон благословил, чтобы по всей России двинулись крестные ходы. Владыка Гермоген благословил на крестный ход и Тобольск. Накануне Владыке пришли приказать, чтобы никакого крестного хода не было или Владыку арестуют. На другой день, в Тобольском Кремле, Владыка служил обедню и молебен. Все знали, что крестный ход запрещен. Но загудели колокола и Владыка с духовенством, под хоругвями и крестами, вышел из собора. Крестный ход совершился. Громадные толпы народа потекли вдоль стены, вокруг Тобольского Кремля, с пением «Спаси Господи люди Твоя».

Тобольский Кремль возвышается над городом, дом Государя и царской семьи ниже Кремля. Со стены были хорошо видны окна Тобольского дома и за окнами узники: Государь, Государыня, царевны, цесаревич.

Владыка остановил крестный ход на том месте стены, откуда был виден Тобольский дом. Запели молебен. Потом Владыка один подошел к краю стены. Один стоял он над Тобольском, с деревянным крестом. Он высоко поднял крест и благословил Царскую Семью.

В Вербное воскресенье Владыка Гермоген совершал литургию, а потом вечерню. За вечерней он говорил речь, в которой сказал следующее: «Приближаются дни крестных страданий Христа Спасителя. Душа Божественного Страдальца в ожидании грядущих ужасных мучений томилась великой тоской, и Он искал для Себя подкрепления не только в молитве к Богу-Отцу, но и учеников Своих просил бодрствовать и молиться вместе с Ним, дабы этим облегчить ту великую муку, которая легла всею тяжестью на Его плечи.

Чувствую и я, что приближаются дни и моих крестных страданий, а потому и моя душа в чаянии грядущих страданий томится и мучится тоской. Посему усердно прошу вас всех, поддержите меня и вы в эти дни вашими святыми молитвами...»

Эта речь его была последней. Уже не пришлось этому святителю служить и поучать свою паству. В ночь на Великий Четверг его арестовали. Православные граждане, движимые любовью к своему архипастырю, установили дежурный караул возле его покоев, надеясь, что они не дадут своего отца на поругание. Но Владыка вышел на балкон и стал их просить, чтобы они все разошлись по домам, говоря им: «Не отягощайте и без того тяжелого моего положения». Из уважения к словам и личности Владыки все разошлись, и в ту же ночь его арестовали, т. е. в Великую Пятницу, когда схвачен был и Господь наш Иисус Христос.

В апреле месяце 1918 г., на страстной неделе епископ Гермоген был арестован и немедленно отправлен из Тобольска в Екатеринбург, где был посажен в тюрьму. В мае месяце делегация от Епархиального Съезда в лице члена Московского Собора присяж. поверен. Минятова, брата еп. Гермогена, протоиерея Ефрема Довганева и тюменского священника М. Макарова отправилась в Екатеринбург ходатайствовать перед местным совдепом об освобождении еп. Гермогена. В Совдепе потребовали выкуп в размере 10,000 руб., а затем сумму выкупа повысили до 100,000 руб. Сумма эта была собрана среди екатеринбургского купечества и внесена по принадлежности, а властями была выдана расписка в получении денег.

На следующий день делегация в полном составе отправилась в Совдеп в надежде на освобождение еп. Гермогена, и больше на занимаемую квартиру не вернулась. Полагают, что она была арестована и вместе с еп. Гермогеном отправлена под конвоем в Тюмень для следования в Тобольск, где предполагалось учинить суд над еп. Гермогеном.

В Тюмени еп. Гермоген вместе с другими арестованными был переведен на пароход «Петроград» для отправки в Тобольск.

В виду занятия Тобольска белыми сибиряками, красногвардейцы перед тем, как оставить пароход и бежать на Урал, учинили жестокую расправу над арестованными.

Всех их вывели на палубу и приказали немедленно снять верхнюю одежду и обувь. Кто раздевался недостаточно быстро, с того одежду срывали, а затем раздетых, под градом насмешек и прибауток, предварительно связав руки, бросали с палубы в реку Туру.

Еп. Гермоген молился за своих мучителей и благословлял их. С циничною, непередаваемою руганью, сопровождаемою зуботычинами, сорвали со святителя рясу и подрясник, скрутили назад руки. Так как еп. Гермоген не переставал громко молиться, то комиссар приказал: «Заткнуть хайло»... — Удар кулаком по лицу заставил старца умолкнуть. Затем привязали к скрученным рукам двухпудовый камень и — раскачав — бросили в Туру (16 июня 1918 г.) против села Покровского ¹⁾).

По изгнании большевиков, когда вода в Туре убыла, на берегу было обнаружено множество трупов, в числе которых было опознано и тело еп. Гермогена. Оно было отправлено в Тобольск и при огромном стечении народа погребено в пещере, где ранее почивали мощи св. Иоанна Максимовича, митрополита Тобольского и всея Сибири.

¹⁾ Так показали на следствии матросы парохода «Петроград».

Глава 5.

**Андроник, архиепископ Пермский. Феофан, епископ Соликамский,
Василий, архиепископ Черниговский и иже с ними.**

В качестве полкового священника сибирской армии, — описывает П. Туруханский — мне пришлось довольно долгое время странствовать по городам и весям освобожденной от большевиков Пермской епархии, где святительствовал архиепископ Андроник.

Рукоположенный во священники архиеп. Андроником, я пытался собрать точные сведения о смерти святителя, о которой в Пермском крае сложились крайне противоречивые легенды. Согласно наиболее распространенной на Урале, архиеп. Андроник был живым закопан в землю.

Впоследствии, попав в руки большевиков, я был посажен в Тобольскую каторжную тюрьму. В числе арестованных было двое чекистов — латыши Добелас и Падернис, служившие в Пермской ЧЕК'а. По рассказам этих чекистов, арх. Андроник был расстрелян по требованию мотовилихинских рабочих.

Архиепископ Андроник весьма резко критиковал большевицкий декрет об отделении церкви от государства. По оглашению изданного по этому поводу Московским Поместным Собором послания, архиеп. Андроник приказал протодиакону возгласить на большевиков анафему, после чего был арестован, убит и закопан возле дороги из Перми в Мотовилиху (рабочее предместье). По словам вышеупомянутых чекистов, Добеласа и Падерниса, оба они принимали участие в убийстве арх. Андроника. Рассказ чекистов заслуживает вероятия, так как аналогичное сообщение П. Т. пришлось слышать и от другого лица, сначала члена коммунистической партии, начальника красной

70

полиции города Т., по профессии фельдшера, по национальности крещеного иудея, а впоследствии православного священника. Коммунисты не могли простить ему измены партии и расстреляли ¹⁾).

Арестованный вместе с архиеп. Андроником его викарий, епископ Соликамский Феофан был утоплен в реке Каме.

Когда Московский Собор узнал о мученической смерти пермских епископов, то для расследования обстоятельств их смерти послал в Пермь особую комиссию во главе с архиепископом Черниговским Василием. Советское правительство дало согласие на расследование пермских убийств и даже предоставило комиссии отдельный вагон. (В первые дни существования сов. власти Собор неоднократно обращался к ней с разного рода заявлениями и протестами). Но деятельность следственной комиссии в Перми вызвала возмущение среди коммунистов, особенно виновных в преступлении. Поэтому были приняты меры, чтобы следственный материал не попал на Собор в Москву.

Когда по окончании расследования комиссия возвращалась в Москву, между Пермью и Вяткой, в вагон ворвались красноармейцы, убили членов комиссии, а тела их выбросили из поезда. Тело архиепископа Василия и убитых вместе с ними похоронили крестьяне и к могиле мучеников начались паломничества. Тогда большевики выкопали тела мучеников и предали сожжению.

Архиепископ Андроник убит в ночь на 4 июня 1918 г.

1) По другой версии Архиеп. Андроника водили по улицам г. Перми с отрезанными щеками и выколотыми глазами и закопали живым в землю. Об этом были в

свое время свежие известия и письма с места. Рассказам чекистов нельзя особенно доверять. Они часто смягчали свои зверства, хотя между ними были и своеобразные хвастуны, которые приписывали себе дела, в которых не участвовали. В Соловках очень часто встречались чекисты, которые говорили о своем участии в убийстве Царской Семьи. Относительно убийцы или даже решителя судьбы Архиеп. Андроника рассказывают следующее. Некий важный служащий Вост.-Китайск. жел. д., попал под поезд и с отрезанными ногами в Харбинской больнице громко кричал до самой смерти: «спасите меня, спасите, вот Андроник идет, Андроник идет». (М. б. это был Лашевич. См. «Рубеж». № 31. 27 июля 1940 г.).

Глава 6.

Леонтий, епископ Астраханский.

Расстрел астраханского духовенства во главе с епископом Леонтием относится ко временам гражданской войны.

Астрахань была переполнена больными и ранеными красноармейцами. Людей косил сыпняк. Епископ Леонтий созвал совещание представителей всех городских и пригородных приходов. Решено было обратиться к православному населению с призывом «оказать помощь раненым и больным воинам» и старой и советской армии. Воззвание окончилось ссылкой на Евангелие:

«Помните слова Христа: "Я был наг, и вы не одели Меня, был болен, и вы не посетили Меня"».

Положение в городе было настолько напряженным, что из лазаретов выбрасывали на улицу больных и раненых солдат великой войны, чтобы очистить место для красноармейцев. Астраханская советская газета напечатала воззвание епископа Леонтия и духовенства. Председатель губчеки Атарбеков решил, что ссылка на Евангелие сделана для подрыва авторитета советской власти. Атарбеков доложил свои соображения председателю ревкома Кирову. Тот вполне согласился с соображениями Атарбекова и приказал: «действуй».

И духовенство в Астрахани вместе с преосвященным Леонтием и другими причастными к делу лицами было «ликвидировано».

Массовые расстрелы духовенства, рабочих и торговцев в Астрахани принадлежали Кирову, который получал указания, от Сталина.

Глава 7.

Никодим, епископ Белгородский.

Отделение Церкви от Государства, своеобразно трактуемое большевиками, сделалось предлогом для запрещения проповеди гонимой религии, и мученическая смерть епископа Никодима Белгородского представляет яркое тому доказательство.

Епископ не вмешивался в политическую жизнь, но в своих проповедях, браня насилия, грабежи и убийства, призывал свою паству к учению Христа, утверждая, что законы Божии выше законов человеческих. Такие проповеди возбудили злобу против епископа в местном коммунистическом управлении. В первые дни Рождества 1918 г. известный своей жестокостью комендант Саенко, собственноручно убивший тысячи людей, арестовал епископа и увез в Чрезвычайку. Но возникшие среди народа волнения по поводу ареста любимого пастыря заставили Саенко отпустить епископа обратно в монастырь. Однако, в тот же день епископ Никодим вновь произнес проповедь, осуждавшую насилия, после чего он был вновь арестован тем же Саенко, который говорил при этом, что через попов и монахов вся революция пропала. Обратившаяся к Саенко с просьбой об освобождении жена священника Каенская была арестована Саенко, который в тот же вечер собственноручно ее расстрелял, а епископа приказал отвести в тюрьму, где ночью, в углу тюремного двора он и был казнен. Желая скрыть от народа эту казнь и боясь отказа красноармейцев казнить уважаемого пастыря, его повели на казнь в военной шинели. Труп его был отвезен за город и брошен в общую могилу. Но слух об его казни все же дошел до народа и ежедневно у братской могилы служили панихиды по христианском мученике.

Глава 8.

Макарий, епископ Вяземский.

В начале 1918 г., в пору нескончаемых расстрелов большевистского террора, в г. Вязьму, Смоленской губ., из Москвы прибыл епископ Макарий (Гневушев), в прошлом вдовый священник, с высшим богословским образованием, ставший известным выдающимся духовным и национальным

деятелем, в бытность Киевским епархиальным миссионером. Место своего жительства Владыка избрал древний и благоустроенный мужской Свято-Духовский монастырь, находящийся в самом городе.

Храм стал наполняться молящимися, приходившими послушать святительские богодухновенные, насыщенные божественной мудростью проповеди, о которых слушатели и после потом говорили, что ничего подобного им никогда не приходилось слышать.

Местные большевики, конечно, не могли не обратить внимания на такого своего врага. Началась слежка и принимались меры покончить с ним при помощи подосланных убийц. Был случай, когда на паперти храма, в котором в это время богослужение совершал Владыка, между подосланными, ожидавшими выхода епископа, чтобы напасть на него, произошла ссора и побоище, в результате чего один из бандитов тут же и был убит своим товарищем. Владыка, осведомленный о происшедшем, тогда же, с паперти, произнес одну из своих самых сильных по глубине мысли и чувств проповедей, которая произвела на всех молящихся потрясающее и неизгладимое впечатление.

Большевики, убедившись в силе влияния епископа Макария на настроение верующих города и его окрестностей, решили действовать непосредственно и стремительно. Однажды вечером, летом 1918 г., большевицкий отряд явился в монастырь, и чекисты произвели у епископа и монашествующих обыск, длившийся до поздней ночи. Напрасно гудел набат всех 24-х вяземских церквей: он не помешал чекистам сделать свое дело. Население было напугано террором. Владыка был арестован и под красногвардейским эскортом доставлен в местный Революцион-

ный Комитет, где подвергся издевательствам и побоям. Официально Владыка обвинялся в организации белогвардейского восстания.

Иеромонах Д., келейник Владыки, на следующий день вызванный к епископу для исповеди и причастия, передавал, что Преосвященный мужественно переносил глумления и побои, следы которых были на его лице и теле. При этом Владыка был в солдатском одеянии, острижен и без бороды.

Однако, в Вязме большевики не решались произвести окончательную расправу с арестованным епископом, имя которого было слишком популярно и благоговейно чтилось населением. Уже позже, осенью

этого же года, с соблюдением строжайшей тайны, его перевезли в Смоленск, где он и был расстрелян.

Имеются сведения, что дочь Владыки, переодевшись нищенкой, подвергаясь смертельной опасности, издала проследила весь крестный путь своего отца. Этот путь и последние минуты жизни Владыки в то время представлялись в таком виде.

Обреченные, в числе 14 человек, среди которых находился и Владыка, в котором было трудно теперь признать среброволосого, Саваофоподобного епископа Макария, были доставлены в пустынное место за г. Смоленском. Построили всех спиной к свежее вырытой яме. Один из палачей, подходя к каждому обреченному, производил из револьвера выстрел в лоб, а не в затылок, как это было обычно принято, и жертва валилась на дно ямы.

Владыка, с четками в руках, находился в конце шеренги и горячо молился не спуская взора с казнимых. А когда замечал упадок духа и слышал стенания у того, к кому приближался палач, он, никем не останавливаемый, выходил из линии и приблизясь к несчастному, благословлял его, проникновенно произнося: «с миром отыди»... И так он один, властный и сильный духом среди всех немощных, поступал до последнего упавшего в яму убитого.

Теперь у края ямы стоял только один он, самый последний. В предутреннем рассвете гасли последние звезды. Владыка быстро перебирал четки. Взор его, полный веры, устремлен в небо, и вероятно радость и свет Царства Божия открывались духовным очам мученика. Уста его шептали последние молитвы. К Владыке, которого уже ничто земное не касается и не тревожит, медленным шагом подходит палач. Им на мгновение овладевает как бы нерешительность. Рука с револьвером была опущена вниз. Может быть в его темной душе еще совершалась какая-то внутренняя борьба. Но вот он рукой делает жест

отрицания. Лицо его деревенеет, зубы сжимаются. Рука его поднимается на линию цели. Раздался выстрел и Святитель Божий упал в свою могилу.

Человек, бывший в это время в Вязьме и давший описание этого события, имеет рекомендацию от своего духовного пастыря, как свидетель верный. Однако, к этому мы добавляем рассказ женщины врача о ее встрече с одним больным, участником убийства епископа Макария. Пусть будет

некоторое расхождение в этих рассказах, но могут быть потом дополнительные и неоспоримые данные, которые покажут нам, что именно в этих рассказах было неточного. Во всяком случае, мы и теперь можем предположить, что врач недостаточно точно вспоминает рассказ своего пациента.

Рассказ женщины-врача.

Осенью 192... года ко мне в амбулаторию явился крестьянин Смоленской губернии, уволенный от военной службы по причине активного туберкулезного процесса в одном легком. Своевременно он отбывал военную повинность при царе и в гражданскую войну был мобилизован из запаса. Больному было 35 лет. Все время он жил в семье отца, имел двух детей. Семья, по его словам, была дружная и зажиточная. Заболел он недавно и, принимая во внимание его возраст и хорошие условия для лечения, я надеялась, что он поправится. От наложения пневмоторакса он отказался. По моему совету ему отведена была отдельная комната (пристройка новая, солнечная), и он поселился там вдвоем с женой. Питание предоставлено было ему прекрасное (имелся даже свой пчельник) и пищу давали по моему расписанию по часам. Температура его была 38 град. Я его просила приехать через две недели.

Больной приехал в указанный срок и, к моему удивлению, температура его повысилась. Я обратилась к жене его с вопросом: нет ли семейных трений? Ответ: никаких. Но, затем, смущаясь, прибавляет: «Только вот сон ему все один снится, и тогда он просыпается в испарине и не может уже уснуть».

Попросила я больного рассказать этот сон. Узнала следующее. За несколько месяцев до этого, отбывая службу в Смоленске, он получил приказ явиться в указанное место, куда-то за город, вместе с несколькими товарищами для расстрела преступника — врага народа. Конечно, приказ выполнили. Вскоре привезли и «преступника»: из автомобиля вышел не то священ-

ник, не то монах, небольшого роста, седой, тщедушный. Когда больной увидел, что «преступник» духовное лицо, у него по его словам «захолонуло» сердце.

Преступник осенил себя крестным знаменем и попросил не завязывать ему глаза, а только указать место, где ему следует стать. Ему указали. Он бодро направился туда и, проходя мимо красноармейцев, вдруг остановился около моего больного, благословил его и сказал: «Сын мой, да не смущается сердце твое — твори волю пославшего тебя».

Дойдя до указанного места, он остановился и громко сказал: «Отец мой! Прости им, не ведают, бо, что творят. Приими дух мой с миром».

Раздался приказ стрелять, и трагедия окончилась...

После больной узнал, что убили епископа Макария. Ночью больной увидел его во сне: епископ благословил его, но ничего не сказал. С тех пор больной не редко видит его во сне, и всегда епископ благословляет его, ничего не говоря.

Приведу слова больного: «Я так понимаю, что убили мы святого человека. Иначе, как мог он узнать, что у меня захолонуло сердце, когда он проходил? А ведь он узнал и благословил из жалости, и теперь из жалости является ко мне, благословляет, как бы этим *говоря*, что не сердится. Но я то знаю, что моему греху нет прощения, и Божий свет мне стал не мил. Я все исполнил, что вы приказали, но жить я недостоин и не хочу».

Я решила, что это душевная травма и надо применить психотерапию. Просила его приезжать ко мне на квартиру и несколько раз, насколько у меня хватило умения, я старалась убедить его в необходимости жить. Иногда он соглашался с моими доводами, но чаще все разбивал словами: «Но как же жить, когда свет Божий не мил?»

Я понимала, что священник гораздо лучше меня поговорил бы с ним на эту тему, но кругом не было подходящего человека. Температура больного неуклонно повышалась, процесс расширялся и углублялся, и весной он умер. Я осталась в убеждении, что или у меня не хватило умения для психотерапии, или же ему была нанесена не травма, а смертельная душевная рана,

Грустно становится, когда думаешь, что, вероятно, больной далеко не единственная жертва возмущенной совести, поруганной большевизмом.

Иоаким, архиепископ Нижегородский

Преосвященный Иоаким, сын причетника Киевской епархии, в мире именовался Иоанном Иоакимовичем Левицким, родился в 1853 г. Высшее образование получил в Киевской духов. академии. В 1879 г. был назначен преподавателем в Рижскую духовную семинарию. 24 июня 1880 г. рукоположен в сан священника к Рижскому кафедральному собору с оставлением преподавателем. Овдовев, он принял монашество 28 июня 1893 г., с назначением ректором Рижской семинарии, с возведением в сан архимандрита. 14 января 1896 г. был хиротонисан в епископы Балтского викария Каменец-Подольской епархии. В 1897 г. был назначен епископом Брестским, а 11 января 1900 г. - Гродненским. В бытность ректором в Риге, Владыка состоял редактором епархиальных вед. и поместил на страницах журнала несколько статей с историко-статистическим описанием епархий по церковной истории Прибалтийского края. После ухода из Оренбурга на покой в Андрониев монастырь в Москве епископа Владимира Соколовского (быв. епископа в Америке), в Оренбург был назначен в 1903 г. Преосвященный Иоаким. В 1909 г. он был переведен в Нижний Новгород с возведением в сан Архиепископа.

Это был святитель выдающихся духовных дарований, религиозной настроенности, пламенный проповедник, пророческого вдохновения, человек доброго, отзывчивого сердца. Его любили за удивительный кроткий нрав, проповедничество и обаятельный вид.

Везде он оставил о себе добрую память, но наши подробные сведения о его трудах относятся только ко времени его пребывания в Оренбургской епархии.

Владыка Иоаким был в исключительном смысле покровителем и защитником миссионерского дела в этой епархии, широко развив внутреннюю и внешнюю ее миссию.

В Оренбургской епархии были миссионерские станы, долг которых был просвещать киргиз, башкир и татар, обращать их в христианство и насаждать в аулах русские школы.

При Влад. Иоакиме громадное количество иноверцев было присоединено к Прав. Церкви. В Оренбургской семинарии было введено преподавание татарского языка и изучение мусульманства, как обязательный предмет.

Владыка Иоаким изыскал средства на содержание четырех епархиальных миссионеров с хорошим окладом годового жалованья.

Лично он обратил множество сектантов и раскольников в епархии в православие и насаждал единоверческие приходы, сам служа в них по старопечатным книгам. В поселке Сухорченском в 1905 г. он обратил (с помощью местных миссионерских сил) старообрядческого священника о. Савву Сладкого, с которым в единоверие последовало несколько сот семейств и образовался большой приход, ежегодно увеличивавшийся за счет присоединения. В деле обращения старообрядцев в единоверие ему много помогал синодальный миссионер о. Ксенофонт Крючков, бывший в начале своей деятельности (в 80-х годах Оренбургским епархиальным миссионером. Благодаря их совместной деятельности в Уральской области на протяжении 700 верст (от пределов Оренбургской губ. до Каспийского моря) было построено более 50 единоверческих храмов, школ с причтами. Сотни и тысячи казаков и иногородних обращались в православие на правах единоверия и епархия ежегодно увеличивалась на десятки новых приходов.

В 1903 г. в Тургайскую область началось переселенческое движение из южных областей России. В духовном отношении переселенческая масса была предоставлена самой себе. Так случилось, что о Тургайских поселенцах все забыли и Глав. переселенческое ведомство сосредоточило свои заботы о крестьянах Сибири, Алтая и Приморья. Вместе с переселенцами из южных губерний в Тургай попало немало сектантов. В каждом поселке оказались баптисты, или адвентисты-субботники, имея во главе иногда полуграмотных «пресвитеров» и пасторов, которые не преминули вскоре же основать свои молитвенные собрания.

Православные же в духовном отношении представляли «овец, неимущих пастыря». Сектанты этим воспользовались и стали усиленно приглашать их на свои моления. Не имея места, где можно было бы удовлетворить свои религиозные потребности, православные переселенцы во множестве заполняли сектантские молельни и незаметно для себя оказывались в сектантских общинах. Родились дети, умирали старики, молодые вступали в брачное сожительство, а совершить таинство было некому. Особенно тяжело переживало православное население дни великого поста и великих праздников. В одном поселке переселенцы собрались в пасхальную ночь на площади, предназначенной для постройки храма, водрузили на длинном шесте колокол, привезенный из Таврической губ., позвонили в него несколько минут, пропели, как

умели, «Христос Воскресе» и разошлись тоскливо по хибаркам и землянкам разговляться. В такие дни сектанты устраивали свои торжественные моления и настойчиво приглашали православных прийти «послушать пение и проповедь». Многие шли нехотя, а потом оставались там и навсегда.

В конце 1906 г. и в начале 1907-го Преосвященный Иоаким послал в Тургайскую область двух епархиальных миссионеров-священников, которые могли лично убедиться в том, что целая область находится в сектантском пленении. Миссионерская поездка двух проповедников внесла оздоравливающее действие на уклонившихся: люди несли десятками младенцев для крещения, молодые пары новобрачных приходили с просьбой «принять закон», т. е. обвенчаться по православному чину, а множество верующих обращались с мольбами отпеть покойников, похороненных без церковного чина.

По возвращении миссионеров Преосвященный Иоаким составил обстоятельный доклад Св. Синоду, который сверх годовой сметы ассигновал 50 тысяч рублей на устройство храмов и школ в Тургайской области. Были экстренно созданы миссионерские курсы в Оренбурге и Кустанае, на которых в течение четырех месяцев готовились кандидаты во священники, главным образом из народных учителей, псаломщиков и опытных диаконов. На средства синода были построены храмы, школы и больницы и каждый (центральный) пункт получил священника-учителя. Началась новая жизнь для Тургайской области. Многие ревностные пастыри из других уездов просились на «миссионерскую работу» в Тургай и таким образом в короткий срок вся область покрылась хорошо организованными приходами во главе с идейными пастырями и сектантской пропаганде был положен конец. Увлечшиеся сектантством без затруднений обращались в православие, везде были заведены вечерние богослужения с беседами священников, стали открываться приходские религиозно-просветительные и миссионерские братства и таким образом Православие в области было спасено.

Преосвященный Иоаким в 1908 г. сам посетил область. В каждом поселке его встречали массы верующих, в больших пунктах он служил торжественные литургии, миссионеры проповедывали и распространяли противосектантскую литературу. Сам Владыка, незаурядный оратор, поражал всех знанием свящ. писания и в своих поучениях кратко, но сильно и убедительно поражал заблуждения отступников. Каждый год присоединенные к православию увеличивались. После присоединения к

православию сектантского «пресвитера» из пос. Викторовки, сектанты замолкли и нигде во всей области не наблюдалось отступлений в сектантство.

Присоединенный из баптизма бывший главарь секты, по фамилии Простибоженко, хороший знаток пения и регент, вместе со своей многочисленной семьей занял и в православной общины видное место, как горячий апологет православия. Владыка Иоаким очень сердечно отнесся к новому защитнику веры и даже предложил ему сан священника, от которого тот по скромности и смирению, отказался, приняв на себя должность псаломщика, регента и сотрудника миссионера.

Владыка Иоаким, по апостолу, «много раз был в путешествиях» (2 Кор. II, 26) со многими их опасностями.

Епархия была единственная в России по размерам: в нее входили - Оренбургская губ., Тургайская обл. и земля Уральского казачьего войска.

От реки Тобола Челябинского узда и до г. Гурьева на Каспийском море по прямой линии было ровно 3 тысячи верст.

И эту огромную территорию Вл. Иоаким объезжал ежегодно, иногда посещая такие места, г. Гурьев, где архиерея не видали 25 лет.

В своих путешествиях он был неутомим, делая сотни верст в теле. Кому приходилось сопровождать его в поездках дивились его выносливости.

Он был из вдовых священников, имел двух сыновей и будучи сам искушен, мог и искушаемым помочь.

Трудно определить сколько он спас людей и духовных, и мирских от отчаяния и окончательного падения!

Был случай, когда он спас от самоубийства диакона Г-ко, который вследствие семейной драмы, готов был наложить на себя руки.

Он ночью к нему приехал, забрал его, хмельного, в свою карету, привез в архиерейский дом и целую неделю продержал у себя, заставив его ежедневно служить в «крестовой».

Человек пришел в себя, одумался, взвесил свои поступки и оценил любовь Владыки.

Преосвященный Иоаким впоследствии рукоположил его в сан священника и назначил его в один из боевых приходов в П-й завод, состоящий из рабочего населения.

Гирко своими трудами буквально переродил буйную рабочую вольницу и явил в своем лице тип идеального пастыря.

Преосвященный Иоаким покровительствовал просвещению и при нем церковные школы увеличивались и процветали. Бедных семинаристов он одевал с ног до головы из своих

81

средств, рукополагал во священство и снабжал деньгами на обзаведение хозяйством.

Воистину - это был благодетель, творивший много добрых дел и явно, и тайно.

Преосвященный Иоаким был страстный любитель пения.

Из Оренбурга Преосвященный Иоаким был переведен в Нижний Новгород.

Нижегородцы сразу полюбили нового Владыку и он там святительствовал до самой революции.

Еще при Врем. Правительстве, он сидел в тюрьме в Нижнем. С захватом власти большевиками он был снова арестован. Сам ли он пред этим попал в Крым или был привезен туда, но в кафедральном соборе г. Севастополя его повесили на царских вратах вниз головою.

Так скончал мученически свою жизнь один из выдающихся святителей Русской Церкви.

82

Глава 10. Платон, епископ Ревельский.

14-е января 1919 года — день мученической кончины первого национального епископа Эстонской Церкви Платона, зверски убитого большевиками в подвале Кредитного банка в гор. Юрьеве.

Епископ Платон, в мире Павел Петрович Кульбуш, сын псаломщика Рижской епархии, родился 13-го июля 1869 года. По окончании курса С.-Петербургской духовной академии со степенью кандидата-магистранта богословия, он был в 1894 году определен на должность настоятеля эстонского православного прихода в Петербурге. Занимая эту должность в течение 23-х лет, о. Павел Кульбуш по достоинству выдвинулся в первые ряды столичного духовенства, как выдающийся пастырь и администратор. Когда в Эстонской Православной Церкви в 1917 году возник вопрос о замещении кафедры бывшей Рижской епархии, то общий голос духовенства и мирян назвал имя о. Павла Кульбуша. Св. Синод признал желание православных эстонцев заслуживающим удовлетворения, а о. Павла достойным кандидатом на должность епископа. 13 января 1918 года о. Павел Кульбуш (в монашестве Платон) митрополитом Петроградским Вениамином (убитым большевиками в ночь с 12-го на 13-е августа 1922 года) и епископом Лужским Артемием был рукоположен в сан епископа. Вступив в управление вверенными ему православными приходами в Эстонии, Владыка Платон ревностно принялся за восстановление приходской жизни, пришедшей в расстройство за время революционной смуты 1917 года. Время было страшное: грабежи, насилия, убийства вносили в жизнь ужас и отчаяние, люди не были уверены в завтрашнем дне и нуждались в духовном ободрении и утешении. Епископ Платон за время своего кратковременного святительства лично посетил 71 приход, всюду восстанавливая нарушенную церковную жизнь и словами любви и ободрения внося утешение в смятенные души верующих.

Но не долго православное духовенство и народ Эстонии пользовались счастьем быть водимыми своим мудрым и благостным архипастырем.

19-го декабря 1918 года, немецкие войска, оккупировавшие Эстонию во второй половине года, покинули город Тарту (б. Юрьев), где в то время, оправляясь от перенесенной тяжелой болезни, проживал Епископ Платон. 21 того же декабря городом завладели большевики и со свойственной им жестокостью принялись за кровавую расправу со всеми, кто не с ними. 2-го января 1919 года Епископ Платон был задержан на улице и заключен вместе со многими другими в помещение Кредитного банка, превращенное в тюрьму. 14-го января г. Тарту смелым натиском белых эстонских войск был

отбит, но большевики, оставляя город, по своему обыкновению, успели «хлопнуть дверью». В 10½ часов утра, отобрав наскоро около 20 человек из заключенных в Кредитном банке заложников, они отвели их в подвальное помещение банка и там убили их самым зверским способом. После ухода большевиков в подвале банка было найдено и извлечено около 20 трупов, при чем некоторые из них были изуродованы до неузнаваемости. Тело Епископа Платона носило на себе следы 7 штыковых и 4 огнестрельных ран, причем одна из них, в правый глаз, — разрывною пулею.

В числе убитых в подвалах Кредитного банка в г. Тарту, кроме Епископа Платона, были два протоиерея, — Н. Бежаницкий и М. Блейве, один пастор и несколько купцов.

Тело Епископа Платона в торжественной процессии было перевезено в г. Таллин, и здесь погребено 9-го февраля того же года у левого клироса Спасо-Преображенского собора.

17-18 января 1931 года состоялось торжественное освящение мраморного саркофага над могилою Епископа Платона, сооруженного на средства, ассигнованные Правительством и собранные путем пожертвований.

День смерти Епископа Платона и других с ним ежегодно отмечался в Эстонии, как день всеобщей скорби.

Глава 11.

Патриарх Тихон.

Патриарх Тихон — самый великий страдалец из всех страдальцев Русской Церкви этой страшной эпохи гонений.

Он был только тринадцать месяцев в заключении (с 16 мая 1922 г. до 15 июня 1923 г.), но более тяжелой порой его жизни было все время пребывания его на свободе в течении всех недолгих лет его патриаршества (с 21 ноября 1917 г. по 25 марта 1925 г.), которое и было сплошным подвигом мученичества. Все эти годы он фактически жил в заключении и умер в борьбе и в скорби. Облекаемый в эту пору высшими полномочиями, он избранием Церкви и жребием Божиим был жертвой, обреченной на страдания за всю Русскую Церковь ¹⁾.

Патриарх Тихон, в мире Василий Иванович Беллавин, родился 19-го января 1865 г. в Торопце, Псковской губ., где отец его всю свою жизнь был священником. Город этот тем замечателен, что похож на Москву необычайным обилием церквей; в маленьком городке церкви на каждом шагу, все старинные и довольно красивые. Есть в нем и местная святыня, древняя Корсунская икона Божией Матери, известная в русских летописях с самых первых времен христианства на Руси. Жизнь там была крайне патриархальная, со многими чертами старинного русского быта: ведь ближайшая железная дорога была тогда верстах в 200 от Торопца.

Учился он в Псковской Духовной Семинарии в 1878-1883 гг., скромный семинарист, отличавшийся религиозностью, ласковым и привлекательным характером. Он был довольно высокого роста, белокурый. Товарищи любили его, но к этой любви всегда присоединялось и чувство уважения, объяснявшееся его неуклонной, хотя и вовсе не аффектированной, религиозностью, блестящими успехами в науках и всегдашнюю готовностью помочь товарищам, неизменно обращавшимся к нему за разъяснениями уроков, особенно за помощью в составлении и исправ-

¹⁾ Надеемся, что о Патриархе Тихоне будут сделаны отдельные, подробнейшие и исчерпывающие исследования.

лении многочисленных в Семинарии «сочинений», т. е. письменных работ. В этом юный Беллавин находил для себя даже какое-то удовольствие, веселье, и с постоянной шуткой, хотя и с наружно серьезным видом, целыми часами возился с товарищами, по одиночке или группами, внимавшими его объяснениям. Замечательно, что товарищи в Семинарии шутливо называли его «архиереем». В Петроградской Духовной Академии, куда поступил он 19 лет, на год моложе нормы, не принято было давать шутливые прозвища, но товарищи по курсу, очень любившие ласкового и спокойно религиозного псковича, называли его уже «патриархом». Впоследствии, когда он стал первым в России, после 217 летнего перерыва, патриархом, его товарищи по Академии не раз вспоминали это пророческое прозвище. Отец В. Беллавина предвидел, что сын его будет необычайным.

Однажды, когда он с тремя сыновьями спал на сеновале, то вдруг ночью проснулся и разбудил их. «Знаете, заговорил он, я сейчас видел свою покойную мать, которая предсказала мне скорую кончину, а затем, указывая на вас, прибавила: этот будет горюном всю жизнь, этот умрет в молодости, а этот — Василий — будет великим». Понял ли старец священник, что его

сына будут на всех ектениях по всей России и даже по всему миру поминать великим господином. Пророчество явившейся покойницы со всею точностью исполнилось на всех трех братьях.

И в Академии, как и в Семинарии студент Беллавин был всеобщим любимцем. Это особенно сказалось, когда ректор Академии епископ Антоний, впоследствии Митрополит Петербургский, сменил за неблагонадежность выбранного студентами библиотекаря. Студенты запротестовали и никого не хотели избирать, кроме уволенного начальством. А библиотека была студенческая, содержащаяся на средства, добываемые студентами, и должность библиотекаря — выборная. Тогда ректор Академии назначил своею властью библиотекарем В. И. Беллавина. Популярность его среди студентов была так велика, что никто не стал протестовать против нарушения студенческих прав.

В 1888 г. Беллавин 23-х лет от роду оканчивает Академию и в светском звании получает назначение в родную Псковскую Духовную Семинарию преподавателем. И здесь он был любимцем не только всей Семинарии, но и города Пскова. Жил он в патриархальном Пскове скромно, на мезонине деревянного домика, в тихом переулке близ церкви «Николы Соусохи» (там сохранилось много старинных названий), и не чуждался дружеского общества.

86

Но вот разнеслась неожиданная весть: молодой преподаватель подал Архиерею прошение о принятии монашества, и скоро будет его пострижение. Епископ Гермоген, добрый и умный старец, назначил пострижение в Семинарской церкви, и на этот обряд, редкий в губернском городе, да еще над человеком, которого многие так хорошо знали, собрался чуть не весь город. Опасались, выдержат ли полы тяжесть собравшегося народа (церковь во втором этаже семинарского здания) и, кажется, специально к этому дню поставили подпорки к потолкам в нижнем этаже. Очевидцы помнят, с каким чувством, с каким убеждением отвечал молодой монах на вопросы архиерея о принимаемых им обетах: «Ей, Богу содействующу». Постригаемый вполне сознательно и обдуманно вступал в новую жизнь, желая посвятить себя исключительно служению Церкви. При постриге не случайно дается столь соответствующее ему имя Тихона, в честь Святителя Тихона Задонского.

В 1891 г. на 26 году своей жизни он принял монашеский постриг.

Из Псковской Семинарии иеромонаха Тихона переводят инспектором в Холмскую Духовную Семинарию, где он вскоре затем был и ректором ее в сане архимандрита. На 34-ом году — в 1898 году архимандрит Тихон возводится в сан Епископа Люблинского, с назначением викарием Холмской Епархии. Очень недолго он был на положении викарного епископа. Через год он получает самостоятельную кафедру в стране далече — Алеутско-Аляскинскую, в Северной Америке, которую принял по монашескому послушанию.

С каким волнением уезжал в далекие края молодой епископ, вместе с младшим своим братом, болезненным юношей, покидая в Псковской губернии горячо любимую им мать-старушку; отца его тогда уже не было в живых. Брат его скончался на руках преосвященного Тихона, несмотря на все заботы о нем в далекой Америке, и лишь тело его было перевезено в родной Торопец, где жила еще старушка-мать. Вскоре с ее кончиной, не осталось в живых никого из родственников будущего патриарха.

И в Америке, как и в предыдущих местах службы, епископ Тихон снискал себе всеобщую любовь и преданность. Он очень много потрудился на ниве Божией в С. Америке и С. Американская Епархия очень многим ему обязана. За то его бывшая там паства неизменно помнит своего Архипастыря и глубоко чтит его память.

Сам он вспоминал об этом времени, как о том, которое расширило его церковно-политический кругозор, познакомило с новыми формами человеческих взаимоотношений и подготовило к тому, что пришлось ему испытать впоследствии.

За время службы в Америке (около 7 лет) преосвященный Тихон только один раз приезжал в Россию, когда был вызван в Св. Синод для участия в летней сессии. Тут перед высшими иерархами и перед светскими правителями церкви, — тогда обер-прокурорствовал еще К. П. Победоносцев, — обнаружились духовно-административные таланты молодого епископа. В 1905 году он был возведен в сан архиепископа, а в 1907 г. призван к управлению одной из самых старейших и важнейших епархий в России, Ярославской. Там в Ярославле, он пришелся всем по душе. Все полюбили доступного, разумного, ласкового архипастыря, охотно откликавшегося на все приглашения служить во многочисленных храмах Ярославля, в его древних монастырях, даже приходских церквях обширной епархии. Часто посещал он церкви и без всякой помпы, даже ходил пешком,

что в ту пору было необычным делом для русских архиереев. А при посещении церквей вникал во все подробности церковной обстановки, даже поднимался иногда на колокольню, к удивлению батюшек, непривычных к такой простоте архиереев. Но это удивление скоро сменялось искреннею любовью к архипастырю, разговаривавшему с подчиненными просто и ласково, с добродушною шуточкою, без всякого следа начальственного тона. Даже замечания обыкновенно делались добродушно, иногда с шуткой, которая еще более заставляла виновного стараться исправить замеченную неисправность.

Ярославцам казалось, что они получили идеального архипастыря, с которым никогда не хотелось бы расставаться. Но высшее церковное начальство Преосвященного Тихона скоро перевело на Виленскую кафедру, а в Ярославль прислали Виленского Архиепископа Агафангела. Проводы Преосвященного Тихона в Ярославле были необычайно трогательны: всеобщая любовь и уважение к нему ярославцев сказались в том, что Городская Дума избрала его почетным гражданином Ярославля, — отличие, не выпавшее на долю ни одному, кажется, из тогдашних архиереев.

В Вильне от православного архиепископа требовалось много такта. Нужно было угодить и местным властям и православным жителям края, настроенным иногда крайне враждебно к полякам, нужно было и не раздражать поляков, составлявших большинство местной интеллигенции, нужно было всегда держать во

внимании особенности духовной жизни края, отчасти ополяченного и окатоличенного. Для любящего во всем простоту архиепископа Тихона труднее всего было поддерживать внешний престиж духовного главы господствующей церкви в крае, где не забыли еще польского гонора и высоко ценили пышность. В этом отношении простой и скромный Владыка не оправдывал, кажется, требований ревнителей внешнего блеска, хотя в церковном служении он не уклонялся, конечно, от подобающего великолепия и пышности и никогда не ронял престижа русского имени в сношениях с католиками. И там все его уважали. Вот он едет из Вильны на свою великолепную архиерейскую дачу, Тринополь, в простой коляске и в дорожной скуфейке, к ужасу русских служащих; но все, кто его встречали и узнавали, русские, поляки и евреи, низко ему кланялись. Во время прогулки по «кальварии», — так назывался ряд католических часовен вокруг архиерейской дачи, посвященных разным стадиям крестного пути Христа на

Голгофу, — перед архиепископом вставали и приветствовали его все католики, служившие при часовне, хотя он был в подряснике и шляпе.

Здесь, в Вильне, Преосвященного застало в 1914 г. объявление войны. Его епархия оказалась в сфере военных действий, а затем через нее прошел и военный фронт, отрезавший часть епархии от России. Пришлось Преосвященному покинуть и Вильну, вывезши лишь св. мощи и часть церковной утвари. Сначала он поселился в Москве, куда перешли и многие виленские учреждения, а потом в Дисне, на окраине своей епархии. Во всех организациях, так или иначе помогавших пострадавшим на войне, обслуживавших духовные нужды воинов и т. п. преосвященный Тихон принимал деятельное участие, посещал и болящих и страждущих, побывал даже на передовых позициях, под неприятельским обстрелом, за что получил высокий орден с мечами. На это же время падает и присутствие архиепископа Тихона в Св. Синоде, куда он неоднократно вызывался правительством. Между прочим, по поручению Синода, он должен был совершить далекое и не особенно приятное путешествие в Тобольск, для расследования громкого дела о самовольном прославлении мощей пресловутым епископом Варнавой, которого поддерживал Распутин. Как всегда, преосвященный Тихон действовал примирительно и много способствовал благополучному окончанию дела.

Всего тяжелее оказалось положение архиепископа Тихона во дни революции, когда он был в Синоде, а на кресле К. П. Победоносцева и В. К. Саблера оказался неуравновешенный В. Н.

Львов. Тотчас же революционный обер-прокурор изгнал из Синода митрополитов Питирима и Макария, получивших свои посты не без влияния Распутина, но и остальным членам Синода трудно было ладить с В. Н. Львовым.

Затем весь состав Синода был сменен: был освобожден от присутствия в нем и преосвященный Тихон. Вскоре москвичам пришлось избирать себе архипастыря, вместо удаленного на покой митрополита Макария, и вот на московскую кафедру был избран виленский архиепископ Тихон.

Что повлияло на этот выбор, совершенно неожиданный и для самого преосвященного Тихона. Несомненно рука Божия вела его к тому служению, какое он понес для славы Церкви. В Москве его мало знали. В Петроград

приезжали особо уполномоченные от московских духовных и светских кругов, чтобы собрать сведения о достойных кандидатах; в собрании, особо для них устроенном, называлось много имен, было названо и имя архиепископа Тихона, но определенно ни на ком не остановились. На предварительных собраниях в Москве, перед выборами архипастыря, имя архиепископа Тихона также не выступало на первую очередь; больше голосов было за А. Д. Самарина, и только решительное голосование в храме, пред древней святыней Москвы, Владимирской иконой Божией Матери, дало значительный перевес пред всеми архиепископу Тихону; он был торжественно провозглашен и утвержден Св. Синодом. Возможно, что близость Ярославля к Москве имела здесь некоторое значение: ярославцы хорошо помнили архиепископа Тихона.

Москва торжественно и радостно встретила своего первого избранника-архипастыря. Он скоро пришелся по душе москвичам, и светским, и духовным. Для всех у него находится равный прием и ласковое слово, никому не отказывает он в совете, в помощи, в благословении. Скоро оказалось, что Владыка охотно принимает приглашения служить в приходских церквях, — и вот церковные причты и старосты начинают, наперебой, приглашать его на служение в приходские праздники, и отказа никому нет. После службы архипастырь охотно заходит и в дома прихожан, к их великой радости. В короткое время своего архиерея знает вся Москва, знает, уважает и любит, что ясно обнаружилось впоследствии.

15-го августа 1918 г. в Москве открылся Священный Собор, и Архиепископ Московский Тихон получил титул Митрополита, а затем был избран Председателем Собора.

По началу Собора, на котором были течения об умалении даже власти архиерейской, трудно было предвидеть восстано-

ние Патриаршества и только после большевицкого переворота, под грохот пушек, Собор решил избрать Патриарха.

На Соборе рядом со специалистами канонического права и богословия сидели и простые крестьяне, и сплошь да рядом, в самых серьезных вопросах одерживали верх мнения не людей науки, а простых смиренных крестьян. Один из крестьян сказал: «у нас нет больше царя, нет отца, которого мы бы любили; Синод любить невозможно, а потому мы, крестьяне, хотим патриарха».

В это время в Москве стояла несмолкаемая канонада, — большевики обстреливали Кремль, где дружно держалась еще кучка юнкеров. Когда Кремль пал, все на Соборе страшно тревожились и об участи молодежи, попавшей в руки большевиков, и о судьбе Московских Святых, подвергавшихся обстрелу. И вот, первым спешит в Кремль, как только доступ туда оказался возможным, Митрополит Тихон, во главе небольшой группы членов Собора. С каким волнением выслушивал Собор живой доклад Митрополита, только-что вернувшегося из Кремля, как перед этим члены Собора волновались из опасения за его судьбу: некоторые из спутников Митрополита вернулись с полпути и рассказали ужасы о том, что они видели, но все свидетельствовали, что Митрополит шел совершенно спокойно, не обращая внимания на озверевших солдат, на их глазах расправлявшихся с «кадетами», и побывал везде, где было нужно. Высота его духа была тогда для всех очевидна.

Спешно приступили к выборам Патриарха: опасались, как бы большевики не разогнали Собор. Решено было голосованием всех членов Собора избрать трех кандидатов, а затем предоставить воле Божией, посредством жребия, указать избранника. И вот, усердно помолившись, члены Собора начинают длинными вереницами проходить перед урнами с именами намеченных кандидатов. Первое и второе голосование дало требуемое большинство митрополитам Харьковскому и Новгородскому, и лишь на третьем выдвинулся Митрополит Московский Тихон. Перед Владимирскою иконою Божией Матери, нарочно принесенною из Успенского Собора в Храм Христа Спасителя, после торжественной литургии и молебна 28-го октября, Схимник, член Собора, благоговейно вынул из урны один из трех жребиев с именами кандидатов, и митрополит Киевский Владимир, провозгласил имя избранника — Митрополита Тихона. С каким смирением, с сознанием важности выпавшего жребия, и с полным достоинством принял преосвященный Тихон известие о Божием избрании. Он не жаждал нетерпеливо этой вести, но и не

тревожился страхом, — его спокойное преклонение перед волей Божией было ясно видно для всех. Когда торжественная депутация членов Собора, во главе с высшим духовенством, явилась в церковь Троицкого подворья в Москве, для «благовестия» о Божием избрании и для поздравления вновь избранного Патриарха, преосвященный Тихон вышел из алтаря в архиерейской мантии и ровным голосом начал положенный по церемониалу краткий молебен.

После молебна митрополит Владимир, обращаясь к новоизбранному, произнес: «Преосвященный Митрополит Тихон, Священный и великий Собор призывает твою святыню на Патриаршество Богоспасаемого града Москвы и всея России», на что митрополит Тихон отвечал: «понеже Священный и великий Собор судил меня, недостойного, быти в таком служении, благодарю, приемлю и нимало вопреки глаголю». Вслед за провозглашенным затем ему многолетием митрополит Тихон обратился к Соборному Посольству с кратким словом.

«Возлюбленные о Христе отцы и братие. Сейчас я изрек по чиноположению слова: «Благодарю, и приемлю, и нимало вопреки глаголю». Конечно безмерно мое благодарение ко Господу за неизреченную ко мне милость Божию. Велика благодарность и к Членам Священного Всероссийского Собора за высокую честь избрания меня в число кандидатов на патриаршество. Но, рассуждая по человеку, могу многое глаголать вопреки настоящему моему избранию. Ваша весть об избрании меня в Патриархи является для меня тем свитком, на котором было написано: «Плачь, и стон и горе», и каковой свиток должен был сесть пророк Иезекииль (II, 10; III, 1). Сколько и мне придется глотать слез и испускать стонов в предстоящем мне патриаршем служении, и особенно — в настоящую тяжелую годину! Подобно древнему вождю еврейского народа — Моисею, и мне придется говорить ко Господу: «для чего Ты мучишь раба Твоего? И почему я не нашел милости пред очами Твоими, что Ты возложил на меня бремя всего народа сего? Разве я носил во чреве весь народ сей и разве я родил его, что Ты говоришь мне: неси его на руках твоих, как нянька носит ребенка? Я один не могу нести всего народа сего, потому что он тяжел для меня» (Числ XI, 11-14). Отныне на меня возлагается попечение о всех церквах Российских и предстоит умирание за них во вся дни. А к сим кто доволен, даже и из крепких мене! Но да будет воля Божия! Нахожу подкрепление в том, что избрания сего я не искал, и оно пришло помимо меня и даже помимо человеков, по жребию Божию. Уповаю, что Господь, призвавший меня, Сам и поможет мне Своею всесильною благодатию нести бремя, возложенное на меня, и соделает его легким бременем. Утешением и ободрением служит для меня и то, что избрание мое совершается не без воли Пречистые Богородицы. Дважды Она, пришествием Своея честные иконы Владимирския, в храме Христа Спасителя присутствует при моем избрании; в настоящий раз самый жребий взят от Чудотворного Ея образа. И я как бы становлюсь под честным Ея омофором. Да прострет же Она — Многомощная — и мне слабому руку Своея помощи, и да избавит и град сей, и всю страну Российскую от всякие нужды и печали».

Время перед торжественным возведением на патриарший престол митрополит Тихон проводил в Троице-Сергиевой Лавре, готовясь к принятию высокого сана. Соборная комиссия спешно вырабатывала давно забытый на Руси порядок поставления Патриархов, особенности их служения, отличия в одежде и т. под. Большевики тогда не закрыли еще Кремля, и можно было совершить церемонию в древнем патриаршем Соборе — Успенском, где сохранился и патриарший трон на горнем месте, — на него никто не садился со времени последнего Патриарха, — и особое патриаршее место. Добыли из богатой патриаршей ризницы облачения русских Патриархов, жезл Митрополита Петра, митру и белый клобук Патриарха Никона и др. Интересно отметить, что клобук и мантия Никона оказались вполне пригодными для нового Патриарха.

Великое церковное торжество происходило в Успенском Соборе 21 ноября 1917 г. Мощно гудел Иван Великий, кругом шумели толпы народа, наполнявшие не только Кремль, но и Красную площадь, куда были собраны крестные ходы из всех московских церквей. За литургией два первенствующие митрополита при пении «аксиос» (достойн) трижды возвели Божия избранника на патриарший трон, облачили его в присвоенные его сану священные одежды.

Когда митрополит Владимир вручил ему с приветственным словом жезл Святителя Петра, митрополита Московского, Святейший Патриарх ответил исполненною глубины прозрения речью.

«Устроением Промышления Божия, мое вхождение в сей Соборный Патриарший Храм Пречистые Богоматери совпадает с всечестным праздником Введения во Храм Пресвятые Богородицы. Сотвори Захария вещь странну и всем удивительну, егда введе в самую внутреннюю скинию, во Святая Святых, сие же сотвори по таинственному Божиему научению. Дивно для всех и мое — Божиим устроением — нынешнее вступление на Патриаршее место, после того, как свыше 200 л. стояло пусто. Многие мужи, сильные словом и делом, свидетельствованные в вере, — мужи, которых весь мир не был достоин, не получили, однако, осуществления своих чаяний о восстановлении Патриаршества на Руси, не вошли в покой Господень, в обетованную землю, куда направлены были их святые помышления, ибо Бог презрел нечто лучшее о нас. Но да не впадем от сего, братие, в гордыню. Один мыслитель, приветствуя мое недостойнство, писал: «Может быть, дарование нам Патриаршества, которого не могли увидеть люди, более нас сильные и достойные, служит указанием проявления Божией милости именно к нашей немощи, к бедности духовной». А по отношению ко мне самому дарованием Патриаршества дается мне чувствовать, как много от меня требуется и как многого для сего мне не достает. И от сознания сего

священным трепотом объемлется ныне душа моя. Подобно Давиду, и я мал бе в братии моей, а братии мои — прекрасны, и велики, но Господь благоволил избрать меня. Кто же я, Господи, Господи, что

Ты так возвел и отличил меня? Ты знаешь раба Твоего, и что может сказать Тебе? И ныне благослови раба Твоего. Раб Твой среди народа Твоего, столь многочисленного, — даруй же сердце разумное, дабы мудро руководить народом по пути спасения. Согрей сердце мое любовью к чадам Церкви Божией, и расшири его, да не тесно будет им вмещаться во мне. Ведь архипастырское служение есть по преимуществу служение любви. Горохищное обрет овча, архипастырь подымлет е на рамена своя. Правда, Патриаршество восстанавливается на Руси в грозные дни, среди огня и орудийной смертоносной пальбы. Вероятно и само оно принуждено будет не раз прибегать к мерам запрещения для вразумления непокорных и для восстановления порядка церковного. Но как в древности пророку Илии явился Господь не в буре, не в тусе, не в огне, а в прохладе, в веянии тихого ветерка, так и ныне на наши малодушные укоры: «Господи, Сыны Российские оставили завет Твой, разрушили Твои жертвенники, стреляли по храмовым и кремлевским святыням, избивали священников Твоих», — слышится тихое веяние словес Твоих: «еще семь тысяч мужей не преклонили колена пред современным ваалом и не изменили Богу истинному». И Господь как бы говорит мне так: «Иди и разыщи тех, ради коих еще пока стоит и держится Русская Земля? — Но не оставляй и заблуждших овец, обреченных на гибель, на заклание, овец, поистине жалких. Паси их, и для сего возьми жезл сей, жезл благоволения. С ним потерявшуюся — отыщи, угнанную возврати, пораженную — перевяжи, больную укрепи, разжиревшую и буйную — истреби, паси их по правде». В сем да поможет мне Сам Пастыреначальник, молитвами Пресвятые Богородицы и Святителей Московских. Бог да благословит всех нас благодатию Своею. Аминь».

После литургии новый Патриарх, в сопровождении крестного хода, шел вокруг Кремля, окропляя его святою водою. Замечательное отношение большевиков к этому торжеству. Тогда они не чувствовали еще себя полными хозяевами и не заняли определенной позиции в отношении Церкви, хотя враждебность к ней была ясна. Солдаты, стоявшие на гауптвахте у самого Успенского Собора вели себя развязно, не снимали шапок, когда мимо проносили иконы и хоругви — курили, громко разговаривали и смеялись. Но вот, вышел из Собора Патриарх, казавшийся согбенным

старцем в своем кругло-белом клобуке с крестом наверху, в синей бархатной мантии Патриарха Никона, — и солдаты моментально скинули шапки и бросились к Патриарху протягивая руки для благословения через перила гауптвахты. Было ясно, что-то развязное держание было лишь «бахвальство», модное, напускное, а теперь прорвались настоящие чувства, воспитанные веками.

Рука Божия в деле возглавления Русской Церкви именно Тихоном Патриархом не могла быть не усмотрена тогда же. Архиепископ Антоний (Харьковский) от лица всех епископов сказал новоизбранному Патриарху: «Ваше избрание нужно назвать по преимуществу делом Божественного Промысла по той причине, что оно было бессознательно предсказано друзьями юности,

товарищами Вашими по Академии. Подобно тому, как полтора-два года тому назад мальчики, учившиеся в Новгородской бурсе, дружески шутя над благочестием своего товарища Тимофея Соколова, кадили пред ним своими лаптями, а затем их внуки совершили уже настоящее каждение пред нетленными мощами его, то есть, Вашего небесного покровителя — Тихона Задонского, — так и Ваши собственные товарищи по Академии прозвали Вас Патриархом, когда Вы были еще мирянином и когда ни они, ни Вы сами не могли и помышлять о действительном осуществлении такого наименования, данного Вам друзьями молодости за Ваш степенный, невозмутимо солидный нрав и благочестивое настроение».

Патриарх Тихон не изменился, остался таким же доступным, простым, ласковым человеком, когда стал во главе русских иерархов. По-прежнему он охотно служил в московских церквях, не отказываясь от приглашений. Близкие к нему лица советовали ему, по возможности, уклоняться от этих утомительных служений, указывая на престиж Патриарха; но оказалось потом, что эта доступность Патриарха сослужила ему большую службу: везде его узнали, как своего, везде полюбили и потом стояли за него горой, когда пришла нужда его защищать. Но мягкость в обращении Патриарха Тихона не мешала ему быть непреклонно твердым в делах церковных, где было нужно, особенно в защите Церкви от ее врагов. Тогда уже вполне наметилась возможность того, что большевики помешают Собору работать, даже разгонять его. Патриарх не уклонился от прямых обличений, направленных против гонений на Церковь, против декретов большевиков, разрушавших устои Православия, их террора и жестокости.

Описывая в послании гонения воздвигнутые на истину Христову и ужасные и зверские избиения ни в чем неповинных людей без всякого суда, с попранием всякого права и законности, Патриарх говорит: «Все сие преисполняет сердце наше глубоко болезненной скорбью и вынуждает нас обратиться к таковым извергам рода человеческого с грозным словом обличения. Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело; это — поистине дело сатанинское, за которое подлежите огню геенскому в жизни будущей, загробной, и страшному проклятию потомства в жизни настоящей, земной. Властью данною нам от Бога запрещаем вам приступать к тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной. Заклинаем всех

вас, верных чад Православной Церкви Христовой не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение: «измите злого от вас самих» (1 Кор. V, 13). Враги Церкви захватывают власть над нею и ее достоянием силою смертоносного оружия, а вы противостояйте им силою веры вашей, вашего властного всенародного вопля... А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовем вас, возлюбленные чада Церкви, зовем вас на эти страдания вместе с собою»... (Посл. 19 янв. 1918 г.).

В послании по поводу Брест-Литовского мира, заключенного большевиками с немцами, Патриарх пишет: «мир, по которому даже искони православная Украина отделяется от братской России и стольный город Киев, мать городов, колыбель нашего крещения, хранилище святынь, перестает быть городом державы Российской; мир, отдающий наш народ и русскую землю в тяжкую кабалу, — такой мир не даст народу желанного отдыха и успокоения, Церкви же Православной принесет великий урон и горе, а отечеству неисчислимые потери. А между тем у нас продолжается та же распря, губящая наше отечество. Внутренняя междоусобная война не только не прекратилась, а ожесточается с каждым днем. Голод усиливается... Взываю ко всем вам, архипастыри, пастыри, сыны мои и дочери о Христе: спешите с проповедью покаяния, с призывом к прекращению братоубийственных распрей и разрушения, с призывом к миру, тишине, к труду, любви и единению».

Наконец, послание Патриарха Тихона Совету Народных Комиссаров, по случаю первой годовщины октябрьской революции, гласит: «Захватывая власть и призывая народ довериться вам, какие обещания давали вы ему и

как исполнили эти обещания? Поистине, вы дали ему камень вместо хлеба и змею вместо рыбы (Мф. VII, 9-10). Отечество вы подменили бездушным интернационалом... Вы разделили весь народ на враждующие между собой станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью, и вместо мира искусственно разожгли классовую вражду. И не предвидится конца порожденной вами войне, так как вы стремитесь руками русских рабочих и крестьян доставить торжество призраку мировой революции... Никто не чувствует себя в безопасности, все живут под постоянным страхом обыска, грабежа, выселения, ареста, расстрела. Вы обещали свободу... Особенно больно и жестоко нарушение свободы в делах веры... в органах печати злобные богохульства и кощунства. Вы наложили свою руку на церковное достояние, собранное поколениями верующих...

Вы закрыли ряд монастырей и домовых церквей. Вы заградили доступ в Московский Кремль — это священное достояние всего верующего народа. Вы разрушаете исконную форму церковной общины-прихода, разгоняете церковные епархиальные собрания, вмешиваетесь во внутреннее управление Православной Церкви... Мы знаем, что наши обличения вызовут в вас только злобу и негодование, и что вы будете искать в них лишь повода для обвинения нас в противлении власти; но чем выше будет подниматься «столп злобы» вашей, тем вернейшим будет то свидетельством справедливости наших обличений... отпразднуйте годовщину своего пребывания у власти освобождением заключенных, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры... А иначе взыщется от вас всякая кровь праведная, вами проливаемая (Лк. XI, 51) и от меча погибнете сами вы, взявшие меч (Мф. XXVI, 52)». (Посл. 26 окт. 1918 г.).

Когда было составлено послание Патриарха к большевикам, по случаю годовщины их владычества, многие тогда настойчиво отговаривали Патриарха от этого рискованного шага, опасаясь за его свободу и жизнь. На соединенном заседании Синода и Совета все высказывали крайние опасения и указывали на то, что Патриарх должен беречь себя для пользы Церкви. Патриарх внимательно выслушал все советы, но стоял на своем. В ближайшее воскресенье он служил в своем Троицком подворье и после литургии заявил бывшим у него, что подписал послание и сделал распоряжение об отправке его комиссарам. — «Да, он всех внимательно слушает, мягко ставит возражения, но на деле проявляет несокрушимую волю», говорил по этому поводу один член Совета.

Неоднократно устраивались грандиозные крестные ходы, для поддержания в народе религиозного чувства, и Патриарх неизменно в них участвовал. А когда получилась горькая весть об убийстве Царской Семьи (5/18 июля 1918 г.), то Патриарх тотчас-же на заседании Собора отслужил панихиду, а затем служил и заупокойную литургию, сказав грозную, обличительную речь, в которой говорил, что как бы ни судить политику Государя, его убийство, после того, как он отрекся и не делал ни малейшей попытки вернуться к власти, является ничем неоправданным преступлением, а те, кто его совершили, должны быть заклеены, как палачи. «Недостаточно только думать это, — добавил Патриарх, — не надо бояться громко утверждать это, какие бы репрессии ни угрожали вам».

Каждую минуту опасались за жизнь Патриарха. Большевики наложили уже руку на членов Собора, выселяли их то из одно-

го помещения, то из другого, некоторых арестовали, ходили тревожные слухи о замыслах и против Патриарха. Однажды, поздно ночью, явилась к Патриарху целая депутация из членов Собора, во главе с видными архиереями, извещавшая его, со слов верных людей, о решении большевиков взять его под арест, и настойчиво советовавшая немедленно уехать из Москвы, даже за границу, — все было готово для этого. Патриарх, уже легший было спать, вышел к депутации, спокойный, улыбающийся, внимательно выслушал все, что ему сообщили, и решительно заявил, что никуда не поедет: «бегство Патриарха, — говорил он, — было бы слишком на руку врагам Церкви, они использовали бы это в своих видах; пусть делают все, что угодно». Депутаты остались даже ночевать на подворье и много дивились спокойствию Патриарха. Слава Богу, тревога оказалась напрасною. Но за Патриарха тревожилась вся Москва. Приходские общины Москвы организовали охрану Патриарха; каждую ночь, бывало, на подворье ночевали, по очереди, члены церковных Советов и Патриарх непременно приходил к ним побеседовать. Неизвестно, что могла бы сделать эта охрана, если бы большевики действительно, вздумали арестовать Патриарха: защищать его силой она, конечно, не могла, собрать народ на защиту — тоже, так как большевики предусмотрительно запретили звонить в набат, под страхом немедленного расстрела, и даже ставили своих часовых на колокольнях. Но в дежурстве близ Патриарха церковные люди находили для себя нравственную отраду, и Патриарх этому не препятствовал.

Безбоязненно выезжал Патриарх и в московские церкви, и вне Москвы, куда его приглашали. Выезжал он либо в карете, пока было можно,

либо в открытом экипаже, а перед ним обычно ехал иподиакон в стихаре, с высоким крестом в руках. Народ благоговейно останавливался и снимал шапки. Когда Патриарх ездил в Богородск, промышленный город Московской губернии, а позже в Ярославль и в Петроград, то многие опасались, как бы не устроили скандал солдаты или рабочие, но все страхи оказались напрасными. В Богородске рабочие встретили Патриарха, как прежде встречали царя, устроили для его встречи красиво убранный павильон, переполняли все улицы во время его проезда. В Ярославле, — это было уже после его разгрома, — сами комиссары вынуждены были принять участие во встрече, обедали с Патриархом, снимались с ним. О поездках Патриарха в Петроград хорошо известно: это был целый триумф. Московские комиссары хотели предоставить для Патриарха лишь одно купе в вагоне, но железнодорожные рабочие на-

стояли, чтобы ему был дан особый вагон, и по пути встречали его на остановках. Религиозное чувство сказалось в русском человеке, он сердцем почуял в Патриархе «своего», любящего, преданного ему всей душой. Кроме того, тяжкие страдания народа, подавляющего его большинства, от происшедшего революционного насилия, заставили его видеть в Патриархе единственную духовную опору, утешение и надежду спасения, и избавление от этого горя, упавшего на его плечи. Вместо глубоководного Царя, общего главы государства, он приобрел себе духовного отца, с которым связан внутренне и глубоко в ограде одной своей православной веры и Церкви. Здесь сказалась сплоченность Церкви пред лицом врага.

В многострадальной жизни Святейшего Патриарха пребывание его в Петрограде может быть было самым радостным событием. Поездка эта состоялась в конце мая 1918 г. В Москву от Петроградской епархии поехал за ним настоятель Казанского собора прот. о. Философ Орнатский, который принял потом мученическую кончину. Навстречу Патриарху на границу епархии выехал викарный преосвященный Артемий Лужский, а на вокзале ожидало многочисленное духовенство во главе с Митрополитом Вениамином, также впоследствии отдавшему жизнь свою во славу Церкви Христовой. От вокзала до Александро-Невской Лавры по Старо-Невскому проспекту были выстроены крестные ходы и депутации от приходов. С 6 час. утра начал собираться народ и к приходу поезда переполнил всю Знаменскую площадь, Лиговку и все прилегающие улицы. Звон колоколов всех церквей столицы возвещал моменты переезда границы губернии, приближения к городу и выход Патриарха из вокзала. Нельзя описать волнения толпы, когда

показался экипаж, в котором Патриарх был вместе с Митрополитом Вениамином. Все бросались к экипажу, плакали, становились на колени. Чтобы лучше благословлять всех Патриарх стоял в коляске до самой Лавры. Здесь его ожидали викарии епархии преосв. Генадий Нарвский, преосв. Анастасий Ямбургский и преосв. Мелхиседек Ладожский, около 200 священников и более 60 диаконов в облачениях. После молебна, в переполненном соборе при полной тишине Патриарх сказал речь о стоянии за веру до смерти.

Дни пребывания Патриарха в Петрограде были днями настоящего всеобщего ликования; люди как-то забывали, что живут в коммунистическом государстве, и даже на улицах чувствовалось необычайное оживление. Святейший жил в Троице-Сергиевском подворье на Фонтанке. Самыми торжественными моментами были его службы в соборах Исаакиевском, Казанском и

в Лаврском. Много затруднений было с патриаршими облачениями, трудно было достать белой муки, чтобы спечь просфоры, изготовить белые трехплетенные свечи, по-старинному предносимые Патриарху. В Исаакиевском соборе при встрече Патриарха пел хор из 60 диаконов в облачениях, так как соборный хор пришлось распустить из-за отсутствия средств. Сослужили Патриарху Митрополит, три викария, 13 протоиереев и 10 протодиаконов. На праздник Вознесения в Казанском соборе после литургии был крестный ход вокруг собора. Вся Казанская площадь и Невский проспект и Екатерининский канал представляли из себя море голов, среди которого терялась тонкая золотая лента духовенства. В этот день были именины о. Ф. Орнатского и Патриарх прямо из собора пошел с Преосвященным к нему. Толпа не расходилась до 4 час. и Святейший много раз выходил в сопровождении именинника на балкон, чтобы благословить всех. На последней торжественной службе в Лавре был хиротонисан во епископа Охтенского единоверческий архимандрит Симон, принявший потом мученическую смерть. Святейший ездил в Иоанновский монастырь на Карповке и сам служил панихиду на могиле отца Иоанна Кронштадтского. Он посетил также и Кронштадт.

В церковном служении Патриарх Тихон соблюдает ту же простоту, какую он отличается в частной жизни: нет у него излишней аффектации, театральности, часто надоедливых, но нет и грубости по отношению к служащим, тех громких окриков и суетливости, какими иногда сопровождается торжественная служба. Если нужно сделать какое-либо

распоряжение, оно отдается тихо и вежливо, а замечания делаются исключительно после службы, и всегда в самом мягком тоне. Да их и не приходится делать: служащие проникаются тихим молитвенным настроением Патриарха, и каждый старается сделать свое дело, как можно лучше. Торжественное служение Патриарха со множеством архиереев и клириков, многолюдные крестные ходы, — всегда совершались чинно, в полном порядке, с религиозным подъемом.

Жил Патриарх в прежнем помещении московских архиереев, в Троицком подворье Сергиевской Лавры, «у Троицы на Самотеке». Это скромный, хотя и просторный дом имел Крестовую церковь, где монахи Сергиевой Лавры ежедневно совершали положенное по уставу богослужение. Рядом с алтарем помещается небольшая моленная, уставленная иконами; в ней Патриарх и молился во время Богослужения, когда не служил сам. Но служить он любил и часто служил в своей Крестовой

100

церкви. Дом окружен небольшим садиком, где Патриарх любил гулять, как только позволяли дела. Здесь часто к нему присоединялись и гости, и близко знакомые посетители, с которыми лилась приятная, душевная беседа, иногда до позднего часа. Садик уютный, плотно отделенный от соседних дворов, но детишки-соседи взбирались иногда на высокий забор, и тогда Патриарх ласково оделял их яблоками, конфетами. Тут же и небольшой фруктовый садик, и огород, и цветник, и даже баня, — но все это было запущено за время революции.

Конечно, и стол Патриарха был очень скромный: черный хлеб подавался по порциям, часто с соломой, картофель без масла. Но и прежде преосвященный Тихон был совсем невзыскателен к столу, любил больше простую пищу, особенно русские щи да кашу.

Гонения на Церковь продолжались с возрастающей силой: отбиралось и разграблялось церковное имущество, истреблялось в огромном количестве духовенство. Количество убитых священников не поддается никакому подсчету. По строго проверенным данным, в одной Харьковской губернии, за 6 месяцев, с конца декабря 1918 г. по июнь 1919 г., было убито 70 священников. Со всех концов России приходили к Патриарху известия об этих ужасах.

Самого Патриарха большевики не трогали. Говорят, Ленин сказал: «мы из него второго Гермогена делать не будем». С очень ранней поры большевики стали вести с ним переговоры. Они хотели морально терроризировать Патриарха общим положением Церкви и этими убийствами. Но они обещали послабления если Патриарх сделает уступки в своих непримиримых позициях. Будучи заклятым врагом религии и Церкви и стремясь их уничтожить, большевики должны были естественно предположить и враждебность к себе Церкви, а потому повсеместно убивая духовенство, они обвиняли его в контрреволюции, независимо от того, были ли в каждом случае какие-либо улики для такого обвинения.

Понятно, что для спасения тысяч жизней и улучшения общего положения Церкви, Патриарх готов был со своей стороны принять меры к очищению хотя бы только одних служителей Церкви от чисто политических выступлений против большевиков. 25 сент. 1919 г. в разгар уже гражданской войны он издает послание с требованием к духовенству прекратить политическую борьбу с большевиками. Но расчет на успокоение власти таким актом был совершенно бесполезным. Политические обвинения духовенства были только ширмой прикрытия для истребления его

именно как служителя религии. Гонения на религию не могли быть прекращены никакими уступками церковной власти, но самые уступки эти должны были послужить этим гонениям, ослабляя всякое сопротивление им и дискредитируя, роняя престиж самой церковной власти в глазах верующих. Утонченность современных гонений на веру в том и заключается, что решительное и прямое отречение от веры в Бога требуется только от членов большевицкой правящей в стране партии, а ко всей стране применяется комбинация средств косвенного, под разными предлогами, насилия и пропаганды. Власть обещает свободу религии и возможность ее существования на известных тяжелых условиях службы себе, и так ослабляет всякую активность сопротивления себе верующих и постепенно уничтожает их влияние и количество.

Однако, Патриарх искренно и прежде всего сам отрекся от всякой политики. Когда отъезжающий в Добровольческую армию просил тайного благословения вождям белого движения, Патриарх деликатно, но твердо заявил, что не считает возможным это сделать, ибо, оставаясь в России, он хочет не только наружно, но и по существу избежать упрека в каком-либо вмешательстве Церкви в политику.

Циркуляром Комиссариата Юстиции от 25 авг. 1920 г. власти на местах «проводят полную ликвидацию мощей». Декретом центральной власти от 27 декабря 1921 г. произведено повсеместное изъятие церковных ценностей, прикрытое предлогом помощи голодающим. Патриарх издал исключительное по силе мысли и чувства послание о помощи голодающим, обращенное ко всем русским людям и народам вселенной и благословил добровольное пожертвование церковных ценностей, и рекомендует контроль верующих над их использованием. Но власть, конечно, отвергла эти условия. Насильственное изъятие или открытое ограбление храмов вызвало повсеместное народное возмущение. Патриарх был прав в своем предложении. Но власть искала повода к новому террору над Церковью. Произошло до двух тысяч процессов по России и расстреляно было до десяти тысяч верующих. В связи с этим расстрелян был и Петроградский Митрополит Вениамин, как мы уже видели.

В мае месяце 1922 г. во время процесса по тому же поводу над группой московских священников, желая предотвратить смертный приговор над ними, Патриарх исполняет настойчивое требование властей закрыть Заграничное Церковное Управление за антибольшевицкие политические выступления заграничного духовенства. Но вырвав в таких условиях этот акт, большеви-

102

ки через несколько дней приговаривают священников к расстрелу и самого Патриарха арестовывают и затем заключают в тюрьму.

По делу этих священников самого Патриарха неоднократно вызывали на суд в качестве главного свидетеля. Интересна характеристика его поведения на суде, которую дала в то время большевицкая печать.

«В политехнический музей на процесс «благочинных» и на допрос Патриарха набилась тьма народа. Патриарх смотрит на беспримерный вызов и на допрос свысока. Он улыбается наивной дерзости молодых людей за судейским столом. Он держится с достоинством. Но мы присоединимся к грубому святотатству московского трибунала и в добавок к судебным вопросам бухнем еще один, еще более не деликатный вопрос: «откуда такое достоинство у Патриарха Тихона». (Правда. № 101. 9 мая 1922 г.). Рукописные описания этого допроса где-то имеются.

Спокойное величие Патриарха в эти дни проявляется с изумительной силой. Пред своей последней службой на свободе в храме с. Богородского (в

Москве же) Патриарх явился из Чека, (а не из суда) уже поздно ночью. Своим келейникам, измученным ожиданием, он сказал: «уж очень строго допрашивали». — «Что же Вам будет?» — «Обещали голову срубить», — ответил Патриарх с неизменным своим благодушием. Литургию он служил, как всегда: ни малейшей нервности или хотя бы напряжения в молитве.

Тотчас по заключении Патриарха большевики организовали новую церковную власть, так называемых обновленцев. Хотя оказался на лицо законный преемник Патриарха Митрополит Агафангел, который и объявил о своих правах, но большевики поддерживали обновленцев, по всей России развивая их успехи, и преследовали «тихоновцев». Обновленческая церковная власть и была тою властью, которую хотели иметь большевики для Церкви. Своим собором обновленцы объявили Патриарха низложенным, признали справедливость социальной революции, объявили пострадавшее от большевиков духовенство контрреволюционерами и оправдали таким образом гонения на церковь, и заявили даже, что еще никогда церковь не пользовалась такой свободой, как при большевиках. При полном неуспехе у народа и у большей части клира обновленцы получили церковную власть и кафедральные соборы во всех епархиях.

Большевики готовили для Патриарха процесс, но по соображениям внутренней и внешней политики принуждены были предложить ему выйти на свободу под условием подачи властям по-

каянного заявления с признанием справедливости возведенных на него обвинений. Патриарх принес эту жертву своим именем и славой мученичества. Патриарх рассказывал, что, читая в заключении газеты, он с каждым днем все больше приходил в ужас, что обновленцы захватывают Церковь в свои руки. Но если бы он знал, что их успехи так ничтожны и народ за ними не пошел, то он бы не вышел из тюрьмы. В тюрьме нельзя было знать правды и газеты занимались пропагандой в пользу обновленчества и нарочно подсовывались Патриарху. Кроме того, у него явилось и то соображение, что наконец появился закон, революционный хаос всякого беззакония, по-видимому, кончился, и, ему казалось, что пред ним находится настоящая государственная власть, ради которой можно было, не кривя душою, отказаться от своего прежнего курса. Тем, кто не понимал его поступка и соблазнились им, он говорил: «пусть погибнет мое имя в истории, только бы Церкви была польза»... Англиканскому епископу Бюри, который также просил объяснений, Патриарх напомнил слова ап. Павла: «имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше;

а оставаться во плоти нужнее для вас» (Филип. I, 23-24). Он добавил, что лично с радостью принял бы мученическую смерть, но судьба остающейся Православной Церкви лежит на его ответственности. Патриарх может быть был самым бесстрашным, мужественным и спокойным пред лицом смерти человеком в России. Все его существо, его лицо, и само сердце излучало всегда и неизменно обаяние глубокого покоя и простоты. Для него умереть было бы слишком легко. Это самое простое на что он мог решиться в любой момент. Для него, старика, монаха и патриарха мученическая смерть была бы приятна, прекрасна и славна и потребовала бы минимума героизма. Самым мучительным вопросом, для него могло быть только — как управлять Церковью, что сделать для облегчения ее положения и устройства ее жизни в безбожном государстве, которое как будто предлагает известные условия существования. Надо было исчерпать со своей стороны, жертвуя, если это потребуется, своим престижем и славой, все возможности для блага Церкви, не нанося ущерба христианской морали вообще, настроению церковного народа и клира и не нарушая церковные каноны. Кроме своих посланий и заявлений, которые могли быть приятны власти, Патриарх сделал попытки завести в угодую ей новый календарный стиль (и то, когда сделала это Константинопольская церковь), учредить при себе Высшее церковное Управление с участием агента большевиков, одного протоиерея, и предложить поминовение властей за богослужением.

Но епископ, клир и народ не приняли этих мер, и Патриарх их охотно отменил. Выход же его на свободу для ликвидации обновленчества принес огромную пользу Церкви, восстановив и утвердив в ней законное церковное управление. Конечно, большевики должны были выпустить его и без этого заявления, но для престижа власти оно все же было необходимо и они добились его от заключенного Патриарха.

Народ же не усомнился в нем, не соблазнился его поступком и верно понял его жертву, сделав освобождение его из заключения апофеозом его славы, усыпав дороги его цветами, ободрив малодушных и колеблющихся, как мирян, так епископов и клириков, которые охотно бросали обновленчество.

Ни один воскресный или праздничный день не проходил чтобы Святейший не служил в московских храмах или окрестностях Москвы. По-прежнему храмы эти даже в будние дни во время служения бывают переполнены. В уездных городах Московской губ. стечение народа было огромное, встреча и проводы Патриарха очень торжественные. Рабочие везде

покидали работу и все советские и промышленные учреждения не работали в течение всего пребывания Патриарха в городах.

После заключения Патриарх теперь проживает не в Троицком подворье, а в Донском монастыре. К нему со всех концов России приезжают разные лица и в часы приема, в его приемной можно увидеть епископов, священников и мирян: одни по делам церковным, другие — за получением патриаршего благословения и за утешением в горе. Доступ к нему свободный, и келейник его лишь спрашивает посетителей о цели их прихода. Патриарх помещается в трех комнатах, первая из коих в указанные часы служит приемной. Обстановка патриарших покоев поражает своей простотой, а беседа с ним, по словам видевших его, производит сильное впечатление. Святейший находит всегда несколько слов для каждого, даже приходящего только за благословением. Приезжих подробно расспрашивает о положении Православной Церкви в провинции. По Москве он ездит на извозчике в сопровождении келейника. Встречные обнажают при виде его головы и надо быть смельчаком, чтобы решиться не подчиниться установившемуся в этом отношении обычаю. Когда он ездит по железной дороге, то, хотя советская власть не устанавливает для него никаких исключений, никто не входит в занятое Патриархом купе.

Московский корреспондент парижской газеты «Энформасион» (№ 219 1923 года) так описывает, между прочим, свои впечатления о Святейшем и о приеме у него. «Спокойный, умный,

ласковый, широко сострадательный, очень просто одетый, без всякой роскоши, без различия принимающий всех посетителей. Патриарх лишен, может быть, пышности, но он действительно чрезвычайно дорог тысячам малых людей, рабочих и крестьян, которые приходят его видеть. В нем под образом слабости угадывается крепкая воля, энергия для всех испытаний, вера непоколебимая... Постоянные изъявления сочувствия и преданности, которые он получает со всех концов России, делают его сильным и терпеливым... Густая молчаливая толпа ожидала приема. Странники, заметные по загорелым лицам, большой обуви и благочестивому виду, ожидали, сидя в тени башенного зубца. Они сделали несколько тысяч верст пешком, чтобы получить благословение Патриарха. Сельский священник, нервный и застенчивый, ходил вдоль и поперек... Женщина припала к скамье и закрыла лицо руками. Тяжелые рыдания судорожно вздергивали ее плечи. Несомненно, она пришла сюда искать облегчения в каком-то большом несчастье, и невольно пришли в голову тысячи и тысячи расстрелянных...

Горожане и крестьяне, люди из народа главным образом — долгие часы, порою дни — ждут, чтобы открылась маленькая дверь и мальчик-певчий ввел их к Патриарху Тихону».

Характерно, что торговцы Сухаревой башни, рыбники и зеленщики, отказываются от платы за продукты для кухни Патриарха Тихона. Когда во время ареста Патриарха пытались забрать у этих торговцев для «живоцерковников» продукты, то в ответе послышалось: «для Патриарха, что угодно, а для стервятников и за деньги не дадим». А советской властью жилищному коменданту Донского монастыря предписано освободить помещение Патриарха Тихона от вселенных туда по распоряжению местной жилищной комиссии посторонних лиц, нарушающих покой Патриарха.

Но несмотря на прекращение прямого преследования, положение Патриарха Тихона продолжало быть очень тяжелым. Большевики окружили Патриарха сетью сыска и каждое движение, каждый шаг главы Православной Церкви подвергался с их стороны строгому наблюдению. Верующий народ, боясь, чтобы большевики не увезли Святейшего Патриарха тайно, чутко следил за своим Верховным Архипастырем, не спуская с него глаз. У Донского монастыря поэтому наблюдается непрерывное скопление народа.

Однажды православная Москва была взволнована слухами об убийстве Патриарха Тихона. Слухи эти оказались неверными. В Донском монастыре 9 декабря 1923 г., в 8 ч, вечера был убит келейник Патриарха Яков Полозов. Преступление совершено

двумя лицами, похитившими, между прочим, две шубы Патриарха. Однако, в Москве были уверены, что убийство совершено не с целью грабежа, который должен был только послужить прикрытием для истинных мотивов преступления; утверждают, что Полозов убит врагами Патриарха: случись в комнате сам Патриарх, он был бы убит. Весть об убийстве в покоях Патриарха с быстротой молнии разнеслась по Москве и вызвала чувство живой радости по поводу того, что Патриарх жив и невредим. Смерть Я. Полозова окружила его в глазах Москвичей мученическим ореолом, тем более что вся Москва считает, что он пал жертвой своей преданности Патриарху. Патриарх Тихон был сильно потрясен этим убийством. Келейник Полозов уже несколько лет был неразлучен с ним, всюду оберегая покой Патриарха. Случай этот, являющийся уже не первой попыткой большевиков расправиться с ненавистным для них служителем Божиим, сильно взволновал население Москвы и вызвал острое возбуждение. Чтобы не

вызвать эксцессов в толпах верующих, тело убитого было похоронено в Донском монастыре. Поклониться праху покойного стекалось так много народу, что огромный храм Донского монастыря не мог вместить и половины молящихся. Восемь епископов и сонм духовенства совершили заупокойную литургию. Одним из представителей духовенства было сказано посвященное памяти покойного слово на изречение евангелия: «больше сия любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя». Сам Патриарх в слезах напутствовал прах Полозова.

Потрясения от этих событий вызвали некоторое недомогание у Патриарха, который со времени его освобождения из тюрьмы подвержен обморокам, изредка повторяющимся. Но и во время этих недомоганий Патриарх, несмотря на советы врачей, продолжал выезжать и совершать продолжительные богослужения.

Все растущая с каждым годом популярность Патриарха Тихона не давала покоя врагам Церкви и они всячески старались тем или иным способом устранить его с пути. По сообщению большевицкого агентства «Роста», «в подвалах Киево-Печерской лавры случайно были обнаружены крупные ценности, запрятанные во время изъятия церковных ценностей в 1921 г.». Советская печать обвиняла Патриарха Тихона в том, что лаврские ценности были укрыты по его распоряжению и что найденная в лавре переписка устанавливает связь Патриарха с эмиграцией, наличность хорошо организованной политической агентуры и постоянное снабжение эмиграции политическими сведениями. Киевские советские газеты требовали немедленного ареста

Патриарха Тихона. В связи с этим обстоятельством в «Известиях», от 18 января напечатано следующее письмо Патриарха на имя редакции. «В интересах истины считаем необходимым заявить о нижеследующем. Киево-Печерская Лавра искони была оплотом православия и одной из главных святынь Православной Русской Церкви. Она всегда находилась в непосредственном ведении Киевских митрополитов. В последние годы до своей ссылки управлял ею наш экзарх Украины Митрополит Михаил. После него управляли Лаврой замещавшие его архипастыри, и лишь после того, как все они были лишены фактической возможности управления, мы в целях сохранения Лавры, как очага Православия, от покушений на нее со стороны «обновленцев», приняли в свое непосредственное ведение. Но это имело место лишь в начале 1924 г., и потому естественно, нам не может приписываться распоряжение о сокрытии ценностей в Лавре. С другой

стороны, ни в каких сношениях ни с заграничной контрреволюцией, ни с контрреволюционными группами внутри СССР мы не состояли и не состоим, и нам ничего неизвестно о «контрреволюционной политической работе монахов Лавры», Патриарх Тихон. 10 января 1925 года, Москва, Донской монастырь».

Гонение на Церковь и духовенство вновь возобновилось с особенной жестокостью. Тактика большевиков теперь несколько изменилась и заключалась в том, чтобы, оставляя в стороне Патриарха, любимого в народе и известного и популярного не только в Европе, но и во всем мире, лишить всех органов общения с верующими. Его помощники арестовываются, ссылаются, пастыри изгоняются.

Не решаясь открыто противодействовать действиям Патриарха, направленным к укреплению Православной Церкви, советская власть чинит на местах тысячи препятствий к проведению указаний Патриарха в жизнь и не останавливается перед арестами другими репрессиями в тех случаях, когда в ее расчеты входит удушение нарождающейся церковной организации.

О своем положении Патриарх говорил: «лучше сидеть в тюрьме, я ведь только считаюсь на свободе, а ничего делать не могу, я посылаю архиерея на юг, а он попадает на север, посылаю на запад, а его привозят на восток». Так Чека не позволяла назначенным им архиереям даже доехать до своих епархий, направляя их в места заключения и ссылки.

Большевики поняли, что русская Церковь отвергла обновленческое движение и что результат их борьбы с православием получился обратный: вызванные этой борьбой религиозные споры пробудили интерес населения к религиозным вопросам, а

освобождение Святейшего Патриарха вызвало укрепление и усиление Православной Церкви. Такой оборот дела стал беспокоить московских руководителей большевизма.

В политике большевиков по отношению к Православной Церкви почувствовался страх перед церковной организацией, перед превращением Церкви не только в духовное, но и в организационное единство. Там, где советская власть терпит существование храма, она всячески преследует попытки возрождения и создания прихода. Комиссариат внутренних дел и

ГПУ, усматривающие большую опасность в растущем влиянии Святейшего Патриарха Тихона и в его организационной работе по восстановлению аппарата церковного управления, имели целый ряд суждений по сему вопросу и свои соображения представили в совет народных комиссаров. Последний согласился с доводами комиссариата внутренних дел о необходимости принять меры для борьбы с «растущей опасностью» и поручили ОГПУ разработать «мероприятия, могущие положить предел опасному развитию тихоновской агитации и организации». Не было сомнения, что возобновившиеся гонения на Церковь и духовенство явились результатом этих мероприятий.

Методы большевической власти — вообще отдельная тема, но они — чистая дьявольщина. Специальный агент большевиков ведет непрестанную борьбу с Патриархом, систематически посещая его два-три раза в неделю и склоняя его на поступки вредные для Церкви и полезные для безбожной власти. Он упрасивает Патриарха написать ответ архиепископу Кентерберийскому, что Церковь в России пользуется полной свободой и никаких гонений нет. Его уговаривают ради пользы Церкви и упорядочения отношений государства и Церкви отречься от власти и уже успевают склонить на эту точку зрения одного-двух ближайших к нему архиереев. То, что не удалось сделать через обновленцев, то пытаются сделать через самого Патриарха. От него требуют смещения с кафедр не угодных большевикам популярнейших и любимых народом архиереев. Предлагают завести новый календарный стиль, который не прошел в жизнь даже у обновленцев. Сотруднику Патриарха Архиепископу Илариону большевик говорит: «уговорите Патриарха завести новый стиль; неужели он не может сделать маленькой уступки для власти? Если советская власть завела этот стиль, то пусть и церковь покажет, что она солидарна с нею». Другому архиерею он же говорит: «вы слышали, что Патриарх заводит новый стиль? для чего это? Кому это нужно? Неужели вы согласитесь с ним? Отделитесь от Патриарха, вас вся Москва любит и за вами пойдет, мы вас

поддержим»... Агент требует, чтобы в управлении Патриарха был человек, которому власть доверяет и пытается ввести туда известного предателя, но все же все время имеет там одного доносчика из среды архиереев. Большевическая власть не выпускала его из атмосферы своей лжи, провокации, обмана, клеветы, сеяния раздоров, расколов, недоверия. Патриарх постоянно должен был разгадывать тайные и злые замыслы и намерения, скрывающиеся под всякими благовидными предложениями власти. Враг действовал то

посулами, то угрозами, и не ему самому, — это были бы совершенные пустяки! — а Церкви. То он обещает прекратить аресты духовенства, освободить заключенных или вернуть из ссылки таких-то нужных Патриарху епископов, или дать разрешение на духовную печать и образование, на свободу съездов и епархиального управления, то угрожает оставить все репрессии в силе и еще прибавить.

Трудно представить себе, как страдал Патриарх. Этот человек воплощенного спокойствия дрожал от волнения и раздражения, когда ему докладывали о приезде агента. Какого напряжения нервов стоили ему эти постоянные систематические беседы. Это единственный случай, который мы знаем, что Патриарх был вне себя и изменял своему обычному характеру и темпераменту. Его мучила и жгла на медленном огне своей сатанинской ненависти большевицкая власть.

Еще один документ, так называемое «предсмертное завещание» Патриарха, выражает надежду, что подчинение советской власти не за страх, а за совесть, «побудит власть относиться к нам с полным доверием, даст нам возможность преподать детям наших пасомых закон Божий, иметь богословские школы для подготовки пастырей, издавать в защиту православной веры книги и журналы». Ради этой цели «завещание» уверяет, что «советская власть действительно народная, рабочая, крестьянская, а потому прочная и непоколебимая». Оно обещает церковный суд «в каноническом порядке» над неблагонадежными в отношении к власти архиереями и пастырями своими и иностранными. Обнародованное на другой день после его смерти, оно не понравилось клиру и народу и подпись на нем все считали неподлинной. Однако это «завещание» служило условием согласия большевиков на местоблюстительство митрополита Петра и последний вынужден был получить на нем подпись Патриарха. Проект этого завещания долго лежал на столе у Патриарха, из-за него происходила большая борьба, и подпись, вынужденная у него за два часа до смерти, положила на его сердце непосильную тяжесть и видимо ускорила его кончину.

Служение Патриарха было самозащитой Церкви. Патриарх был внешне стеснен. Но он сохранил самоуправление и внутреннюю свободу Церкви. Он не допустил врагов к управлению ею, они могли только насиловать или делать распоряжения церковной власти неисполненными по насилию власти, но эти распоряжения по Церкви не были распоряжениями большевиков. Он не сказал неправды на положение Церкви и клеветы на

клир, предпочитая самому унижаться пред властями. Словесные выступления, вымученные и вынужденные, исторгнутые насилием безбожников, остались без последствий. Но не слова нужны были большевикам, а сдача всего внутреннего управления Церкви в их руки.

Будучи почти одинок в управлении, он не превысил своих полномочий, но послушный голосу Церкви, немедленно исправлял свои поступки, сделанные по насилию, обману или провокации большевиков. Он исполнил свое обещание, данное Собору 1917 г., на другой день своей интронизации (22 ноября), когда благодарил его за приветствия и пожелания. Упомянув о высказанных на Соборе опасениях, как бы восстановление патриаршества не затенило Собора и не повредило идее соборности, Святейший Патриарх засвидетельствовал как от своего лица, так и своих преемников, что патриаршество не представит угрозы соборности Святой Православной Церкви. «Возлюбленные отцы и братия, — воскликнул он, и с особенной простотой и задушевностью произнес, — не таковы теперь времена, не таковы обстоятельства, чтобы кто либо, как бы он велик ни был, и какую бы духовною силою не обладал, мог нести тяготу единоличного управления Русскою Церковью»...

Здесь невольно возникает оценка деятельности Патриарха именно в исторической перспективе, в сравнении с тем, что случилось после его смерти.

В течении двух полных лет, с весны 1925 г. до весны 1927 г. местоблюститель Митрополит Петр и его заместители — Митрополит Сергей, в этот первый период его управления, и Архиепископ Серафим Углицкий держали непримиримо твердый курс. Со смертью Патриарха Тихона опыт компромиссов кончился. Никаким обещаниям большевиков больше не верят, суда над своими или заграничными епископами и клириками сами не обещают, всякие попытки вторжения безбожников в управление Церковью категорически отвергают, не смотря на все усиливающееся гонение. Опыты Патриарха были достаточны и они были необходимы, чтобы прийти к такому заключению после него. Эти опыты должны были обнаружить систематические обманы больше-

виков, бесполезность каких-либо союзов с ними и надежд на улучшение положения Церкви в безбожном государстве, на вред этих компромиссов для самой Церкви, чего и добиваются большевики. Если бы не прошли этого печального опыта, но продолжали обличения большевиков, благословляли

только на страдания и смерть в борьбе с ними, то многим членам Церкви могло казаться, что Церковь сама виновата в своих страданиях, когда отвергала предложенные ей властью условия свободы, когда власть «уступала» несколько свои позиции и требовала только лояльности к себе. Церковь в лице Патриарха очистилась от политики, она сделала все, что можно для примирения с властью. В этом направлении она сделала максимум, дальше идти в уступках было невозможно, чтобы не отдать кесарю не только кесарево, но и Божие. Так помнили путь Патриарха Тихона его преемники и больше этого опыта не повторили. Если делать то, что делал Патриарх было уже ненужно и ошибочно, то продолжать уступки дальше было бы заведомым преступлением или сознательным грехом. Враг был слишком хорошо понят, чтобы можно было идти с ним на соглашение, не делаясь предателем Церкви.

Митрополит Сергей во второй период своего управления по выходе из тюрьмы (в марте 1927 г.) продолжил и завершил уступки. Прежде всего его соглашение с властью, важное для всей Церкви, явилось его единоличным актом. Оно вызвало всеобщий протест епископата, клира и народа, достаточный для того, чтобы поставить вопрос о каноничности действий первого епископа. Но этот протест был отвергнут и установилась диктатура первого епископа, подбирающего себе сторонников в атмосфере террора и поддержки большевистской власти. При возрастающем общем гонении на религию и истреблении ее святынь он обвинил всех заключенных епископов и клириков в контрреволюции, в политической неблагонадежности, отрицал факт гонения на Церковь в России, уволил епископов с кафедр, по требованию врагов Церкви, порывая нравственную связь пастырей и паствы в момент общих страданий. В общем провел всю программу отношений к власти обновленцев, отвергнутых всею Церковью и сделал их существование для большевиков больше ненужным. Оправдав и одоблив действия безбожной власти именем самого церковного управления, он развязал ей руки и уничтожение церкви, при сохранении только ее нового управления, пошло полным ходом, беспрепятственно, вплоть до полного ее изнеможения к 1940 г., когда политические условия войны и новые задачи заставили прекратить только открытое гонение на Церковь, но оставить в силе все стеснения для ее развития и жиз-

ни. Ныне Сергиевская патриархия проявляет полный контакт с большевистской властью во всех ее чисто политических выступлениях и обманах, увлекая верующих других стран идти вместе с большевиками и,

таким образом, она готовит себе и всем религиям и церквям эпоху полной ликвидации... Это — не еретики, это — хуже, это падшие во время гонений и предатели.

Такова судьба Московской Патриархии. При подобном рассмотрении ее тем большую ясность приобретает позиция Патриарха Тихона, ее каноничность, правда нравственная, любовь и жертва¹⁾). Эта позиция не исчезла под ложным возглавлением Церкви. Епископат, клир и церковный народ, опротестовавшие действия митрополита Сергия, остались в заключении или катакомбах. Эти позиции помнит, защищает и хранит та свободная заграничная часть Русской Церкви, которая никогда не входила в контакт с Сергиевской Патриархией. «Тихоновцы» живы по сей день и будут всегда живы в Русской Церкви.

Святейший Патриарх Тихон не опорочил мучеников российских, но сам стал в сонме их первым не по времени эпохи гонений, а по силе страданий. Это было мученичество ежедневное, среди непрестанной борьбы с врагом, с его насилием и издевательствами, в течении долгих семи лет, и ежечасное — за всю Церковь, до последнего часа смерти. Он исчерпал все возможности для Церкви и церковного человека меры примирения с властью гражданской и явился жертвой в самом внутреннем, глубоком и широком смысле этого слова. Жертва собою, своим именем, своей славой исповедника и обличителя неправды. Он унизился, когда переменял свой тон с властью, но никогда не пал. Он унижал себя, но никого больше. Не сохранялся и не возвышался унижением других. Он не щадил себя чтобы снискать пощаду пастырям, народу и церковному достоянию. Его компромиссы — деяния любви и смирения. (Вспомнить только чем они явились у м. Сергия).

И народ это понимал и жалел его искренно и глубоко, получив полное убеждение в его святости. Это мужественное и кротчайшее существо. Это исключительная, безукоризненно святая личность. На вопрос одного чекиста к епископу — «как вы относитесь к Патриарху?» — он ответил: «я реально ощутил его святость». За это он тотчас получил ссылку. Каин ненавидел Авеля за то, что он был праведен.

Так приблизились дни кончины праведника.

¹⁾ См. «Каноническое положение Высшей Церковной власти в СССР и заграницей». Прот. М. Польский. 1948.

Поздно вечером 12 января 1925 года в больницу Е. Бакуниной, на Остоженке, пришел врач и спросил могут ли принять больного с тяжелыми сердечными припадками, нуждающегося в серьезном лечении и внимательном уходе. Одна частная лечебница, где комната для него была уже заказана, в последний момент отказалась его принять, боясь репрессий со стороны ГПУ, ибо «больной все же Патриарх Тихон». На следующий день Патриарха привезли в больницу. Он был записан в больничную книгу «гражданин Беллавин», здоровье которого требовало покоя. Почти три месяца он находился под моим непосредственным наблюдением, — пишет Е. Бакунина. Он был высокого роста, седой и очень худой и казался, хотя держал себя бодро, гораздо старше своего действительного возраста; в нашей больнице он праздновал шестидесятый год своего рождения. Не взирая на плохое состояние своего здоровья, он превосходно владел собой и ни на что не жаловался, хотя и видно было, что он был взволнован и очень нервничал. Он приехал на извозчике, которым обыкновенно пользовался в сопровождении двух прислужников: монаха и сына одного из своих друзей.

Постоянными врачами Патриарха были: профессор К. и его ассистент доктор П. Оба продолжали его посещать и в больнице. На основании консультации с врачами больницы, Патриарху предписали полнейший покой, (ванны) и укрепляющие организм средства. Он страдал застаревшим хроническим воспалением почек и общим склерозом... Бывали и припадки грудной жабы, участившиеся после происшедшего убийства его прислужника.

Патриарха поместили в небольшой светлой комнате. В ней находилось и удобное кожаное кресло и маленький письменный стол. На окнах были маленькие тюлевые занавески. Больной был особенно доволен тем, что окно выходило в сад Зачатьевского монастыря. Когда наступала весна, он любовался видом на монастырь и говорил: «Как хорошо! Сколько зелени и столько птичек!»

Но с собой привез свои собственные иконы, поставил их на маленький столик и теплил перед ними лампадку. На стене висела одна только картина: двое мальчиков смотрят с моста в даль.

Когда он себя чувствовал лучше, то сидя в кресле много читал: Тургенева, Гончарова и «Письма Победоносцева». В духовном облачении, в клобуке и с посохом в руке, он производил импонирующее впечатление. Когда он лежал в постели или сидел в кресле, то казался бедным больным стариком.

Самое важное из всех врачебных предписаний, но вместе с тем и трудно осуществимое, был «абсолютный покой» для больного и это причиняло нам наибольшие заботы. С первого же дня поступления Патриарха в больницу, хотели его постоянно повидать бесчисленные посетители по служебным и по личным делам. Среди них были и такие, которым совершенно нельзя было отказать, как например начальник церковного отделения ГПУ — Тучков. Он появился на второй же день и пожелал видеть «гражданина Беллавина».

Тучков был среднего роста, грубоватый, полуинтеллигентный, однако ловкий и обходительный. Я сказала ему, что больного видеть нельзя, ибо врачи предписали ему полнейший покой. Каждое волнение для него опасно. В течение первых двух недель Патриарху стало значительно лучше — его нервность уменьшилась и анализ показал улучшение состояния его почек. Сам он часто говорил, что чувствует себя лучше и крепче. Врачей он всегда принимал очень любезно и любил иногда с ними пошутить. К служащим в клинике он всегда относился также любезно и к нему все относились с величайшим почтением и предупредительностью. Во всей его жизни трудно ему было обходиться без Кости — мирского своего прислужника, к услугам которого он очень привык; находившийся при нем монах мало заботился о нем.

Конечно, Патриарх не был рядовым пациентом. Ход его болезни беспокоил весь верующий народ, но приковывал к себе внимание и большевицких властей, которым скорая смерть Патриарха была желательна. Это нас заставляло ради общего успокоения, а также ради собственной уверенности созывать консультацию врачей во всех, даже с медицинской точки зрения кажущихся маловажными случаях, (как например, при зубной боли); этим мы хотели сложить часть ответственности за состояние больного и на других врачей. С другой же стороны особое общественное положение больного и его высокий духовный сан часто мешали его подвергать столь строгому лечению, как это казалось нужным. Он ставил свой долг главы Церкви превыше своего здоровья и часто приходилось мириться с тем, что нам не удавалось убедить его в необходимости беречь свои силы. Очень возможно, что полнейшее спокойствие могло бы продлить жизнь патриарха Тихона на два или на три года: сам же он говорил, что после смерти достаточно еще успеет полежать, что он не имеет права уклоняться от работы.

Мы, врачи, неустанно просили больного думать о своем лечении и не заниматься утомительными делами: но было трудно от-

влечь его от дел. Спустя три недели он уже стал принимать Митрополита Петра Крутицкого, своего ближайшего сотрудника; часто он также принимал вдову убитого своего прислужника, о которой он заботился. Эти посещения всегда очень его утомляли. Но его посещали и многие другие: по служебным делам, за советом, ради испрошения благословения, или помощи, или просто чтобы повидаться с ним. Приемная комната всегда была полна людьми, которым приходилось разъяснять, что больной нуждается в покое. Дважды посетили его делегации рабочих от бывшей Прохоровской фабрики и от какой-то другой. Рабочие принесли ему в подарок пару хороших сапог из сафьяновой кожи на заячьем меху; позже выезжая на богослужение, он всегда их одевал. Вторая делегация привезла ему облачение.

Митрополита Петра Патриарх, по-видимому (как думает Бакунина) не особенно жаловал, хотя никогда не отказывал его принимать. Петр был высокого роста, откормленный человек со множеством волос, несколько грубоват и в разговоре не особенно приятен. Говорят, что Патриарх его потому не жаловал, что м. Петр хотел выпросить, почти вынудить свое назначение московским митрополитом. (Это неверно. Назначение его в преемники состоялось еще 25 декабря 1924 г.).

Патриарха посещали и больные нашей больницы, но эти посещения его не волновали, напротив, он им радовался.

Я помню одну больную, которая очень боялась предстоящей ей тяжелой операции. Перед ней она попросила разрешения повидать Патриарха, что ей и было разрешено. Она вышла из его комнаты совершенно успокоенная умиротворяющей беседой с Патриархом.

Когда Тучков приходил к нему, Патриарх отсылал других. Один раз он рассказал, что Тучков предложил ему уйти на покой и поехать куда-нибудь на юг. Патриарх ответил: «На покой, у меня еще будет достаточно времени, чтобы полежать. Теперь надо работать».

То же самое он отвечал и нам, когда мы его убеждали беречь себя и не выезжать на богослужения.

«Нет, надо ехать. Надо работать. Если я долго не показываюсь, то меня забудут».

И зимняя стужа не могла его удержать. На все убеждения, он отвечал, показывая на подаренные ему рабочими сапоги: «Вот они стоят, с ними мне никакая стужа не страшна».

В больницу приходил и следователь ГПУ и долго расспрашивал Патриарха. Перед посещением Тучкова и следователя Патри-

арх обыкновенно волновался, однако же пытался отшучиваться и говорил: «Завтра придет ко мне некто в сером».

О допросах и разговорах с Тучковым он никогда никому ничего не говорил. Как только Патриарх несколько поправился, он опять приступил к исполнению своих обязанностей в церквях. Когда он служил, церкви всегда были полны и ему бывало очень трудно проложить себе дорогу сквозь толпу. Остается совсем необъяснимым, каким образом верующие узнавали, когда и где Патриарх будет служить, ибо опубликовать такие объявления было немыслимо. Он служил в разных церквях, часто в Донском монастыре. В великий пост он целых пять дней провел в монастыре и служил каждый день.

Хотя он от своих выездов всегда возвращался крайне утомленным, нам, врачам, он отвечал только: «это нужно», хотя он сам сознавал, что этим подрывает свое здоровье. Нам ничего другого не оставалось делать, как продолжать лечить и по мере возможности заботиться о покое. Состояние же его здоровья видимо ухудшалось: недостаточная работа почек, постоянная усталость и плохое общее самочувствие это ясно доказывали. Особенно плохо он себя почувствовал после открытия заседания синода, с которого он вернулся только поздно вечером. Все его приближенные, лучшая его опора, были удалены из Москвы и он чувствовал себя всеми покинутым.

Незадолго до смерти он страдал зубной болью. Доктор В. был призван к нему и под кокаином удалил два мучивших его корня. После этого десна распухла и опухоль распространилась на горло. Не взирая на то, что ему затруднительно было глотать, он поехал в церковь, чтобы отслужить обедню. Вернувшись, он рассказал мне, что последние возгласы во время службы он произнес с большим трудом. Только теперь удалось убедить его отказаться от выездов. Хотя это заболевание было совершенно безопасно, мы просили устроить консультацию по горловым болезням, чтобы предотвратить возможные осложнения и пригласили врачей М. и Г. Эти врачи ничего серьезного не нашли, предписали покой, ингаляцию и полоскания. Большая слабость Патриарха объяснялась серьезностью его общего положения и слабостью нервов. В течение трех месяцев, которые он провел в больнице не было ни одного припадка грудной жабы.

Так как Патриарх продолжал жаловаться на горло, мы созвали второй консилиум; все врачи повторили, что в этой области не видно ничего опасного и серьезного. Эта консультация состоялась 6 апреля, а именно вечером в день смерти Патриарха.

Митрополит Петр Крутицкий узнал о консультации и пришел к Патриарху. Прислужник допустил его; но так как

117

митрополит Петр очень долго оставался у Патриарха и очень возбужденно о чем-то говорил с Патриархом, прислужник в конце концов призвал меня и сказал мне, что Патриарх очень утомлен разговором и чувствует себя очень плохо. Намереваясь прервать разговор, я направилась к Патриарху и в дверях встретила с митрополитом Петром, который выходил из комнаты Патриарха с какой-то бумагой в руке.

После консультации Патриарх прошел в столовую, находившуюся рядом с его комнатой и выразил желание прилечь. Он просил морфия, дабы лучше заснуть. Когда он предчувствовал сердечный припадок, он всегда обращался к этому средству и твердо верил в него. После прислужник рассказал мне, что Патриарх, крайне утомленный, производил странные движения рукой, как это было перед припадками. На его совет сейчас же лечь, Патриарх Тихон ответил: «у меня еще много будет времени лежать и долгая ночь будет темна». Своего прислужника Патриарх знал с детства и всегда называл его ласкательными именами.

С моего согласия сестра вприснула больному морфий. После я сама посетила его. Он успокоился и надеялся заснуть. Около полуночи, я пошла к себе, я жила в этом же самом здании. Но вскоре прислали за мной, ибо больному стало очень плохо, я нашла Патриарха в припадке грудной жабы. Он был очень бледен, говорить больше не мог и только рукой указывал на сердце. В его глазах чувствовалась близость смерти. Пульс еще можно было нащупать, но вскоре он прекратился. Впрыскивания камфары и кокаина не возымели действия.

Через несколько минут Патриарх скончался. Кроме меня присутствовали: дежурная сестра, дежурный прислужник и врач Щ. живущий рядом и вызванный по телефону. Было 12 час. ночи.

Я немедленно послала за митрополитом Петром и телефонировала в Донской монастырь.

Вслед за митрополитом Петром появился и Тучков. Очевидно наш телефон имел постоянное соединение с ГПУ, ибо из больницы никто туда не телефонировал. Когда один из врачей спросил Тучкова, как же он узнал о смерти Патриарха, Тучков улыбнулся, но ничего не ответил ¹⁾.

Меня тоже призвали и Тучков подробно опрашивал меня, как все происходило, какие лекарства были даны больному и кто

¹⁾ Говорят, агент власти был в неопишемом восторге. Примчавшись к телу только что усопшего, он потирал руки и, с трудом сдерживая радость, говорил: «Хороший был старик... Надо похоронить поторжественней...»

118

его посетил. Тогда пришедшие открыли комнату покойного и были удивлены тем, что Патриарх был бледен. Один из агентов Тучкова очень подробно осматривал горло и шею Патриарха, как бы желая установить, нет ли признаков удушения. Кажется это был врач.

Весть о смерти Патриарха еще ночью распространилась по всей Москве с молниеносной быстротой. Телефон звонил беспрестанно. Отделение Милиции, газетные редакции, частные и духовные лица немедленно прибыли в больницу. Некоторые предлагали теперь же ночью перенести умершего в соседнюю церковь, а утром торжественно перевезти в Донской монастырь. ГПУ резко это запретило и само распорядилось о перевозке покойного каретой скорой помощи в Донской монастырь.

Когда покойника увезли, его комната была запечатана. Через несколько дней пришел Тучков и в присутствии правления больницы и митрополита Петра был составлен список оставшихся вещей. Среди них нашли четыре тысячи руб., которые Тучков присвоил со словами: «Это нам пригодится». Это были собранные прихожанами и подаренные Патриарху деньги. Они лежали в корзиночке рядом с его постелью. Как то раз Патриарх мне сказал: «Приход хочет выстроить мне домик и собрал на это деньги. Квартира в монастыре очень низкая, узкая и неудобная. Когда собирается много народа, нечем дышать».

Тучков оказался прав, когда он нас спрашивал, не боимся ли мы принять тяжело больного Патриарха в нашу больницу. Смерть Патриарха возбудила в Москве всевозможные и самые невероятные толки. Говорили, что врач, удаливший корни зубов, впрыснул ему яд, вместо кокаина, путали имена врачей, которые лечили больного и распространяли сведения, будто

они все арестованы. Во всех этих толках даже трудно было разобрать, кого и в чем обвиняют.

Другой свидетель рассказывает подробности последних часов жизни Патриарха и именно в присутствии того врача Щ., и прислужника, о которых упоминает Бакунина. Этот свидетель был и участником похорон Патриарха.

Святейший Тихон, Патриарх Московский и всея России, скончался в ночь со вторника на среду. Во вторник было Благовещение, но Святейший не служил, т. к. чувствовал себя плохо. Литургию в последний раз Святейший совершал в воскресенье.

25-го (ст. ст.) днем Святейший чувствовал себя лучше и даже занимался делами: читал письма и бумаги и писал резолюции. Вечером был у него Митрополит Петр, который присутствовал на консилиуме врачей, а затем вел деловой разговор. Ча-

119

сов около десяти вечера Святейший потребовал умыться и, с необычайной для него строгостью, серьезным тоном, к которому окружающие не привыкли, сказал: «Теперь я усну крепко и надолго... ночь будет длинная, длинная, темная... темная...»

Несколько времени он лежал спокойно. Потом сказал келейнику: «Подвяжи мне челюсть». И настойчиво повторил это несколько раз: «Челюсть подвяжи мне, она мне мешает». Келейник смутился и не знал, что делать.

«Святейший бредит», — сказал он сестре — «просит подвязать челюсть».

Та подошла к Святейшему и, слыша от него такую просьбу, сказала: «Вам будет тяжело дышать, Ваше Святейшество».

«Ах, так... Ну, хорошо, не надо», — ответил Патриарх.

Затем немного уснул. Проснувшись, он подозвал келейника и сказал: «Пригласи доктора».

Тотчас же было послано за доктором Щелканом, а до его прихода явились врачи лечебницы. Пришедший Щелкан, стал на колени у постели

Святейшего, взял его за руку и спросил: «Ну, как здоровье, как Вы себя чувствуете?..» Святейший не ответил, Щелкан держал руку Святейшего, замирающий пульс говорил ему, что здесь совершается таинство смерти. Он обвел глазами присутствующих врачей в знак того, что жизнь угасает и надежда на благополучный исход иссякла.

Минута проходила за минутой, Святейший лежал с закрытыми глазами. После короткого забытья Святейший спросил: «Который час?..»

— «Без четверти двенадцать».

— «Ну, слава Богу», — сказал Святейший, точно он только этого часа и ждал, и стал креститься:

— «Слава Тебе, Господи», сказал он и перекрестился.

— «Слава Тебе»... сказал он, занес руку для третьего крестного знамения. Патриарх всея России, новый священномученик, Великий Печальник за веру православную и Русскую Церковь, тихо отошел ко Господу.

...В среду, 26 марта ст. ст., в 5 час. утра, когда вся Москва еще спала, после отирания тела елеем, в карете скорой помощи, тихо и незаметно Патриарх всея России, обернутый в бархатную патриаршую мантию, из лечебницы был перевезен в Донской монастырь. Останки почившего сопровождали Митрополит Петр Крутицкий и епископ Борис Можайский. По прибытии, с колокольни понеслись мерные удары большого колокола, прозвонившего 40 раз.

120

Ужасная весть быстро облетела столицу. В храмах начались богослужения. Верующие останавливались на улицах и передавали друг другу последние вести из Донского монастыря. На зданиях некоторых иностранных миссий были, в знак траура, приспущены флаги.

На следующий день, в изъятие из устава, были совершены во всех московских храмах литургии Иоанна Златоуста.

Перед положением во гроб, которое состоялось в 3 часа дня, тело Святейшего было внесено в алтарь и три раза обнесено вокруг престола, при

чем в этот момент через окна собора ярко заблестало солнце; но вот Святейший во гробе и лучи мгновенно погасли.

Это произвело на толпу большое впечатление. Знаменательно, далее, что Патриарх умер в день смерти прав. Лазаря и за его погребением началась Страстная Седмица.

Из патриаршей келлии, куда было сначала доставлено тело почившего на носилках, Святейший был торжественно перенесен в сопровождении сонма духовенства во главе с преосвященным Борисом епископом Можайским, и облачен в патриаршее облачение — золотое с темно-зеленой бархатной оторочкой, шитое золотом и образами. На голову надета драгоценная патриаршая митра. Присутствовавшие архиереи по окончании облачения вложили в руки Святейшего дикирий и трикирий и его руками благословили народ при произнесении диаконом измененных слов богослужения: «Тако светился свет твой пред человеки и вси видеша добрая дела твоя и прославиша Отца нашего, Иже есть на небесех». Точно сам почивший Патриарх, отходя в лучший мир, прощался со своею паствою, в последний раз благословляя ее.

Поклонение почившему во гробе Первосвятителю началось в среду и непрерывно продолжается день и ночь, не прекращаясь во время всех богослужений. Кто может сосчитать, сколько прошло народа в эти дни... Говорили, что в одну минуту проходило по 100-120 чел., т. е. 160-170 тысяч в сутки. То медленнее, то быстрее движется очередь: целуя крест, Евангелие и одежды и, как выражаются газеты, «вежливо, но быстро выпроваживаются дальше», чтобы освободить место новым желающим. Ведь очередь желающих поклониться праху Патриарха растянулась вне ограды монастыря на полторы версты. Стоят по четыре человека в ряд. Эта очередь тянется к воротам монастыря, идет через обширный монастырский двор до большого (летнего) собора. Здесь она разделяется на две половины: с двух сторон подходят ко гробу Святейшего по два человека

с каждой стороны, прикладываются и выходят из северных дверей во двор. За порядком следят распорядители с черными повязками с белым крестом на рукаве.

Дубовый гроб стоял на возвышении посредине собора. Патриаршая мантия покрывала его. Лик Святейшего закрыт воздухом. Тропические растения высились вокруг гроба и оставался лишь проход бесконечным

лентам желающих приложиться. Около гроба, у возглавия, стояло по два иподиакона с каждой стороны аналая, на котором сиротливо высился патриарший куколь: два иподиакона с рипидами и еще два с патриаршим крестом и посохом. У возглавия несколько венков. Один из них с надписью: «От Архиепископа Кентерберийского».

Народ прикладывается ко Кресту и Евангелию и целует одежды Святейшего. Сделав земной поклон, я наклонился над гробом Святейшего и просил открыть руку Патриарха. Стоявший рядом иподиакон исполнил мою просьбу, и я припал к благословлявшей меня когда-то, но теперь неподвижно лежавшей, руке Святейшего. Рука была теплая, мягкая. Не желая задерживать народ, я отошел от гроба к амвону и стал молиться.

В половине шестого утра я совершил раннюю литургию в церкви св. Саввы Освященного в сослужении других священников; поминал, как и всюду в Москве: «Господина нашего Места Патриаршего Блюстителя Высокопреосвященнейшего Петра, Митрополита Крутицкого», а за упокой «новопреставленного раба Божия, Великого Господина и Отца нашего Тихона, Патриарха Московского и всея России». После литургии совершили торжественную панихиду и в половине девятого отправились в Донской монастырь. Так начался праздник Входа Господня в Иерусалим — день погребения Святейшего Патриарха Тихона — 30-го марта 1925 г.

Первая пересадка у Смоленского рынка показала, что мы можем опоздать не только к обедне, (до начала которой осталось полтора часа), но и к самому отпеванию: весь Смоленский рынок был переполнен народом, стремившимся в Донской. Это не была кучка благочестивых старушек: нет, это был целиком весь русский народ, вся Москва, представители всех слоев населения, не только Москвы, но и прилегающих сел, деревень и городов. На Калужской творилось что-то необыкновенное: изо всех улиц прибывали все новые и новые толпы, образовался какой-то водоворот из людей, трамваев, экипажей, и, покружась на площади, шумным потоком устремлялся на Донскую. Мы вышли из трамвая. Подхватили нас волны и понесли по тому-же направ-

лению. Вся Донская улица была запружена народом, оставался только узкий проезд, по которому бесконечной лентой тянулись извозчики, телеги и т. д. Весь двор монастыря был также полон народа. В собор пробрались лишь к панихиде, на которой пел весь народ. Во время панихиды пришли трое каких-то мужчин и одна дама. Распорядитель их остановил, т. к. они шли

через северные двери, предназначенные для духовенства, но когда они предъявили какую-то бумагу, то их тотчас же провели в собор. Это были, как говорили, представители американской миссии. Говорили, что прибыли еще представители других иностранных миссий.

Последующую литургию служило более 30 архиереев и около 60 священников. Кроме того, духовенство, не участвовавшее в служении, стояло в храме в три ряда, занимая всю середину собора. Первая проповедь была произнесена профессором Громогласовым. Затем, по окончании литургии, проповедником выступил проф. Страхов.

Благолепно и без торопливости совершался чин отпевания. После печального напева «Вечная память»... наступило молчание, точно никто не решался подойти, чтобы поднять гроб Святейшего и нести на место последнего упокоения.

И вдруг, среди мертвой тишины раздались слова, кажется, ничего в себе не заключавшие, но которые по своей непосредственности и искренности дали выход общему чувству. Полились слезы...

На амвон вышел один из епископов. Он не говорил надгробного слова, он сделал, так сказать, административное распоряжение:

«Сегодня мы погребаем одиннадцатого Патриарха Всероссийского Тихона. На похороны его собралась почти вся Москва. И я обращаюсь к вам с просьбой, которая безусловно должна быть выполнена. Дело в том, что весь монастырский двор переполнен народом. Ворота закрыты и в монастырь больше никого не пускают. Все прилегающие к монастырю площади и улицы запружены народом. Вся ответственность за соблюдение порядка лежит на мне. При таком скоплении народа малейшее нарушение дисциплины может вызвать катастрофу. Прошу, не омрачайте великого исторического момента, который мы сейчас переживаем с вами. Первым выйдет отсюда духовенство, потом епископы вынесут Святейшего. Пойдут только священнослужители в облачениях, все остальные останутся на местах... Никто не сойдет с места, пока вам не скажут. Вы должны это исполнить безусловно в память нашего Святейшего Отца и Патриарха.

И я знаю, что Вы это сделаете и не омрачите ничем этих исторических минут...»

Далее он подчеркнул единение, всегда царствовавшее между Патриархом и паствой.

В заключение он предложил присутствующим пропеть «Осанна». Песнопение было подхвачено многотысячной толпой.

Лес хоругвей двинулся к выходу. За ним, по четыре человека в ряд, выходили священники. На открытой площадке перед собором стояли носилки, на которые будет поставлен гроб. Кругом толпился народ, а около самых ступеней множество фотографов, направивших свои аппараты на носилки.

Когда я подошел к ступеням то с высоты площадки мне представилось необыкновенно грандиозное зрелище: весь громадный двор монастыря был полон народом, стоявшим также тесно, как в многолюдном храме в пасхальную заутреню. Монастырские стены, башни, крыши домов, деревья и памятники — все было покрыто народом.

Сквозь арку громадных монастырских ворот видна была уходящая вдаль улица — там стояла такая же густая толпа, как и во дворе монастыря.

Принимая во внимание необыкновенную обширность монастырского двора, можно с уверенностью сказать, что в ограде монастыря было не менее 300.000 человек, а на площадях и прилегающих улицах, может быть, еще больше.

Отовсюду лился трезвон всех московских церквей.

Медленно двигались мы, (т. е., участвующее духовенство) по направлению к воротам и остановились при повороте на левую дорожку.

Вдруг вся толпа притихла. Шум и говор смолкли, кажется, слышно, как муха пролетит, я оглянулся. На высокой площадке перед собором стоял с поднятой рукой епископ. Он повторил слова, сказанные в храме.

Из собора показалось шествие. Архиереи в белых облачениях и золотых митрах несли гроб Святейшего Патриарха. Пение хора сливалось с трезвonom колоколов: гроб был поставлен на носилки. При пении «Вечная память»... носилки были подняты и весь народ, вся громада подхватила песнопение, как только процессия двинулась ...

Сам народ устроил цепь. Ни толкотни, ни давки. Кому-то сделалось дурно. Но народ остался на месте и только быстро по цепи передалось известие в санитарный пункт. Медицинский отряд тотчас прибыл для оказания помощи.

Согласно воле почившего, перед самым погребением гроб Патриарха был внесен в его келлию, где он столько пережил, столько выстрадал.

Затем процессия двинулась к так называемому «теплому храму», где была приготовлена могила. В темные двери вошли архиереи, и двери за гробом закрылись. Все утихло. В молчании стоял крестный ход перед закрытыми дверями храма. Там происходила лития. Но вот раздалось пение: «Вечная память»... Это гроб Святейшего Патриарха Тихона опускали в могилу. Печальный перезвон колоколов точно плакал над раскрытой могилой последнего Патриарха.

Вслед за духовенством, народ устремился к большому собору, и целовал место, где стоял гроб усопшего.

С монастырской стены народ благословил Уральский Митрополит Тихон.

В стене над могилой вделан большой дубовый крест с надписью:

«Тихон, Святейший Патриарх Московский и всея России. 25 марта с. с. 1925 года».

Глава 12.

Архиепископ Иларион.

15/28 декабря 1929 г. в Петроградской тюремной больнице от сыпного тифа, в бреду — скончался замечательный профессор-богослов, удивительный проповедник, мужественный и стойкий борец за Церковь Христову — святитель Божий, архиепископ Иларион.

Архиепископ Иларион (Владимир Алексеевич Троицкий), магистр богословия и проф. Моск. Духовн. Академии, был выдающимся богословом и талантливейшим человеком. Вся жизнь его — это сплошное горение

величайшей любовью к Церкви Христовой, вплоть до мученической кончины за Нее.

Его труды характерны церковным направлением, неустанной борьбы с схоластикой и специфическим латинством, проникшим в наше богословие с митрополита Петра Могилы.

Его идеал — это церковность духовной школы и богословской науки.

Его постоянное напоминание — это: вне Церкви нет спасения, вне Церкви нет таинств.

Когда ему пришлось писать ответную статью-письмо к Роб. Гардинер (помещ. в «Бог. Вестнике», янв. 1917 г.) — секретарю комиссии по устройству мировой конференции христианства, то здесь Архиепископ Иларион с особенной силой убеждения высказал свои заветные думы. Вот наиболее примечательные места: «...Я имел удовольствие получить и Ваши любезные письма, в одном из которых (от 13 сент. 1916 г.) Вы выражаете надежду, что я не только прочту присланные Вами брошюры, но и сообщу Вам свои замечания. С радостью готов беседовать с Вами по столь дорогому для меня вопросу, как вопрос о Церкви... По Вашему убеждению все именующия себя христианскими общества составляют единую Христову Церковь, но лишь ослабленную в ее единстве... Такое учение о Церкви принять *совершенно невозможно*, так как оно безусловно неведомо древней Церкви, в которой не знали никакого ослабленного понятия о единстве Церкви... Основную истину христианства,

126

его великую тайну — воплощения Сына Божия, признают все христианские вероисповедания. Но это одно не может сливать их в единую Церковь. Ведь бесы, по ап. Иакову, веруют (II, 19), и веру свою, по свидетельству Евангелия, исповедывали подобно ап. Петру (Мф. XVI, 16; VIII, 26; Мр. I, 24; Лк. VIII, 28)».

В период послесоборный, до ареста, он являлся красноречивейшим проповедником, слушать которого стекалась вся верующая Москва. Этот период пленения большевицкого, он был одним из первых сотрудников Святейшего Патриарха Тихона.

А на самом Соборе Церковном им была произнесена, пожалуй, самая блестящая речь о патриаршестве. Вот какими тонами звучит эта речь:

«Никогда Русская Церковь не была без первоиерарха. Наше патриаршество уничтожено было Петром I. Кому оно помешало? Соборности Церкви? Но не во время-ли патриархов было особенно много у нас соборов? Нет, не соборности и не Церкви помешало у нас патриаршество. Кому же? Вот предомною два великих друга, две красы XVII в. — патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Чтобы поссорить друзей, злые бояре нашептывают царю: «из-за патриарха тебя, государя, не видно стало». И Никон, когда ушел с московского престола, между прочим писал: «пусть ему, государю, без меня просторнее будет». Эту мысль Никона и воплотил Петр, уничтожив патриаршество. «Пусть мне, государю, без патриарха просторнее будет»...

Но церковное сознание, как в 34-м апостольском правиле, так и на Московском Соборе 1917 года говорит неизменно одно: «епископам всякого народа, в том числе и русского, подобает знати первого из них и признавати его яко главу».

И хочется мне обратиться ко всем тем, кто почему-то считает еще нужным возражать против патриаршества. Отцы и братие! не нарушайте радости нашего единомыслия! Зачем вы берете на себя неблагодарную задачу? Зачем говорите безнадежные речи? Ведь против церковного сознания боретесь вы. Бойтесь, как бы не оказаться вам богоборцами (Деян. V, 59)! Мы и так уже согрешили, согрешили тем, что не восстановили патриаршества два месяца назад, когда приехали в Москву и в первый раз встретились друг с другом в Большом Успенском соборе. Разве не было кому тогда больно до слез видеть пустое патриаршее место? А когда мы прикладывались к святым мощам чудотворцев московских и первопрестольников российских, не слышали-ли мы тогда их упрека за то, что двести лет у нас вдовствует их первосвятительская кафедра?»

127

Так вдохновенно и пламенно ратовал за патриаршество безвременно угасший святитель-мученик.

Много положил кропотливого труда архиеп. Иларион в свою магистерскую диссертацию: «Очерки из истории догмата о Церкви» (559 стр.), где им отлично и всесторонне обоснована идея единства Церкви Христовой и на историческом материале и на церковном самосознании.

Есть у него также замечательно написанная брошюра «Гностицизм и Церковь в отношении к Новому Завету».

С удивительной четкостью и чарующей ясностью написаны им статьи: «Краеугольный камень Церкви», «Церковное богословие» и др. забытые сейчас мной заголовки. Им сделан самый восторженный отзыв о книге С. Л. Епифановича, проф. Киев. Дух. Акад.: «Преподоб. Максим Исповедник и Византийское богословие».

После поездки в западные страны, появилась его книга «Письма о Западе», в которой нещадно критикуется западная религиозная жизнь во всех ее внутренних и внешних проявлениях, сравнительно с Божественной красотой Православия. И в уставных обрядах и в учениях западные исповедания рассматриваются им как обыкновенные человеческие организации.

И еще укажем его статью: «Единство идеала Христова»... Нами только указаны здесь те книги и статьи, кои побывали в наших руках.

Умер владыка Иларион 44-х лет. Рукоположен был во епископа 20-го мая 1920 г.

Архиеп. Иларион и митроп. Антоний — две крупных величины в православном богословии и в православной Церкви. Память о них незабвенна. Общность идеалов и убеждений свидетельствуют о их самой тесной умственной близости и духовном родстве, о чем сам Архиеп. Иларион часто любил говорить.

Надо полагать, что представляет интерес и описания его личности, характера и взглядов одного его союзника по Соловкам. (*Михаил священник. Положение Церкви в Советской России, 1931, и ненапечатанные воспоминания*).

Архиепископ Иларион — человек молодой, жизнерадостный, всесторонне образованный, прекрасный церковный проповедник-оратор и певец, блестящий полемист с безбожниками, всегда естественный, искренний, открытый; везде, где он ни появлялся, всех привлекал к себе и пользовался всеобщей любовью. Большой рост, широкая грудь, пышные русые волосы, ясное, светлое лицо. Он остается в памяти у всех, кто встре-

чался с ним. За годы совместного заключения являемся свидетелями его полного монашеского нестяжания, глубокой простоты, подлинного смирения, детской кротости. Он просто отдавал все, что имел, что у него

просили. Своими вещами он не интересовался. Поэтому кто-то из милосердия должен был все-таки следить за его чемоданом. И такой послушник находился у него и в Соловках. Этот чарующий дух нестяжания и был подлинно от Митрополита Антония, школой которого многие хвалятся. Этого человека можно оскорбить, но он на это никогда не ответит и даже может быть и не заметит сделанной попытки. Он всегда весел и если даже озабочен и обеспокоен, то быстро попытается прикрыть это все той же веселостью. Он на все смотрит духовными очами и все служит ему на пользу духа.

На Филимоновой рыболовной тоне, в семи верстах от Соловецкого кремля и главного лагеря, на берегу заливчика Белого моря, мы с Архиепископом Иларионом, еще двумя епископами и несколькими священниками, все заключенными, были сетевязальщиками и рыбаками. Об этой нашей работе архиеп. Иларион любил говорить переложением слов стихир на Троицын день: «Вся подает Дух Святой: прежде rybapи богословцы показа, а теперь наоборот — богословцы rybapи показа». Так смирялся его дух с новым положением.

Благодушие его простиралось на самую советскую власть и на нее он мог смотреть незлобивыми очами. Всех нас, церковников, советская власть наделила равными сроками заключения. Архиепископу Илариону, потрудившемуся около Патриарха в Москве и наносившему тяжелые удары безбожию и обновленческому расколу, безусловно ставшему величиною в общероссийском масштабе, и, почти, юноше, маленькому иеромонаху из Казани, у которого все преступление состояло в том, что он с диакона, обновленца, снял орарь и не позволил ему с собою служить, было дано три года.

— «Любочестив бо сый владыка, — говорил по этому поводу арх. Иларион пасхальными словами Иоанна Златоуста, — приемлет последнего якоже и первого; упокоевает в едионадесятый час пришедшего, якоже делавшего от первого часа. И дела приемлет, и намерение целует, и деяние почитает, и предложение хвалит». Слова эти звучали иронически, но давали чувство мира и заставляли принимать испытание как от руки Божией.

Но это благодушие вовсе не было потерей мужества пред богоборной властью. Еще в Кемском лагере, в преддверии Соловков, захватила нас смерть Ленина. Когда в Москве опускали его в могилу мы должны были здесь, в лагере, простоять

пять минут в молчании. Владыка Иларион и я лежали рядом на нарах, когда против нас посреди барака стоял строй наших отцов и братьев разного ранга в ожидании торжественного момента. «Встаньте, все-таки великий человек, да и влетит вам, если заметят» — убеждали нас. Глядя на Владыку и я не вставал. Хватило сил не склонить голову пред таким зверем. Так благополучно и отлежались. А Владыка говорил: «подумайте, отцы, что ныне делается в аду: сам Ленин туда явился, бесам какое торжество».

Владыку Илариона очень веселила мысль, что Соловки есть школа добродетелей — нестяжания, кротости, смирения, воздержания, терпения, трудолюбия. Обокрали прибывшую партию духовенства и отцы были сильно огорчены. Я в шутку им сказал, что так их обучают нестяжанию. Владыка был в восторге. У меня два раза подряд украли сапоги и я разгуливал по лагерю в рваных галошах, чем приводил его в подлинное веселие, которое и в нас вселяло благодущие. Но нужно заметить, что не все аскетически настроенные монахи понимали такой дух. Некоторым все казалось, что спасаются только в монастыре и они подчас сильно огорчались лишениями.

Любовь его ко всякому человеку, внимание и интерес к каждому, общительность были просто поразительными. Он был самой популярной личностью в лагере, среди всех его слоев. Мы не говорим, что генерал, офицер, студент и профессор знали его, разговаривали с ним, находили его или он их, при всем том, что епископов было много и были старейшие и не менее образованные. Его знала «шпана», уголовщина, преступный мир воров и бандитов именно, как хорошего, уважаемого человека, которого нельзя не любить. На работе ли, урывками, или в свободный час его можно было увидеть разгуливающим под руку с каким-нибудь таким «экземпляром» из этой среды. Это не было снисхождение к младшему брату и погибшему. Нет. Владыка разговаривал с каждым, как с равным, интересуясь например «профессией», любимым делом каждого. «Шпана» очень горда и чутко самолюбива. Ей нельзя показать пренебрежения безнаказанно. И потому манера Владыки была всепобеждающая. Он как друг облагораживал их своим присутствием и вниманием. Наблюдения же его в этой среде, когда он делился ими, были исключительного интереса.

Он доступен всем, он такой же, как и все, с ним легко всем быть, встречаться и разговаривать. Самая, обыкновенная, простая, несвятая внешность — вот что был сам Владыка. Но за этой заурядной формой веселости и светскости можно было

постепенно усмотреть детскую чистоту, великую духовную опытность, доброту и милосердие, это сладостное безразличие к материальным благам, истинную веру, подлинное благочестие, высокое нравственное совершенство, не говоря уже об умственном, сопряженном с силой и ясностью убеждения. Этот вид обыкновенной греховности, юродство, личина светскости скрывали от людей внутреннее делание и спасали его самого от лицемерия и тщеславия. Он был заклятый враг лицемерия и всякого «вида благочестия», совершенно сознательный и прямой. В «артели Троицкого» (так называлась рабочая группа архиепископа Илариона) духовенство прошло в Соловках хорошее воспитание. Все поняли, что называть себя грешным или только вести долгие благочестивые разговоры, показывать строгость своего быта, не стоит. А тем более думать о себе больше, чем ты есть на самом деле.

Каждого приезжающего священника, конечно, Владыка подробно расспрашивает обо всем, что предшествовало заключению. «За что же вас арестовали?» — «Да служил молебны у себя на дому, когда монастырь закрыли — отвечает отец игумен, — ну, собирался народ и даже бывали исцеления...». «Ах, вот как, даже исцеления бывали... сколько же вам дали Соловков?» — «Три года». «Ну, это мало, за исцеления надо бы дать больше, советская власть не досмотрела»... Само собой понятно, что говорить об исцелениях по своим молитвам было более чем нескромно. Выражение же своего недовольства Владыка отчасти заимствовал из разговоров своих с агентами власти, как мы увидим.

В конце лета 1925 года, из Соловецкого лагеря Архиепископ Иларион вдруг неожиданно был изъят и отправлен в Ярославскую тюрьму. Весною 1926 года Архиепископ Иларион опять был с нами. Тюремные новости его касались исключительно его разговоров с агентом власти, вершителем судеб Церкви, посещавшим его в тюрьме ¹⁾.

Агент склонял Архиепископа присоединиться к новому расколу, так называемому, григорьевскому. Видимо, агент хотел переходом в раскол такого популярного архиерея, с одной сто-

¹⁾ В Ярославской тюрьме Владыка пользовался большими, преднамеренно данными, льготами. Мог получать книги. Читал много святоотеческой литературы и написал много толстых тетрадей, которые мог передать после тюремной цензуры, своим друзьям на хранение. Тайком посещал квартиру тюремного надзирателя, заведомо доброго человека и видел собрание подпольной рукописной религиозной, современной подсоветской литературы и копий всяких церковно-административных документов и переписки архиереев. Пребывание в «Ярославском изоляторе» Владыка вспоминал, как о лучшей поре его заключения, несмотря на неприятные с врагом Церкви.

роны дискредитировать его в глазах одной части массы, а с другой, — усилить григорьевский раскол новыми силами, ибо за А. Иларионом многие могли бы и пойти. Склонить на примирение и соглашение с собою, было лучшим средством у власти безбожников чтобы уронить в глазах народа, дискредитировать известного героя и мученика, человека, сидевшего в тюрьме, ничего не уступавшего и авторитетного в глазах народа.

— «Вас Москва любит, вас Москва ждет»... Но когда Владыка остался непреклонен и обнаружил понимание замыслов ГПУ, то агент сказал: «Приятно с умным человеком поговорить... А сколько вы имеете срока в Соловках? Три года?! Для Илариона три года! Так мало?!»

Действительно, к концу первого трехлетия он получил еще три года, при чем в качестве нового обвинения было предъявлено, конечно, для проформы, — «разглашение государственных тайн», то есть, разглашение разговора его с агентом в Ярославской тюрьме. Так нас подслушивали. Обвинение же это нелепо, потому что Арх. Иларион не сотрудник ГПУ, никакие служебные тайны ему не могли доверяться и, наконец, подписку не разглашать сказанного ему, как это практикуется часто на допросах в ГПУ, он не давал.

В той же Ярославской тюрьме, агент ГПУ все-таки сумел получить от него письмо к м. Сергию о том, чтобы последний не занимался каноническими прещениями по адресу григорьевцев. Григорьевцы, конечно, по этому поводу не мало ликовали, а Арх. Иларион, возвратившись в Соловки, поскорбел. Часто, прерывая какие-то свои мысли, он говорил нам вслух:

— «Вот, григорьевцы говорят, что Иларион за нас, а Иларион опять в Соловках»...

Сам Арх. Иларион делал ошибки; это тот, кто самоотверженно боролся с безбожием и церковным расколом, неустанно проповедывал против них в церквях, проводил блестящие публичные диспуты с представителями того и другого, организовывал отнятие храмов у обновленцев, свидетельствовал истину на допросах в самой тюрьме среди посулов и угроз, когда столько в такой обстановке пали и сдались.

Не сделать ошибок было трудно.

Характеризовать как-нибудь поподробнее все обманы, ложь, наглое бесстыдство, притворство и лицемерие, провокационные выходки и прочие подлости агентов власти даже Арх. Иларион не умел. Когда касался разговор

отношений власти к церковному управлению, то он говорил: «Надо побыть в этой обстановке хотя немного, а так не опишешь. Это, воочию сам сатана».

132

Враг предлагал компромиссы, обещал возможность свободы для церкви и церковной деятельности на известных условиях, вовлекал в известную политику, имея в виду добиться своих целей, уступок с нашей стороны, а со своей стороны ничего не дать, обмануть. И это ему удавалось.

Большинство иерархов, находившихся еще на свободе, были людьми самоотверженными, а попавшие в тюрьмы и лагеря готовы были оставаться здесь еще и еще, но ничего не сдавать врагу. Но опасность подкрадывалась в расчетах пользы церкви, в надеждах на умную политику, которую предлагал враг. И архиеп. Иларион, например, в той же тюрьме, прямо укоряя агента ГПУ за нелепый союз власти с обновленцами, в тоже время, можно сказать, бессознательно, подавал агенту мысль, что не лучше-ли заключить союз с Православною Церковью и поддержать ее. Тогда-де, мол, и настоящая, по крайней мере, авторитетная Церковь поддержит советскую власть. Он, конечно, не предполагал, что будет это стоить Церкви в смысле сохранения истины и морали и что за эту услугу гонения на нее не прекратятся.

Коварство врага лишало решительности и прямоты и такой человек, как арх. Иларион, шел на компромиссы и делал ошибки. Он читал лекцию о совместимости христианства и социализма, когда агент ГПУ требовал от него доказать этим, что он не контрреволюционер. Правда, потом чекист ему говорил: «На любимые темы вы легко говорите, а вот здесь-то как будто кто клещами вытягивал у вас слова»... Он же именно был один из (двух) сторонников отречения Патриарха от власти. На столько кратко, хотя и остро занимал этот вопрос церковное управление и на столько быстро и сам архиеп. Иларион сознал свою ошибку, что об этой его позиции далеко не все и среди епископата знали. Не без его влияния, хотя и на весьма малое время, был заведен Патриархом совершенно несбыточный в Русской Церкви новый стиль. Главный свидетель планов ГПУ по уловлению Церкви в большевицкие сети, он менее всех был склонен осудить первоиерарха за неполезные для Церкви поступки. В соглашении м. Сергия с властью ничего не видел особенного, ошибся-ли м. Сергей или поступил с практическим расчетом, арх. Иларион не строго судил об отношениях главы Церкви с властью. И такое, если не одобрительное, то безразличное отношение к церковной политике м. Сергия не помогло архиеп. Илариону. Он не был выпущен на свободу и тогда, когда советская власть получила поддержку авторитетной церковной власти. Только теперь то и началось полное, ничем

несдерживаемое гонение, приведшее Церковь к совершенному изнеможению.

133

Талантливейший человек, с большими теоретическими учено-богословскими интересами, ревностный слуга Церкви Божией и он навряд-ли мог быть церковным администратором. Призвание ученого он ощутил в себе в дни самого раннего отрочества. Семилетним мальчиком он взял своего трехлетнего младшего брата за руку и повел из родной деревни в город учиться. И когда тот заплакал, то он сказал: «ну оставайся не ученым»... Их обоих вовремя родители препроводили домой. За все же годы своего учения, начиная духовным училищем и кончая академией, Троицкий никогда не имел ни по одному предмету оценки ниже высшего балла (пяти).

Бог возжелал иметь этого безупречно чистого человека у Себя святым и взял его к Себе в благопотребное время, предоставляя делать дальнейшие ошибки, грехи и преступления тем, кто на это был способен и ранее.

За время своего святительства (с 1920 г.) он не имел и двух лет свободы. До Соловков он уже был один год в ссылке в г. Архангельске. С патриархом в Москве он поработал не больше полгода. С 7/20 декабря 1923 г. он уже имел приговор в Соловки и прибыл в Кемский лагерь за неделю до Рождества. Здесь, увидев весь ужас барачной обстановки и лагерную пищу, даже он, жизнерадостный и бодрый, сказал: «отсюда живыми мы не выйдем». И он в Соловецких лагерях все же пробыл шесть лет, но все же живым не вышел из своего заключения.

О последних днях арх. Илариона, другой священник, бывший вместе с ним в Соловецком лагере сообщает: до самого 1929 года он находился в Соловках. Но вот большевики решили сослать арх. Илариона на вечное поселение в Альма-Ату в Средней Азии.

Владыку повезли этапным порядком — т. е. от одной пересылочной тюрьмы до другой. По дороге его обокрали и в Петербург он прибыл в рубище, кишасем паразитами и уже больным. Из Петроградской тюремной больницы, в которой он был помещен, он писал: «Я тяжело болен сыпным тифом, лежу в тюремной больнице, заразился должно быть в дороге, в субботу, 15 декабря, решается моя участь (кризис болезни), вряд ли перенесу»...

В этот день, т. е. 15 декабря 1929 года Владыка Иларион и скончался...

Когда ему в больнице заявили, что его надо обрить, Владыка сказал: «делайте со мною теперь, что хотите». В бреду гово-

134

рил: «вот теперь то я совсем свободен, никто меня не возьмет»...

Ночью из тюрьмы в простом, наскоро сколоченном из досок гробу, тело почившего Архиепископа Илариона было выдано для погребения ближайшим родственникам. Когда открыли гроб, никто его не узнал. Так изменила ссылка Владыку, отличавшегося высоким ростом и крепким здоровьем. В гробу лежал жалкий старик, обритый, седой... Одна из родственниц упала в обморок...

Митрополит Серафим (Чичагов) принес свое белое облачение, белую митру. По облачении тело Владыки положили в другой, лучший гроб.

Отпевание совершал сам митрополит в сослужении шести архиереев и множества духовенства. Пел хор. Похоронили Владыку в Ново-Девичьем монастыре.

Так отошел в вечность этот богатырь духом и телом, чудесной души человек, наделенный от Господа выдающимися богословскими дарованиями, жизнь свою положивший за Церковь Христову.

135

Глава 13. Петр, Митрополит Крутицкий.

Митрополит Петр, в мире — Петр Федорович Полянский, родился в Воронежской губ. в 1863 г. Среднее образование получил в Воронежской семинарии, а высшее — в Московской Духовной Академии, которую окончил в 1892 г. со званием кандидата богословия — магистранта и был оставлен при ней в должности помощника инспектора. Вскоре он написал диссертацию на тему «о Пастырских посланиях», за которую ему была присуждена степень магистра богословия. Из Московской Академии он был назначен Смотрителем Жировицкого Духовного училища (Гродненской

губ.), а затем был приглашен на должность делопроизводителя Учебного Комитета при Святейшем Синоде и через год назначен сверхштатным, а немного спустя, — штатным членом Учебного Комитета. В последней должности он пробыл до революции, исполняя обязанности ревизора духовно-учебных заведений.

Разъезжая по служебным обязанностям буквально по всей России, включая Кавказ и Сибирь, П. Ф. имел обширное знакомство в кругах высшего духовенства и профессуры. Обладая от природы общительным характером, при несомненной умственной одаренности, П. Ф. пользовался огромным уважением среди своих обширных знакомых. А благодаря твердости своего характера, соединенного с врожденной тактичностью, П. Ф. оказывал большое влияние на духовно-учебное и воспитательное дело в России.

После революции П. Ф. работал в составе Всероссийского Поместного Собора в 1917-18 гг. Избранный Собором Патриарх Тихон привлек П. Ф. в качестве одного из ближайших своих сотрудников. В 1920 г. Патриарх Тихон постриг П. Ф. в монашество и 25 апреля рукоположил его в сан епископа, с назначением на должность патриаршего викария, впоследствии возведши его в сан Митрополита Крутицкого.

По завещанию покойного Патриарха Тихона, Митрополит Петр Крутицкий значился в числе трех иерархов, долженству-

ющих в порядке определенной преемственности быть местоблюстителями патриаршего престола. Обстоятельства сложились таким образом, что никто из первых двух митрополитов не имел фактической возможности исполнять обязанности местоблюстителя Патриаршего Престола и только Митрополит Петр Крутицкий, третий кандидат, указанный Патриархом Тихоном, вступил на эту высокую ответственную должность. Этот момент характеризовался с одной стороны провалом последних надежд на создание Патриаршего «легального» Управления, о котором хлопотал покойный, а с другой стороны все растущей активностью обновленцев.

В период управления Церковью Митрополитом Петром, обновленцы, окрыленные смертью Патриарха, стали добиваться соединения с Православной Церковью и вели энергичную подготовку в этом направлении к своему 2-му собору, долженствовавшему состояться в Москве летом 1925 года. Советская власть, широко поддерживавшая обновленцев, и в

данном случае, всеми мерами административного воздействия, старалась склонить местных православных епископов на соединение с обновленчеством: упорствующие арестовывались и высылались, колеблющимся сулили всякие блага, при условии перехода их в обновленчество. В атмосфере растущего нажима обновленцев и совет. власти, под напором репрессий, казалось, создавались колебания и неуверенность в ряде отдельных местностей России. Нужно было твердое и безбоязненное руководство. И в этот момент Митрополит Петр издал свое послание к Русской Церкви, резко и четко определившее позицию Православной Церкви перед лицом грядущих событий, как позицию полного непримиримого стояния за истину и отвержения всяких компромиссов, как с обновленчеством, так и с поддерживающей его советской властью.

Это послание Митрополита Петра, сразу же восстановившее твердый дух в Церкви и обрекшее на полный крах столь долго и тщательно осуществлявшуюся подготовку обновленцев и правительства, сыграло вместе с тем и роковую роль в его личной судьбе. Сов. власть, убедившись, что в его лице Православная Церковь имеет неподкупного и бесстрашного вождя, достаточно энергичного и смелого, — стала готовить способы для изъятия его от руководства Церковью.

С этой целью в газетах стали появляться статьи, полные клеветнических инсинуации против Митрополита Петра и его якобы контрреволюционной деятельности, а затем на обновленческом лже-соборе в Москве, знаменитый Введенский огласил

заведомо ложный, сфабрикованный в ГПУ документ, якобы разоблачающий связь Митрополита Петра с «заграницей». Одновременно с этим, перед лицом уже прямой и для всех очевидной угрозы ареста — Тучков от имени правительства начал вести с Митрополитом Петром переговоры о «легализации», т. е. официальном оформлении управления Православною Церковью, какового до сих пор она не имела, находясь на нелегальном положении.

Эта «легализация» обещала облегчить бесправное положение Церкви, но требовала принятия Митрополитом Петром ряда условий — как то: — 1) издание декларации определенного содержания, 2) исключение из числа управляющих — неугодных власти епископов, т. е. устранения их от церковной жизни, 3) осуждения заграничных епископов и 4) в дальнейшем определенный контакт в деятельности с правительством в лице Тучкова. За

это обещалось официальное оформление управления и неприкосновенность тех епископов, кои будут назначены на епархии по соглашению с властью.

Предлагая Митрополиту Петру свои условия в момент, когда ему угрожала уже личная непосредственная опасность, — правительство безусловно рассчитывало, что, желая сохранить свободу и спасти себя от грядущих испытаний, Митрополит Петр пойдет невольно на уступки. Однако, пренебрегая всеми личными соображениями, Митрополит Петр решительно отказался от предложенных ему условий и, в частности, отказался и подписать предложенный Тучковым текст декларации.

Летом 1925 г. комиссар по церковным делам Тучков хотел самочинно сделать местоблюстителем Митрополита Агафангела, а Митрополита Петра послать в Ярославль. Местоблюститель на это ответил: я охотно передам власть Митрополиту Агафангелу, так как он кандидат на местоблюстительство прежде меня, но сам останусь митрополитом Крутицким, так как не дело гражданской власти вмешиваться в дела чисто-церковные. Это было сказано с такой твердостью, что Тучков оставил свое намерение до 1927 г., когда митрополит Сергей и подчинил внутреннюю свободу Церкви богоборной власти, признал ее власть и компетенцию в чисто-церковных делах.

Не долго управлял местоблюститель патриаршего престола Митрополит Петр. Он уже твердо знал, что никакие уступки с его стороны не могут подкупить власти. Власть все берет и ничего не дает. Поэтому разные предложения агента власти Митрополит прямо отвергал и даже выпроваживал его из своих покоев с такими словами: «вы все лжете; ничего не дадите, а

только обещаете; а теперь потрудитесь оставить комнату, у нас будет заседание». Такое свое отстранение от церковных дел озлобленный враг не долго мог терпеть.

10 декабря 1925 г. у Митрополита Петра был произведен ночью обыск, сам же он сперва был арестован на дому, а через два дня переведен во внутреннюю тюрьму на Лубянку. Одновременно с ним была арестована группа проживавших в Москве иерархов, близких Митрополиту Петру и, очевидно, по мнению ГПУ, единого с ним настроения. Это были: Архиепископ Николай Владимирский, Пахомий Черниговский, Прокопий

Херсонский, Гурий Иркутский, епископы Парфений Ананиевский, Дамаскин Глуховский, Тихон Гомельский, Варсонофий Каргопольский и др.

Согласно завещанию, оставленному Митрополитом Петром, — в случае его ареста в управление Церковью должен был вступить в качестве Заместителя Местоблюстителя сперва Митрополит Сергей Нижегородский, затем Митрополит Михаил, экзарх Украины, и, наконец, Митрополит Иосиф Петроградский (находившийся в Ростове).

Однако, к моменту ареста Митроп. Петра ГПУ уже подготовило самочинническую группу епископов, во главе с архиеп. Григорием Екатеринбургским и еписк. Борисом Можайским, каковая, по примеру живой церкви при аресте Патриарха — немедленно же, как только был арестован Митропол. Петр — созвала совещание своих, заранее сговорившихся участников: 9-ти епископов, живших в Москве. Объявила, что деятельность Митрополита Петра была контрреволюционна и что — в виду его ареста и отсутствия т. образом управления Церковью — они, собравшиеся 9 епископов организуют из себя «Временный Высший Церк. Совет» и берут в свои руки управление Церковью.

Архиеп. Григорий и др., получив свидание с Митроп. Петром в ГПУ — передают ему доклад о положении Церкви, в котором сообщают, что Митрополит Сергей не может управлять Церковью, что Митроп. Михаил отказался и Митроп. Иосиф — тоже и что т. обр. церковные дела требуют нового распоряжения от Митроп. Петра, дабы избежать полной анархии.

Митроп. Петр, не подозревая предательства, зная Архиеп. Григория по его прежней стойкости в Православии, положил на этом докладе, тут же в ГПУ на свидании 1-II-1926 г., резолюцию о сдаче управления Церковью коллегии из Архиеп. Николая Владимирского, Дмитрия Томского и Григория Екатеринбургского; в это самое время Архиеп. Николай сидел в той же тюрьме ГПУ, а Архиеп. Дмитрий был в Томске и в Москву приехать не мог. Архиеп. Григорий, зная все это, умолчал, и с резолюцией Митроп.

Петра покинул ГПУ, очевидно считая себя господином положения. Однако, резолюцию свою Митроп. Петр написал не в категорической, а в условной форме, давая этим понять, что она обязательна к исполнению лишь при известных условиях, а именно при условии невозможности для Митроп. Сергея управлять Церковью. И это дало Митроп. Сергию и всей Церкви

право отвергнуть предательство и самочинное начинание Архиеп. Григория и др.

Оставаясь до V-1926 г. в одиночном заключении во внутренней тюрьме ГПУ и будучи совершенно оторванным от мира, Митр. Петр, конечно, не представлял себе ничего о действительном положении церковных дел. Он догадывался, что вероятно не все благополучно и спокойно, раз Митрополит Сергей не мог, а Митроп. Михаил и Архиеп. Иосиф отказались управлять Церковью.

В это время было очевидно для всякого, что и эта затея ГПУ, имевшая целью внести новую смуту в жизнь Церкви, обессилить ее, а в случае успеха ВВЦС ¹⁾ подчинить ее своему влиянию, — проваливается по примеру всех предыдущих. Тогда, не желая отказаться от начатого, Тучков прибегает к новой хитрости: закончившему срок ссылки в Нарымском крае Митроп. Агафангелу разрешают вернуться в Ярославль, но по дороге в Перми, задерживают его. Там происходит его свидание с Тучковым. Изобразив положение Церкви как близкое к катастрофе, внутреннюю борьбу ВВЦС и Митроп. Сергея за власть, как момент, не дающий правительству возможности легализовать Православную Церковь, к чему правительство якобы стремится, Тучков просил Митроп. Агафангела урегулировать внутренние дела Церкви своим авторитетом и своими, еще Патриархом данными, полномочиями, и войти с правительством в переговоры для оформления Православного Церковного Управления.

Митрополит Агафангел абсолютно не представлял себе истинного положения вещей, поверивши Тучкову — издал свое известное Пермское Послание о принятии им на себя управления Церковью. Спровоцировавши таким образом Митроп. Агафангела, Тучков одновременно хотел спровоцировать и Митроп. Петра и, показав ему Послание Митроп. Агафангела, предложил написать письмо Митроп. Агафангелу о передаче ему Местоблюстительства. Митрополит Петр воспользовался этим случаем и написал 22/V Митроп. Агафангелу, приветствуя его возвращение и с радостью передавая ему свои права. Однако Митроп. Сергей успел войти в переписку с Митроп. Агафангелом, объяснил

¹⁾ Всерос. Верх. Церк. Совет.

всю ошибочность Пермского Послания, поскольку Митроп. Петр не отказывался от своих полномочий и в лице Митроп. Сергия имел законного заместителя.

12-VI-1926 г. Митроп. Агафангел отказался от своего Пермского Послания. Единственным законным Управителем Церкви остался Митроп. Сергей, с каковым советская власть, убедившись в бесплодности своих попыток спровоцировать анархию в Церкви через ВВЦС и митроп. Агафангела, стала продолжать переговоры о легализации, начатые год назад с Митр. Петром.

Что касается самого Митроп. Петра, то он в то время был вывезен тайно из Москвы и помещен в крепость б. Спас-Евфимиева монастыря в Суздале в одиночной камере. Там находился он до поздней осени 1926 г.

Тучков продолжал настаивать на принятии Митрополитом Сергием тех условий, кои еще в 1925 г. были поставлены Митроп. Петру, а для большей «убедительности» этих условий ГПУ настолько усилило репрессии против епископата, что в редкой епархии оставались еще епископы.

Когда был арестован Митроп. Сергей, в управление Церковью согласно завещания Митроп. Петра, вступил честный, чистый, любимый народом Митроп. Иосиф Петроградский, но находившийся в ссылке. Он не считал возможным фактически управлять Церковью ввиду того, что находился в глуши Ярославской губ. и уехать оттуда не мог, а поэтому передал управление трем заместителям — Архиеп. Корнилию, который был арестован, Архиеп. Фаддею, который был в ссылке и Архиеп. Серафиму Угличскому, который и вступил в управление Церковью.

Одновременно с этим Митроп. Петр из Суздаля был переведен в Москву в тюрьму ГПУ, где Тучков предложил ему отказаться от Местоблюстительства. Митр. Петр решительно не согласился на это и тогда же через ксендза, сидевшего с ним в одной камере, просил передать всем, что «никогда и ни при каких обстоятельствах не оставит своего служения и будет до самой смерти верен Православной Церкви».

В конце декабря Митроп. Петра этапом через Вятскую, Пермскую, Екатеринбургскую и Тюменскую тюрьмы направили в ссылку в Тобольск. 1-I-27 года в Пермской тюрьме Митроп. Петр впервые имел возможность узнать о положении церковных дел в России, о провокации Арх. Григория в прошлом году, о выступлении Митроп. Агафангела и пр. и тогда же составил он свое послание к Церкви, имевшее целью объяснить все его невольные ошибки, сделанные из тюрьмы, и направить церковн-

ную жизнь в должное русло. 21-I-27 г. в Екатеринбург. тюрьме Митроп. Петр имел свидание с Арх. Григорием после чего ему удалось передать свое послание на волю. В ноябре 1927 г. он прибыл в Тобольскую тюрьму, откуда в начале марта был направлен на поселение в село Абалацкое на берегу Иртыша в 50 верстах выше Тобольска.

В это время Арх. Серафим Угличский вызван был в Московское ГПУ, где Тучков предложил ему принять известные условия «легализации». На это Арх. Серафим ответил отказом, мотивируя его тем, что не считает себя полномочным решать основные принципиального характера вопросы без находящихся в заключении старших иерархов. После трех дней содержания Архиеп. Серафима в ГПУ — Тучков отпустил его в Углич, а 20-III был освобожден Митроп. Сергей, которому Архиеп. Серафим и сдал дела управления.

Факт освобождения Митроп. Сергея в тот момент, когда репрессия против Церкви по всей России все возрастала, сразу же возбудил ряд опасений и тревог.

В атмосфере все растущего недоверия вышла, наконец, в июне 1927 г. и знаменитая декларация Митроп. Сергея. Митроп. Сергей капитулировал перед ГПУ, принял все условия «легализации» и стал последовательно проводить их в жизнь. Цитадель православия — Патриарший Престол — был в руках врагов Церкви. Немногим раньше издания декларации Митроп. Сергея — Митроп. Петр был снова арестован и брошен в Тобольскую тюрьму.

Митроп. Петр, проведя два месяца в Тобольской тюрьме, был выслан вниз по реке Оби в зимовье Хэ, что в двухстах верстах от Обдорска на берегу Обской губы, в тундрах. Там, лишенный всякой возможности сноситься с миром, лишенный всякой помощи, тяжело больной — он обречен был на медленное умирание. Один человек так описывает положение ссыльных: «В августе 1927 г. на барже, буксируемой пароходом Обтреста, прибыл в Хэ митрополит Петр. Ему удалось снять в наймы за десять рублей в месяц домик из двух комнат у местной старушки самоедки; за стол и стирку белья приходилось платить еще десять рублей. Сперва Митрополит чувствовал себя не плохо и говорил, что отдыхает после двух месяцев Тобольской тюрьмы и десяти дней Обдорского ГПУ, дыша свежим воздухом. Он гулял в окрестностях Хэ, по тундре, поросшей кустарником, низкорослой березой и окруженной холмами и мелкими оврагами. Однако, в конце праздника Усекновения Главы Иоанна Предтечи, с ним случился первый припадок тяжелого

удушья и грудной жабы и с тех пор он не покидал постели. Полное отсутствие медицинской помощи и лекарств заставило нас послать в Обдорск на лодке (за двести верст) туземца, который привез с собой Обдорского фельдшера и фельдшера Обтреста. Этот консилиум признал положение Митроп. Петра тяжелым. Оставив некоторые медикаменты, он советовал просить перевода Митроп. Петра в другое место, где была бы больница. Митроп. Петр написал заявление уполномоченному Обдорского ГПУ Иванову, прося его по телеграфу передать Тучкову просьбу о переводе на юг. Это заявление я передал по дороге из ссылки в Обдорске в ГПУ. По словам Митроп. Петра, он с июня 1927 г., т. е. с момента своего заключения в Тобольскую тюрьму, не получал никаких известий, ни денег, ни посылок из России, несмотря на то, что ему известно, что таковые прибывали на его имя в Тобольск. Климат в Хэ сырой и холодный и очень вредный для здоровья. Пароход приходит в Хэ один раз в год».

В таком положении, постоянно болея, Митр. Петр пробыл в Хэ до сентября 1928 г. В ноябре окончился срок его ссылки. Все просьбы к Тучкову о переводе его в другое место с лучшим климатом оставались без последствий. В сентябре Митроп. Петр был перевезен снова в Тобольскую тюрьму, где состоялось его свидание с Тучковым. Тот предложил ему отказаться от Местоблюстительства, обещая в таком случае свободу. Однако, Митроп. Петр наотрез отказался и немедленно был препровожден обратно в Хэ, а срок ссылки его был продлен еще на три года.

В 1930 г. истекал срок пребывания Митрополита Петра в ссылке и явилась надежда на его возвращение. Но это не осуществилось, потому что Митроп. Петр отнесся отрицательно к сговору с большевиками и уступкам их требованиям, допущенным Митроп. Сергием, и выразил это в своем письме к нему, в котором была фраза: «если Вы не в силах защитить Церковь, уйдите в сторону и уступите место более сильному». Содержание этого письма стало известно, и большевики потратили много усилий, — но бесполезных — для того, чтобы разыскать, кто сообщил содержание письма.

Было время когда советские агенты предлагали Митр. Сергию освободить Митроп. Петра из ссылки, если не менее десяти церковных общин поручатся за его лояльность к советскому правительству. Церковные общины вынуждены были отказаться от этого, так как требуемое поручительство было отредактировано в неприемлемой для них и Митр. Петра форме. Это предложение

явилось новым советским трюком и верным средством к новым закрытиям приходов. При первых же шагах деятельности Митрополита большевики придрались бы к нему, вновь его арестовали и закрыли бы десять приходов.

Советские власти еще ранее предлагали Митр. Петру освобождение при условии санкционировать все распоряжения Митр. Сергия, но он категорически отказался от этого, предпочитая влачить свою жизнь в ссылке, в нужде, холоде и голоде, чем поступиться своей архиерейской совестью.

В Москве верующие ожидали возвращения Митроп. Петра из ссылки, десятилетний срок которой уже истек 27 ноября 1935 года.

Скончался Митрополит Петр, надо полагать, в декабре 1936 г., потому что 27-го числа этого месяца и года Московская Патриархия усвоила Митрополиту Сергию титул «Патриаршего Местоблюстителя», тогда как до этого времени он назывался «заместителем» его. И только в 1937 г., через два-три месяца, заграничная Литовская епархия, подчиненная Патриархии, объявила о получении ею от последней извещения о кончине бывшего Местоблюстителя Патриаршего престола, без указания даты и места его смерти. По слухам, Митрополит Петр, последние месяцы, имел некоторое облегчение своей участи. Он был перевезен из места своей отдаленной ссылки ближе к центральной России и при одном из закрытых монастырей имел келлию и какой-то уход, но без права общаться с миром перепиской или встречами с людьми. Здесь он и скончался, пробыв больше десяти лет в заключении.

Глава 14. Митрополит Агафангел.

В Ярославле, в октябре 1928 года, скончался Высокопреосвященный Агафангел, Митрополит Ярославский и Ростовский.

Владыка Агафангел, в мире Александр Лаврентьевич Преображенский, уроженец Тульской губ., родился 24 сентября 1854 года.

По окончании духовной семинарии поступил в Московскую духовную академию, каковую закончил с ученой степенью кандидата богословия и затем поступил на духовно-учебную службу.

Состоял преподавателем и помощником смотрителя духовного училища, а по принятии монашества, инспектором и ректором духовной семинарии. 10 сентября 1889 г. хиротонисан в сан Епископа викарного, а через 4 года был назначен Тобольским Епархиальным Архиереем и последовательно занимал кафедры в сане Архиепископа Рижскую, Литовскую и Ярославскую. В 1918 г. на Соборе возведен в сан Митрополита.

Покойный Митрополит отличался мягким характером, чутким сердцем, кротостью и мудростью в управлении. Во всех местах своего служения Владыка был любим своей паствой.

Много труда вложил он в дело развития миссионерства и духовного просвещения.

Ревностное участие принимал в работах Священного Собора Всероссийской Церкви в 1917-1918 гг.

В 1922 г. Патриарх Тихон, находясь в исключительно затруднительном положении в отношении дальнейшего непрерывного управления Церковью, передал возглавление ею Митр. Агафангелу, при следующей грамоте: «Вследствие крайней затруднительности в церковном управлении, возникшей от привлечения меня к гражданскому суду, почитаю полезным для блага Церкви поставить Ваше Высокопреосвященство во главе Церковного Управления до созыва Собора» (3/16 мая 1922 г.).

Он первый строго осудил в послании своем появившуюся «Живую Церковь», как самозванную, с претензией на бесчинный пересмотр св. догматов и канонов Церкви.

Он был вторым Заместителем Святейшего Патриарха Тихона, но в свое время большевики не допустили его к исполнению этих обязанностей.

Митрополиту Агафангелу не позволили выехать из Ярославля, а затем он был осужден на принудительные (фактически же нередко — каторжные) работы и выслан по этапу. По сообщениям заграничных газет часть пути престарелого иерарха гнали пешком в лютую стужу.

Заместитель Патриарха Тихона, Митрополит Агафангел находился в ссылке в Нарымском крае, в глухом поселке, в 200 верстах от села Копышева. После ареста в Ярославле, с августа по 28 декабря Митрополит пробыл на Лубянке в тюрьме ГПУ в ожидании следствия и суда, но таковых не дождался, и, по распоряжению ГПУ, был выслан в Нарым под надзор местной Чека. Небезынтересно, что в бытность Митрополита Агафангела в Ярославле, незадолго до его ареста, к нему явилась депутация от «живой церкви», которая обещала ему свою поддержку и сохранение за ним митрополии в случае, если он признает догматы «живой церкви» и примет участие в ее работе. Митрополит отказался и вскоре был арестован. Викарные епископы Ярославской епархии были арестованы тотчас же после ареста Митрополита и без суда высланы по приказу Москвы. Служить в ссылке Митрополиту запрещено. Сосланному Митрополиту в то время было около 70 лет, но он терпеливо переносил все лишения, питаясь голодным пайком, который не всегда аккуратно выдавался ему местным советом. Следует еще заметить, что прежде чем достичь места ссылки, престарелому Митрополиту пришлось вынести много мытарств в пути, так как большевики, очевидно, с целью глумления, заставили его отправиться в ссылку по этапу, пересылая его вместе с группой осужденных преступников из тюрьмы одного города в тюрьмы других городов. Через некоторое время Митрополит Агафангел был освобожден и возвратился на свою кафедру.

В 1926 году, считая, что Митрополит Сергей неправильно воспринял права Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, почивший объявил себя, согласно письменному указанию Св. Патриарха и резолюции Патриаршего Местоблюстителя Высокопреосвященного Митрополита Петра, заместителя его, но затем, ради церковного мира, отказался от своих прав. Когда же Митрополит Сергей объявил свою ужасную декларацию, Митрополит Агафангел категорически отклонил ее и отделился от него.

В январе 1928 г. последовало отделение Ярославской церковной области и за это отделение Архиепископ Серафим Угличский

был сослан в Могилев, в его окрестности, а Митрополит Иосиф в Моденский монастырь, Новгородской губ. Митрополиту Агафангелу запрещен выезд из самого города Ярославля. Епископ Евгений Ростовский арестован, и на всю Ярославскую церковную область остался один епископ Варлаам, находящийся при больном Митрополите Агафангеле.

Ярославцы не образовали нового церковного центра и каждому епископу предоставили действовать за свой личный страх и совесть. Митрополит же Сергей, прикрывшись 15 правилом Двукратного Собора, встал в положение не обвиняемого, а судии, в то время, как Митрополит Агафангел был лишен своих верных помощников, оставшись без всякой поддержки. Были посланы Митрополитом Сергием к Митрополиту Агафангелу делегации — Митрополит Серафим Тверской и Архиепископ Сильвестр Вологодский, каковые не имели успеха. После послан был Архиепископ Иувеналий, бывший Курский, а затем Рязанский, прибывший из Соловков и состоящий членом Синода Митрополита Сергия. После ездил Епископ Герман, прибывший из ссылки (Епископ Вязниковский). Но все эти делегации не имели успеха. Старец Агафангел, хотя и лишенный поддержки, остался непреклонен, только согласился дать разъяснение, что «мы никакого раскола не учиняем, принципиально власть Заместителя не отрицаем, никого от Заместителя не отторгаем, но никаких его распоряжений, противных нам и народной совести, не исполняли и исполнять не будем». К сему разъяснению присоединились и его викарии, главным образом, чтобы сохранить единство со своим Митрополитом — Ангелом Ярославской Церкви, и заградить уста своих врагов — сторонников Митроп. Сергия и уста своих братьев, непонимающих их ревности о славе Божией и о свободе и благе св. Церкви. Это разъяснение, от 10 мая 1928 г., отняло у Митроп. Сергия причину наложить, хотя и неправильное, запрещение в священнослужении. Цена этому запрещению следующая: Архиепископу Серафиму Угличскому одновременно с запрещением в священнослужении был предложен митрополичий белый клобук и любая епархия, только прими назначение от Митроп. Сергия и его Синода, но он ответил, что предпочитает страдать за Церковь.

Отпевали его действительно члены Сергиевского Синода, так как Митрополиту Сергию надо было создать видимость примирения с ним Митрополита Агафангела, а иерархи, непризнающие Митроп. Сергия, не были советской властью допущены в Ярославль для отпевания Митрополита Агафангела.

Рижская газета «Сегодня» сообщает подробности погребения покойного Высокопреосвященного Митрополита Агафангела: состоялось оно 21 октября, а не 20-го, как сначала решено было. Дело в том, что 20-го октября приходилось в субботу. Рабочие ярославского промышленного района обратились к местным советским властям с ходатайством о том,

чтобы разрешить погребение перенести на следующий день, т. е. 21-е октября, когда все рабочие, по случаю воскресения, свободны и могли присутствовать на торжественном обряде.

Просьба рабочих была удовлетворена и погребение было перенесено на 21-е октября.

Отпевание тела Митрополита Агафангела было совершено в Ярославской Никитской церкви, близ которой почивший святитель продолжал богослужения по возвращении из ссылки.

Под этой же Никитской церковью Владыка Агафангел был погребен при стечении громадного количества местных рабочих, поддержавших во время погребения порядок во всем городе. К погребению Митрополита стеклось все население города и окрестностей.

По церковным установлениям, Митрополит Агафангел должен был быть погребен под стенами Ярославского собора. Но, в виду того, что собор с некоторого времени занят обновленцами, не давшими покойному Митрополиту возможности совершать богослужения, он был вынужден совершать требы в ярославских приходских храмах, и поэтому также и погребен он был не под стенами собора.

Утром, в день погребения, во всех ярославских церквях были совершены заупокойные богослужения. По окончании их крестные ходы, сопровождаемые громадными толпами народа, направились к Никитской церкви.

В этом храме, как и над могилой почившего Митрополита, в течение сорока дней ежедневно совершались архиерейские богослужения и панихиды, на которые неизменно стекались жители города и окраин.

Глава 15.

Арсений, митрополит Новгородский.

В феврале 1936 г. умер в Ташкенте один из виднейших и достойнейших русских иерархов Митрополит Новгородский Арсений.

Покойный Святитель, в мире Авксентий Стадницкий, родился в Кишеневе 22 января 1862 г., окончил местную семинарию и сперва

учительствовал в своей родной губернии. Поступив в 1881 г. в Киевскую Духовную Академию, он блестяще окончил курс наук и вскоре защитил магистерскую диссертацию. В 1897 г. он был назначен сперва инспектором, а потом ректором Московской Академии, а в 1899 г. викарием Московского Митрополита. В 1904 г. он защитил диссертацию на степень доктора церковной истории, а в 1907 г. избран в члены Государственного Совета. Назначенный Архиепископом Новгородским в 1910 г., Владыка Арсений остался на этой древнейшей русской кафедре и после революции.

При избрании Всероссийского Патриарха в 1917 году, он получил наибольшее после Архиеп. Антония, потом Митрополита Киевского, число голосов и был, таким образом в числе трех кандидатов. Возведенный Собором, вместе с Архиепископом Антонием, 23 ноября 1917 г. в митрополичий сан, он был одним из ближайших верных помощников Патриарха, был Местоблюстителем, несколько раз его ссылали в Сибирь и Туркестан.

Митрополит Арсений во все годы испытаний, ниспосланных Русской Церкви, сохранил твердую верность Православию и самую жизнь свою окончил в ссылке в Туркестане при исполнении подвига исповедничества.

Один из союзников Митрополита рассказал в своих воспоминаниях следующее.

Много было любви у ап. Петра к Спасителю, но в час испытания он тяжело пал. Этот вечный пример стоит у меня в памяти во множестве новых иллюстраций. Кто в духовном мире не знает ныне покойного Митрополита Арсения Стадницкого.

Широкий ум, большое образование, могучая воля, честность и прямота, очень твердый, решительный, непреклонный характер, строгость к подчиненным и себе. И сей славный и великий муж, Митрополит Новгородский, член Синода и государственных Думы и Совета, мне, маленькому неизвестному священнику, чистосердечно рассказал в Бутырской московской тюрьме, где Господь нас соединил не на долгий срок, какие чувства малодушия и трусости он вдруг пережил во внутренней тюрьме ГПУ в ожидании расстрела.

«Я уже старик, говорил он, — ждать впереди нечего, я монах от юности, наконец архиерей, пример и образец христианства и христианского

мужества, и вот никак не мог собой овладеть. Такая жажда жизни, такое нежелание умирать, такая тоска и борьба с собой и страх смерти и малодушие, что просто ужас. Борюсь и не могу себя победить. Такое банкротство и такая грусть за себя».

Этот великий муж потом из туркестанской ссылки безбоязненно писал Митрополиту Сергию свой протест против его соглашения с богоборными властями и отрицал всякую возможность компромисса с ними.

Человеческая слабость гефсиманского предсмертного борения была пережита и преодолена Митрополитом Арсением и в полной силе духа он отверг всякий соблазн, обрекая сам себя на долгие и тяжкие узы.

Тот же рассказчик передает следующий факт:

«Кстати сказать, ужасную роль, посредников по делам ГПУ, выполняли обычно впавшие в раскол епископы. Архиепископ Евдоким (Мещерский), обновленческий митрополит, в стенах ГПУ, понуждал Митрополита Новгородского Арсения перейти в обновленчество. Митроп. Арсений сказал ему, своему бывшему сослуживцу по Московской Академии:

— Но ведь вы же знаете, что обновленчество незаконно.

— Что же поделаешь, они требуют, — ответил Арх. Евдоким, кивая головой на дверь чекиста.

Когда Митроп. Арсений остался непреклонен, Архиеп. Евдоким с гневом сказал ему:

— Ну и сгнивайте в тюрьме!... И с этим покинул узника».

Глава 16.

Арсений, архиепископ Серпуховский.

Преосвященный Арсений происходил из рода Жадановских, давших Церкви Христовой ревностных пастырей. Родился он в 1875 г. в семье протоиерея Иоанна Жадановского и с детства отличался исключительным благонравием, кротостью и смирением. Печать Божьего избраничества проявилась следующим знаменательным событием: 9-летним отроком поступил он в Харьковское духов. училище и среди своих товарищей

оказался самым малым по росту. Однажды посетил училище приснопамятный архиепископ Харьковский Амвросий. Всех учеников собрали в актовом зале и выстроили рядами. Владыка, проходя по рядам учащихся, обратил внимание на благоговейного маленького отрока Александра Жадановского, вывел его на середину зала и, обратившись ко всем, сказал: «Смотрите, вот теперь это самый маленький ученик, а будет архиереем!» Эти слова знаменитого церковного витии-святителя воистину оказались пророческими.

Через 30 лет, 8-го июня 1914 г. он был поставлен в епископа Серпуховского. В истинном духе Пастыреначальника Господа Иисуса Христа совершал он свое святительское служение впредь до злосчастного 1917 г., когда вследствие тягчайших церковных переживаний он вынужден был устраниваться от официального служения Церкви Христовой.

С захватом государственной власти большевиками еп. Арсений был выслан из г. Серпухова в Москву и через некоторое время — в г. Подольск под Москвой. По усиленному ходатайству его паствы ему было разрешено возвратиться в Серпухов, но владыка Арсений, совместно с Ефремовским епископом Сергием, вели открытую, смелую и самоотверженную борьбу с неверием. Тогда оба они в 1929 г. были арестованы и заключены в тюрьмах: владыка Арсений в Москве, а владыка Сергей — в Туле.

Вследствие вторичного усердного ходатайства православной церк. общины г. Серпухова обоих преосвященных выпустили

из тюремного заключения, при чем владыка Арсений был сослан в г. Звенигород, но затем ему вновь разрешили пребывание в Серпухове. Во внимание к его деятельности митр. Сергей возвел его в сан архиепископа. Однако преосвященный Арсений с неизменной неустрашимостью продолжал свою защиту Церкви Христовой и обличение безбожия; тогда его опять арестовали и сослали в Соловки, где он находился в тяжких принудительных работах, а преосвященного Сергия выслали в г. Бузулук и там расстреляли.

По прибытии в Соловки Архиеп. Арсений был лишен присвоенной его сану духовной одежды и облечен в убогое рубище, наголо острижен и помещен в общий барак с прочими заключенными, числом в триста человек, с общими нарами в два яруса.

Как духовное лицо, нарочито был он посылаем на особо тяжелые работы, при весьма скудном питании, плохой одежде и обуви.

Однако несмотря на эти утеснения, владыка Арсений не переставал поучать окружающих его слову Божию, воодушевлять и укреплять их в вере Христовой, чем, конечно, вызывал по отношению к себе еще большую ненависть чекистов.

В одинаковом положении находилось и прочее православное духовенство, томившееся тогда в Соловках.

В июне 1934 г. незначительная часть духовенства, вместе с архиеп. Арсением, была перемещена в концлагерь на материке — «Медгора».

Условия жизни в «Медгоре» были несколько лучше, нежели в Соловках, но все же владыка Арсений и здесь был помещен в общем бараке, с тем же количеством обитателей, в тех же условиях работы и полуголодного существования.

Это был уже последний год его страдальческой жизни. Владыка Арсений, не считаясь с тяжелыми условиями тюремного быта, непосильного труда, нищенского одеяния и весьма скудного питания, по-прежнему не умолкал поучать в слове Божиим своих сострадальцев, укреплять в святой вере, утешать, ободрять и нравственно поддерживать и в то же время предостерегал не доверять лживым обещаниям пленившей их богоборческой власти.

Конечно, последние знали все это и решили, наконец, совсем его «убрать».

В полуночный час на 17/30 июня 1935 г. чекисты пришли в барак, где томился Архиеп. Арсений, взяли его самого и с ним еще 9 заключенных и приказали им выходить из барака.

Страдалец понял, что наступил его последний час; благоговейно осенил себя крестным знамением и всем, находившимся в бараке преподавал последнее Божие благословение, сопровождая его словами: «Мужайтесь и крепитесь!» И сказав это, вышел, сопровождаемый чекистами и прочими девятью смертниками. Обитатели барака, любившие и уважавшие владыку Арсения, горько заплакали...

Смертников посадили в машину и увезли за 5 килом. от лагеря, где всех их расстреляли.

Перед смертью владыка Арсений имел мужество сказать своим палачам последнее слово прощального привета.

Тела расстрелянных были брошены в общую могилу и засыпаны хлороуглеродной известью, которая седает и сжигает тела, так что остаются только одне почерневшие кости.

Так мученически закончил свою праведную жизнь преосвященнейший Архиепископ Арсений, — православный наставник, благочестия учитель, архиереев украшение, монашествующих слава и похвала, воистину душу свою положивший за паству!

153

Глава 17.

Анатолий, митрополит Одесский.

Митрополит Одесский и Херсонский Анатолий Грисюк, особенно прославился в тяжкие годы с 1928 по 1937 гг. на юге России своим особенно высоким подвижничеством, как святитель и исповедник, и принял медленную мученическую смерть от рук, особенно издевавшихся над ним, большевиков. Он происходил из светской семьи, еще до гимназической скамьи он весь отдался служению Господу. По окончании гимназии был принят в Киевскую Духовную академию, в которой, во время прохождения курса, удостоился посвящения в иноческий чин.

По окончании Академии, вскоре получивший ученую степень магистра богословия, Владыка Анатолий был посвящен во епископы.

Присутствовавшие при этом таинстве были поражены странным и чудесным явлением: в момент посвящения новорукополагаемого на голову откуда-то упал свет, образуя дивное сияние вокруг его головы. Верующие, расходясь из храма, говорили, что, очевидно, этот новоизбранный епископ, столь дивно отмеченный свыше, будет большим святителем и исповедником Христовым.

Молодой, светящийся особо молитвенным вдохновением, епископ Анатолий привлекал сердца всех духовных чад, и популярность его, быстро

возраставшая, немедленно же привлекала внимание захвативших в России власть узурпаторов.

Владыка Анатолий был арестован одним из первых. Долго его томили в учреждениях тогдашнего ГПУ. На следствиях смиренный святитель был жестоко избиваем следователями, так что частично у него была повреждена челюсть, отчего на всю последующую жизнь в речи владыки слышалась временами легкая неясность. Также были повреждены два ребра.

Священномученик пролежал долгое время в тюремной больнице. Едва оправившись, он был сослан в Соловки, в суровые условия лагеря для тяжелых политических преступников преимущественно из духовной среды. Жестокие морозы, не-

154

доедание и непосильный труд совсем подкосили здоровье и без того хрупкого епископа. Семь лет протомился он в подобных условиях и если остался жив, то лишь благодаря самоотвержению своей младшей сестры, воспитанной им, как дочь, бросившей все и последовавшей за братом в ссылку.

По окончании ссылки Владыка Анатолий был возведен в сан Архиепископа Саратовского и Самарского. Свалившийся от тяжелого заболевания язвой желудка, явившегося последствием концлагерного режима, Владыка Анатолий по выздоровлении был назначен архипастырем, возглавляющим южную Одесско-Херсонскую епархию.

В город Одессу Владыка попал в самые тяжелые времена. Все дела по религиозным вопросам в НКВД возглавлялись инспекторами культа: вначале Вышнегородским, а затем Барановичем. Как тот, так и другой с наслаждением вволю поиздевались над главой местной церкви. Владыку очень часто срывали глубокой ночью с постели с требованием немедленно явиться в НКВД на Маразлиевскую ул. Случалось, в большой праздник, среди архиерейского богослужения, являлись в храм с таким же требованием.

Кроткий и смиренный в обычное время, Владыка веско и коротко отвечал, что он ни в коем случае не прекратит богослужения и явится в НКВД лишь по окончании его. Столь категорически звучало в его тоне, что и посланцы со скрежетом зубным покорялись. По окончании долгого 4-5 часового богослужения неотдохнувший и непоевший Владыка спешил на Маразлиевскую, где, в отместку ему за задержку, его издевательски

продерживали в передней еще часа полтора и наконец принимали, при чем Баранович орал и топал ногами на епископа, как на провинившагося раба.

Таковы условия, в которых подвизался на своем высоком посту горячо почитаемый населением архипастырь.

Тяжелей всего ему было являться свидетелем почти поголовного ареста всех настоятелей и лучших проповедников г. Одессы в 1931 году. Все они в количестве свыше 20 человек были в 1931 г. сосланы и с этого же года началось кощунственное закрытие и уничтожение храмов. На глазах Владыки были взорваны величественный кафедральный Преображенский собор, дивный храм архистратига Михаила при Девичьем монастыре, прекрасное здание военного Свято-Сергиевского собора и храмы Святителя Николая в порту, и в местности так называемого Ботанического сада, а также множество других. Репрессии в отношении духовенства усилились: лишены крова и пропитания, духовные лица

155

день и ночь осаждали покои Владыки, и он целые дни метался по разным политическим учреждениям, униженно вымаливая пощады своим подчиненным, встречая насмешки и поношения.

В 1932 году Владыка Анатолий получил сан митрополита, а также был выдвинут кандидатом на освободившийся пост экзарха Украины. Но по своей скромности он уклонился от этого и продолжал возглавлять кафедру Одесско-Херсонской епархии вплоть до своего ареста, последовавшего 27 июля 1936 г. (ст. ст.).

Перед этим Митрополит перенес еще одно унижение — Барановичем был уволен и получил запрет совершать богослужения.

Арестованный в ночь с 27 на 28 июля 1936 г., Владыка был немедленно вывезен в Киев, где его протомили в очень тяжелых условиях с полгода. Там он снова заболел язвой желудка и осложнением на ноги. Когда по особому ходатайству экзарха Украины, митроп. Константина, перед высылкой владыке Анатолию разрешили свидание с сестрой, то, как несчастная с рыданием рассказала нам впоследствии, его ввели к ней на свидание под руки — он совсем почти лишился возможности владеть ногами.

И несмотря на это, его в таком состоянии погнали с этапом, отказав в ходатайстве ехать туда на собственный счет. С этапа на этап перегоняли несчастного мученика, нарочно помещая его среди уголовных преступников, которые обкрадывали его систематически.

Больного святителя буквально прикладами гнали пешком от стоянки до стоянки, все дальше и дальше на север, не давая самого короткого срока на отдых. Когда он падал замертво, его подымали на грузовик, но лишь только он приходил в себя, снова силой заставляли брести пешком... Видевшие это люди, впоследствии освобожденные, с плачем рассказывали о пытках, которым подвергали мученика митрополита Анатолия и уверяли, что было бы гораздо милостивее расстрелять Владыку сразу.

В таких условиях летом 1937 года Владыка перенес крупозное воспаление легких, но эта болезнь не замедлила его трагического шествия. В конце 1937 г. он потерял зрение и на крайнем севере, умирая, умолял допустить с ним на предсмертное свидание сестру, которая добралась до этого последнего этапа его ссылки. Сестра получала от него всегда только терпеливые и сдержанные открытки, где он писал: «Умоляю тебя, прими все меры, даже сверх возможные, добейся, умоли, упроси, устрой наше свидание. Жажду перед смертью увидеть родное лицо и бла-

156

гословить тебя»... Но свидание не было разрешено.

Перед самой смертью Владыки к нему, уже агонизирующему, пришли с требованием отдать последнее Евангелие и нательный крест. Евангелие вырвали из слабеющих рук, но крест он не отдал и, защищая грудь хладеющими руками, упал навзничь и испустил дух. Это было 10 февраля 1938 года.

Господи, правоты виде лице Твое!

Тело скончавшагося было брошено в промерзлую землю братской могилы далекого севера... А нам, его духовным чадам, так чтившим и любившим его, было запрещено помянуть его в храмах и служить по нем панихиды.

И лишь в 1941 году, по прибытии духовной румынской миссии в гор. Одессу, была отслужена по нем торжественная панихида в присутствии

десятков тысяч молящихся, громко рыдавших при возгласах: «мученику митрополиту Анатолию вечная память».

157

Глава 18.

Дамаскин, епископ Глуховский.

Епископ Дамаскин, в миру Дмитрий Дмитриевич Цедрик, родился в Херсоне, в семье бедного почтового чиновника. Вся эта семья была проникнута высоким христианским духом. Это показывает хотя бы тот факт, что брат епископа, Николай, пошел в священники и в самом начале октябрьской революции был расстрелян большевиками за бесстрашное исповедание веры и обличение большевиков.

Высшее образование еп. Дамаскин получил в сельскохозяйственном институте, который окончил со званием агронома. Впоследствии, во время ссылки в Туруханский край, это образование ему очень пригодилось. По окончании сельскохозяйственного института, еп. Дамаскин поступил в институт восточных языков в Казани. Окончив его, принял монашество и работал миссионером при Пекинской миссии. Говорят о его деятельности там в свое время была помещена статья в «Ниве», причем было указано, что в честь иеромонаха Дамаскина его именем была даже названа спасательная лодка. Где был Владыка в период между пребыванием на Дальнем Востоке и появлением в Киеве, нет данных сказать точно. Как то в разговоре он упомянул, что в одной губернии (он назвал или Орловскую или Тульскую) его должны были расстрелять и «в эти минуты пред человеком проходит вся его жизнь».

В Киеве он появился иеромонахом в 1919 г. Киевский Митрополит Антоний, лично зная и ценя иеромонаха Дамаскина, назначил его епархиальным миссионером. Будучи зачислен в число братии Михайловского монастыря, он поступил слушателем в Киевскую Духовную Академию, которая в это время еще существовала. Обладая прекрасным голосом, он принимал участие в монастырском хоре и выполнял другие монашеские послушания. Недалеко от монастыря находилось маленькое Владимирское братство, куда в праздничные дни он неизменно являлся в 6 ч. веч., чтобы служить молебен с акафистом и проповедывать пред любым количеством собравшихся. В одной из

таких проповедей он упомянул о «Трех Разговорах» Вл. Соловьева и о сбывшемся его предчувствии надвигающейся на нашу родину темной силы.

События гражданской войны заставили иеромонаха Дамаскина покинуть Киев и направиться в Крым. Здесь архиепископ Таврический Димитрий Абашидзе возвел его в сан архимандрита и назначил настоятелем живописного Георгиевского монастыря, который потом во время советско-германской войны, был большевиками взорван вместе с размещенными там ранеными и эвакуированными. Вскоре после установления советской власти в Крыму архиепископ Димитрий и архимандрит Дамаскин были арестованы, сидели несколько месяцев в тюрьме и после суда были освобождены с высылкой за пределы Крыма. Одно из обвинений о. Дамаскину выражалось в том, — как он смел, будучи «служителем культа», поступить куда-то на советскую службу. О. Дамаскин полагал, что пастыри должны быть материально независимы от паствы. Конечно, такое мнение в отношении к моменту, повторяющему апостольские времена, было совершенно верным. Можно предположить, что случайная милость большевиков к подсудимым явилась не только в силу абсолютной невиновности подсудимых, но и за то, что они не эвакуировались за границу вместе с белыми. Высланные из Крыма, архиеп. Димитрий прибыл в Киев (где умер схимником Киево-Печерской лавры в 1943 г.), а о. Дамаскин отправился в Москву.

Здесь в 1923 г. Святейший Патриарх Тихон лично посвятил о. Дамаскина в епископа Глуховского, управляющего Черниговской епархией, на время отсутствия заключенного архиепископа Пахомия (Кедрова).

Деятельность епископа Дамаскина в Черниговской епархии была кратковременной, но кипучей. Даровитый проповедник и миссионер, смелый и энергичный, он большую часть времени проводил в поездках по городам и селам епархии. Вне ее он посетил и такие крупные центры, как Киев и Харьков. Всюду необыкновенный епископ совершает служения в переполненных храмах.

Его неоднократно арестовывают в Чернигове. Выпущенный в первый раз из тюрьмы под большой праздник епископ служил всенощную. Измученный заточением и допросами он не мог стоять и «мировал» сидя. В алтаре у него сделался сердечный припадок. Но это не помешало ему на другой день служить литургию. Всегда и везде, во всех условиях, его первая радость, утешение и долг — божественная служба, храмовая или келейная.

В общей сложности еп. Дамаскин с арестами пробыл в

Черниговской епархии около двух лет. Сначала он был выслан в Харьков и уже здесь арестован, а потом отправлен в Москву, где сидел в Бутырской тюрьме. Совершенно неизвестны вообще подробности его пребывания в тюрьмах. Он никогда об этом не рассказывал, а на расспросы келейника обычно отвечал: «а что-же, там люди хорошие, я и сейчас готов опять туда».

Из Бутырской тюрьмы он был выслан в Туруханский край, в поселок Полой, на 250 километров севернее Туруханска и на 10 град. севернее полярного круга. Коротким летом туда добираются на пароходе, а в другое время — по замерзшему Енисею на собаках. Ранней осенью, когда навигация уже прекратилась, а санный путь еще не установлен, еп. Дамаскин прибыл в Красноярск и пробыл здесь некоторое время. Большой и богатый рыбопромышленный город на р. Енисее, с многочисленными церквями и монастырями, колокольным звоном и со всем религиозным бытом, еще не был здесь стеснен большевизмским режимом, как в других местах России, и Владыка не встретил здесь никаких житейских затруднений. Духовенство, монашествующие и народ проявили к ссыльному епископу, ожидающему отправки за полярный круг, огромное внимание. Он имел квартиру, служил по церквам и снискал такое расположение верующих, что даже его келейника-подростка, который потом проездом был здесь, встречали с распростертыми объятиями.

Как только замерз Енисей, Владыку отправили в Полой-поселок, — это всего лишь один двор семьи охотника. Кроме дома хозяина был еще домик, в котором уже жили два сосланных архиерея (один из них по имени Николай, архиепископ, имя другого неизвестно), и полуразрушенный домик — будущая келлия еп. Дамаскина, которую он сам и исправил вместе с келейником, прибывшим к нему летом. Полярное лето вместе с весною продолжается здесь всего месяц, в который Владыка успел завести себе маленький огород. Зелень от огорода и посылки (почта раз в месяц) спасали его от свирепствующей здесь цинги. Физически он себя чувствовал здесь все же не плохо, не смотря на холода, в которых он застудил себе ноги, и особенно сердце, которое после стольких тюрем и всего, что связано было с этим, было не в порядке. Невозможно описать в кратком очерке остальных подробностей полярной жизни и быта Владыки.

Письма приносят ему сюда вести о потрясениях, которые испытывает церковь. По поводу закрытия храмов в Нежине

он пишет короткое, но выразительное послание своей нежинской пастве. В Полой застаёт еп. Дамаскина декларация митрополита Сергия, (авг. 1927 г.), устанавливающая союз церковного управления с безбожной государственной властью. Насколько велико было произведенное ею на него впечатление, видно из того, что еп. Дамаскин написал по этому поводу 150 писем. Отправить такое большое количество писем по почте было невозможно: они дошли бы не туда, куда предназначались. Поэтому Владыка решил расстаться со своим келейником и отправить его в Москву с тем, чтобы часть писем он доставил лично, а большую часть опустил в ящики в разные города России.

Зимой 1928 г. мимо Полой везут митрополита Казанского Кирилла в поселок еще севернее. После этой встречи они остаются любящими друзьями и обмениваются письмами по поводу декларации м. Сергия. Срок ссылки кончается и в ноябре 1928 г. Владыка снова в Красноярске, откуда пишет друзьям: «много горечи впитал я за это недолгое время, когда наблюдал местную церковную жизнь Енисейска и Красноярска; что же встречу в Москве и дальше?..» Он переживает колебания, обычные для освобождаемых заключенных духовного сана: на свободе хуже, чем в заключении и предстоит новая борьба и новые страдания. Так как в свою епархию запрещено возвращение, то Владыка избирает г. Стародуб, бывший в его епархии и теперь принадлежащий к Брянской губ. На пути из Сибири он заболел на столько, что едва добрался до Москвы, где и пролежал больше недели с зачинавшимся воспалением легких. Но только благодаря этому случаю он мог задержаться в Москве, повидаться с нужными людьми и главное иметь продолжительную беседу с митр. Сергием 11 дек. «Если издали я еще предполагал возможность данных, коими бы оправдывалось поведение его, то теперь и эти предположения рушились» — писал он по поводу этого свидания.

«На мои два вопроса: — 1) считаете ли Вы, что решение Ваше является голосом соборного иерархического сознания Российской Церкви, и 2) имеете ли Вы основание считать Ваш личный авторитет достаточным, чтобы противопоставить его сонму маститых иерархов, совершенно неразделяющих Вашу точку зрения, — Вы не дали ответа» — пишет он в послании самому митроп. Сергию. В посланиях к народу еп. Дамаскин подчеркивает упорство, с каким м. Сергий продолжает игнорировать мнение подавляющего числа иерархов, несогласных с его курсом, как и голос возмущения верующих масс. Советский обман с декларацией был уже совершенно очевиден. У многих «легализованных» (т. е. принявших декларацию м. Сергия) общин были от-

няты последние храмы. Происходила не легализация, а ликвидация церкви, но с поощрением уже главы Церкви. «Неисчислимы, бесконечно тягостны, внутренние последствия декларации — этой продажи первородства Истины за чечевичную похлебку лживых и неосуществимых благ» — пишет еп. Дамаскин.

В мае 1929 г. он получил приглашение от митроп. Серафима Петроградского (Чичагова), быть его помощником, и отказался, как и раньше от Сергиевских предложений. «Есть и другое предложение, — пишет он, — от ссыльных отцов: приехать к ним в ссылку добровольно. Чувствую, что это было бы наиболее безопасное местопребывание, но не хочется ни о чем просить господ». В это время он организует посылку гонца к митроп. Петру в деревушку Хэ, Обдорского района, Тобольской области. Он желает, чтобы раздался голос самого законного местоблюстителя Патриаршего престола на всю Русскую Православную Церковь по поводу действий его заместителя. Диакон К. объехал несколько городов и собрал нужную сумму на дальнюю дорогу. В 22 документах еп. Дамаскин представил полную картину самого разнообразного материала и копии сергиевских распоряжений и обращений. Посланец с трудом добрался до деревушки за 200 километров от железной дороги. Даже в самой деревне трудно было разыскать старого, больного монаха, ютившегося в углу избы среди многочисленной семьи хозяина. Никто из местных жителей, туземцев и язычников, не знал, кто именно у них обретается. Посланец застал м. Петра совершенно больным. Оставаться в деревне и ждать ответа было опасно и для посланца, и для м. Петра. Все посланное оказалось совершенной новостью для последнего. После ознакомления, «Дедушка (так условно называет в письмах еп. Дамаскин м. Петра) говорил о положении и дальнейших выводах из него почти моими словами». Сразу письменного ответа нельзя послать по обстоятельствам чисто внешнего характера. Посланец должен был как можно скорее убраться. Какую бы широкую контрреволюционную организацию раздули бы из этого дела чекисты, захвативши они его на месте или в дороге. Однако, письменного ответа еп. Дамаскин от м. Петра никогда не получил. «Я прихожу к мысли, что даже решительное слово м. Петра (дедушки) не изменит существенно положения» — пишет Владыка уже в октябре 1929 г. В этот период своей жизни в Стародубе он уже приучает своих друзей и последователей к мысли, что христианство на Руси вынуждено будет уйти в подполье. Влиять на широкие слои народа потеряна всякая возможность.

В ноябре 1929 г. его снова арестовывают. На этот раз обвинителем его в контрреволюции был ставленник м. Сергия — стародубский благочинный, ревностный сторонник декларации. Епископа ссылают в Соловки. Там он встречает многих своих единомышленников, с которыми ранее был знаком только по переписке. В этот период корреспонденция с ним была очень затруднена — письма не доходили, ответы не получались. Выпущенный в 1934 г. на свободу он почти ничего не рассказывал об этом своем пребывании, кроме того, что голод заставлял соловчан собирать на берегу моря ракушки-улиток. Отдохнуть от окружавшего его «бедлама» он, по его словам, уходил в лес. Другие к этому добавляли, что он там погружался в молитву, что и понятно и естественно.

Теперь широкая деятельность невозможна, прошла пора длинных посланий к многочисленным верующим, многолюдных собраний на богослужения. Общее антирелигиозное или безбожное разложение и внутри-церковное заставляли думать уже не о спасении большинства, а меньшинства. Еп. Дамаскин снова у себя на юге России собирает малое стадо. Объезжает знакомые города, навещает своих единомышленников. Просит маститого протоиерея, киевского профессора, в свою подпольную паству, и тот отказывается и тем огорчает Владыку до сердечного припадка. Протоиерей не понимает еще, что идет не легализация церкви, а ее ликвидация и почти тотчас платится: его арестовывают и он умирает в тюрьме.

Друзья и последователи Владыки стараются держать в тайне его местопребывание, но он не снимает рясы, не обрезывает свою бороду, не теряет своей архиерейской осанки. Он посещает свою родину Киев и проходит мимо тех мест, где он когда-то жил и служил, где все дорогое закрыто, опустошено, исковеркано. Он точно прощается с этими местами. И осенью этого же 1934 г. он снова арестован. Теперь уже не разрешаются передачи с пищей, одеждой и деньгами. Кто исчез за воротами тюрьмы, тот вычеркнут из жизни навсегда. Дошли слухи, что он работал в Казахстане бухгалтером, даже хотели сделать колхозным агрономом, но НКВД не позволило. С разными этапами гоняли его на север, а потом на юг. Во время одного такого этапа он взвалил на свои плечи ослабевшего своего духовного сына о. Иоанна С. и так нес его до стоянки, а то бы отстающего пристрелили.

В 1935 г. Владыку в Казахстане опять арестовали и отправили в Сибирь. Долго никаких вестей, а потом рассказы о его смерти. Его в очередном этапе везли на далекий север. Где-то

на берегу великой сибирской реки глубокой осенью ждали паром. В последнюю минуту привели еще одного священника, одетого в легкий подрясник. Он дрожал от холода. Епископ Дамаскин снял с себя верхнюю рясу и со словами — «у кого две одежды, дай неимущему» — закутал в нее священника. Но надорванное здоровье не выдержало стужи, он тут же на пароме, на котором этап должен был ехать несколько дней, умер. Тело его опустили на дно реки. По другой версии, со слов келейника, слышавшего ее от священника о. Андрея Б., отбывшего ссылку и бывшего в подпольной церкви еп. Дамаскина, и потом накануне прихода немцев на Украину расстрелянного, Владыка сидел в одной из сибирских тюрем. Из общей камеры его перевели в штрафную одиночку, без окон, без освещения. На полу этой камеры — замерзшая вода, стены покрыты инеем. Очевидно его посадили в нее в наказание. За что: за молитву, за проповедь? — неизвестно. В этом холоде и мраке, может быть без пищи, его продержали пока он не получил отморожение ног и не началась гангрена. В тюремном лазарете он и умер от общей гангрены на почве отморожения ног. Возможно, что последняя версия и есть истинная, а первая может быть относиться к другому какому-то лицу, ибо вполне оригинальна и правдоподобна.

Так епископ Дамаскин через тюрьмы, Полой, Соловки, Казахстан и Сибирь взошел на свою Голгофу.

Глава 19.

Соловецкие узники и их исповедание.

В день отдания Пасхи, 27 мая / 7 июня 1926 г., в монастырском кремле Соловецкого острова, в продуктовом складе лагеря заключенных, собрались по возможности все заключенные здесь епископы для заслушания доклада другого узника, профессора Московской Духовной Академии Ивана Васильевича Попова. Складом продуктов и их раздачей заключенным заведывал игумен из Казани о. Питирим Крылов, имевший группу сотрудников из духовенства. Начальство принуждено было доверить этот склад духовенству, как единственно честному элементу лагеря. Отец Питирим предоставил епископам свое помещение для секретного совещания, которое и приняло так называемую «Памятную Записку Соловецких

Епископов, представленную на усмотрение правительства». Заседание это прошло с некоторым испытанием.

Совершенно неожиданно, в неурочное время лагерь стал обходить для осмотра сам начальник всех лагерей Соловецкого острова некий Эйхманс со своим штабом. О. Питирим встретил его в складе и надеялся, что он не пойдет в комнату его и его сотрудников, где происходило в это время заседание епископов. Но начальник решительно подошел к дверям и открыл их. Увидев вместе большую группу духовенства он удивился: «это что за собрание?»... — «У нас сегодня праздник», — ответил смущенно о. Питирим. Почему этот момент прошел благополучно трудно сказать. Надо полагать, что начальство вообще было довольно порядком в складе и в то время заключенному духовенству позволялось иногда по праздникам ходить в кладбищенскую церковь преп. Онуфрия, открытую для остатка монахов, рабочих-специалистов, временно остававшихся еще на пепелище своего монастыря. Потом эта поблажка была уничтожена и все вольнонаемные монахи были удалены из лагеря и последний их храм закрыт.

«Памятная Записка» не была официальным голосом Русской Церкви, но в это время совершенно совпадала с этим

голосом. (см. «Проект обращения м. Сергия к Советской власти», вышедший почти в один день с Соловецкой «Запиской»¹). Она представляла мнение наиболее многочисленной группы епископата, собранной вместе местом заключения, и представлявшей собою малый собор многих епархий России, и отражала общие условия жизни Церкви и общий ее исповеднический дух. Дух этого документа преисполнен непоколебимой твердостью во всем, что касается собственно церковной жизни, совершенно чужд и малой тени соглашательства, совершенно безбоязнен в свидетельстве правды и свободен в своем мнении среди уз. Документ отвечает высочайшему достоинству Церкви и ее вечному значению, указывая ее истинный путь. Это слава и радость Русской Церкви.

И. В. Попов²), благочестивый старец-аскет, профессор святоотеческой литературы, автор ценнейших печатных трудов, при составлении «Записки» руководился указаниями старшего среди архиереев на Соловках Архиепископа Евгения. С ним он по преимуществу совещался, но до общего собрания епископов читал «Записку» и небольшой группе епископов и духовенства, подвергая ее многосторонней критике. Во всех

этих собраниях живо участвовал и Архиепископ Иларион, соратник И. В. Попова в Московской Духовной Академии.

Архиепископ Евгений (Зернов), правящий Благовещенской епархии, прибыв на Соловки в начале 1924 г., остался старшим среди епископов по их общему согласию и после того, как сюда прибыли и более старшие по рукоположению. Это был выдающийся иерарх Церкви. Многочисленные члены его Благовещенской паствы оказались за рубежом, на Китайской территории, и, рассыпавшись по всему миру, по сей день хранят о нем самые святые воспоминания.

В час ночи под Успеньев день 1923 г. он был арестован в своем городе, после того как за всенощной в Благовещенском кафедральном соборе пред ним прошли тысячи народа, беря от него последнее благословение. Народ знал о неизбежности ареста этого благочестивого мужа и бесстрашного обличителя революционной и безбожной неправды. Соборная площадь, залитая народом, дала ему узенькую дорожку, чтобы пройти после всенощной к дому. На утро большого праздника, когда за литургией не оказалось любимого Архипастыря, многочисленная масса

¹⁾ Прот. М. Польский. Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей. 1948. Стр. 23-29.

²⁾ См. о нем отдельный очерк дальше.

народа собралась около здания ГПУ (Кувшиновское подворье), требуя показать Владыку, чтобы убедиться в его целостности. Выступивший для успокоения народа прокурор советского трибунала едва не был избит и вызвал пожарную команду, которая, обливая толпу водой, кое-как рассеяла ее. Важно отметить, что выручать православного епископа явились и все общины местных молокан, баптистов и других сект, которых в городе почти столько же сколько и православных. Все они глубоко почитали его за христианское миролюбие и правду. Владыку тотчас тайно от народа вывезли из здания ГПУ в городскую тюрьму, а в городе арестовали 54 человека, преимущественно женщин, обвиняя их в беспорядках, и во главе их некую госпожу Медведеву. Никто из этих арестованных никогда больше не вернулся домой. Вместе с Архиепископом Евгением были арестованы пять городских священников, которые были сосланы в Муром на два года ¹⁾.

Однако, народная активность в защиту Архипастыря не ослабевала. По городу ежедневно разъезжала телега с надписью: «в тюрьму для епископа хлеб». Пищи набиралось такое количество, что Владыка кормил чуть ли не всех заключенных. Кое-как усыпив бдительность народа, следившего за тюрьмой и железнодорожной станцией, большевики вывезли архиерея в Читу, а оттуда потом в Москву. В Москве обычно привезенных архиереев выпускали на некоторое время на свободу. Какое-то очень авторитетное лицо шепнуло Владыке Евгению: «вы будете на свободе, только не ходите к Патриарху Тихону». ГПУ искало расколов и враждебных действий против Патриарха. Но, конечно, Владыка у Патриарха тотчас был, и скоро был арестован и сослан в Соловки. Здесь он имел скорби и тревоги о своей пастве. Обновленчес. епископ, некий Даниил, снова пытался захватить кафедральный собор, но безуспешно, за то свой же диакон Лонгин Греков, после всенощной на свв. Петра и Павла вывез вместе с чекистами все ценности Собора и в ту же ночь старый деревянный собор сгорел. Его никто и не тушил. Диакон в газетах объявил о снятии сана, призывая все духовенство следовать его примеру.

Владыка Евгений пробыл в Соловках три года (1924-1926), далее получил ссылку в Зырянский край также на три года. В 1929 г. получил освобождение с ограничениями, жил в Котельничах, Вятской губ., а затем управлял Пермской епархией. С

1) Прот. Илья Масалов, священники о. Алексей Покровский, о. Василий Кетлевский, о. Василий Осипов и о. Александр Самсель.

какими перерывами или без перерывов это происходило неизвестно, но в 1937 г., когда началось поголовное уничтожение всего епископата и на свободе на всю Россию не оставалось десяти епископов, Владыка Евгений, уже Митрополит Нижегородский, был арестован, и больше о нем никаких сведений нет и по сей день.

Богослужение его отличалось величием, покоем и благоговением; это чувствовали и отмечали, получая глубокое удовлетворение. Это был постник, не взирая ни на какие условия лагерной жизни, когда в пище нельзя было разбираться. Он был верен своему порядку и никогда не вкусил кусочка мясной пищи вообще, или рыбы в неположенное время. Казалось, что это человек нежного телосложения, но он носил самое грубое холщовое белье, которое и достать то в наше время было трудно. Высоко образованный вообще и богослов, компетентно рассуждавший по всякому теоретическому

вопросу, он был житейски глубоко мудр, всегда тактичен и спокоен. Пастырям делал замечания наедине в самой мягкой форме, сомневающегося и неверующего провожал побежденным, скорбящего — ободренным. В нем была притягательная сила истинной духовной власти.

Для остатка соловецких монахов-рабочих он являлся святейшим авторитетом, власть которого простиралась в область, которая недоступна пониманию людей внутренне недуховных. Заболел монах, которому большевицкое соловецкое начальство, как неспособному к работе, предложило выехать на материк. Но на материке он также был бы никому не нужен и там ему не было пристанища. Выясняя все это в разговоре с больным, Владыка Евгений сказал ему, что ему лучше бы умереть в монастыре, как это задано по монашескому обету. Монах согласился: «благословите и помолитесь». «Бог тебя благословит», — сказал Владыка. И через несколько дней монах умер по молитвам своим и Владыки. Необходимость этой смерти была Богу представлена и Им услышана. Согласие двух было достаточно, чтобы получить просимое. Так монах не покинул своего монастыря.

Таков был глава и представитель соловецких узников в этот период.

С 1923 г. по 1926 г. в Соловецком лагере пребывали следующие архиереи:

Евгений Зернов, Архиепископ Приамурский и Благовещенский.

Иларион Троицкий, архиепископ, б. Верецкий, вик. Московский.

Серафим Мещеряков, архиепископ, б. Костромской.

168

Прокопий Титов, архиепископ Херсонский.

Иувеналий Масловский, архиепископ Курский.

Пахомий Кедров, архиепископ Черниговский.

Амвросий Полянский, епископ Подольский и Брацлавский.

Гавриил Абалымов, епископ Осташковский, вик. Тверской.

Глеб Покровский, епископ Михайловский, вик. Рязанский.

Григорий Козырев, епископ Печерский, вик. Нижегородский.

Захарий Лобов, епископ Нижне-Чирской, вик. Донской.

Игнатий Садковский, епископ Белевский, вик. Тульский.

Иоаким Благовидов, епископ Алатырский, вик. Симбирский.

Киприан Соловьев, епископ Семипалатинский, вик. Омский.

Мануил Лемишевский, епископ Лужский, вик. Петроградский.

Митрофан Гринев, епископ Аксайский, вик. Донской.

Нектарий Трезвинский, епископ Яранский, вик. Вятский.

Павел Введенский, епископ Сердобский, вик. Симбирский.

Платон Руднев, епископ Богородский, вик. Московский.

Рафаил Гумилев, еписк. Александровский, вик. Ставропольский.

Софроний Старков, епископ Селенгинский, вик. Забайкальский.

Софроний Арефьев, епископ Якутский.

Серафим Протопопов, епископ Колпинский, вик. Петроградский.

Из этих 24-х епископов почти все (17) непосредственно принимали «Памятную записку». Некоторые же из них не находились по близости к Соловецкому кремлю, где она вырабатывалась, а были на работах в других местах острова, но вероятно знали об этой «Записке» и сказали свое мнение Архиепископу Евгению. Осенью 1926 г. в Соловки прибыло еще много епископов, которые в этот список не входят. Из этого же списка только один человек (Мануил Лемишевский) находится в настоящее время на свободе и в составе епископата, возглавляемого Патриархом Алексеем. Остальные все, и многие одинакового с ним возраста, из новой полосы арестов и расстрелов 1937 г., к свободе и жизни уже больше не вышли. Судьба известна нам только трех-четырех. Их нет в живых.

Одно время при лагере была заведена фотография и заключенные могли сниматься и посылать свои карточки родным. Потом вскоре это было запрещено, особенно после того как большая группа духовенства успела послать свою фотографию в разные места России. Прилагаемый снимок из газеты неудачен, но является документом, он имеет список заключенных епископов, клириков и мирян, пострадавших именно за церковное дело.

В свое время и за границу попала одна такая фотография. Фотостат из Парижской газеты «Последние Новости», от 2-го

169

августа 1927 г. № 2323, указывает на присутствие всего 67 человек. На самом деле в это время было более 120 заключенных церковных людей. Добрая половина в час съемки была занята работой и не могла явиться в Соловецкий монастырский кремль, где на фоне б. Успенского собора расположилась снявшаяся группа.

«ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ».
(2-го августа 1927 г. № 2323.)

В СОЛОВЕЦКОМ КОНЦЛАГЕРЕ.

Список Епископов, духовенства и мирян, содержащихся в концентрационном лагере на Соловецких островах.

Снимок сделан в ноябре 1925 года.

(Слева направо. Ряды снизу)

I-й ряд: 1) Мануил Лемешевский, Епископ Лужский, викарий Петроградский; 2) Павел Введенский, Епископ Мелекесский, викарий Самарский; 3) Петр Соколов, Епископ Сердобский, викарий Саратовский; 4) Иоаким Благовидов, Епископ Алатырский, викарий Симбирский; 5) Серафим Мещеряков, Архиепископ б. Костромской; 6) Евгений Зернов, Архиепископ Приамурский; 7) Иувеналий Масловский, Архиепископ Курский; 8) Митрофан Гринев, Епископ Аксайский, викарий Донской; 9) Софроний Старков, Епископ Селенгинский, викарий Забайкальский; 10) Захария Лобов, Епископ Нижнечирский, викарий Донской; 11) Серафим Протопопов, Еп. Колпинский, викарий Петроградский.

II-й ряд: 1) Свящ. Алексей Шишкин (Новочеркасск); 2) Прот. Николай Соколов (Сергиев. Посад); 3) Прот. Василий Богородицкий (Острогожск); 4) свящ. Евгений Охотин (Архангельск); 5) Прот. Николай Дягилев (Екатеринбург); 6) кафедр. прот. Владимир Хлынов (Тобольск); 7) Платон Руднев, Епископ Богородский, викарий Московский; 8) Архимандр. Сергей Рукин (Керчь); 9) Свящ. Николай Соколов (Усть Сысоласк); 10) Н. Б. Кираянов (Москва); 11) Прот. Василий Судницын (Москва); 12) Свящ. Павел Чахралов (Ростов на Дону).

III-й ряд: 1) Св. Михаил Яворский (Петроград); 2) Прот. Сергей Городцев (Тифлис); 3) Свящ. Илия Синовский (Тамбов); 4) К. С. Бовэ (Пенза); 5) Т. М. Долин-Ивановский (Тула); 6) Прот. Михаил Русаков (Омск); 7) Иером. Иоанн Широков (Казань); 8) Свящ. Николай Мисловский (Кострома); 9) В. И. Мигальский (Москва); 10) проф. Моск. Дух. Ак. И. В. Попов; 11) А. М. Тьевар (Москва).

IV-й ряд: 1) Прот. Василий Половников (Уржум); 2) Свящ. Михаил Иванов (Торопец); 3) Свящ. Петр Фалевич (Миллерово); 4) прот. Владимир Валагурин (Новочеркасск); 5) Свящ. Симеон Краснов (хут. Каюков Донск. Еп.); 6) Священн. Иоанн Ливанов (Томск); 7) Свящ. Василий Предтеченский (Кострома); 8) Св. Иоанн Смирнов (Петроград); 9) Протоиак. Дмитрий Новочадов (Ростов на Д.); 10) Протоиак. Петр Попов (Владивосток).

V-й ряд: 1) Свящ. Илия Пироженко (Колодези Дон. Еп); 2) Л. Д. Аксенов (Петроград); 3) А. В. Малишевский (Петроград); 4) Свящ. Алексей Трифилев (Ростов на Дону); 5) Свящ. Михаил Польский (Москва); 6) Иером. Феофан Еланский (Казань); 7) Свящ. Николай Терпиловский (Казань); 8) Прот. Александр Молчанов (Тверь); 9) Масляников (Сибирск.); 10) П. П. Павлов (Псков).

VI-й ряд: 1) Иером. Иосаф (Кострома); 2) Прот. Макарий Колоров (Тверь); 3) Ф. А. Федоренко (Пятигорск); 4) Свящ. Василий

Рубцов (Тверь); 5) Прот. Арсений Троицкий (Тверь); 6) С. П. Кузьмин (Архангельск); 7) Иером. Серафим Шамшин (Казань); 8) Прот. Арсений Покровский (Тверь); 9) Прот. Иоанн Преображенский (Тверь); 10) Н. И. Киселев (Петроград); 11) Иером. Варлаам Сацердотский (Петроград); 12) Свящ. Борис Грибовский (Симферополь); 13) Д. А. Пашков (Алатырь).

***Памятная Записка Соловецких Епископов,
представленная на усмотрение Правительства.***

Несмотря на основной закон Советской Конституции, обеспечивающий верующим свободу совести, религиозных объединений и проповеди, Православная Российская Церковь до сих пор испытывает весьма существенные стеснения в своей деятельности и религиозной жизни. Она не получает разрешения открыть правильно действующие органы центрального и епархиального управления, не может перенести свою деятельность в ее исторический центр — Москву, ее епископы или вовсе не допускаются в свои епархии, или, допущенные туда, бывают вынуждаемы отказаться от выполнения самых существенных обязанностей своего служения — проповеди в церкви, посещения общин, признающих их духовный авторитет, иногда даже посвящения. Местоблюститель Патриаршего престола и около половины православных епископов томятся в тюрьмах, в ссылках или на принудительных работах. Не отрицая действительности этих фактов, правительственные органы объясняют их политическими причинами, обвиняя православный епископат и клир в контрреволюционной деятельности и тайных замыслах, направленных к свержению советской власти и восстановлению старого порядка.

Уже много раз Православная Церковь, сначала в лице покойного Патриарха Тихона, а потом в лице его заместителей пыталась в официальных обращениях к Правительству рассеять окутывающую ее атмосферу недоверия. Их безуспешность и искреннее желание положить конец прискорбным недоразумениям между Церковью и Советской властью, тяжелым для Церкви и напрасно осложняющим для государства выполнение его задач, побуждают руководящий орган Православной Церкви еще раз с совершенной справедливостью изложить перед Правительством принципы, определяющие ее отношение к государству.

Подписавшие настоящее заявление отдают себе полный отчет в том, насколько затруднительно установление взаимных благожелательных отношений между Церковью и государством в условиях текущей действительности и не считают возможным об этом умолчать. Было бы

неправдой, не отвечающей достоинству Церкви и при том бесцельной и ни для кого не убедительной, если бы они стали утверждать, что между Православной Церковью и государственной властью советских республик нет никаких расхождений. Но это расхождение состоит не в том, в чем желает видеть политическая подозрительность и в чем его указывает клевета врагов Церкви. Церковь не касается перераспределения богатств или их обобществления, т. к. всегда признавала это правом государства, за действия которого она не ответственна. Церковь не касается и политической организации власти, ибо лояльна в отношении правительства всех стран, в границах которых имеет своих членов. Она уживается со всеми формами государственного устройства от восточной

170

деспотии старой Турции до республики Северо-Американских Штатов. Это расхождение лежит в непримиримости религиозного учения Церкви с материализмом, официальной философией коммунистической партии и руководимого ею Правительства советских республик.

Церковь признает бытие духовного начала, коммунизм его отрицает. Церковь верит в Живого Бога, Творца мира, Руководителя его жизни и судеб, коммунизм не допускает его существования, признает самопроизвольность бытия мира и отсутствие разумных конечных причин в его истории. Церковь полагает цель человеческой жизни в небесном призвании духа и не перестает напоминать верующим об их небесном отечестве, хотя бы жила в условиях наивысшего благосостояния, коммунизм же не желает знать для человека никаких других целей, кроме земного благоденствия. С высоты философского мирозерцания идеологическое расхождение между Церковью и государством нисходит в область непосредственного практического значения, в сферу нравственных принципов. Церковь верит в незыблемость начал нравственности, справедливости и права, коммунизм считает их условным результатом классовой борьбы и оценивает явления нравственного порядка исключительно с точки зрения целесообразности. Церковь внушает верующим возвышающее человека смирение, коммунизм унижает его гордостью. Церковь охраняет плотскую чистоту и святость плодonoшения, коммунизм не видит в брачных отношениях ничего, кроме удовлетворения инстинктов. Церковь видит в религии животворящую силу, не только обеспечивающую человеку достижение его вечного предназначения, но и служащую источником всего великого в человеческом творчестве, основу земного благополучия, счастья и здоровья народов. Коммунизм смотрит на религию, как на опиум, опьяняющий народы и

расслабляющий энергию, как на источник их бедствий и нищеты. Церковь хочет процветаний религии, коммунизм — ее уничтожения. При таком глубоком расхождении в самых основах мирозерцания между Церковью и государством не может быть никакого внутреннего сближения или примирения, как невозможно примирение между положением и отрицанием, между да и нет, потому что душою Церкви, условием ее бытия и смыслом ее существования является то самое, что категорически отрицается коммунизмом.

Никакими компромиссами и уступками, никакими частными изменениями в своем вероучении или перетолковании его в духе коммунизма Церковь не могла бы достигнуть такого сближения. Жалкие попытки в этом роде были сделаны обновленцами: одни из них ставили своей задачей внедрить в сознание верующих мысль, будто христиане по существу своему не отличаются от коммунизма и что коммунистическое государство стремится к достижению тех же целей, что и Евангелие, но свойственным ему способом; т. е. не силой религиозных убеждений, а путем принуждения. Другие рекомендовали пересмотреть христианскую догматику в том смысле, чтобы ее учение об отношении Бога к миру не напоминало отношение монарха к подданным и более соответствовало республиканским понятиям, третьи требовали исключение из календаря святых «буржуазного происхождения», и лишения их церковного почитания. Эти опыты, явно неискренние, вызвали глубокое негодование людей верующих.

Православная Церковь никогда не станет на этот недостойный путь и никогда не откажется ни в целом, ни в частях от обвеянного святыней прошлых веков, вероучения в угоду одному из вечно-сменяющихся общественных настроений. При таком непримиримом идеологическом расхождении между Церковью и государством, неизбежно отражающемся на жизнедеятельности

тельности этих организаций, столкновение их в работе дня может быть предотвращено только последовательно проведенным законом об отделении Церкви от государства, согласно которому, ни Церковь не должна мешать гражданскому Правительству в устройении материального благополучия народа, ни государство стеснять Церковь в ее религиозно-нравственной деятельности.

Такой закон, изданный в числе первых революционным Правительством, вошел в состав Конституции СССР и мог бы при

изменившейся политической системе до известной степени удовлетворить обе стороны. Церковь не имеет религиозных оснований его не принять. Господь Иисус Христос заповедал нам предоставлять «кесарево», т. е. заботу о материальном благополучии народа «кесарю», т. е. государственной власти, и не оставил своим последователям завета влиять на изменение государственных форм или руководить их деятельностью. Согласно этому вероучению и традициям, Православная Церковь всегда сторонилась политики и оставалась послушной государству во всем, что не касалось веры. Оттого внутренне чуждая правительству древне-Римской империи, или в недавней Турции, она могла оставаться и действительно оставалась лояльной в гражданском отношении. Но и современное государство с своей стороны не может требовать от нее ничего большего. В противоположность старым политическим теориям, считавшим необходимым для внутреннего скрепления политических объединений религиозное единодушие граждан, оно не признает последнего важным в этом отношении, решительно заявляя, что не нуждается в содействии Церкви в достижении им поставленных задач и предоставляет гражданам полную религиозную свободу.

При создавшемся положении Церковь желала бы только полного и последовательного проведения в жизнь закона об отделении Церкви от государства.

К сожалению, действительность далеко не отвечает этому желанию. Правительство, как в своем законодательстве, так и в порядке управления, не остается нейтральным по отношению к вере и неверию, но совершенно определенно становится на сторону атеизма, употребляя все средства государственного воздействия к его насаждению, развитию и распространению, в противовес всем религиям. Церковь, на которую ее вероучением возлагается религиозный долг проповеди Евангелия всем, в том числе и детям верующих, лишена по закону права выполнить этот долг по отношению к лицам, не достигшим 18-ти летнего возраста, между тем в школах и организациях молодежи, детям самого раннего возраста, и подросткам усиленно внушаются принципы атеизма со всеми логическими выводами из них. Основной закон дает гражданам право веровать во что угодно, но он сталкивается с законом, лишаящим религиозное общество права юридического лица и связанного с ним права обладания какой бы то ни было собственностью, даже предметами, не представляющими никакой материальной ценности, но дорогими и священными для верующего исключительно по своему религиозному значению. В целях пропаганды противорелигиозной, по силе этого закона, у Церкви отобраны и помещены в музеи почитаемые ею останки святых.

В порядке управления Правительство принимает все меры к подавлению религии: оно пользуется всеми поводами к закрытию церквей и обращению их в места публичных зрелищ и упразднению монастырей, не

смотря на введение в них трудового начала, подвергает служителей церкви всевозможным стеснениям в житейском быту, не допускает лиц верующих к преподаванию в школах, запрещает выдачу из общественных библиотек книг религиозного содержания и даже только идеалистического направления и устами самых крупных государственных деятелей неоднократно заявля-

ло, что та ограничительная свобода, которой Церковь еще не пользуется, есть временная мера и уступка вековым религиозным навыкам народа.

Из всех религий, испытывающих на себе всю тяжесть перечисленных стеснений, в наиболее стесненном положении находится Православная Церковь, к которой принадлежит огромное большинство русского населения, составляющего подавляющее большинство и в государстве. Ее положение отягчается еще тем обстоятельством, что отколовшаяся от нее часть духовенства, образовавшая из себя обновленческую схизму, стала как бы государственной церковью, которой Советская власть, вопреки ей же изданным законам, оказывает покровительство в ущерб Церкви Православной. В официальном акте Правительство заявило, что единственно законным представителем Православной Церкви в пределах СССР оно признает обновленческий синод. Обновленческий раскол имеет действующие беспрепятственно органы высшего и епархиального управления, его епископы допускаются в епархии, им разрешается посещение общин, в распоряжении их почти повсеместно переданы отобранные у православных соборные храмы, обыкновенно вследствие этого пустующие. Обновленческое духовенство в известной степени пользуется даже материальной поддержкой Правительства, так, например, его делегаты получили бесплатные билеты по железной дороге для проезда в Москву на их так называемый «священный собор» 1923 г. и бесплатное помещение в Москве в 3-м доме Московского Совета. Большая часть православных епископов, находящихся в тюрьмах и ссылке, подверглись этой участи за их успешную борьбу с обновленческим расколом, которая по закону составляет их бесспорное право в порядке управления, но рассматривается в качестве противодействия видам Правительства.

Православная Церковь не может, по примеру обновленцев, засвидетельствовать, что религия в пределах СССР не подвергается никаким стеснениям и что нет другой страны, в которой она пользовалась бы столь полной свободой. Она не скажет вслух всему миру этой позорной лжи, которая может быть внушена только их лицемерием, или сервилизмом или полным равнодушием к судьбам религии, заслуживающим безграничного

осуждения в ее служителях. Напротив, по всей справедливости она должна заявить, что не может признать справедливым и приветствовать ни законов, ограничивающих ее в исполнении своих религиозных обязанностей, ни административных мероприятий, во много раз увеличивающих тяжесть этих законов, ни покровительства, оказываемого в ущерб ей обновленческому расколу. Свое собственное отношение к государственной власти Церковь основывает на полном и последовательном проведении в жизнь принципа раздельности Церкви и государства. Она не стремится к ниспровержению существующего порядка и не принимает участия в деяниях, направленных к этой цели, она никого не призывает к оружию и политической борьбе, она повинуетя всем законам и распоряжениям гражданского характера, но она желает сохранить в полной мере свою духовную свободу и независимость, предоставленные ей Конституцией и не может стать слугою государства. Лояльности Православной Церкви Советское правительство не верит. Оно обвиняет ее в деятельности, направленной к свержению нового порядка и восстановлению старого. Мы считаем необходимым заверить Правительство, что эти обвинения не соответствуют действительности. В прошлом, правда, имели место политические выступления Патриарха, подавшие повод к этим обвинениям, но все изданные Патриархом акты подобного рода направлялись не против власти в собственном смысле. Они относятся к тому времени, когда революция проявляла себя исключительно со стороны разрушительной, когда все общественные

силы находились в состоянии борьбы, когда власти в смысле организованного Правительства, обладающего необходимыми орудиями управления, не существовало. В то время слагающиеся органы центрального управления не могли сдерживать злоупотреблений и анархии ни в столицах, ни на местах. Всюду действовали группы подозрительных лиц, выдававших себя за агентов правительства, а в действительности оказавшихся самозванцами с преступным прошлым и еще более преступным настоящим. Они избивали епископов и священнослужителей ни в чем неповинных, врываются в дома и больницы, убивали там людей, расхищали имущество, ограбляли храмы и затем бесследно рассеивались. Было бы странным, если бы при таком напряжении политических и своекорыстных страстей, при таком озлоблении одних против других, среди этой всеобщей борьбы одна Церковь оставалась равнодушной зрительницей происходящего. Проникнутая своими государственными национальными традициями, унаследованными ею от своего векового прошлого, Церковь в эту критическую минуту народной жизни выступила на защиту порядка, полагая

в этом свой долг перед народом. И в этом случае она не разошлась со своим вероучением, требующим от нее послушания гражданской власти, употребляющей свой меч во благо народа, а не анархии, являющейся общественным бедствием. Но с течением времени, когда сложилась определенная форма гражданской власти, Патриарх Тихон заявил в своем воззвании к пастве о лояльности в отношении к Советскому Правительству, решительно отказался от всякого влияния на политическую жизнь страны. До конца своей жизни Патриарх оставался верен этому акту. Не нарушили его и православные епископы. Со времени его издания нельзя указать ни одного судебного процесса, на котором было бы доказано участие православного клира в деяниях, имевших своею целью ниспровержение советской власти. Епископы и священнослужители в таком большом количестве страждущие в ссылке, в тюрьмах или на принудительных работах, подвергались этим репрессиям не по судебным приговорам, а в административном порядке, без точно сформулированного обвинения, без правильного расследования дела, без гласного судебного процесса, без предоставления им возможной защиты, часто даже без объяснения причин, что является бесспорным доказательством отсутствия серьезного обвинительного материала против них. Православную иерархию обвиняют в сношении с эмигрантами, политическая деятельность которых направлена против советской власти. Это второе обвинение также далеко от истины, как и первое. Патриарх Тихон осудил политические выступления зарубежных епископов, сделанные ими от лица Церкви. Кафедры ушедших с эмигрантами епископов были замещены другими лицами. Когда созданный с его разрешения Карловацкий Собор превысил свои церковные полномочия и вынес постановления политического характера, Патриарх осудил его деятельность и распустил Синод, допустивший уклонения Собора от его программы. Хотя канонически православные епархии, возникшие за границей, подчинены Российскому патриархату, однако, в действительности управление ими из Москвы и в церковном отношении невозможно по отсутствию легальных форм сношения с ними, что снимает с Патриарха и его заместителей ответственность за происходящее в них. Можем заверить Правительство, что мы не принимаем участия в политической деятельности и не состоим с ними ни в открытых, ни в тайных сношениях по делам политическим. Отсутствие фактов, уличающих православную иерархию, в преступных сношениях с эмигрантами, заставляет врагов Церкви прибегать к гнусным подлогам.

Таков «документ», предъявленный в октябре 1925 года Введенским, именующим себя митрополитом, на так называемом «священном соборе»

обновленцев, не постыдившимся сделать вид, что он поверил в подлинность этой грубо сфабрикованной подделки. Свои отношения к гражданской власти на основе закона об отделении церкви от государства Церковь мыслит в такой форме. Основной закон нашей страны устраняет Церковь от вмешательства в политическую жизнь. Служители культа с этой целью лишены как активного, так и пассивного избирательного права, и им запрещено оказывать влияние на политическое самоопределение масс силою религиозного авторитета. Отсюда следует, что Церковь как в своей открытой деятельности, так и в своем интимном пастырском воздействии на верующих, не должна подвергаться критике или порицанию гражданские мероприятия Правительства, но отсюда вытекает и то, что она не должна и одобрять их, так как не только порицание, но и одобрение Правительства есть вмешательство в политику и право одобрения предполагает и право порицания, или хотя бы право воздержания от одобрения, которое всегда может быть понято как знак недовольства и неодобрения. Соответственно этому Церковь и действует.

С полной искренностью мы можем заверить Правительство, что ни в храмах, ни в церковных учреждениях, ни в церковных собраниях от лица Церкви не ведется никакой политической пропаганды. Епископы и клир и на будущее время воздержатся от обсуждения политических вопросов в проповедях и пастырских воззваниях. Церковные учреждения, начиная с приходских советов и кончая патриаршим синодом, отнесутся к ним, как к предметам, выходящим за пределы их компетенции. Они не будут также вносимы в программу приходских собраний, благочиннических собраний и епархиальных съездов, всероссийских соборов и не будут на них совсем затрагиваемы. В избрании членов Церковных учреждений и представительных собраний Церковь совершенно не будет считаться с политическими взглядами, социальным положением, имущественным состоянием и партийной принадлежностью избираемых, каковы бы они ни были, и ограничится предъявлением им исключительно религиозных требований и чистоты веры, ревности о нуждах Церкви, безупречности личной жизни и нравственного характера.

В республике каждый гражданин, не пораженный в политических правах, призывается к участию в законодательстве и управлении страной, в организации правительства и влиянию в установленной законом форме на его состав. И это является не только его правом, но и обязанностью, гражданским долгом, в выполнении которого никто не в праве стеснять его. Церковь вторглась бы в гражданское управление, если бы, отказавшись от открытого обсуждения вопросов политических, стала влиять на направление дел путем пастырского воздействия на отдельных лиц, внушая им либо полное уклонение от политической деятельности, либо определенную программу таковой, призывая к вступлению в одни политические партии и к борьбе с другими. У каждого верующего есть свой ум и своя совесть,

которые и должны указывать ему наилучший путь к строению государства. Отнюдь не отказывая вопрошающим в религиозной оценке мероприятий, сталкивающихся с христианским вероучением, нравственностью и дисциплиной, в вопросах чисто политических и гражданских, Церковь не связывает их свободы, внушая лишь общие принципы нравственности, призывая к добросовестному исполнению своих обязанностей, к действию не в интересах личного блага, не с малодушной целью угождать силе, а по сознанию справедливости и общественной пользы. Совершенное устранение Церкви от вмешательства в политическую жизнь

в республике с необходимостью влечет за собой и ее уклонение от всякого надзора за политической благонадежностью своих членов. В этом лежит глубокое различие между Православной Церковью и обновленческим расколом, органы управления которого и его духовенство, как это видно из их собственных неоднократных заявлений в печати, взяли на себя обязательство перед Правительством следить за лояльностью своих единоверцев, ручаться в этом отношении за одних и отказывать в поруче другим. Православная Церковь считает сыск и политический донос совершенно несовместимыми с достоинством пастыря. Государство располагает специальными органами наблюдения, а члены Церкви, ее клир и миряне ничем не отличаются в глазах современного правительства от прочих граждан и потому подлежат политическому надзору в общем порядке. Из этих же принципов вытекает и недопустимость церковного суда по обвинению в политических преступлениях. Обновленческий раскол, возвращая себя в положение государственной церкви, такой суд допускает. На так называемом обновленческом соборе 1923 г. по обвинению в политических преступлениях были подвергнуты церковным наказаниям, по справедливости вмененными Православной Церковью в ничто, Патриарх Тихон и епископы, удалившиеся с эмигрантами за границу. Православная Церковь такой суд отменяет. Те церковно-гражданские законы, которыми руководилась Церковь в христианском государстве, после падения его, утратили силу, а чисто церковные законодательства, которыми единственно в настоящее время может руководиться Церковь, не предусматривают суда над клириками по обвинению в политических преступлениях и не содержат в своем составе еще канонов, которые налагали бы на верующих церковные наказания, за преступления подобного рода. В качестве условий легализации церковных учреждений представителем ОГПУ неоднократно предъявлялось Патриарху Тихону и его заместителям требование доказать свою лояльность по отношению к Правительству путем осуждения русских епископов,

действующих заграицей против Советской власти. Исходя из изложенных выше принципов, мы не можем одобрить обращения церковного амвона и учреждений в одностороннее орудие политической борьбы тем более, что политическая заинтересованность зарубежного епископата бросает тень на представителей Православной Церкви в пределах СССР, питает недоверие к их законопослушности и мешает установлению нормальных отношений между Церковью и государством. Тем не менее мы были бы поставлены в большое затруднение, если бы от нас потребовали выразить свое неодобрение в каком-нибудь церковном акте судебного характера, так как собрание канонических правил, как было сказано, не предусматривает суда за политическое преступление. Но даже если бы православная иерархия, не считаясь с этим обстоятельством, по примеру обновленцев решила приступить к такому суду, то встретила бы целый ряд специальных затруднений, создающих неустранимые препятствия к закономерной постановке процесса, при которой единственно определение суда может получить непререкаемый канонический авторитет и быть принято Церковью. Зарубежных епископов могли бы судить только собор Православных епископов, но вполне авторитетный не может состояться уже потому, что около половины православных епископов находятся в тюрьме или ссылке и, следовательно, их кафедры не могут иметь законного представительства на соборе. Согласно церковным правилам вселенского значения необходимо личное присутствие обвиняемых на суде и только в случае злонамеренного уклонения их от суда разрешается заочное слушание дела. Зарубежные епископы, тяжкие политические преступники в глазах Советской власти, в случае их прибытия в пределы СССР, были

бы лишены гарантий личной безопасности, а потому их уклонение и не могло бы быть злонамеренным. Всякий суд предполагает судебное следствие. Православная Церковь не располагает органами, через посредство которых она могла бы расследовать дело о политических преступлениях православных епископов заграицей. Но она не могла бы произнести свой суд и на основании того обвинительного материала, который собран правительственными учреждениями, и, если бы даже он был представлен в собор, так как в случае возражения против него со стороны обвиненных или представления ими новых данных и оправдывающих документов, собор был бы поставлен в необходимость пересмотра правительственного расследования, что со стороны Церкви было бы совершенно недопустимым нарушением гражданских законов.

Обновленческий собор 1923 г., сделавший опыт суда, которого от нас требуют, и пренебрегший церковными законами, которые его не допускают, тем самым сделал свои постановления ничтожными и никем не признанными. Закон об отделении Церкви от государства двусторонен, он запрещает Церкви принимать участие в политике и гражданском управлении, но он содержит в себе и отказ государства от вмешательства во внутренние дела Церкви: в ее вероучение, богослужение и управление.

Всецело подчиняясь этому закону, Церковь надеется, что и государство добросовестно исполнит по отношению к ней те обязательства по сохранению ее свободы и независимости, которые в этом законе оно на себя приняло.

Церковь надеется, что не будет оставлена в этом бесправном и стесненном положении, в котором она находится в настоящее время, что законы об учении детей Закону Божию и о лишении религиозных объединений прав юридического лица, будут пересмотрены и изменены в благоприятном для Церкви направлении, что останки святых, почитаемых Церковью, перестанут быть предметом кощунственных действий и из музеев будут возвращены в храмы.

Церковь надеется, что ей будет разрешено организовать епархиальное управление, избрать Патриарха и членов священного синода, действующих при нем, созвать для этого, когда она признает это нужным, епархиальные съезды и всероссийский православный собор. Церковь надеется, что Правительство воздержится от всякого гласного или негласного влияния на выбор членов этих съездов и собора, не стеснить свободы обсуждения религиозных вопросов на этих собраниях и не потребует никаких предварительных обязательств, заранее предreshающих сущность их будущих постановлений.

Церковь надеется также, что деятельность созданных таким образом церковных учреждений не будет поставлена в такое положение, при котором назначение епископов на кафедры, определение о составе священного синода, принимаемые решения проходили бы под влиянием государственного чиновника, которому, возможно будет поручен политический надзор над нами.

Представляя настоящую памятную записку на усмотрение Правительства, Российская Церковь еще раз считает возможным отметить, что она с совершенною искренностью изложила перед Советской властью, как затруднения, мешающие установлению взаимно благожелательных отношений между Церковью и государством, так и те средства, которыми они могли бы быть устранены. Глубоко уверенная в том, что прочное и доверчивое отношение может быть основано только на совершенной

справедливости, она изложила открыто, без всяких умолчаний и обоюдностей, что она может обещать Советской власти, в чем не может отступить от своих принципов и чего она ожидает от Правительства СССР.

177

Если предложения Церкви будут признаны приемлемыми, она возрадуется о правде тех, от кого это будет зависеть. Если ее ходатайство будет отклонено, она готова на материальные лишения, которым подвергается, встретить это спокойно, памятуя, что не в целости внешней организации заключается ее сила, а в единении веры и любви преданных ей чад ее, наипаче же возлагая свое упование на непреодолимую мощь ее Божественного Основателя и на Его обетование о неодолимости Его Создания ¹⁾.

1) Это послание было отправлено Митрополиту Сергию, управлявшему в это время Церковью, в Нижний Новгород, с одним получившим в это время освобождение священником. Через несколько дней был произведен у м. Сергия обыск и послание было у него изъято и по поводу его митрополита допрашивали. Митрополит сам только что издавший аналогичный проект обращения к правительству, ответил, что он еще не успел достаточно ознакомиться с посланием.

178

Глава 20.

Общий список некоторой части российского епископата, претерпевшего мученическую кончину во время гонений на Церковь от безбожников-большевиков.

Владимир (Богоявленский), митроп. Киевский, уб. 25 янв. 1918 года.

Андроник (Никольский), архиепископ Пермский, уб. 4 июня 1918 г.

Гермоген (Довганев), архиепископ Тобольский, утоплен в реке 19 июня 1918 г.

Василий (Богоявленский), архиепископ Черниговский, расстрелян в Перми.

Ефрем (Кузнецов), епископ Селенгинский, вик. Забайкальский, расстрелян 23 авг. 1918 г.¹⁾

Феофан (Ильшенский), епископ Соликамский, утоплен в реке Каме 11 дек. 1918 г.

Исидор (Колоколов), епископ б. Михайловский, вик. Новгородский, умерщвлен в Самаре, будучи посажен на кол.

Амвросий (Гудко), епископ Серапульский, вик. Вятский, умерщвлен в Свияжске, будучи привязан к хвосту лошади.

Митрофан (Краснопольский), архиепископ Астраханский, сброшен с высокой стены и разбился на смерть.

Леонтий (Вимпфен), епископ Енотаевский, вик. Астраханск., по убиении брошен в яму и не выдан на погребение.

¹⁾ Епископ Ефрем (Епифаний Кузнецов), из Забайкальских казаков. На сироту мальчика-пастуха обратил внимание местный священник, сделал чтецом в церкви, отправил в Читинское духовное училище, а потом в Иркутскую Духовную Семинарию. Сделавшись священником и овдовев, поступил в Московскую Духовную Академию, по окончании которой стал начальником Забайкальской Духовной Миссии в г. Чите. Много обратил в христианство монголов, бурят и особенно корейцев, которых переселил в Читу и основал приход. Горячий проповедник, любимец народа, в 1916 г. стал епископом. В начале революции был арестован, но в Москве выпущен и участвовал на Соборе. Расстрелян вместе с протоиереем Восторговым (см. дальше).

179

Платон (Кульбуш), епископ Ревельский, убит в Юрьеве 14-го января 1919 г.

Тихон, архиепископ Воронежский, повешен на царских воротах церкви монастыря св. Митрофания в декабре 1919 г.

Иоаким (Левицкий), архиепископ Нижегородский, повешен головою вниз в соборе г. Севастополя.

Никодим (Кононов), епископ Белгородский, замучен и изуродован ударами по голове железным прутком и брошен в сорную яму; предан погребению лишь через полгода, будучи узан среди трупов по монашескому параману. По другой версии, после издевательств был заживо засыпан негашенной известью.

Макарий (Гневушев), епископ Вяземский.

Лаврентий (Князев), епископ Балахнинский, вик. Нижегородский.

Пимен, епископ Верненский, вик. Туркестанский.

Герман, епископ Камышинский.

Варсонофий (Вихвелин), епископ Кирилловский, вик. Новгород.

Иустин, архиепископ Омский и Павлоградский, умер в Омской тюрьме в марте 1920 г.

Мефодий, епископ Петропавловский, Актюбинск. обл., убит весной 1921 г., в штыковую рану в груди убийцы воткнули крест.

Симон (Шлеев), епископ Уфимский, застрелен в своей квартире 6 июля 1921 года.

Назарий, митрополит Кутаисский, взят с одра болезни и расстрелян за обращение к Генуэзской конференции с просьбой о спасении родины от большевицкого насилия.

Вениамин (Казанский), митрополит Петроградский, уб. 12 августа 1922 года.

Филарет, епископ Костромской, замерз в ссылке в Архангельской губ. в 1922 г.

Серафим, еп. Елуторовский, Тобольской епархии, умер в ссылке в Пермском крае, около 1925 г.

Иерофей (Афоник), епископ Велико-Устюжский, вик. Вологодский, в мае 1928 года убит огнестрельным оружием в голову при аресте, когда народ не давал его арестовать за отказ повиноваться митроп. Сергию и поминать советскую власть.

Петр (Зверев), архиепископ Воронежский, умер в Соловецком лагере 27 янв. 1929 г.

Иларион (Троицкий), архиепископ, вик. Московский, умер в Петроградской тюрьме 15 декабря 1929 г.

Сергий, епископ Ефремовский, расстр. в г. Бузулук в 1929 г.

Серафим (Мещеряков), митрополит Кавказский, расстр. в Ростове на Дону в тюрьме в 1932 г.

Афанасий (Сахаров), архиепископ Старобельский, расстр. в Харьковской тюрьме в 1932 г.

Агапит (Вишневский), архиепископ Екатеринославский, умер в тюрьме от голода и тифа.

Александр (Белозеров), архиепископ, умер в Ростовской тюрьме в 1932 г.

Амвросий (Полянский), архиепископ Подольский, умер в 1934 г. от солнечных ожогов и желудочных заболеваний в «Голодной степи» Казахстана, по дороге из Чикмента в отдаленное селение.

Филипп (Гумилевский), епископ, расстрелян в Красноярской тюрьме в 1934 г. за непризнание митроп. Сергия.

Арсений (Жадановский), архиепископ Серпуховский, расстрелян 17/30 июня 1935 г.

Дамаскин (Цедрик), епископ Глуховский, вик. Черниговский, умер в Сибири в 1935 г., по одной версии, в ссылке, от холода, на пароме, при переправе через реку, по другой — в тюрьме, от гангрены отмороженных ног.

Петр (Полянский), митрополит Крутицкий, умер в заключении в декабре 1936 года.

Варфоломей (Ремов), епископ, вик. Московский, расстрелян 26 июня 1936 г.

Анатолий (Грисюк), митрополит Одесский, умер в заключении 10 февр. 1938 г. (Сергиевской юрисдикции).

Иосиф (Петровых), митрополит Петроградский, расстрелян в конце 1938 г. за поощрение тайных странствующих священников.

Димитрий (Любимов), архиепископ Гдовский, расстрелян в 1938 г. за то же. По другой версии умер в Новгородской тюрьме около 1936 г.

Алексий, епископ, вик. Петроградский, расстр. в 1938 г. за то же.

Серафим, епископ, расстрелян в Актюбинске в 1938 г.

Питирим (Крылов), архиепископ, вик. Московский, б. соловчанин, расстр. в 1938 г.

Ювеналий (Масловский), архиепископ Рязанский, расстрелян в 1938 г.

Никон (Пурлевский), епископ Белгородский, расстрелян в 1938 г.

Никон (Лебедев), епископ, расстрелян в 1938 г.

Никандр (Феноменов), митрополит Одесский, ум. в ссылке.

181

Арсений (Стадницкий), митрополит Новгородский, умер в ссылке в апреле 1936 г.

Кирилл (Смирнов), митрополит Казанский, умер в ссылке в 1936 г.

Серафим (Чичагов), митрополит Петроградский был болен, во время ареста горлом хлынула кровь, унесли на носилках, около года был в тюрьме, где умер или расстрелян в 1930-32 гг.

Макарий, схиерископ, убит в Псково-Печерском монастыре 1 апреля 1944 г. во время воздушного налета большевиков ¹).

Иоанн (Поммер), архиепископ Рижский, может быть внесен в этот список как умученный большевиками-же заграницей, около Риги, 12 окт. 1934 г.

Здесь указана судьба немногих (немного более 50) епископов, тогда как существующий с 1927 г. список всего российского епископата, в целом претерпевшего всеразличные репрессии, имеет имена более 250 епископов. Из числа таковых под властью Московской Патриархии в настоящее время находится на свободе всего 5 человек (включая и самого нынешнего патриарха). Случайные показания бывшего чекиста (Соц. В. 20 авг. 1946 г.) открывают нам, что в Пермских лагерях, например, в 1945 г. было заключенных десять епископов и из них только один вышел на свободу на каких-то определенных условиях. Таким образом, судьба 200 епископов определенно неизвестна, но в итоге мы должны считать, что более 250 епископов частью погибли уже, а частью погибают в местах заключения и ссылки.

Говоря о мучениках и исповедниках в нашу эпоху, необходимо здесь вкратце вспомнить и о «падших во время гонений». Как и в первых веках христианства и ныне их явилось несколько разрядов. Одни отреклись совсем от Христовой и всякой веры, как Никон (Безсонов), епископ Красноярский, и

¹⁾ Он — бывший настоятель Макарьевской пустыни Новгород. губ., обслуживал катакомбную церковь в пределах Новгородской, Тверской и Петроградской епархий. По его свидетельству, он в течении 10 лет не ночевал в одной квартире подряд две ночи. У него была своя духовная академия и духовная семинария для подготовки священников, которых и рукополагал тайно, как и постригал в монашество. Во время налета на монастырь, когда монахи спустились в укрытие, он остался в кельи и молился и был убит осколком в сонную артерию. Молитвенник и евангелие на аналое были залиты кровью. Часы остановились и показывали момент его смерти.

Зосима, архиепископ Иркутский, и ушли в стан безбожников. Между ними, как падший, особо стоит Феофил, епископ Екатеринодарский и Кубанский, который по требованию ГПУ дал списки монашествующих своей епархии, а когда их арестовали, он повесился (1930 г.). Надлежало не давать списков и самому быть арестованным. Но таково зло компромисса. Другие, как уже видим, входили в компромиссы с безбожниками и в одних случаях приносили духовные жертвы их нечестию полным извращением Христовой правды, говоря всякую ложь и даже оправдывая самые гонения на Церковь, в других случаях являлись предателями своих христиан и оклеветателями пред властями своих мучеников и исповедников. Это прежде всего епископы обновленческого раскола, лжемитрополиты Александр Введенский, Антонин и множество других. А затем сама Московская Патриархия сначала митрополита Сергия, а потом патриарха Алексия, целиком ставшая в этом смысле на платформу обновленцев и их полностью заменившая и фактически их собою исключившая из бытия, выполнением их роли у безбожных властей. Виновность в таком падении падает на самое возглавление Церкви, которое в 1927 г. перешло к самочинным действиям, превысило свои полномочия и без согласия епископата и вопреки его протесту приняло уже отвергнутую всей Церковью обновленческую позицию. Часть епископата, попадавшая на свободу, оказывалась в безвыходном положении и принуждена была признавать эту самочинную власть, пока в гонениях 1937 г. не была полностью уничтожена. Московская же Патриархия продолжала и продолжает существовать ценою оправдания всех злодеяний безбожной власти и поругания памяти мучеников своей Церкви. Ложь якобы может служить пользе Церкви и цель оправдывает средства. Так, конечно, можно думать, будучи не только врагом Евангелия, но и истории Церкви, как единой, святой, соборной и апостольской, исключаящей и осуждающей на

своем пути расколы, преступления, узурпацию, ложь, неправду и прочие грехи, и утверждающей для своего созидания, всякую добродетель и неперменное исповедание Христовой правды.

Глава 21.

Протоиерей о. Иоанн Кочуров. Первомученик Российского духовенства.

Академист по образованию он прибыл в Америку еще в 1901 году и служение Церкви Божией нес в г. Чикаго, где и построил собор, один из лучших в Америке. Революция его застала в предместье Петрограда, в Царском селе.

По виду цветущий, в обращении с людьми жизнерадостный он был прямым и мужественным человеком и открыто обличал толпу матросов за злодеяния. Эта толпа напала на него, избила и полуживого тащила по шпалам железнодорожного полотна, пока он не скончался.

Московский Священный Собор, заканчивая свою первую сессию 8-го декабря 1917 г., издал сочувственное письмо вдове убитого и тем отметил первую мученическую жертву русского духовенства, которых потом было без числа.

Протоиерей А. Скупетров.

Открыл синодик Петроградских мучеников. Известный среди многочисленного населения Калашниковского района и Невской Заставы настоятель церкви святых Бориса и Глеба, при которой находилась знаменитая часовенка Божией Матери Всех Скорбящих, протоиерей о. А. Скупетров. Туда стекались сотни тысяч богомольцев, главным образом, рабочих и маленьких людей, искавших утешения у чудотворной иконы с пятью грошиками, таинственно вонзившимися в лик иконы. Часовенка на стеклянном (фарфоровом) заводе имела высокое моральное значение для петроградского, вообще, населения, и протоиерей Скупетров пользовался большим влиянием и, конечно, для коммунистов был ярким врагом, так как смело обличал в проповедях их строй.

Испуганное и растерянное население столицы стало стекаться под сень храмов. Большевики решили нанести удар религиозным чувствам народа.

Большой отряд матросов и красноармейцев появился у стен Александро-Невской Лавры, создания Петра Великого, у паперти белоснежного величавого собора, в келлиях монашествующей братии. Чекисты желали осмотреть серебряную раку, где покоятся мощи Св. Александра Невского.

В это время, на паперти появляется в епитрахили, с крестом в руках престарелый о. Скипетров. Гневно сверкают его одухотворенные глаза, развевается, как у древнего пророка, седая, львиная грива длинных волос. Он пытается остановить вооруженных людей, но раздается команда, и пули пронзают тело старца. Убитый падает на паперти с крестом в руках. Красноармейцы и чекисты переходят через труп и врываются в храм.

Тело пастыря до вечера лежит на паперти. Кто-то из злодеев размозжил ему прикладом голову.

Протоиерей о. Философ Орнатский.

Вторым из духовенства в Петрограде погиб популярный настоятель Казанского Собора протоиерей о. Философ Орнатский. Это был блестящий проповедник-оратор, большой общественный деятель, широкий благотворитель и создатель многих детских приютов для бедного населения.

После октября, протоиерей Орнатский продолжал быть настоятелем Казанского Собора и сделался прибежищем для ищущих утешения в религии. Большевики зорко следили за его деятельностью и чтобы устрашить отважного старца, арестовали его двух сыновей, гвардейских офицеров, которые впоследствии были расстреляны.

Весной 1918 года чекисты явились на квартиру пастыря (дом № 3 по Казанской улице) и отправили его на Гороховую, 2. Накануне он отслужил в Соборе панихиду по жертвам террора: расстрелы стали обычным явлением.

Прихожане Собора встревожились за судьбу пастыря. Составилось несколько делегаций, которых большевики не приняли. Наконец, в одно из воскресений, после обедни, в сквере перед Собором собралась многотысячная толпа, главным образом, женщин, которая с пением молитв, хоругвями и иконами двинулась по Невскому проспекту, на Гороховую улицу, освободить батюшку о. Философа.

Из толпы вышла делегация, которую коммунисты приняли и уверили, что они о. Орнатского скоро выпустят, что он находится на Гороховой в камере, в полной безопасности. Толпа разошлась. В ту же ночь о. Философ был расстрелян.

Случайно во время скитаний по России, автору настоящих воспоминаний пришлось встретить бывшего рабочего Обуховского завода, слесаря, шофера Павлова, который возил на расстрел о. Орнатского и целую группу лиц вместе с ним. Как-то вызванный на откровенность, он говорил:

— Да, что-ж было делать: приходилось и на смерть людей отвозить, — мобилизовали на это дело. Только в трезвом виде я этого не производил. Уклониться нельзя: тебя прикончат. Ну, выпьешь бутылку спирта покрепче и везешь. Чекисты нас баловали спиртом, а в норме ни за что машину не заведешь на такое дело. Больше всех запомнилось, как с батюшкой Орнатским ехали... Батюшка Орнатский умирал, как святой человек. В ту ночь мы с разных тюрем 32 человека взяли на грузовик. Говорили, что все монархисты офицеры. Были молодые, были и седые. Один говорил, — что он — полковник гвардии и крепко ругал большевиков.

— Погибнете вы, хоть через 20 лет, а все погибнете, как псы. Будет Россия опять, как Россия, а вы пропадете.

Конвойные молчат, слушают. А батюшка Орнатский успокаивает полковника и говорит — ничего, к Господу идем.

Вот, примите мое пастырское благословение и послушайте святые молитвы.

И стал читать то, что полагается, — отходную над умирающим.

Читает четко, твердым голосом. Читает и благословляет.

Была темная, дождливая ночь... Все арестованные притихли и крестятся. Конвойные отвернулись. Меня жуть берет и хмель выскакивает. Приказано было вывезти за Лигово, на берег залива. Долго мы ехали, а батюшка Орнатский все молитвы читал.

На месте, на самом берегу, выгрузились и поставили всех рядом. Здесь уже ждали чекисты. Подходили с наганами и стреляли в затылок.

Батюшку рукояткой револьвера с ног сбили, а потом пристрелили в голову. Все убитые были брошены в море. Потом передавали, что труп о. Орнатского не утонул, и его тело было выброшено волнами у Ораниенбаума. Там его тайком, говорят, и похоронили жители.

Есть другая версия его кончины.

186

Отца Орнатского расстреливали вместе с его двумя сыновьями. Его спросили: «кого сначала убивать — Вас или сыновей?» Батюшка ответил — «сыновей». Пока расстреливали юношей, отец Орнатский, став на колени, читал «отходную». Для расстрела о. Орнатского построили взвод красноармейцев. Те отказались стрелять. Позвали китайцев. Идолопоклонники уstraшенные чудесной силой и видом молящегося, коленопреклоненного старца также отказались. Тогда к батюшке подошел вплотную молодой комиссар и выстрелил в него из револьвера в упор.

187

Глава 22.

Протоиерей Иоанн И. Восторгов.

Синодальный миссионер проповедник, член Миссионерского и Училищного Советов при Св. Синоде, наблюдатель церковно-приходских школ Зауральских епархий Сибири, отец протоиерей Иоанн Иоаннович Восторгов родился 20 января 1864 г. в семье священника села Кирпильского Ставропольской епархии. Отец его был уроженец г. Крапивны Тульской губ. Сюда переселился он из Тулы.

Своего отца, которого лишился очень рано, о. протоиерей вспоминал с большой любовью. Это был, по его словам, слишком мягкий и добрый человек. Всегда кроткий, молчаливый, он пользовался любовью прихожан, которые не оставили бедствовать семью рано умершего батюшки. Уговорив вдову матушку остаться в приходе просфорней, прихожане помогли ей «поднять на ноги» троих детей. Два мальчика окончили семинарию, а девочка институт.

По окончании Ставропольской (на Кавказе) Духовной Семинарии Иоанн Восторгов рвется к продолжению образования, а жизнь предъявляет свои требования. Старушка мать настаивает принять священство и занять скорей приход, дабы поддержать ее и младших детей!

Но тут произошла заминка: девятнадцатилетнему юноше дать священство владыка опасался и предложил ему должность псаломщика до той поры, пока он придет «в меру возраста мужа совершенна».

Но место псаломщика не устраивало семью Восторговых и Иоанн Иоаннович устроился учителем русского языка младших классов Ставропольской женской гимназии. Сестру удалось определить на казенный счет в институт, а младший брат принял место псаломщика в родном селе и стал жить с матерью. Это дало возможность Иоанну Иоанновичу осуществить свою заветную мечту; он подготовился к экзамену на звание учителя русского языка и получил это звание при учебном округе. Но учительствовать ему не пришлось. Брат его псаломщик, после какого-то не-

188

счастливого случая, вскоре умер, и мать прямо потребовала, чтобы он оставил учительство и принял священство, и по ходатайству прихожан с. Кирпильского занял отцовский приход.

Воля матери была исполнена. Двадцатого июля 1887 г., в день св. пророка Илии, о. Иоанн был рукоположен в сан иерея в родное село.

Но, молодой батюшка не долго оставался в селе, вскоре он был епарх. начальством рекомендован законоучителем Ставропольской женской гимназии, затем переведен в Тифлисскую и назначен епархиальным миссионером Грузинского экзархата.

Не удовлетворяясь своей работой, о. Восторгов изучает язык персидских сиро-халдеев — несториан. Едет в Персию и начинает работу по присоединению сиро-халдеев.

Целый ряд лет ведет упорную борьбу, и результат: три епископа Мар-Илья, Мар-Иоанн и Мар-Мариан изъявляют желание и присоединяются к Церкви. Так было положено начало миссии среди сиро-халдеев.

Экзарх Грузии Владимир, переведенный на кафедру Митрополита Московского пригласил к себе в Москву и о. Иоанна на должность

епархиального миссионера, но Св. Синод вскоре назначил его синодальным миссионером-проповедником, в каковой должности он пробыл до дня своей мученической кончины.

В дореволюционное время протоиерей Восторгов представлял собою тип священника до Петровской эпохи, то есть того времени, когда и епископы и иереи не ограничивались богослужением, но своим благодатным влиянием охватывали и все отрасли семейной, общественной и государственной жизни.

Особенно ярко проявил он себя во время первой смуты. Находя полное одобрение своей деятельности со стороны своего канонического главы, Митрополита Московского Владимира, протоиерей Восторгов принимал самое живое участие в монархических союзах. Поэтому в левых кругах имя его было ненавистно, и против него постоянно выдвигалось излюбленное средство либералов — клевета.

Громадное впечатление оставляют проповеди о. Восторгова, направленные к изобличению сектантов и учения социалистов.

Призывами к учению Христа и к здравому смыслу о. Иоанн приобрел себе без числа врагов во всех сектантах, раздорниках и социалистах всех оттенков и рангов. «Черносотенец», «мракобес» — вот эпитеты, раздававшиеся из этих лагерей по адресу этого выдающегося человека, обладавшего обширнейшим умом, исключительным талантом проповедника и писателя и провидца будущего. Но этим нельзя было победить

такого бесстрашного идейного человека, каким был отец Иоанн. Он неустанно шел по прямому пути. И где только не будило душу, не проясняло патриотическое сознание слово его. В 1911 году на празднике Святой Троицы он говорил в Иркутске, в 1912 г. тот же день в Петропавловске на Камчатке. В июле 1912 г. проповедует в Тобольске по случаю принесения Албазинской чудотворной иконы Богоматери, в 1913 г. в июле в Омске.

Государство поставило пред Церковью трудную задачу духовного обслуживания переселенческого движения в Сибирь и устройства церковной жизни на новых местах. Священников не хватало. В течении года нужно было создать их столько, сколько требовалось. По поручению Синода за это дело взялся протоиерей о. Иоанн Восторгов.

Этот человек незаурядного ума и огромной энергии отлично справился с этой трудной задачей, избирая в священники способных псаломщиков и сельских учителей и подготавливая их на специальных семинарских курсах. Особенно поразительны были результаты обучения проповедничеству. В год по его методу ученики совершенно овладевали церковным ораторским искусством. Коллективно разработанные его учениками проповеди печатались и раздавались после произнесения их по церквам.

Неутомимые разъезды по всем весям и городам обширнейшей России, всюду беседы, проповеди, призывы. Во время его пребывания в Харбине в 1910 г. им было организовано Братство Воскресения Христова при Св.-Николаевском Соборе с возложением на него забот по охране могил павших в Манчжурии русских воинов.

В 1911 г. ему удалось после целого ряда лет стремления Палестинского Общества, осуществить покупку участка земли в г. Бари, где почивают мощи Св. Николая Мирликийского, и основать там подворье для русских богомольцев. Организация в 1913 г. Женского Богословского Института в Москве, — дело его инициативы и настойчивости.

Революция, отречение Государя Императора были страшными ударами для отца Иоанна. Но в уныние, он, конечно, не впал. Состоя в то время настоятелем Покровского Собора, известного более под именем храма Василия Блаженного, он сделал храм этот средоточием здоровых церковно-политических сил. И он достиг этого. Вся Москва знала, что придя в этот храм, наберешься там духовной бодрости, услышав правдивое слово. Ясно, небоязненно, ярко касался он страшных вопросов современности, обличал, но и утешал, призывами к вере и испове-

190

данию, научая как надо жить в такие годы. И чувствовалось, покидая храм, воистину «о имени Господни», как обновлялась, укреплялась душа и как подготовлен теперь к дальнейшей брани с надвинувшимся на царство русское злом.

Летом 1917 г. о. Иоанну удалось даже выпускать еженедельную газету.

Захват власти большевиками не ослабил его противореволюционной деятельности. Он всегда за службами говорил обличительные проповеди,

отлично зная, что в переполненном храме находятся и чекисты. По воскресеньям в 4 часа он служил молебен на Красной площади, опять громил большевиков, что всегда слышали ходящие на Кремлевской стене чекисты. Он прекрасно сознавал, что его ждет мученическая смерть.

Летом 1918 г. протоиерей Восторгов был арестован. Большевики в тот момент боялись такого, влиявшего на народ человека, убить за одни проповеди и искали других контрреволюционных действий. Советскому провокатору удалось получить согласие отца Иоанна на продажу Московского епархиального дома, который уже являлся социализированным. Горячо любящие его прихожане напрасно собрали двадцать тысяч рублей на наем адвоката, а о. Иоанн также напрасно дал из тюрьмы в письменных показаниях исчерпывающие доказательства полицейской провокации.

Сначала он сидел на Лубянке, а потом был перевезен в Таганскую тюрьму. Прихожане все время снабжали его съестными продуктами, хотя сами в то время очень нуждались. Ему разрешено было служить в тюремной церкви, и многие ходили туда помолиться.

Перед самым расстрелом его снова перевезли на Лубянку, в главное здание чека. Он ясно сознавал что надвигается смерть. Исповедовал находившихся с ним и их же напутствовал на месте расстрела.

Смерть есть экзамен нашей веры, и смерть о. И. Восторгова свидетельствует о его мужественном исповедании веры и твердости того упования, которому он служил всю свою жизнь. Умер он доблестной смертью христианского мученика.

Вот рассказ о расстреле русских министров, с которыми был расстрелян и о. Восторгов.

«...С полгода тому назад привелось мне встретиться с одним лицом, просидевшим весь 1918 г. в Московской Бутырской тюрьме. Одной из самых тяжелых обязанностей заключенных было закапывание расстрелянных и выкапывание глубоких канав для погребения жертв следующего расстрела.

Работа

эта производилась изо дня в день. Заключенных вывозили на грузовике под надзором вооруженной стражи к Ходынскому полю, иногда на Ваганьковское кладбище, надзиратель отмерял широкую в рост человека

канаву, длина которой определяла число намеченных жертв. Выкапывали могилы на 20-30 человек, готовили канавы и на много десятков больше. Подневольным работникам не приходилось видеть расстрелянных, ибо таковые бывали ко времени их прибытия уже «заприсыпаны землею» руками палачей. Арестантам оставалось только заполнять рвы землей и делать насыпь вдоль рва, поглотившего очередные жертвы ЧЕКА.

Мой собеседник отбывал эту кладбищенскую страду в течение нескольких месяцев. Со своей стражей заключенные успели сжиться настолько, что она делилась с ними своими впечатлениями о производившихся операциях. Однажды, по окончании копания очередной сплошной могилы-канавы, конвойцы объявили, что на завтрашнее утро (23-го августа 1918 г.) предстоит «важный расстрел» попов и министров. На следующий день дело объяснилось. Расстрелянными оказались: епископ Ефрем, протоиерей Восторгов, ксендз Лютостанский с братом, быв. министр Внутренних Дел Н. А. Маклаков, председатель Государственного Совета И. Г. Щегловитов, быв. Министр Внутренних Дел А. Н. Хвостов и Сенатор С. П. Белецкий. Прибывших разместили вдоль могилы и лицом к ней... По просьбе о. Иоанна Восторгова палачи разрешили всем осужденным помолиться и попрощаться друг с другом. Все встали на колени и полилась горячая молитва несчастных «смертников», после чего все подходили под благословение Преосвященного Ефрема и о. Иоанна, а затем все простились друг с другом. Первым бодро подошел к могиле о. Протоиерей Восторгов, сказавший перед тем несколько слов остальным, приглашая всех с верою в милосердие Божие и скорое возрождение Родины, принести последнюю искупительную жертву. «Я готов», заключил он, обращаясь к конвою. Все стали на указанные им места. Палач подошел к нему со спины вплотную, взял его левую руку, вывернул за поясицу и, приставив к затылку револьвер, выстрелил, одновременно толкнув о. Иоанна в могилу. Другие палачи приступили к остальным своим жертвам. Белецкий рванулся и быстро отбежал в сторону кустов, шагов 20-30, но, настигнутый двумя пулями, упал и «его приволокли» к могиле, пристрелили и сбросили.

Из слов конвоя, переданных нам рассказчиком, выяснилось, что палачи, перекидываясь замечаниями, пока они «присы-

пали» землею несчастные жертвы, высказывали глубокое удивление о. Иоанну Восторгову и Николаю Алексеевичу Маклакову, видимо поразивших их своим хладнокровием пред страшною, ожидавшею их

участью. Иван Григорьевич Щеголевитов, по словам рассказчика, с трудом передвигался, но ни в чем не проявил никакого страха»...

Так смертью своей о. Иоанн доказал верность заветам, которым служил в своей жизни.

«Не отыдет память его, и имя его поживет в род и род, премудрость его повествуют языцы и хвалу его исповесть Церковь».

Он принял мученическую смерть, уйдя в горный мир к горячо им любимому, тоже мученику Митрополиту Владимиру.

На место его убиения — недалеко от Братского кладбища — пришли потом пасомые отца Иоанна. Канава была полна кровью жертв. Положили сироты цветы и со слезами вспоминали этого воистину пастыря доброго.

Глава 23.

Кунцевич, Лев Захарович, Воронежский епархиальный миссионер.

Окончивший два высших учебных заведения, Университет и Духовную Академию, он в светском звании проходил служение Церкви в качестве противосектантского миссионера последовательно в двух-трех епархиях и известен был своею огненной ревностью в изобличении еретических заблуждений врагов святого Православия. Он выпускал свои печатные издания.

Об его мученической кончине рассказывает один свидетель, его союзник, следующее.

Вся трагедия произошла в гор. Черный-Яр, на Волге, куда он пробрался с своей женой, в надежде на то, что близость белых (ибо фронт тогда проходил сравнительно недалеко от Черного Яра, где оперировал отряд Корвин-Круковского) даст ему возможность перейти на их сторону и таким образом избежать всех большевицких ужасов. Но Господь ему судил совсем другое.

От церковных властей он имел распоряжение, в одно из воскресений, прочитать послание Святейшего Патриарха Тихона, в котором последний анафематствовал большевиков. Об этом было широко оповещено среди населения и в день, когда он читал послание, народа собралось такая масса,

что ему пришлось читать не в церкви, а на паперти перед всем народом. Среди собравшихся было, конечно, много большевиков, которые донесли об этом в центр.

Фронт перебросился под Царицын. Большевики бушевали, свирепствовали повсюду. Приехала Чека и в Черный Яр. Населению было запрещено выезжать куда бы то ни было без особого разрешения последней. Но некоторым удавалось, после тщательной проверки со стороны большевиков, выезжать из города. Об этом узнала жена Кунцевича и, желая помочь своему мужу выбраться из Черного Яра, тоже пошла в Чека за получением пропуска.

194

Надо сказать, что его жена была просто святая женщина; в полном смысле этого слова, — «не от мира сего». При своей святой простоте она не могла себе представить, что такое большевики. Она всем и всему верила, как может только верить самый чистый ребенок. Попад же в руки искусных мастеров сатанинского дела, она, бедняжка, и не представляла себе, что ожидает впереди ее мужа. Большевики, выслушав от нее просьбу и узнав от нее, кто ее муж, обрадовались такой находке. Они сказали ей, чтобы он сейчас же пришел и они сразу ему дадут пропуск. На самом же деле большевики имели из центра специальное распоряжение об его розыске и аресте.

Ввиду того, что супруги жили скромно и уединенно, редко показываясь на улицу, большевики не могли их обнаружить.

Жена, обрадованная таким заявлением большевиков, прибежала к мужу сообщить об этой новости. После небольших колебаний они вдвоем отправились в Чека, откуда Лев Захарович больше уже не вернулся. Это было приблизительно в 20-х числах июля 1918 г. В тюрьме он просидел около двух месяцев. Говорить о тех издевательствах и глумлениях, которым он подвергался во время своего пребывания в тюрьме, не приходится, — это и так понятно, самая же большая подлость и изуверство были в том, что за час до его расстрела чекисты дали его жене свидание с ним, обнадеживая ее в благополучном исходе его сидения в тюрьме. Она плакала от радости, веря в возможность его скорого освобождения, а через час после этого свидания, проходя по площади, увидела своего мужа, привязанного к столбу и расстреливаемого красногвардейцами. Видя эту ужасающую картину, она сошла с ума. Крестьяне села Старицкого взяли ее к себе и кормили все по очереди.

Последние дни своего сидения в тюрьме Лев Захарович чувствовал уже, что судьба его решена и горько плакал, думая все о судьбе своей беззащитной и несчастной жены. Он очень просил всех, если кто спасется, не оставить его жену.

195

Глава 24.

Процесс московских священников.

10 мая 1922 года в московских газетах был опубликован приговор суда по делу о лицах, обвинявшийся в агитации против конфискации ценного церковного имущества. Священники и благочинные города Москвы Заозерский, Добролюбов, Надеждин Христофор, Вишняков, Орлов, Фрязинов, Соколов, Телегин, а также гражд. Брусилов, Тихомиров и Рахманов были приговорены к смертной казни, другие лица на разные сроки заключения.

Кто в церковной Москве не пережил остро этого процесса? Сколько народа знали этих священников и с каким трепетом следили за их поведением на суде? Какое мужество проявили подсудимые и сколько правды сказали?

Кто бывал в приемной Патриарха Тихона, в Троицком подворье на Самотеке, отлично помнят огромного, тучного, размашистого и быстрого в походке патриаршего эконома отца архимандрита Анемподиста Телегина, который при изъятии ценностей церкви этого подворья, облачившись заявил свой протест комиссии, а потом разоблачился и вышел из храма. Такой земной и плотяный по виду монах совсем не казался героем духа и нравственной силы. Однако Патриарх знал своего эконома, этого простого, малообразованного человека. Когда из суда приходили и сообщили о его поведении, Патриарх с улыбкой говорил: «ну, мой Анемподист не сдастся, на него я надеюсь».

Газета «Правда» (№№ 85, 95. 30 апр. 1922) дала описание его допроса, далеко не полное, опустив многое неприятное для советской власти, о чем рассказывали слушавшие процесс.

— Я по убеждению монархист, — заявляет иеромонах Чудова монастыря Телегин.

— К партии принадлежите?

— Нет, я беспартийный... служитель престола.

Трибунал заинтересовался столь неожиданно вынырнувшим монархистом.

196

— Как же вы монархист, когда монарха нет? Ведь апостол Павел говорит: повинуйтесь существующей власти.

— Я и повинуюсь: живу тихо, смирно, как все смертные, власти не касаюсь.

— Где же вы служите?

— Был штатным священником первой Донской казачьей бригады. Теперь служу в домовой церкви патриаршего подворья.

— Это вы там оскорбили комиссию?

— Да я назвал членов ее грабителями и насильниками. Я служитель престола и мне очень тяжело, когда отбирают священные предметы».

Мужественно держал себя о. Анемподист до последней минуты своей жизни.

Священник сидевший с ним в одной камере, рассказывал, как он нетерпеливо ждал казни. «Жду не дождусь, — говорил он, встречи с Господом моим Христом». Веселый он, принял в свои руки приговор над собой. «Наконец-то вы пришли за мной» — сказал он. «Распишитесь»... «С удовольствием» — ответил он и особенным росчерком украсил свою подпись на бумаге.

Другой священник отец Заозерский, тоже осужденный за противодействие ограблению храмов, когда его вывели после суда на Лубянскую площадь в Москве, широким крестом крестил приветствовавшую его толпу. Обритого и остриженного, его вместе с о. Анемподистом Телегиным и другими лицами из белого духовенства застрелили в роковом «корабле» Черезвычайки. Так называлось помещение архива бывшего страхового общества, которое занимает на Лубянке Чека, а потом ГПУ и НКВД. Внутри этого здания имеется темный полуподвальный, не большой, но высокий в два этажа зал, напоминающий собой трюм корабля. Кроме нар

для заключенных, посреди этого зала имеется несколько маленьких глухих комнат для прежних сейфов, где и расстреливали осужденных.

Удивительно было поведение вдов убитых из белого духовенства. Одна из них, из под черного головного платочка сияя глазами, говорила другой: «как мы счастливы с вами, матушка, как мы счастливы. Какой смерти сподобились мужья наши. За веру венец мученический прияли. Теперь надо только молиться за них. Нет, и молиться не надо: это они за нас пред Господом молятся».

197

Глава 25.

Дело священника Коллерова в Кимрах.

Это дело характерно во многих отношениях и исторически ценно. Описание его взято целиком из советских же газет.

В Кимрах Тверской губ. с незапамятных времен стояла недостроенная церковь Преображения. Когда в 1927 году стал вопрос о постройке родильного отделения больницы, а строительного материала не было, то общее собрание рабочих посадочных мастерских и служащих больницы постановили ходатайствовать о разборке церкви Преображения на материал для родильного отделения. Горсовет возбудил соответствующее ходатайство перед губисполкомом. Около года этот вопрос оставался открытым. Только в июле 1928 г. было получено извещение, что согласие ВЦИК на разборку церкви и передачу ее в ведение горсовета получено. Тогда церковники создали свой совет и постановили: церковь всемерно отстаивать, для чего послать специальную делегацию во ВЦИК.

Началась посылка одной делегации за другой. И снова вопрос о передаче церкви и разборке ее для здания родильного отделения застопорился. Наконец в мае 1929 г. он был окончательно разрешен и горсовет избрал комиссию для переписки церковного инвентаря. Священник Коллеров объявил последнюю службу в церкви 19 мая, а председатель церковного совета Дмитриев разослал гонцов по окрестным деревням для призыва в последний раз помолиться. 19 мая в церкви негде было яблоку упасть. Усиленно крестили младенцев, служили молебны, панихиды. По окончании литургии священник Коллеров обратился к молящимся с речью. Он призывал верующих «подчиниться» распоряжению власти и передать церковь без ропота. Когда на следующий день комиссия пришла к церкви, чтобы приступить к переписи инвентаря, она встретила сопротивление: толпа

человек в 60 кольцом окружила паперть и не подпускала комиссию к дверям церкви, на которой висел большой замок. Карнаухова, повиснув на замке, причитала: «на замке вишу, на

замке и умру» — В толпе шнырял какой-то молодой человек, подогревая ее выкриками против советской власти. Одна женщина стояла у дверей церкви с вилами.

Первой жертвой разоренной толпы стал рабочий Кожевников. Он шел мимо церкви и сказал: «Если вы настоящие верующие, то могли бы молиться дома». За это он получил удар кулаком в лицо. А когда он упал, началось зверское избиение. Били кольями, топтали ногами. Кожевников в течение месяца был болен. Ему проломили голову, расшибли руку, сорвали ноготь с пальца и теперь на выполнявшую им раньше работу он уже не годен, повреждена левая рука. Затем толпа избила комсомольца. Напала на работницу фабрики «Красная Заря» Козыреву, на комсомолку Карпову. Жена члена партии Хрусталева спаслась только тем, что кто-то увидел на ее шее цепочку. — «Бей ее, она не нашей партии», — орали одни. — «Нельзя ее бить, у нее на шее крест» — кричали другие.

Священник Коллеров не был в буйствующей толпе и не принимал участия в избиениях. Он только говорил перед толпой речи. Просил толпу «отдавать церковь, иначе пострадают 18 семейств, в том числе дьякон и я». А после его речи толпа продолжала нападать на проходящих. Через три дня люди начали расходиться по домам. Руководители и организаторы контрреволюционного выступления были арестованы. К ответственности по этому делу привлечено 20 человек во главе со священником Коллеровым, председателем церковного совета Дмитриевым и церковным старостой Байковым. Следствие по этому делу старшим следователем Червоным закончено и областной прокуратурой утверждено. Дело передается в Кимрский окружной суд.

Процесс закончился осуждением священника Коллерова, Анания Байкова и нескольких других подсудимых к расстрелу. Кроме того, во время процесса, по распоряжению ГПУ были арестованы некоторые свидетели и свидетельницы, привлеченные к ответственности по обвинению в принадлежности к числу защитников храма.

Глава 26.

О. игумен Антонин.

Он из Московского Симонова монастыря. О нем бывший соловецкий заключенный рассказывает следующее:

«В бытность мою в Соловецком лагере, один заключенный, несший свой труд на рыболовной тоне, очень страдал от экземы на ноге. Он горько и давно об этом скорбел, наконец, как-то зайдя в храм преп. Онуфрия, оставленный на кладбище вольнонаемным монахам для богослужения, он увидел в нем гроб с почившим монахом и сказал со слезами: «Господи, если ныне почивший этот монах Тебе угодил, то приими хотя его молитвы за меня грешного и исцели меня от моей болезни». Придя в свое помещение рыбацкого общежития и желая переменить повязку на ноге, он открыл, вдруг, что никакой экземы у него нет. В величайшем восторге он сказал об этом своему соседу и товарищу по работе, епископу Селенгинскому Софронию (ныне почившему), а тот немедленно сообщил нам, всем духовным, бывшим по близости. Хоронили в тот день нашего собрата по заключению, отца игумена Антонина из Московского Симонова монастыря. Он только что начинал в 1925 г. свое заключение и не мог его вынести. По слабости его сил удалось ему устроить легкую работу подметальщика соловецкого двора. Мне Бог давал радость часто встречаться с ним во дворе, сидеть с ним и беседовать, и наблюдать, как он таял от своих недугов. Несчастный старец стеснял своих соседей по камере своими недугами и обилием вшей и все облегченно вздохнули, когда он ушел в

Глава 27.

Проф. Попов, Иван Васильевич.

Составитель «Памятной записки» соловецких епископов ранее помогал Святейшему Патриарху Тихону. Так, по поручению последнего им составлен ответ Константинопольскому Патриарху Григорию VII, признавшему обновленцев и предложившему Патриарху Тихону удалиться от дел управления Церковью (1924 г.)¹). В связи с этой помощью Патриарху и произошел арест профессора и заключение в Соловки, где он пробыл с 1925 г. по 1927 г. В ноябре 1927 г. Ив. В. был переведен с острова на

материк, в Кемский лагерь, но освобождения не получил и в апреле 1928 г. был отправлен в ссылку на р. Обь. Там он жил между Березовым и Обдорском.

Первое время квартирные условия были плохие и он не имел возможности заниматься своими учеными трудами, а собирал и сушил грибы, которые посылал своим друзьям в центр России, откуда получал посылки. Через несколько месяцев он был переведен в другое место и там ему было лучше жить. С ним жил ссыльный епископ Онуфрий, относившийся к нему с особенной любовью. Здесь Ив. Вас. трудился над сочинением о св. Григории Нисском. Это обстоятельство, что Ив. Вас. находился так далеко на север по Оби, имело ту полезную сторону, что через него из центра России посылались теперь деньги и продукты Местоблюстителю Патриаршего престола Митрополиту Петру Крутицкому, находившемуся еще севернее.

В 1931 г. Ив. Вас. перевели в очень пустынную местность на север от Тобольска, а в 1932 г. — вдруг неожиданно в Москву и на свободу, так как не нашлось ни одного профессора для перевода с латыни какого-то сочинения. А книга готовилась для академического издания. Необходимо кстати отметить, что по закрытии Московской Духовной Академии Ив. Вас. был одно время профессором Московского Университета и читал психологию, так как с этого предмета он начинал свою про-

¹⁾ См. Прот. М. Польский. «Канонич. Пол. высш. ц. власти». 1948. стр. 13.

фессорскую службу в Академии и потом уже перешел на кафедру святоотеческой литературы (патрологии).

Ив. Вас. жил под Москвой. В 1936 г. был арестован епископ Варфоломей (Ремов) и через два дня после этого Ив. Вас. В июне 1936 г. еп. Варфоломей был расстрелян, а об Иване Васильевиче никто не мог или не имел возможности что-либо узнать. Известно только, что Ив. Вас. помогал еп. Варфоломею в ведении занятий Духовной Академии, которая существовала в Москве без разрешения властей, но не без их ведома. С этого времени Ив. Вас. пропал без вести.

Говоря об Ив. Вас. нельзя не вспомнить его «душеприказчика», прекрасного юношу Антония Тьева, с которым они вместе прибыли на Соловки. Так иногда в шуточной форме назывались молодые кандидаты на

профессорскую должность, которых старики профессора готовили на свои кафедры, передавая им по возможности все свое ученое достояние, свои познания. А. Тьевар (предки его — французы) был учеником и другом профессора. Вместе они жили, занимали кровати рядом, вместе кушали, гуляли. Ученик работал над учением о Христе (христологией) св. Афанасия Великого и писал и читал в свободные от работы минуты. Ив. Вас. был учителем школы грамотности при Соловецком лагере и объяснял азбуку уголовникам. Тьевар работал в какой-то соловецкой канцелярии. Вместе они были только до января 1928 г., когда юноша Антоний получил освобождение и уехал домой. На страстной неделе в 1928 г. Антоний был пострижен архиеп. Арсением Серпуховским (в Арзамасе) с именем Серафима. Потом был возведен в сан иеродиакона и иеромонаха. Жил он в Москве и совершал литургию келейно. Прислуживала ему его мать, в тайном постриге м. Пантелеймона. В 1930 г. о. Серафим был арестован и сослан в Вишерский лагерь, где и скончался 23 ноября 1931 г., отойдя ко Господу за несколько лет раньше своего учителя.

Говорить об учено-богословской работе Ив. Вас. Попова — особая отдельная задача. Во всяком случае, в России, патрология, как наука, впервые создана им. Последний его труд (I-й т. в 900 ст. напечатан перед революцией, II-й, в рукописи, остался в сейфе советского банка) о блаж. Августине исчерпывает всю мировую литературу о последнем и разрешает самые трудные вопросы его понимания, потому что Ив. Вас., полностью владел образованностью всего древнего до-августиновского времени. Характеризуя его ученость, архиеп. Иларион говорил: «если бы, отцы и братия, все наши с вами знания сложить вместе, то это будет ничто пред знаниями Ивана Васильевича». Владыка Иларион

окидывал взглядом всех собравшихся соловецких заключенных, как епископов, так и духовенство, среди которых было не мало и весьма ученых людей.

В светском звании Ив. Вас. был истинным монахом, безбрачным и девственником, смиренным тружеником, воздержником в пищи и питии, благоговейным молитвенником к Богу. Сему все знавшие его — свидетели. Имея дар благодати Божией — «слово знания» (1 Кор. XII, 8), он трудами удесятирил талант, послужил им Церкви с великой пользой и прославил ее своей мученической кончиной.

Глава 28.

Общий список некоторой части российского духовенства и мирян, претерпевших мученическую кончину во время гонения на Церковь от безбожников-большевиков.

(В свое время каждый город и каждая область должны дать подробные списки своих мучеников).

Протоиерей Иоанн А. Кочуров, убитый в Царском Селе в ноябре 1917 г., первая жертва духовенства.

Прот. А. Скипетров, церкви св. Бориса и Глеба, уб. в Петрограде.

Прот. Ф. Орнатский, настоятель Казанск. Собора, уб. в Петрограде.

Прот. Алексей Ставровский, настоятель Адмир. Соб. в Петрограде, убит 15 авг. 1918 г. в г. Кронштадте.

Прот. Иоанн Восторгов, наст. хр. Василия Блаж. в Москве, уб. 23 авг. 1918 г.

Прот. Петр Довганев, брат еп. Гермогена, Священ. М. Макаров и член Москов. Соб., присяж. пов. Минятов убиты вместе с еп. Гермогеном в 1918 г.

Лев Захарович Кунцевич, Воронежский епархиальный миссионер, расстр. в июле 1918 г.

Прот. Григорий Поспелов г. Кронштадта за отпевание восставших матросов расстрелян в 1918 г. с крестом в руках, которого не могли у него отнять.

Прот. Александр Вераксин, чл. Гос. Думы от Виленск. губ., повешен на воротах своего дома в г. Черкассах в 1918 г.

Леонид Ница, член Московского Собора. уб. в Уфе в 1918 г.

В Святогорском монастыре, Изюмского уезда Харьковской губ., уже с января 1918 г. начались конфискации имущества, отбирание земли, принудительное выселение большинства монастырской братии, обыски и грабежи. Большевики, появляясь в монастыре, врываются в храмы в шапках, с папиросами в зубах, сквернословили, переворачивали престолы, распивали церковное вино и увозили с собою церковную утварь. Когда в одно из таких посещений эконо́м скита при деревне Гороховке отказался от

выдачи денег, его вывели за ограду и тут же у ворот расстреляли. Тогда же был убит при попытке бежать монах Израиль. А когда в октябре того же года переносили из села в село особо чтимую икону Святогорской Божией Матери и крестный ход расположился на ночлег в селе Байрачах, то большевики напали на помещение, занимаемое духовенством и убили иеромонахов Модеста и Иринарха, иеродиакона Феодота и приютивших их хозяина дома с дочерью. Пять трупов легли у подножия иконы, стоявшей в луже крови.

В Харькове 80-ти летнего иеромонаха Амвросия перед казнью в несколько приемов избивали прикладами.

Священника о. Димитрия вывели на кладбище, раздели до нага; когда же он стал себя осенять крестным знамением, то палач отрубил ему правую руку. Тело его не позволили хоронить и дали на съедение собакам.

Священника Гавриила Моковского изрубили за то, что он порицал большевицкие злодеяния, а когда его жена обратилась с просьбой о разрешении похоронить тело казненного мужа, то большевики перерубили ей сначала руки и ноги, изранили грудь, а затем уже зарубили до смерти.

Старика священника, заступившегося за приговоренного к казни крестьянина, засекли до смерти шомполами и изрубили шашками, а потом красногвардейцы-палачи с циничным наслаждением рассказывали, как они били шомполами голого старика «по брюху» и «по спине» и как тот «крючился» от боли.

В монастыре Спасовском матрос Дыбенко арестовал настоятеля 75-летнего архимандрита Родиона, который в первую же ночь был выведен в поле и там убит. Один из красногвардейцев хвалился тем, что убил настоятеля он: сперва срезал с его головы кожу с волосами, а потом нагнул голову и стал рубить шею. Осмотр трупа подтвердил признание красногвардейца.

В Изюмском уезде сельского священника Лонгина арестовали и повезли в город. Дорогой ему отрезали нос и, убивши, бросили в реку.

В Херсонской губ. одного священника распяли на кресте.

В Терской области зарублен шашками вместе с несколькими десятками заложников Ессентукский священник отец Иоанн Рябухин. Вся эта

казнь представляла из себя ужасную кровавую бойню, во время которой престарелых и больных заложников рубили в ночной темноте пашками на краю ямы, в которую падали убитые, а иногда еще и живые. Священник Рябухин упал в яму еще живым и в течение ночи ему удалось несколько вы-

205

свободиться из-под груды навалившихся на него тел и тонкого слоя земли. На его стон явился кладбищенский сторож, который застал отца Рябухина выглядывавшим из ямы и умолявшим вытащить его и дать ему воды. Но страх сторожа перед большевиками был настолько велик, что в душе его не оставалось более места для других чувств, и он забросал живого священника более толстым слоем земли. Стоны стихли. А когда через несколько месяцев яма эта была раскопана, то труп священника был обнаружен с поднятыми руками, что свидетельствовало о его усилиях выбраться из могилы.

На станции Чаплино в пределах Екатеринославской губ. был казнен архимандрит Вениамин из Москвы. Казнен он был за то, что заступился за приговоренного к смерти на той же станции бывшего Земского Начальника. Слабого старика, едва передвигавшего ноги, тащили на казнь по вокзальному перрону. На месте казни его раздели и платье его палачи разделили между собой. Затем жертву стали нещадно бить шомполами. Сила ударов была столь велика, что одним из ударов была отбита коса. Архимандрит весь окровавленный молчал и только молился, но ударами по рукам ему умышленно мешали креститься. Мучение продолжалось бесконечно долго, пока, наконец, несчастному не отрубили голову.

В Бахмутском уезде той же губернии сельскому священнику Попову предложили отслужить панихиду по самому себе, а когда он отказался выполнить, его тут же расстреляли. Другому сельскому священнику в том же уезде большевики перед смертью выкололи глаза и вырвали бороду.

В селе Рождественском, Александровского уезда, красногвардейцы отрубили местному священнику руки и ноги по туловище и в таком виде повесили за волосы на акацию, а затем расстреляли и три дня не позволяли снимать тело с дерева.

В Полтавской губ. красногвардейцы заняли Любянский Спасо-Преображенский монастырь, поселились в нем и принялись грабить и кошунствовать. Затем, через некоторое время их командир приказал настоятелю священно-игумену Амвросию собрать всю братию. Часть монахов была в отсутствии и всего собралось 25 человек. Их объявили

арестованными, потребовали выдачи ключей от келлий и всех других монастырских помещений. Затем монахам было приказано принести дрова и при этом объяснили, что все они будут сожжены. Но приближение Добровольческой Армии расстроило их планы, нельзя было медлить и спешно погнали всех арестованных монахов в город, а оттуда повели на вокзал. Затем среди ночного мрака их стали расстре-

206

ливать партиями. Расстрел начался с настоятеля Амвросия, которого убил выстрелом из револьвера комиссар Бакай, стоявший во главе стражи. А затем красногвардейцы стали расстреливать остальных. Семнадцать монахов было убито, а остальные были только ранены и притворились убитыми.

В самой Полтаве в конце июня 1918 г. был арестован большевиками иеромонах Крестовоздвиженского Полтавского монастыря Нил. Несколько раз его водили на допрос. С последнего допроса он вернулся сильно избитым. Сопровождавший его красногвардеец заявил, что арестованный монах так упорен, что ничего не хочет говорить и что на него придется истратить 37 рублей, т. е. стоимость пули. Действительно, 4 июля он вместе с двумя неизвестными был выведен в лес и там все трое были расстреляны. Осмотр трупа иеромонаха Нила установил, что убийство его сопровождалось мучительными истязаниями.

Иеромонах монастыря Спасов Скит Афанасий, выведенный на казнь, стал на колени, помолился, перекрестился и затем, поднявшись с колен, благословил стоявшего против него с ружьем в руках большевика и поднял руки вверх. Двумя выстрелами красный палач убил только что благословившего его пастыря.

Из числа расстрелов по своей жестокости выделяется убийство священника деревни Ново-Никольской, отца Николая Милюткина. К нему было предъявлено вымышленное обвинение в том, что, узнав о следовании через село партии пленных красногвардейцев, он прервал Богослужение, взял в руки св. чашу с Дарами, вышел на паперть церкви и выражал свою радость пением «Христос Воскресе». Представ перед местной «чрезвычайкой», отец Милюткин во время допроса был подвергнут избиению шомполами и кроме того двумя шашечными ударами ему были нанесены раны на ногу и снято пол скальпа. После этого он, по просьбе местных крестьян, был выдан им на поруки, но через два часа его вновь привели в чрезвычайку, где председатель ее произвел в него в упор выстрел из револьвера, а другие красногвардейцы нанесли шашками многочисленные

ранения. Так как пол залит был кровью, то большевики привели собак, чтобы они и вылизывали ее, и когда те противились, то их пороли нагайками. Затем, раздев труп, стащили его в реку Дон, приговаривая: «плыви в Новочеркасск, скажи, чтобы через неделю ждали нас».

Расстреляны были следующие священнослужители, которым были предъявлены обвинения в том, что они плохо отзывались

207

о большевиках и не могли удовлетворить требования о выдаче денег:

Архимандрит Геннадий, на Левенговских заводах.

Священник Тимофей Стадник, с. Ново-Бахмутовки.

Священник Константин Щеголев, с. Андреевки, Бахмут. уезда.

Священник Феодор Базилевский, с. Григорьевки.

Священник, с. Давидовки.

В поселке Попасная священник Драгожинский был приговорен к смерти за проповедь, в которой указал, что Юлиан Отступник перед смертью сказал: «Ты победил, Галилеянин». В этом большевики усмотрели намек на себя.

Жестоким истязаниям в Попасной подвергся Красовский, в Переездной — священник Булахов, в Лисичанске — Шепелев.

В одно короткое время в Кубанской области было убито 43 священника и в пределах небольшой части Ставропольской епархии убито 52 священника, 4 диакона, 3 псаломщика и 1 ктитор.

В селе Сергиевском Ставропольской губ. в июне 1918 г. военным комиссаром села убит священник Патрыкин за то, что будто бы он уговаривал жителей не платить красногвардейцам 90 тысяч рублей контрибуции.

Священник Александр Подольский был убит за то, что служил молебен казакам перед выступлением против большевиков (ст. Владимировская Куб. обл.). Но, прежде чем его убить, его долго водили по станице, глумились и били, а потом зарубили за селом на свалочном

месте. Один из прихожан, пришедший его похоронить, был тут же убит пьяными красногвардейцами.

Священник села Соломенского Ставропольской губ. Григорий Дмитриевский, выведенный большевиками за село на казнь, просил дать ему помолиться перед смертью. Он опустился на колени и молился вслух, осыпаясь насмешками и требованиями скорее кончать молитву. Не дождавшись конца молитвы, большевики бросились на него, коленопреклоненного, с шашками, и отрубили ему сначала нос и уши, а потом голову.

Священник Марие-Магдалинского монастыря Кубан. обл. Григорий Никольский 27 июня 1918 года после литургии, за которой он приобщал молящихся, был взят красногвардейцами, выведен за ограду монастыря и там убит выстрелом из револьвера в рот, который его заставляли открыть при криках: «и мы тебя приобщим».

В станице Барсуковой, весной 1918 г. священник Григорий Златоусский был убит красногвардейцами за то, что служил молебен по просьбе казаков об избавлении от большевиков.

208

В станице Попутной протоиерей Иванов, 30 лет прослуживший в этой станице, был заколот красногвардейцами за то, что он в проповедях указывал, что большевики ведут Россию к гибели.

В станице Вознесенской Троицкой церкви, священник Алексей Павлов, 60 слишком лет, был убит на площади за то, что происходил из казаков и когда-то служил в гвардии.

В станице Удобной священник Феодор Березовский старше 50 лет, убит красногвардейцами с запрещением хоронить его тело за то, что высказывался неодобрительно о большевиках.

В станице Усть-Лабинской священник о. Михаил Лисицын был мучим в течении трех дней; с пятницы до воскресения. Накинув на его шею петлю, его водили по станице, глумились и били его так, что он, падая на колени, молил поскорее с ним покончить. Убили его 22 февраля 1918 г. Жене его пришлось заплатить 610 рублей, чтобы разрешили его похоронить. На теле его оказалось более десяти ран и голова была изрублена в куски.

Священник станицы Данкайской, Иоанн Краснов, 49 лет, убит за служение молебна перед выступлением прихожан против большевиков.

Священник станицы Ново-Щербинской, Алексей Милютинский, 59 лет, убит за порицание большевиков, и за то, что отслужил молебен перед выступлением казаков-прихожан.

Священник станицы Георгие-Афипской, Александр Флегниский, 56 лет, после того как был избит с различными глумлениями, был выведен за станицу и убит; тело его было найдено много времени спустя.

Священник станицы Незамаевской, Иван Пригорский, 49 лет, человек направления крайне левого, в великую субботу был выведен из храма на церковную площадь, где с руганью набросились на него, избили его, изуродовали лицо, отрезав уши и нос. Окровавленного и полуживого вытащили за станицу, и там убили размозжив голову.

Заштатный священник Золотовский, старец за 80 лет, проживавший в селении Надежда, был захвачен красногвардейцами, во время сна после обеда, был выведен ими на площадь, наряжен в женское платье, после чего они требовали, чтобы он танцевал перед народом, а когда старик отказался, они его тут-же повесили.

Заштатный священник Павел Калиновский, 72 лет, проживавший в городе Ставрополе, во время захвата этого города в октябре 1918 г. большевиками, за то, что имел внуков офице-

ров, был арестован и приговорен к наказанию плетями; он умер под ударами.

Игумен Евгений, настоятель Александро-Свирского монастыря, Олонецкой губ., Лодейнопольского уезда, и с ним 5 человек братии. В разгаре революции первых ее дней, банда грабителей-безбожников, с руганью и богохульством на святом месте, потребовала от о. игумена, казначея и эконома ключи от кладовых монастыря. Начальники обители, как могли возражали и отстаивали монастырское достояние от грабителей. Банде это не понравилось и она присудила иноков к расстрелу. Они заставили шесть человек отцов начальников и старших рыть во дворе монастыря себе могилу-яму. Когда яма была вырыта, их поставили на край ее и стали целиться в них из ружей. Был третий день Святой Пасхи. Мученики попросили палачей позволить им спеть «Христос воскрес». Палачи не

позволили, но они запели и в это время раздался залп. Иноки попадали в яму. У о. эконома была большая черная борода и она сразу побелела, когда он стоял перед ямой. Так рассказывал об этом свидетель, послушник (корел) Иван, который все это наблюдал с чердака, на котором спрятался.

В селе Баингар большевики явились в дом священника Димитрия Семенова, потребовали еды и после угощения обещали, что священник будет цел, и ушли. Но затем прислали за ним. На утро его труп был найден за селом.

В селе Безопасном убиты священник Серафимовской церкви Леонид Соловьев 27 лет, диакон Дмитриевской церкви, Владимир Остриков, 45 лет, и псаломщик Александр Флегинский, 51 года. Убили их местные большевики, уведя их на место, где раньше закапывали чумный скот. Велели им самим рыть могилу, а затем зарубили их шашками и недорубленных, полуживых, закопали в неглубокие могилы. Никаких обвинений им не было предъявлено, а просто признали нужным известить священников.

Псаломщик Свято-Троицкой церкви станицы Восточной, Александр Донецкий, был присужден за «принадлежность к кадетской партии» к заключению в тюрьму, но по дороге сопровождавшим его отрядом убит.

Священник хутора Танайки Черноморской губ., о. Иоанн Малахов, вместе с женой своей были арестованы красногвардейцами, приведены ими в станицу Мингрельскую и там расстреляны после издевательств, «в особенности над матушкой», как доносил местный священник.

210

В станице Пластуновской священник о. Георгий Бойко был убит мучительным образом: на горле у него была ужасная рана, горло было как-то разорвано.

В станице Кореновской убит священник Назаренко.

В Краснодаре Куб. обл. в одну ночь по приказу Буденного убито шесть священников.

Василий Верижский, студент Казанской Духовной Академии, приехал в родное село Ставропольской епархии к своему отцу, псаломщику. Здесь на каждом месте и всем вслух он обличал большевиков. Наконец, его взяли. Идя

на казнь, он заявил, что он большевиков никогда не признавал и с ними не примирится. И затем, помолившись, отошел ко Господу.

Отец Серапион, священник станицы Ново-Александровской, Кубан. области, служил у так называемых иногородних, у бедного неказачьего населения станицы, дававшего первых большевиков. Прихожане любили своего доброго, нестяжательного, веселого и молодого пастыря и никому не давали его в обиду. Это был батюшка пролетарской бедноты и другие священники завидовали его положению. Однажды, сам правя лошадей, он ехал рядом с полотном железной дороги, по которому в это время, умеряя свой ход, подходил к станции поезд. Из окна одного вагона раздался ружейный выстрел и о. Серапион упал на дрожки мертвым. Конь был задержан у станции. Местные жители подняли всеобщее возмущение против злодеяния. Искали по вагонам преступника для расправы, но, конечно, никого не нашли.

Отец Михаил Крыжановский, священник села Величаево, Ставроп. епархии, на границе Астраханских степей, отличаясь ревностью по службе, искренним благочестием и бескорыстием, он беспощадно обличал своим словом большевицкое безбожие и насилие. Это был духовный пламень, сжигавший всякую неправду на своем пути. И он был, конечно, обречен на смерть. В одно воскресенье, после Божественной Литургии, при полном стечении народа, его прямо из церкви забрали пришлые большевики на повозку и повезли за село. Народ плакал. Отец Михаил успел сказать своей пастве слова Спасителя: «не плачте обо мне, а плачте о себе и детях ваших». За селом, этого славного священномученика церкви Христовой и скромного служителя Божия отдаленного маленького местечка, злодеи подняли на штыки. Ему было не больше, как лет двадцать восемь. После него остались жена и двое детей.

В Херсонской губ. три священника были распяты на крестах.

В Ялте зверски большевиками убит популярный священник Сергей Щукин.

В Крыму шайка большевиков захватила трех священников — Николая Попова, Агафона Гарина и Александра Казанчева, и после долгих истязаний и глумлений, убила их.

Настоятель Островского Собора Псковской епархии, Ладинский, когда его большевики вели на смерть, пел псалмы и пред кончиной проклял большевиков.

Священника Котурова, при эвакуации Чердыни, мучители схватили, сорвали с него одежды и до тех пор поливали его на морозе водой, пока он не превратился в ледяную статую. И страстотерпец не проронил ни одного жалобного стога, ни одного слова.

Архимандрит Вениамин, последний настоятель Соловецкого монастыря, жил отшельнической жизнью в одинокой избе в окрестностях г. Архангельска. Ночью местные большевики сожгли его избу вместе с ее насельником, предварительно забив окна и двери.

Архимандрит Матфей, ректор Пермской духов. семинарии, изрублен пашками.

Священник Андрей Зимин со всей семьей, с. Черниговка, Никольско-Уссурийский край, убит в 1918 г.

Священник Иоанн Литвинцев убит со всей семьей, с. Вишневка. Никол.-Уссурийский край, в 1918 г.

Священник Петр Дьяконов у Надежд. завода, Верхот. у. Пермской губ. в 1918 г. закопан в землю по голову и в нее расстрелян.

О. Феодор с. Голышмановского, Тоб. губ. убит в июне 1918 г.

О. Павел с. Усть-Ница, Турин. у. Тоб. губ. убит в июне 1918 года.

Священник Георгий Паргачевский с. Ивановки, Амурск. обл. расстрелян разрывными пулями в 1918 г.

Священник Симеон Ионин, Троицк. у. Оренбургской епархии, расстрелян в 1918 г.

Протоиерей Николай Русанов расстрелян в Кустанае, Оренбургск. епархии, в 1918 г.

Протоиерей о. Александр Земляничин, о. Иоанн Евстратьев, о. Петр Холмогорцев(кафедр. прот.), о. Михаил Пеньковский и некоторые другие в 1918 г. были увезены из Челябинска и пропали без вести.

Многие из священников, бежавших при отступлении добровольцев из Воронежской губ., вернулись и заняли свои места, но и многие из них

расстреляны. Одни из видных воронежских священников о. Митрофан Девицкий, не добравшись до

212

Воронежа, был схвачен и расстрелян на глазах родителей, жены и детей.

Священники города Воронежа, воодушевленные примером своего архипастыря Архиепископа Тихона, не пожелавших оставить город при занятии его большевиками в декабре 1919 года и почти все были убиты. В Воронежской епархии тогда было расстреляно 160 священников.

В Харьковской губ., за 6 месяцев, с конца декабря 1918 г. по июнь 1919 г., было убито 70 священников.

Прот. Константин Мошанов, г. Ялуторовск, уб. в Тюмени в 1919 г.

Священник Леонид Матренинский расстр. в Верхнеудинской тюрьме в 1919 г. ¹).

Диакон Александр Невский убит в Перми в 1920 г.

Священник Никодим Редикульцев, с. Камень, Томск. губ., зарезан в тюрьме кухон. ножом ок. 1920 г.

Николай Михайлович Варжанский, Московский епархиальный миссионер, расстрелян в 1920 г. в Москве. Пред смертью написал из тюрьмы родным и знакомым трогательные письма. Уходил на смерть спокойно и радостно, как в приятное путешествие.

Прот. Алексей Воскресенский в с. Чаши, Курганск. уезда Тоб. губ. убит в 1921 г.

Прот. Николай Тихомиров с. Введенского, Кург. уезда, Тоб. губ. убит в 1921 г.

Священник Владимир Селивановский убит в с. Шатрово, Ялутор. у. Тоб. губ. в феврале 1921 г.

Священник о. Анатолий Масленников, Успен. зав. Тюмен. уез., расстрелян в Томске в 1921 г.

Священник Виктор Низковский, Курганского уезда, убит в 1921 г.

¹⁾ К жертвам 1919 г. нужно отнести неизвестного священника, павшего жертвою христианского долга и не от руки большевиков.

4 марта 1919 г. Петлюровский атаман Семесенко (22-х лет), стоявший под Проскуровым, отдал приказ своей Запорожской бригаде перебить еврейское население. Приказ говорил, что «пока хоть один жид будет у нас на Украине, не будет спокойствия». 5 марта вся бригада, 500 человек недисциплинированных, пьяных разбойников, разделившись на три партии, каждая при «офицерах», вошли в город и стали избивать евреев; входили в дома и вырезывали иногда поголовно целые семьи. С утра до вечера перебили 3.000 человек. Только один был убит пулей — православный священник, старавшийся остановить извергов; остальные зарезаны... (Кн. А. М. Волконский. Историческая правда и украинофильская пропаганда. Турин. 1920).

213

Свящ. Николай Марсов убит в Тоб. губ. в 1921 г.

Священник о. Иоанн Снегирев, слоб. Усть Ламинской, Тоб. губ. убит в феврале 1921 г.

Во время крестьянского восстания в Западной Сибири в 1921 г. было расстреляно в одной Тобольской губ. около ста священников.

Прот. Серапион Черных, во время освящения вербы под Вербн. воскресенье 1921 г. в г. Николаевске на Амуре, в облачении брошен в бухту.

Священник Серафим Сарычев, ст. Гондатьевка, расстр. после Пасхальной литургии в 1921 г.

Священник Иоаким Фролов, с. Михайловского, Амурск. обл., сожжен за селом на стогу сена в 1921 г., на пепелище остался один крест.

Священник Иоанн Масловский, с. Верхне-Полтавки, Ам. обл., застрелен через окно своего дома 7 сент. 1921 г.

Священник Феодор Архангельский, стан. Михайло-Семеновской, Ам. обл. расстрелян в 1921 г.

Архимандрит Сергей Шеин, секретарь Моск. Всерос. Собора, убит 12 авг. 1922 г. в Петрограде.

Священники г. Москвы: Заозерский, Добролюбов, Надеждин, Вишняков, Орлов, Фрязинов, Соколов и Архим. Анемподист Телегин расстреляны в Москве в мае 1922 г.

В связи с изъятием церковных ценностей в 1922 г. расстреляно и замучено духовных лиц разного звания:

Архангельская губерния — 49.	Самарская — 61.
Астраханская — 84.	Челябинская — 20.
Петроградская — 36.	Семипалатинская — 12.
Вологодская — 27.	Омская — 19.
Пермская — 34.	Барнаульская — 41.
Вятская — 41.	Уральская — 49.
Екатеринбургская — 29.	Саратовская — 52.
Новгородская — 68.	Тамбовская — 41.
Псковская — 31.	Орловская — 78.
Владимирская — 81.	Курская — 68.
Ивано-Вознесенская — 34.	Харьковская — 98.
Костромская — 72.	Полтавская — 124.
Тверская — 94.	Екатеринославская — 92.
Московская — 36.	Донская область — 97.
Тульская — 61.	Таганрогская — 36.
Нижегородская — 68.	Крымская — 44.
Симбирская — 47.	Черниговская — 78.
Казанская — 24.	Одесско-Херсонская — 191.
Уфимская — 28.	Могилевская — 61.

Минская — 49.	Владикавказская — 72.
Бобруйская — 29.	Всего: 2.691 белого духовенства

Смоленская — 62.	1.962 монашествующих
Екатеринодарская — 69.	3.447 монахинь и послушниц
Черноморская — 37.	Итого: 8.100 жертв.
Ставропольская — 139.	

Имена убиенных (без подробных данных):

Прот. Порфирий Амфитеатров (Белоруссия).

Архимандрит Августин (намест. Ор. мон.).

Игумен Гervasий (Брянск. Усп. Свенского мон.);

Иеромонах Герасим (Брянск. Усп. Свенск. мон.).

Послушник Антоний (Брянск. Усп. Свенск. мон.).

Прот. Иосиф Смирнов (Костром. епар.).

Прот. Павел Дернов и чада его (г. Елабуга).

Священ. Павел Кушников (Новг. епар.).

Священ. Петр Покрывалов (Тульск. епар.).

Священ. Феодор Афанасьев (Орл. епар.).

Священ. Михаил Чафранов (г. Севастополь).

Священ. Владимир Ильинский (Костром. епар.).

Священ. Василий Угрянский (Симфероп. епар.).

Священ. Константин Снятиновский (Влад. епар.).

Диакон Иоанн Касторский (Костром. епар.).

Иеромонах Нектарий (Иванов).

Иеромонах Матфей (Олейник).

Архимандрит Николай (Орлов), ректор Пензенск. дух. семинар.

Иоанн Перебаскин, смотритель Солиг. дух. училища.

Священник Иннокентий Пляскин ум. в тюрьме во Владивостоке в 1923 г.

В д. Дедино, Себежского уезда, чекистами убит во время богослужения православный священник. В д. Заситино, того же уезда, в церкви был поставлен обобщественный скот; по требованию крестьян церковь была снова открыта, но в отместку чекисты убили у алтаря священника. В пограничном селе Слободка чекисты вытащили священника из арестного дома, раздели до нага и повесили на дереве. Начальник ГПУ заявил, что повесит каждого, кто «попытается спасти попа», и крикнул замерзающему священнику: «пусть твой Бог тебя оберегает и спасет». В с. Турк чекисты прибили священника к царским вратам, а затем расстреляли.

Священник о. Андроник Любович, ст. Николаевской на Амуре, о. Михаил Новгородцев, села Песчаноозерки, и о. Емель-

215

ян Щелчков, хут. Муравьевки (бывш. иподиак. митроп. Антония Храповицк. в Харькове) все трое умучены и расстреляны в январе 1924 г. палачем Безлепкиным, председ. чрезв. губ. суд-сессии. У о. Андроника волосы были закручены семидюймовыми гвоздями.

Священ. Модест Горбунов, уб. около Хайлара в 1929 г. красными налетчиками в Трехречьи.

Прот. Илья Зотиков, ризничий храма Хр. Спас. в Москве, служивший ранее в Америке, расстр. во Владимире в 1930 г.

Когда митроп. Сергей вошел в соглашение с советской властью и отдал приказ по церквам молиться за нее на ектениях за богослужением, нашлись такие епископы и священники, которые сочли это неприемлемым и отошли от митроп. Сергея. У них был один из самых больших храмов в Петрограде, в который стекалось много народа. Когда был отдан приказ правительства наложить налог на продажу свечей в храмах, то в храмах, отошедших от митрополита Сергея, отказались продавать свечи. Это обстоятельство послужило причиной ареста Архиепископа Димитрия, духовенства и 15 человек мирян. Целый год их держали в тюрьме. В июле 1930 г. следствие окончилось. Архиепископ Димитрий и 6 священников и несколько мирян были приговорены к 10 годам тюрьмы, а два

священника: о. Сергей Тихомиров и о. Николай Прозоров были расстреляны. Это были действительно выдающиеся мужественные исповедники веры Христовой. Они не дрогнули сказать правду безбожной советской власти. В сердцах верующих людей образ их сохранится на веки, как о священниках, павших не за контрреволюцию, — они ни в чем не были повинны, — а за открытое и бесстрашное исповедничество Веры Христовой и за обличение своих палачей.

Прот. Михаил Чельцов, Петроградский священник, несколько раз был арестован и приговорен к расстрелу. Но каждый раз, в последний момент, приговор отменялся и он был совершенно освобожден. В последний раз он уже совсем приготовился к смерти и ждал ее радостно, как опять был «прощен». Он говорил своему другу: «я уже не радуюсь освобождению... опять жизнь, а я так свыкся с мыслью о переходе в иной мир, уже как-бы живу в нем, а этот мне чужд». Но недолго пришлось ждать нового ареста и нового приговора к расстрелу. И на этот раз он был приведен в исполнение — в первый день Рождества. Один из конвойных или из сторожей, присутствовавших при расстреле, потом рассказывал вдове о. Михаила: «ну и старик был, его на смерть ведут, а он тропари Рождеству поет»... Говорят, что на другой день после

216

расстрела пришел из Москвы приказ: «освободить ввиду отсутствия состава преступления».

Иером. Сергей Ляпунов арестован в феврале 1932 г. умер в ссылке.

Иеромонах Серафим (Тьевар) умер в Вишерском лагере 23 ноября 1931 г.

Священ. Сергей Аронский, б. протод. Ливадийской церкви, из Красноярской тюрьмы пропал без вести.

Убиты в Екатеринбурге (Свердловске) протоиерей Владимир и протоиерей Струмило.

Протоиереи Дмитрий Пыжов и Карп Шубов расстреляны в Ростовской тюрьме в 1932 году вместе с митрополитом Серафимом (Мещеряковым). Там же расстрелены одновременно белого и черного духовенства 120 человек и умер от голода прот. Феодор Сальников.

Архимандрит Полихроний Запрудер, Протоиерей Константин Ордынский и священник Николай Катасонов расстреляны в Красноярской тюрьме в 1934 г. вместе с епископом Филиппом Гумилевским за непризнание церковной власти митрополита Сергия Московского.

Профессор протоиерей о. А. Ксенофонов, бывший питомец Петербургской Духовной Академии, и прот. о. Н. Будников были арестованы в 1933 году по обвинению в контрреволюции и сопротивлении советской власти и сосланы в лагерь на крайнем севере России (Кемские лагеря), сроком на 10 лет. Оба решили уйти из лагеря и перейти границу, но на самой границе были схвачены пограничниками и доставлены в Петрозаводск, где по распоряжению из центра и были расстреляны в 1936 г.

Иеромонах Варсонофий, Преображенской церкви в г. Стрельне, умер в 1935 г. в ссылке.

Иван Васильевич Попов, доктор богословия, проф. Московской Духовн. Академии, после ареста в 1936 г. пропал без вести.

Иван Петрович Ежиков, клиросный чтец Преображенск. храма г. Стрельны, Петр. епар. умер в ссылке в 1937 г.

Прот. Димитрий Киранов, настоятель Иоанно-Златоуст. собора г. Ялты, в 1937 г. из тюрьмы пропал без вести.

В Арзамасе в 1938 г. расстрелян священник Иоанн Ходоровский. Он был эмигрантом, но в 1921 году вернулся нелегально в Россию, был арестован и отправлен в ссылку, где тайно принял рукоположение в священный сан, а затем бежал из лагеря и долгое время скитался. Прибыв в Арзамас, о. Ходоровский нашел приют у монахини Терентьевой. Некото-

рое время Терентьева скрывала его, как беглого, но впоследствии о. Иоанн перестал скрываться и снискал себе всеобщее уважение. В обхождении с народом был мягок, отзывчив, шел навстречу любой просьбе и без отказа совершал все требы. Жил о. Иоанн в миру по уставу затворников и готовился принять монашескую схиму. При обыске в комнате о. Иоанна была обнаружена разная литература. Он был обвинен в распространении антисоветских листовок при помощи религиозных странствующих проповедниц. Арестованные же монахини-странницы обвинялись, кроме того, в агитации против советской власти и колхозного строя. Все

обвиняемые были признаны участниками «организации», возглавляемой Петроград. митрополитом Иосифом.

В Самаре расстрелян в 1938 г. протоиерей Ксенофонт Архангельский, дававший приют всем странствующим проповедникам.

В список новых русских мучеников могут быть внесены и убиенные большевиками за границей.

Священник Яковлевский убит партизанами коммунистами в одном из сел Пожаревачкого округа Сербии, в 1941 или –42 г.

Священник Д. Н. Новосельцев вместе с женою, дочерью и работником-казакom зарезаны партизанами-коммунистами в селе Миличинцы, возле города Вальевска Каменица, в Сербии, в 1942 или –43 г.

218

Глава 29.

Государь Император Николай II-й и его семья.

Русская эмиграция, в горьком сознании общероссийской вины пред Государем и его Семей, сосредоточила свое сугубое внимание на их трагической судьбе и собрала о них обширнейший материал.

Но для их славы в Церкви земной, — ибо Государь и Его Семья уже святы у Бога, — Церковь ищет в них назидания своим членам, примера для подражания, образца благочестия, добрых дел, любви для нее и для отечества или ближних, подвига жизни и смерти, святыню невинных страданий. Для нее нужны религиозные и духовно-нравственные черты их характеров и дел.

Этой специальной задаче собирания такого материала о их жизни, настоящий очерк служит только началом, в ожидании, что другие многие принесут еще больше, и, собранное и соединенное в одно, эти материалы составят «Житие и страдания Царя-Мученика Николая Второго и его Семьи», которые послужат на земле прославлению их в лике святых и к назиданию церковного народа во спасение душ к жизни вечной.

С высокими, чистыми, идеальными стремлениями начал свое царствование 26-летний Государь Император Николай Александрович. По личному побуждению он дерзновенно обратился ко всем державам с предложением сократить вооружения и созданием третейского суда в международных спорах предотвратить грядущие войны. Конференция мира была созвана в Гааге 18 мая 1889 г. и приняла общий принцип о мирном разрешении международных столкновений. В дальнейшем «Лига Наций», а теперь «Организация Объединенных Наций» явились прямыми преемниками «Гаагского международного Трибунала». Когда в ноябре 1921 г. собралась Вашингтонская конференция по вопросу о морских вооружениях, то президент Америки Гар-

219

динг, в вступительной речи, заявил: «Предложение ограничить вооружения путем соглашения между державами не ново. При этом случае, быть может уместно вспомнить благородные стремления, выраженные 23 года назад в императорском рескрипте Его Величества Императора Всероссийского. Приведя почти целиком «ясные и выразительные» слова русской ноты, Гардинг добавил: «С таким сознанием своего долга Его Величество Император Всероссийский предложил созыв конференции, которая должна была заняться этой важной проблемой».

Так Государем совершен почин мирового значения. Его идея возродилась снова и снова и ныне осуществляется еще с большей настойчивостью. «Блаженны миротворцы, ибо они сынами Божиими нарекутся». Но трагично было именно то, что первая созванная им конференция отвергла главное предложение Государя — сокращение вооружений и военных бюджетов, и ему самому пришлось вести три войны — с Китаем, Японией и первую мировую.

В первую мировую войну он проявил исключительное мужество в защите сербов. Несколько десятков тысяч сербов при отступлении из родной земли, в 1915 г., не выдержали страшного похода через грозные ущелья и снеговые перевалы Албанских гор и, придя к берегу моря в г. Валлону, массами стали падать от истощения. Союзники не только не позаботились о их спасении, но совершенно равнодушно смотрели со своих кораблей, как умирали люди славянской земли. В этот страшный момент Император Николай Александрович послал главам правительств, союзных нам стран, телеграмму, в которой требовал немедленно вывезти сербов с Албанского побережья и спасти. В противном случае Государь пригрозил, что он будет считать гибель сербов актом величайшей человеческой безнравственности и

откажется от своих союзников и выйдет из числа воюющих. Эта телеграмма возымела немедленно действие и десятки итальянских, французских и английских пароходов вывезли умирающую сербскую армию и ушедших с нею жителей на остров Корфу. Злоба людская не простила Государю этого заступничества и из Лондона и Парижа поползли слухи, что мол Русский Государь хочет заключить сепаратный мир.

В делах самого большого государственного значения Государя не покидало руководившее им чувство милосердия. Когда в конце 1908 г. ему представлен был грандиозный план индустриализации страны, требовавший огромных денег, которых

220

не было, он сказал: «Петр имел мало денег и употреблял принудительный труд и это стоило ему миллион жизней его подданных... осуществление наших проектов будет стоить от 10 до 15 миллионов преждевременных смертей моих подданных... я не могу сознательно идти на жертву миллионов моих подданных, а потому мы должны терпеть». Когда ему было указано, что успех будущей войны связан с индустриализацией, Государь ответил: «Будем надеяться на Бога. Если война будет короткая, мы ее выиграем, ну а если длинная, то, значит, такова наша судьба». Все эти уже готовые проекты осуществляются большевиками как раз теми способами, от которых Государь отказался: мучительной гибелью десятков миллионов людей.

Еще маленьким ребенком будущий Император был трогательно, кротко боголюбив. Он очень любил изображение Божией Матери, эту нежность руки, объявшей Младенца. Он всегда завидовал брату, что его зовут Георгием, потому что у него такой красивый святой, убивающий змея. Это был ребенок, ласковый, уступчивый, вежливый от природы, обожавший Отца и Мать. Еще будучи неграмотным, Ника отдавался весь настроениям, навеваемым Пушкинскими стихотворениями, выбранными для ребенка. Он увлекался пением птичек в своем дворцовом саду, и, заслушавшись, мальчик как бы уходил из этого мира: он преображался, как бы замирал, а выражение его глаз было настолько неземное, что другие дети, заметив это настроение в Нике, просили его: — «Ну, Ника, еще раз послушай пения!» — И Ника, застенчиво краснея, возвращался к обыденной жизни. Он рос святым мальчиком, готовым молиться о спасении жизни маленькой птички, выпавшей из гнезда своей матери: «Надо помолиться за воробушка: пусть его Боженька не берет, — мало у него воробьев?» — сказал он при таком случае, когда птичка казалась умирающей. И это непрерывно светлое христианское

настроение никогда, с самого раннего детства и до самой смерти, не оставляло Его.

Государь готов был всегда услужить всем, без различия положения. В Дармштадте, во время прогулки инкогнито, он подбежал, поднял и подал потерянный пакет кучеру почтового фургона и тем спас почтальона от служебных неприятностей. Таково было смиренное христианское сердце юного Русского Государя.

Одна еврейка, не имевшая права въезда в Петербург, и получившая отказ в этом, обратилась на Высочайшее имя с

221

просьбой, разрешить ей приехать к больному сыну. Государь положил резолюцию: «не может быть такого закона, который не позволил бы матери приехать к больному сыну».

Государь тратил, как теперь доподлинно установлено, на дела благотворительности и неожиданную помощь колоссальные суммы из личных средств, ограничивая в тоже время себя в личном обиходе. Он носил много раз штопанную одежду... Через любимую учительницу своих детских лет, имевшую к нему доступ во всякое время, Государь освобождал от платы учащихся своими взносами и отпускал крупные суммы на благотворительность из своих личных средств. После беседы с нею он всегда шепотом просил ее никому ни слова не говорить о его помощи. И она, памятуя просьбу Царя, никому в своем ведомстве не говорила, кто дает эти средства.

Во время маневров подъезжал экипаж с завтраком для Государя и Его свиты. «А для них закуска имеется?» — спросил Государь, показывая на солдат, державших лошадей его и его свиты. Оказалось, что для них ничего не приготовлено. И только тогда, когда все солдаты получили свою долю, Государь подошел к своему завтраку. После этого для солдат свиты также всегда привозили пищу.

Обходя один военный лазарет, Государь увидел, что у койки одного хирургического больного стоит часовая. Узнав, что на койке лежит подлежащий военному суду дезертир — «самострел», которого ожидает, по выздоровлении, самая тяжкая кара, Государь сказал: «скажите кому следует, что я прощаю этого преступника. Довольно с него одной русской пули, наказавшей его»... И преступник после выздоровления был помилован.

Посещения Государем лазаретов с ранеными были преисполнены самых трогательных эпизодов, в которых сострадания его сердца были явлены не только в словах и делах милосердия, но и в слезах, которые он едва мог скрывать. В вестибюле покидаемого лазарета он одевал шинель и крупные слезы капали из его глаз, ибо только что один лишенный рук и ног просил: «ты все можешь, Государь, прикажи, чтобы меня умертвили...»

Служащий, попавший под взыскания и наказания, страдающий от своей оплошности, мог испытать всю чуткость Государя, который всячески старался показать, что он простил виновного. Проявления этой обыкновенной чуткости Государя, переходящей границы обычной человеческой доброты, внимания и ласки, испы-

222

тали на себе близкие к нему люди, которых служба соприкасала с ним. Они видели, что эти чувства мог проявить только человек родной, только отец, который при промахе своего сына, сам страдает от стыда и вины, которые испытывает сын и нежно и ласково устраняет это страдание сугубым вниманием. Так, по оплошности других, один офицер на корабле, сопровождавшем яхту Государя, попал под арест. Выяснив эту ошибку, Государь не только обласкал пострадавшего, но и перевел его на свою яхту.

После одного парада Государю предложили смотреть казачью джигитовку. «Нет, нет, — ответил Государь, — я знаю как это красиво, но в прошлый раз разбился один казак и после этого мы не можем себе позволить такое удовольствие»...

Подписывая награждения орденом св. Георгия за взятие неприятельской батареи кавалерийской атакой и видя, что этот подвиг стоил слишком больших потерь, Государь с грустью и недовольством сказал: «для чего же мне эта батарея?..» Частный маленький успех, конечно, не стоит таких жертв.

Начальник жандармов обещал Государю, что сотню лет не будет никакой революции в России, если Государь позволит произвести пятьдесят тысяч казней. Император с ужасом и негодованием отверг это предложение. За все его царствование количество казней едва ли превышает четыре тысячи, за те уголовные и политические убийства и грабежи, за которые законы всех стран мира также карают. Ни в какой пролитой в его царствование крови Государь не был повинен, ибо карал закон. Но как ничтожно это количество неизбежных жертв для охраны общественного

благополучия перед теми десятками миллионов убийств, которое потом совершили убийцы и самого Императора.

Революционную болезнь Государь был всегда готов лечить милостью и прощением, если только искали их. Невеста одного студента, приговоренного к смертной казни по политическому делу, поздно вечером подала флигель-адъютанту Государя прошение о помиловании. Так как исполнение приговора было назначено на следующий день, то адъютант дерзнул просить царского камердинера вызвать Государя из спальни. Выйдя, Государь написал телеграмму министру юстиции о приостановке исполнения приговора, и, крепко пожимая руку полковника, похвалил его за смелость и решительность, и за данную самому Государю возможность сделать доброе дело. Государь не только помиловал студента, но даже отправил его в Крым на лечение ту-

223

беркулеза, причем деньги на это были выданы из собственных средств Государя.

Государь любил простых людей. Особенно он хорошо относился к докторам, священникам и другим простым чинам. Во внутреннем мире крестьянства, составлявшего три четверти его подданных, Государь искал те черты, которые были ему дороги. Его простую, незлобивую, беспритязательную, глубоко-верующую, застенчивую натуру, тянуло к бесхитростным людям, с душою простого русского человека. Это любовное чувство к народу наблюдали все во время многочисленных разговоров его с крестьянами. Государь однажды обнял и поцеловал старика, который от волнения и чувств не мог произнести заготовленную речь, ибо эти чувства были Государю дороже слов. В преданность и верность себе этого народа он верил до самой своей смерти.

В высказываниях Государя о своих врагах никогда нельзя было уловить ни малейшего оттенка раздражения. На выраженное, однажды, по этому поводу удивление Государь сказал: «Эту струну личного раздражения мне удалось уже давно заставить в себе умолкнуть. Раздражительностью ничего не поможешь, да к тому же от меня резкое слово звучало бы обиднее, чем от кого-нибудь другого».

Что бы ни происходило в душе Государя, он никогда не менялся в своих отношениях к окружающим его лицам. В минуту страшной тревоги за жизнь единственного сына, в котором сосредоточилась вся его нежность, и кроме некоторой молчаливости и еще большей сдержанности, в нем ничем не сказывались пережитые им страдания. В дни, когда на выздоровление больного было мало надежды, министр спросил его о состоянии Цесаревича. И он ответил тихим и спокойным голосом, полным простоты и правды: «надеемся на Бога».

Государь обладал выдающимися качествами человека и правителя, но любимым его выражением по своему адресу в узком домашнем кругу было: «я человек серый». Он одарен был безграничной памятью, исключительной умственной силой, глубокими и разносторонними познаниями, сильной, дисциплинированной волей, нравственной серьезностью и постоянным сознанием ответственности. Он предан был своим идеям и защищал их с терпением и упорством. Он имел задолго продуманные планы, осуществления которых медленно достигал. Под видимостью робости Царь имел сильную душу и мужественное сердце, непоколебимо верное. Он знал куда он идет и чего

224

он хочет. Благодаря совершенной честности, он всегда был рабом своего слова. Его верность в войне союзникам, которая и была причиной его смерти, как нельзя лучше доказывает это. А что такое была политическая верность вообще и в наши времена особенно?..

В век агитации и пропаганды, искажающую всякую правду, он бы удивлял своей постоянной правдивостью. Давая инструкцию для описания непопулярной в массах и злополучной русско-японской войны он сказал: «Работа должна быть обоснованной исключительно на голых фактах... нам умалчивать нечего, так как крови пролито больше, чем нужно... героизм достоин быть отмеченным наряду с неудачами. Неизменно нужно стремиться к восстановлению исторической истины во всей ее неприкосновенности». Государь был непримиримым врагом всех попыток идеализировать то, что не достойно, он говорил и требовал всегда только правду. Ея одной он всюду искал.

Во всякой стране глава правительства отвечает за неудачи и успехи. Вся тяжесть последнего слова лежит на нем, самая верхушка разрешения вопросов — да или нет, война или не война, вперед или назад, направо или налево? Вот это и было полем жизненной битвы Императора Николая II-го. И

если он делал ошибки, как говорят, то какой же правитель не делал их? Мы ценим в нем не только чистоту и святую побуждений, намерений и целей, но и самых средств их осуществления, определявших его характером, безупречным по честности и правдивости. Он весь был проникнут сознанием святости своего служения.

II.

«Первенствующая и господствующая в Российской Империи вера есть Христианская Православная Кафолическая Восточного Исповедания. Император, Престолом Всероссийским обладающий, не может исповедывать никакой иной веры, кроме Православной. Император яко Христианский Государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры и блюститель правоверия и всякого в Церкви святой благочиния».

Таковы были обязанности и права Первого Мирянина Церкви, Императора Всероссийского, согласно статьям 62-64 начальных глав Свода Законов Российской Империи. И в лице Государя Николая Александровича все миряне имели в Церкви своего лучшего и достойнейшего представителя, по истине «Благочести-

225

вейшего», как он титуловался за богослужением. Он был истинным покровителем Церкви и попечителем о всяком ее благе.

Пред годиною величайших испытаний, тяжких страданий и внешних потерь Русская Церковь имела в последнее царствование время самого славного расцвета, полноту и силу высшего своего развития.

Количество церквей в его царствование увеличилось более чем на 10 тысяч. Их стало к концу царствования 57 тысяч. Количество монастырей увеличилось более чем на 250. Их стало 1025. Обновляются древние храмы. Царь сам участвует при закладке и освящении многих новых. Он жертвует на их построение свои личные средства 1). Посещает храмы и монастыри во всех углах страны, принося благоговейное поклонение местным святыням — святым мощам и чудотворным иконам. Участвует в юбилейных торжествах в память разных российских святых или церковных событий. Особенно заботится об основании православных братств по укреплению православия в инославных областях. Духовно-просветительная миссионерская деятельность

среди татар Казанской епархии пользуется его особым вниманием и в крещено-татарских школах первые десять учеников содержатся на его средства. Царь подчеркивает исключительное назначение «школьного образования и воспитания крестьянских детей в нераздельной связи с церковью и приходом» и количество церковно-приходских школ возрастает до 37 тысяч.

Выделение Холмской губернии из царства Польского произошло исключительно в интересах Православия, притесняемого поляками, и без ущерба для их исповедания. Еще ранее этого Государь писал на одном из докладов: «Поляки безвозбран-

¹⁾ Отметим одну такую жертву. В 1899 г., комитет по постройке православного храма в г. Нью-Йорке для сбора пожертвований командировал в Россию священ. А. Хотовицкого. Государь положил почин в предпринятом деле с милостивыми словами: «Я жертвую от себя 5.000 рублей на важное христианское дело». Это послужило примером для всех благочестивых сынов Православной Руси. Много драгоценной утвари дарил Государь различным церквам. В г. Бари (Италия), в древнем храме св. Николая Мирликийского, где в нижнем помещении хранятся его мощи, висят более двадцати прекраснейших лампад, сработанных из литого серебра в древнерусском стиле; самые большие из них в диаметре, приблизительно со столовую тарелку. Монах-итальянец, сопровождающий и дающий пояснения, указывая на эти горящие лампы, говорит: «все они были присланы сюда к мощам св. Николая Мирликийского Его Величеством Государем Императором Всероссийским Николаем Вторым».

226

но да чтут Господа по Латинскому обряду, русские же люди искони были и будут православными и вместе с Царем своим и Царицей выше всего чтут и любят родную Православную Церковь».

17 апреля 1905 г., на Пасху, издан был закон о веротерпимости. Всякому совершеннолетнему русскому подданному предоставлялось право исповедывать любое христианское учение. Старообрядцам и сектантам отдавались их молитвенные дома. В 1906 г. было создано Предсоборное Присутствие, которое усердно проработало и оставило ценнейшие материалы по всем вопросам церковного устройства. Это уже была подготовка для Церковного Собора 1917 г.

Много Царь потрудился для славы Церкви. Им сделано было все для духовного спасения России в лоне ее.

В основание всего в своем Царстве Государь полагает не иное что, как благочестие, сам лично давая пример его, глубокого, чисто древле-русского,

любви к благолепию служб церковных, почитания святынь, усердие к прославлению великих подвижников святой богоугодной жизни. Господь прославил последнее русское царствование более частым открытием угодников, чем это даже было во времена древние. Были прославлены:

Святитель Феодосий Углицкий, архиеп. Черниговский 9 сент. 1896 г.

Преподобный Серафим Саровский 19 июля 1903 г.

Св. Кн. Анна Кашинская 12 июня 1909 г.

Преп. Кн. Евфросиния Полоцкая 23 мая 1910 г.

Святитель Иоасаф, епископ Белгородский 4 сент. 1911 г.

Святитель Гермоген, Патриарх Московский 17 февр. 1913 г.

Святитель Питирим, епископ Тамбовский 28 июля 1914 г.

Святитель Иоанн, митрополит Тобольский 10 июня 1916 г.

После открытия мощей св. Тихона Задонского в 1861 г., сопровождавшегося народным энтузиазмом и многими чудесами, по России распространился слух, будто бы Император Александр II выразился, что это будет последний святой в России. Не верится, чтобы Государь мог сказать такую фразу, но самый факт распространения такого слуха достаточно характеризует тогдашние общественные настроения.

Но Всероссийская Церковь в лице своих пастырей и благочестивого народа с трогательным умилением и с благочестивой радостью при малейшей возможности прославляла своих праведников. Массы народные одних наций увлекаются спортом и развитием физической силы и ловкости, других — музыкой и пением, а наш русский народ преимущественно почитал славные дела Божии, являемые на земле через святых Его угодников и когда он слышал о появлении где-либо нового угодника Божия, то стремился туда всей душой. Паломничество по святым местам — излюбленное дело русского народа. И ни на одно торжество не собиралось у нас в России такого множества народа, как на открытие мощей. И это происходило при наличии полного недоверия к сему со стороны наших руководящих кругов.

Благословенно имя Государя Николая Александровича за то, что он так смело пошел навстречу этому поистине церковному и народному делу.

Надо признать, что Первый Мирянин Церкви в деле прославления святых духовно шел впереди Синода, находившегося под известным влиянием века. Здесь он дважды проявил свою самодержавную волю в отношении Синода. В первый раз это было в деле прославления св. Иоасафа Белгородского. С нетерпением ожидая назначения Синодом торжества прославления, Царь не счел себя, однако вправе торопить Синод. Но когда состоялось мнение Синода о необходимости отложить это торжество, то Государь, не согласившись с его доводами, сам назначил срок его. Второй раз его воля была проявлена в деле прославления св. Иоанна, митрополита Тобольского. Таково значение личности Государя в деле канонизации святых и так велико его благочестие, давшее ему решимость вести это дело, не смотря на препятствия, которые даже Синод видел в мнениях и колебаниях так называемого образованного общества. Государь не имел этого страха пред мнением неверующей и непатриотической интеллигенции. Он был чужд ей, живя одной душой с своим православным церковным народом.

Не беря на себя специального права наставлять народ в вере православной, Государь давал это назидание при таких поводах прославления святых.

О преп. Кн. Анне Кашинской он писал: «В течение своей жизни она была образцом христианской супруги и матери, отличаясь христианской любовью к бедным и несчастным, проявляя

228

искреннее благочестие, мужественно перенося всевозможные испытания».

О преп. Евфросинии Полоцкой: «Свято прошедшая поприще указанное ей Божественным Промыслом, да пребудет Святая Княжна для всего Белорусского народа на веки яркою путеводною звездою, указывающей правду Православия».

О святителе Иоасафе Белгородском: «Благодатным предстательством Святителя Иоасафа да укрепляется в Державе Российской преданность праотеческому Православию во благо всего народа Русского».

О Патриархе Гермогене: — «пример коего да светит в настоящие и будущие времена».

О святителе Иоанне митроп. Тобольском: «Приемлю предположения Святейшего Синода (о прославлении) с умилением и с тем большим чувством радости, что верю в предстательство Святителя Иоанна Максимовича в эту годину испытаний за Русь Православную».

Относительно о. Иоанна Кронштадтского он дал завещание о прославлении его в будущем, смело высказав свое мнение о нем тотчас по его кончине (12 февр. 1909 г.) в таких словах: «Неисповедимому Промыслу Божию было угодно, чтобы угас великий светильник Церкви Христовой и молитвенник Земли Русской, всенародно чтимый пастырь и праведник о. Иоанн Кронштадтский». Далее, «по собственному духовному влечению и по силе основных законов, будучи первым блюстителем интересов и нужд Церкви Христовой», Государь предлагает делать всенародное молитвенное поминовение почившего, ежегодно ознаменовывая им день его кончины, и ожидает, что это «внесет свет утешения в горе народное и зародит на вечные времена живой источник вдохновения будущих служителей и предстоятелей Алтаря Христова — на святые подвиги пастырского делания».

Действительно, этот великий приходской священник, прославившийся в миру во времена Государя, как угодник Божий, явился поистине и навсегда образом пастырей, и в начале грядущего возрождения России, как горящая свеча, надо надеяться, будет поставлен в церковном прославлении на подсвечнике «да светит всем в доме» (Матф. 4, 15) нашем новом, вдохновляя пастырей к чрезвычайным трудам.

В жизни Царской Четы исключительное значение имело ее непосредственное участие в прославлении преп. Серафима, Саровского чудотворца. Государыня Императрица Александра Феодоровна, страстно хотевшая иметь сына, с чувством глубокой ве-

ры поехала в Саров на богомолье, молиться у мощей преп. Серафима о даровании ей сына. И в память саровских торжеств после рождения Цесаревича, престол нижней части церкви, построенной в Царском Селе, и особенно посещаемой Царской Семей, был освящен во имя преп. Серафима, а верхняя часть во имя Феодоровской иконы Божией Матери, чтимой Царственным Домом Романовых.

Вечером 17 июля 1903 г. Их Величества прибыли в Саров и ровно в 11 ч. ночи, Государь, пересекая в ширину монастырский двор, отправился в келью иеросхимонаха Симеона для исповеди, откуда вышел лишь около 12 ч.

ночи. Рано утром, на другой день, совершенно неожиданно, Их Величества пришли к ранней обедне. Внезапное появление их за ранней обедней в Успенском Соборе произвело сильное впечатление на народ. Царь и Царица явились туда без свиты, как простые богомольцы, прошли через переполненную церковь на левую сторону, где в приделе совершалась ранняя литургия. После причащения Их Величеств причастилось человек 50 простых богомольцев. 19 июля наступил день великого торжества для Саровской обители. Большой монастырский колокол призывал к поздней литургии. Торжественный выход Царя с Царицей в собор начался почти за первым ударом колокола. Вдруг неожиданный порыв ветерка выбивает раскрытый зонтик из рук Императрицы. Минутная остановка. Проворная черничка из первого ряда несметной толпы, схватившая моментально с деревянного настила зонтик, передала его Царице, целуя ее руку¹⁾. Компаньонки чернички, пользуясь моментом остановки, тоже бросаются на мостик к ногам Царицы, и не сдерживая выражений своих чувств, с причитаниями целуют края ее платья, а одна с плачем кричит громко: «Матушка ты наша родная, Царица-сиротинушка! Господь тебе сыночка-то не дает, несчастной»... Момент был потрясающий. Капли слез скатились тогда с глаз Императрицы, хотя ни один мускул ее лица не дрогнул. Государь, видимо в замешательстве, оправил ус. Шествие продолжалось.

По одному меткому выражению, народ русский православный никого так на земле не любит, как своего царя, и на небе святых угодников Божиих. И вот, собираясь на поклонение своим святым угодникам, народ видит среди себя и Царя сво-

¹⁾ «Чернички» — сельские одинокие девушки, жившие полумонашеской жизнью в миру, местные богомолки и чтецы «Псалтири» на похоронах, ходившие в черном одеянии.

его, разделяющего с ним ту же веру и те же чувства. Все виденное в Сарове произвело громадное впечатление на Императрицу. Во время пути и пребывания здесь Государыня была в общении с крестьянами, которых она всегда любила. Она не стеснялась говорить с ними и говорила с ними как с детьми, а они, встречаясь с нею запросто, в свою очередь полюбили ее. Среди лесов и глубин России в саровские дни Царственная Чета соприкоснулась с живым источником непосредственной веры среди простого народа, в благие силы души которого верила она до конца своих дней.

III.

Принцесса Алиса Гессенская, будущая русская Императрица Александра Феодоровна, шести лет от роду лишилась матери и жила обычно у Английской королевы Виктории, которая всю свою любовь и нежность перенесла с любимой умершей дочери на внучку. Принцесса никогда не была немкой ни по уму, ни по сердцу, получив образование и воспитание при английском дворе. Двенадцати лет она была в России на свадьбе своей сестры Елизаветы Феодоровны с Великим Князем Сергеем Александровичем и познакомилась с шестнадцатилетним Наследником Престола Великим Князем Николаем Александровичем, будущим своим супругом. Уже в это время они обратили внимание друг на друга и при новых встречах горячо и навсегда полюбили друг друга.

Однако, явилось препятствие к браку, которое исключительно ярко характеризует принцессу Алису. Ея глубоко верующая и прямая, искренняя, честная натура воспротивилась перемене исповедания для того, чтобы стать невестой и женой Наследника русского престола. «Единственное препятствие или пропасть между ней и мною — это вопрос религии — пишет в дневнике Наследник в 1891 г. Кроме этой преграды, нет другой; я почти убежден, что наши чувства взаимны! Все в воле Божией. Уповая на Его милосердие, я спокойно и покорно смотрю на будущее».

Наконец, в 1894 г. сделано официальное предложение. «Говорили до 12 часов, — пишет Наследник, — но безуспешно, она все противится перемене религии. Она бедная много плакала. Она плакала все время и только от времени до времени произносила шепотом: нет я не могу» ...Наконец, Наследник вручил ей письмо своей матери, Императрицы Марии Феодоровны, и та после переговоров с своей тетей, согласилась. «Все, что ты просишь у Бога, даст тебе Бог, — писал Наследник. — Слова

эти бесконечно мне дороги, потому что в течении пяти лет я молился ими, повторяя их каждую ночь, умолая Его облегчить Аликс переход в православную веру и дать мне ее в жены»...

Молодой принцессе, взволнованной перспективой обязательной перемены религии, искавшей одобрения своей совести, много помог ее собеседник, а затем духовник, просвещеннейший богослов протопресвитер И. Л. Янышев, который, в течении полугода ежедневно занимаясь со своей даровитой и жаждавшей истины ученицей, и сумел открыть ей истины

православной веры и ее красоту. Уже в 1916 г., вспоминая дни обручения, Государыня писала Супругу: «Ты видишь, как даже тогда, вера и религия играют такую большую роль в моей жизни. Я не могу просто к этому относиться, — и если я прихожу к уверенности в чем-либо, то уже навсегда... И также любовь ко Христу — она всегда была так близко связана с нашей жизнью в эти 22 года»...

Немка по рождению, англичанка по воспитанию, протестантка по отцовской вере, она всем существом ее натуры сделалась совершенно русской, полюбив Россию горячей любовью, и сделалась действительно православной и по духу, и по мысли, и по самым движениям своего религиозного чувства, поражая изумительным сходством с простыми религиозно настроенными женщинами в земных поклонах, в прикладывании к образам, в манере ставить свечи, во всем...

8-го октября 1894 г. принцесса приехала в Россию, а 20 скончался Император Александр III. Дни своего личного счастья и первые шаги в стране, где она призвана была стать Императрицей, она должна была пережить в скорбное время траура страны, когда умер великий русский царь, а ее жених возлагал на себя, молодого, неопытного, тяжелое бремя монаршего служения. На следующий день после смерти Императора, 21 окт., принцесса приняла святое миропомазание и после обедни причастилась Св. Тайнам вместе с женихом, успевши ко дню первого своего причастия вышить воздухи для Св. Даров. Она была наречена Александрой, в честь св. мученицы Царицы Александры. 7 ноября похоронили Императора, а 14-го состоялось бракосочетание. «Свадьба наша, — вспоминала потом Государыня, — была как бы продолжением этих панихид, только что меня одели в белое платье».

В великий день бракосочетания она была бесконечно грустна и бледна. Ея цельная натура глубоко переживала эту сложную гамму ощущений и чувств среди совершенно новой обстановки.

232

«Отныне нет больше разлуки, — записала она в дневнике Государя, — наконец, мы соединены, скованы для совместной жизни, и когда здешней жизни придет конец, мы встретимся опять па другом свете, чтобы быть вечно вместе».

Государь записал: «вместе с таким непоправимым горем Господь наградил меня и счастьем, о каком я не мог даже мечтать — дав мне Аликс».

Дальше потекла жизнь, о которой он же пишет: «каждый день, что приходит я благословляю Господа и благодарю Его от глубины души за то счастье, каким Он меня наградил! Большого и лучшего благополучия на этой земле человек не в праве желать. Моя любовь и почитание к дорогой Аликс растет постоянно»...

Прошли долгие годы и вот в марте 1916 г. Государыня пишет своему Супругу: «Боже мой, сколько мы видели и пережили за эти двадцать один с половиною год нашей брачной жизни... ах, какие были чудные времена, мой голубчик, любовь твоего солнышка всегда растет, становится полнее, богаче и глубже»... «Бог да благословит тебя, мой единственный, мое все... Воистину я сомневаюсь, чтобы существовали счастливые жены, как я, — такая любовь, такое доверие, такая преданность, которую ты показал мне в течении этих долгих годов, знавших счастье и горе... Моя глубочайшая горячая преданная любовь окружает тебя и все мои горячие молитвы; сердцем и душою мы всегда соединены на всю вечность». В дни говения она писала мужу: «Нежно прошу твоего прощения за всякое слово и дело, которое могло огорчить тебя или причинить боль... Я несу тебя в своей душе и всей моей любовью приношу тебя Богу»...

С первого появления детей она отдала им все свое внимание: кормила, ежедневно сама купала, выбирала нянь, неотступно бывала в детской, не доверяя своих малюток никому. Часами она проводила в классной, руководя занятиями своих детей. Бывало, что держа на руках ребенка, она обсуждала серьезные вопросы своего нового учреждения, или одной рукой качая колыбель, она другой подписывала деловые бумаги. В свободные минуты она вышивала, вязала, раскрашивала, всегда пребывая в работе.

Государыня не приглашала к дочерям гувернанток, так как не желала видеть кого-либо между собой и ими. Не поручала фрейлинам постоянного надзора за детьми.

Она не могла видеть без дела своих дочерей. Великие Княжны должны были быть всегда занятыми, всегда находиться в действии. Чудные работы и вышивки выходили из-под их быст-

рых ручек. Две старшие, взрослые дочери — Ольга и Татьяна работали вместе с Матерью в своем лазарете во время войны. Здесь они работали как обыкновенные сестры, перевязывая раны солдатам и офицерам.

Императрица была совершенно чужда пустой атмосфере петербургского света, которому она все надеялась привить вкус к труду. Она основала общество рукоделия, члены которого, дамы и барышни, должны были сработать известный минимум вещей в год для бедных, общество трудолюбия, склады белья для раненых, инвалидные дома с мастерскими, школу народного искусства для обучения кустарному делу, общество для сбора пожертвований на воспитание и устройство бедных детей в мастерство. Получилась целая сеть трудовых организаций, которые Государыня мечтала объединить в особое управление, подобное современным министерствам труда.

Ко всему этому, как говорят ближайшие свидетели ее жизни, трудно себе представить какой массе лиц Государыня помогала выйти из материальных затруднений, скольким детям оказала помощь в воспитании и какую массу больных призрела, и сколько она видела слез благодарности. Но никто об этом не знал.

Все великие княжны воспитывались в строго религиозном духе и в строгих требованиях внимательного отношения к каждому человеку без всякого сознания своего превосходства, а тем более кичливости своим высоким положением. Государь всегда повторял: «чем выше человек, тем скорее он должен помогать всем и никогда в обращении не напоминать своего положения. Такими должны быть и мои дети». Осуществляя сам в жизни этот принцип, он такими же сделал своих детей, кроткими, добрыми, внимательными ко всем и ласковыми.

Дети их были — духовно простые и любящие все простое, образованные, естественные, без позы, нетребовательные, открытые, глубоко правдивые, проникнутые чувством долга, истинно религиозные. Государыня воспитала в них ту веру, ту силу духа и смирения, которые помогли им безропотно и светло вынести тяжелые дни заточения и принять мученическую смерть. Дети буквально боготворили родителей. Мать, которую они обожали, была в их глазах как бы непогрешима. Дочери были полны очаровательной предупредительности по отношению к ней.

Летом 1904 г. родился долгожданный и Семей и Россией Наследник Престола Цесаревич Алексей, среди тяжелой войны и внутренней смуты. Именем тишайшего царя Алексея Михайло-

вича называет Государь своего Наследника, как бы выражая свой истинный идеал. Все ликовало. Он стал центром семьи и общим любимцем. Он был исключительной красоты, самым дивным ребенком, о каком только можно мечтать. Но уже на втором месяце после рождения его Государыня обнаружила, что ему передалась при рождении наследственная болезнь Гессенского дома — гемофилия, которая ставила под угрозу внезапной смерти этого долгожданного мальчика, надежду России, при малейшем его неосторожном движении. Государыня страдала вдвойне: и как мать этого чудного ребенка, и как виновница его страданий, так как она передала ему эту ужасную болезнь. Его нужно было окружить неослабным надзором, охранять от всяких лишних движений, парализовав таким образом волю, мужество и самостоятельность, чтобы выиграть в смысле безопасности. Или, воспитывая Наследника Великого Царства, которому нужна сильная воля, индивидуальность, надо предоставить свободу, и рискнуть его жизнью, предоставив ему свободу детских порывов и жизнерадостности, когда малейший неосторожный ушиб вызывает внутреннее кровоизлияние и самую смерть. Государыня пошла на страшный риск, чтобы сделать из сына человека стойкого и способного к царствованию и предоставила ему полную свободу, дрожа за жизнь дорогого ей существа. Сколько бы ребенок ни подходил к ней, не было случая, чтобы она не поцеловала его, когда он отходил от нее: каждый раз она прощалась с ним, боясь не увидеть его более. «Мы Богом возведены на престол, — писала она Супругу, — и Мы должны твердо охранять его и передать его неприкосновенным нашему сыну». О служении своего сына России думала она и готовила его к этому.

Прекрасный Отрок подвергся частым и тяжким страданиям. Государь писал матери: «Дни от 10-го до 23-го были самыми тяжелыми. Бедняжка сильно страдал, боли были спорадическими и появлялись каждые четверть часа. Он почти не спал все это время, не имел сил плакать и только стонал, повторяя все время одни и те же слова: «Господи, сжапись надо мною». Я с трудом мог оставаться в его комнате, но должен был сменить Аликс, которая совершенно выбилась из сил, проводя у его постели все ночи напролет. Она переносила это испытание лучше чем я, в особенности когда Алексею было очень тяжело». Можно ли себе представить как страдал Отец. «Цесаревич, лежа в кроватке, жалобно стонал, прижавшись головой к руке матери, и его тонкое, бескровное личико было неузнаваемо, — пишет один свидетель этих страданий. — Изредка он пре-

рывал свои стоны, чтобы прошептать только одно слово: «Мама», в котором он выражал все свое страдание, все свое отчаяние. И мать целовала его волосы, лоб, глаза, как будто этой лаской она могла облегчить его страдания, вдохнуть ему немного жизни, которая его покидала».

Какая мать откажется от того, чтобы в таком положении не испробовать все возможные средства — медицины, веры в Бога, даже веры в людей, могущих исцелить и облегчить. На этом и только на этом были основаны отношения Государыни к «старцу» Распутину, простому сибирскому мужику. Эти отношения имели источником самые благородные чувства, которые способны наполнить сердце матери — любовь к опасно больному сыну и жажда его исцеления. Государь сказал об этом человеке так: «Это только простой русский человек, очень религиозный и верующий. Императрице он нравится своей искренностью; она верит в его преданность, и в силу его молитв за нашу семью и Алексея... но ведь это наше совершенно частное дело... удивительно, как люди любят вмешиваться во все то, что их совсем не касается» ¹⁾).

Когда мальчик подрос, Государыня научила его молиться. Ровно в 9 часов вечера он поднимался с Государыней в свою комнату, читал громко молитвы и ложился спать, осененный ее крестным знаменем. Она преподавала Наследнику Закон Божий. Уже из Тобольска она писала: «Прохожу с Алексеем об-

¹⁾ Григорий Распутин — человек простой, необразованный, грубый, но умный, обладавший гипнотической силой внушения и ясновидением, облакавший в религиозную и православную форму свои слова и действия, добрый ко всем, просившим у него помощи, разгульный в личном поведении. Личность — недостаточно описанная и разгаданная в литературе. В среде непрямодушных людей Двора он мог иметь влияние на чистую, любящую правду и благочестивую Царственную Чету, которой некоторые писатели ставят в похвалу это искание правды и пророческого руководства в лице старца.

В наши маловерные времена Царь возвысился до ветхозаветной идеи пророка при себе. Что при царе возможен был пророк само по себе величественно, благочестиво и свято, независимо от того, удачен ли был выбор Государя и достойно ли было это лицо такого высокого положения старца и водителя монарха. Во всяком случае действительная причина его силы при Царе была во влиянии на ход болезни наследника. При припадках болезни последнего, старец Григорий погружался в молитву и говорил Царице: «благодари Бога, Он еще раз даровал жизнь твоему сыну». И ребенок поправлялся и так бывало каждый раз. В дни отречения от престола Государь сказал своему врачу: «Насколько вероятно, что наследник выздоровеет совершенно? Григорий Ефимович все время говорил, что Алексей Николаевич к 13 годам будет совершенно здоров. Я и Государыня привыкли верить ему, потому что все, что он предсказывал сбывалось».

яснение литургии. Дай мне Бог умение учить, чтобы на всю жизнь осталось у него в памяти, чтобы ему было на пользу и для развития души. Господь благословит мои уроки с Бэби. Почва благая — стараюсь, как умею, вся жизнь моя в нем. Я эти уроки очень люблю».

Наследник был необыкновенно привлекательный мальчик с умным и открытым выражением тонкого лица, на котором были заметны следы физических страданий. Дни, которые он проводил в Могилеве у своего отца, к которому он питал глубокую привязанность, были счастливейшим для него временем, и он не скрывал своего огорчения, когда надо было возвращаться домой, под женское влияние, в полузатворническую атмосферу Царского Села и Петергофа. Его наставник находил в нем много добрых качеств и, прежде всего, горячее сердце, отзывчивое к чужому горю.

Государыня писала о детях Государю: «Они делили все наши душевные волнения... Крошка чувствует так много своей маленькой чуткой душой — никогда не буду в состоянии поблагодарить Бога достаточно за ту чудесную милость, которую Он мне дал в тебе и в них. Мы одно».

О своей семье Государыня говорила: «Мы — одно, а это, увы, так редко в теперешнее время, — мы тесно связаны вместе... Маленькая крепко связанная семья» ...

Уже в Тобольске Государь сказал своему добровольному союзнику Татишеву, выразившему удивление сплоченности Царской семьи: «если вы так мало нас знали, как же вы хотите, чтобы мы с Государыней могли обижаться тем, что говорят о нас в газетах?»

Одна близкая свидетельница внутренней жизни Царственной Четы говорит: «Жизнь Их Величеств, была безоблачным счастьем взаимной безграничной любви. За двенадцать лет я никогда не слышала ни одного громкого слова между ними, ни разу не видела их даже сколько-нибудь раздраженными друг против друга».

Камердинер Государя, самый ближайший слуга, засвидетельствовал: «это была самая святая и чистая семья».

Какой пример в наши дни давала эта столь достойная семейная жизнь? Царская семья — и ее нельзя разделить — все семь вместе — это единый алмаз, сияющий и крепчайший, граненый деятельной любовью, нераздробленный никогда ничем. Неразлучная в жизни эта святая семерница оказалась неразлучной и в смерти. Никто из них не пережил другого на один час.

IV.

Государь, как человек церковно-верующий, признавал себя Помазанником Божиим и Царем, в том высоком и ответственном понимании этих обозначений, которые унаследовал из веков русской истории. В постановлении великого Московского Собора 1613 года было сказано: «Заповедано, чтобы избранник Божий, Царь Михаил Феодорович Романов был родоначальником правителей на Руси из рода в род с ответственностью в своих делах перед Единым Небесным Царем, а кто же пойдет против сего соборного постановления: сам ли царь, патриарх ли, вельможа ли и всяк человек — да проклянется таковой в сем веке и будущем, отлучен бо он будет от Святой Троицы»,

Начальная статья Свода Законов Российской Империи говорит: «Император Всероссийский есть Монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной Его власти не только за страх, но и за совесть Сам Бог повелевает».

В чине коронования и миропомазания обрисовывается религиозная сущность русской царской власти. Государь вслух своих подданных отвечает на вопрос архиерея — «како веруеши» и читает символ веры. Все регалии принимаются им «во имя Отца и Сына и Святого Духа». Читаются молитвы, с исповеданием, что земное царство вверено Государю от Господа, с прошением о том, чтобы Господь всеял в сердце его страх Божий, соблюл его в непорочной вере, как хранителя Святой Церкви, «да судит он людей Божиих в правде и нищих его в суде, спасет сыны убогих и наследник будет небесного царствия»... Сам царь коленопреклоненно читает молитву, полную смирения, покорности и благодарности Богу. «Ты же Владыко и Господи мой, настави мя в деле, на неже послал мя еси, вразуми и управи мя в великом служении сем... Буди сердце мое в руку Твою, еже вся устроити к пользе врученных мне людей и к славе Твоей, яко да и в день суда Твоего непостыдно воздам Тебе слово»...

И в манифестах к народу Государь до последних дней своего царствования исповедует истину своего служения. «От Господа Бога вручена нам власть царская над народом нашим, — читаем мы в манифесте 3 июня, — перед престолом Его мы дадим ответ за судьбы державы Российской». Создав народное представительство, Государь изменял только технику

правительственного механизма, ибо мнения и большинства и меньшинства представлялись на выбор и утверждение его. То есть, совесть Царская всегда на стороне правды, а не на стороне большинства, которое может быть случайным, искусственным. Он не ослабляет своей ответственности, складывая ее на плечи других, но несет ее самоотверженно пред Богом и историей.

Царь нес трудное послушание своего звания усердно, самоотверженно, праведно и честно. Это был человек верный себе, своему званию, России, которой служил и для которой жертвовал всем и самым высшим, вплоть до своей жизни.

Не трудно видеть, что Царь был представителем духовной и Святой Руси по своим воззрениям, по личной жизни и характеру, по взглядам, не только по своему царскому служению. Жизнь русского государства и общества, каждой отдельной личности и семьи, от Царя до крестьянина была неотрывна от жизни Церкви. Царь был представителем и носителем этой национальной русской культуры, по существу религиозной. Он был верен именно духовной и Святой Руси и наилучшим образом воплощал ее в себе.

Но изменение нравов, шатание умов, оскудение духа благочестия, непочтительное отношение к Церкви и ее уставам уже давно стали характеризовать наше передовое образованное общество. Едва ли не большинство его стало сторониться ее, стало искать себе других руководителей, чуждых и прямо враждебных ей. Среди руководителей общественного мнения, заправляющих печатным словом, замечалось не только совершенное отсутствие религиозного направления, но и глумление над его требованиями. Церковь не находила себе благоприятного приема в интеллигентных кругах и встречала или равнодушие, или прямое пренебрежение. Но теряя внутренне религию, это общество теряло свою культуру, изменяло себе, своему национальному призванию, искажало свой русский образ. Происходила духовная измена России.

Чем больше русское общество теряло способность мыслить и чувствовать так, как велит Православная Церковь, тем больше оно не понимало Царя. Царь был для него совершенно чужим, ненужным, лишним, несвоевременным. Духовно отойдя от Святой Руси, оно совершенно отчуждалось и от ее представителя. Оно абсолютно не питало к нему тех чувств, какие питал к нему православный народ. Общество тяготилось Царем, как тяготилось Святой Русью.

В условиях отхода общества от Церкви положение Государя делалось тяжелым. Ложилась пропасть между Государем и общественной средой и это руководящее общество подорвало власть Государя и низвергло его. Низвержение Царя само по себе разложило тотчас народ, лишило его веры во власть и в прежнее духовное руководство. Прислушиваясь к новым руководителям народ воспользовался свободой низших страстей, предаваясь алчности, грабёжам и пр. соблазнам. Он введен был в искушение высшими кругами, свергнувшими Царя, и поверил в простоте новым руководителям.

В революции Россия забыла о войне, о Родине, о Боге. Общество, а за ним народ стали праздновать освобождение, зарю новой жизни, абсолютно не представляя в чем же она. Царь в это время не забывал России и только ею жил. А о нем все забыли, от него отказались, ему изменили, его предали.

Когда депутаты Думы и руководители армии вырывали у него отречение от престола, Государь все надеялся, что они передумают. «Хотите еще подумать?» — спрашивал он. «Не отзовется ли это некоторой опасностью?» «Но что скажет юг?» — говорит он, вспоминая, конечно, свое посещение его и встречу с народом. «Как наконец отнесется к этому акту казачество?» — еще раз спрашивает он относительно тех, в любви которых он был уверен. «Но не знаю, хочет ли этого — вся Россия?» — наконец спрашивает он, получая всегда тысячи видов выражения и доказательств самых искренних и горячих чувств любви и преданности себе своего народа.

Депутаты и генералы уверяют, что только отречение спасет Россию от кровавого междоусобия, удержит армию на фронте в спокойствии и предотвратит позорный мир с грозным врагом и, таким образом, Царь приносит себя в жертву во имя спасения Родины. Еще раз Государь спросил: «вы уверены, что мой отказ от власти успокоит волнение?»...

Государь стал перед стеной, отделившей его от страны, и ощутил пустоту вокруг себя, оказался покинутым и одиноким пред лицом своих ближайших соратников. «Кругом измена и трусость и обман!» — записал он в дневнике. «Что-же мне осталось делать, когда все изменили?» — сказал он в день отречения, держа в руках кипу телеграмм генералитета и своего родного дяди, Великого Князя.

«Слепые вожди слепых», принудив Государя к отречению, разрушили порядок в стране, разложили армию, открыли страшное междоусобие, не избежали позорного мира.

В разгар великой войны в столице возник уличный бунт, а в ставке Государя произошла революция: ближайшее окружение его стало на сторону бунта, идя на соглашательство с ним уступкой ему самим Царем, вместо того, чтобы сгрудиться около него на защиту страны. У Царя отняли венец не профессиональные революционеры, а депутаты думы и генералы, объятые интеллигентским ощущением ненужности царя и сами подрубившие ветку, на которой они сидели.

Эти нравственные убийцы Государя, испуганные бунтом и вообразившие себя спасителями России, принуждавшие его отречься от престола, представляли дело так, что все по мановению злого волшебника переменялось в один миг и они сами, которые еще вчера искали Ею мимолетной улыбки, создавали только декорацию, бутафорию.

Если дело представлено было так, что отречение диктовалось отрицательным отношением только к личности именно Царя и что будто он лично является помехой для успокоения России и для возврата ее на путь бесперебойного продолжения войны, то Государь был готов на жертву собою. В день отречения своего от престола он сказал: «Дело идет о России, об ее кровных интересах. Для России я готов отдать и трон и жизнь, если я стал помехой счастья родины». «Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения России. Посему я готов отречься от престола» — дал он телеграмму председателю Думы.

И Государь, после ночной горячей молитвы перед иконой в своем купе, отрекся от престола.

Он единственный в те дни — честный, правдивый, стойкий, серьезный, мудрый, сознающий что такое долг и ответственность, присяга и призвание, проникнутый безграничной любовью к России и преклонением пред всем тем, что может возвеличить ее, и категорически отвергающий все, что может унижить ее, хотя бы под угрозой потери своего положения и самой жизни.

Прощальное обращение Государя к Армии проникнуто беспредельным самоотвержением и преданностью долгу обороны страны. «В последний раз обращаюсь к вам горячо любимые мною войска. После отречения мною за себя и за сына от престола Российского власть передана временному правительству, по почину государственной Думы возникшего. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия. Да

поможет Бог и вам, доблестные войска, отстоять нашу родину от злого врага... Кто думает теперь о мире, кто желает его тот изменник отече-

241

ству, его предатель... защищайте же доблестно нашу Великую Родину, повинуйтесь временному правительству. Да благословит вас Господь Бог и да ведет вас к победе святой Великомученик и Победоносец Георгий».

Он сделал все от него зависящее, чтобы облегчить и обеспечить своим преемникам успех в борьбе с внешним врагом и внутренними беспорядками. До отречения он успевает назначить главнокомандующего войсками и председателя временного правительства, чтобы оставшиеся верными Государю могли со спокойной совестью подчиняться тем, кому повиновением обязал их сам Государь. Все было обдумано, все взвешено. Он не теряет удивительной собранности мысли и рассудительности поведения во всем, что касается интересов России. Один он был трезв, сосредоточен, разумен, среди всех испуганных, делавших все впопыхах, опрометью. С выдержкой, самообладанием и мудростью действует он.

Прощаясь с сотрудниками по Ставке, он обращается к интендантам: «Помните же, что я говорил вам, непременно перевезите все, что нужно для армии... а вы непременно достаньте; теперь это нужно больше, чем когда-либо. Я говорю вам, — что я не сплю, когда думаю, что армия голодает». С болью сердца и с тягостной заботой отрывался от армии ее Державный Вождь: будут ли также думать о нуждах доблестных защитников России теперь, когда не будет его неусыпного глаза?

Во время отречения Государя от престола в течении нескольких дней Императрица не получала от него известий. Муки ее в эти дни смертельной тревоги без этих известий и у постелей больных детей превзошли все, что можно себе вообразить. Она дошла до крайнего предела сил человеческих. Могильщики нашей родины отлично понимали, что на пути к осуществлению их предательских замыслов стоит Императрица, мужественная и непоколебимая охранительница престола, и потому они решили не позволять Державной Чете быть в каких-либо сношениях. Письма их задерживались и Государя шантажировали возможными опасностями для его семьи.

Государыня писала в этих письмах: «Ничего не знаю о тебе, только раздирающие сердце слухи»... «Мое сердце разрывается от мысли, что ты в полном одиночестве переживаешь все эти муки и волнения, и мы не знаем о

тебе, а ты ничего не знаешь о нас... Ясно, что они хотят не допустить тебя увидеться со мною прежде, чем ты не подпишешь какую-нибудь бумагу... Если тебя принудят к уступкам, то ты ни в каком случае не обязан их выполнять, потому что они были добыты недостой-

242

ным способом... Все мы бодры, не подавлены обстоятельствами, только мучаемся за тебя и испытываем унижение за тебя, святой страдалец... Я не могу ничего советовать, только будь, дорогой, самим собой... О, мой святой страдалец».

Получив известие об отречении, Императрица смело ободряет своего Супруга, простирая свой взгляд на будущее и видя в нем великую славу его: «Я вполне понимаю твой поступок... Я знаю, что ты не мог подписать, в чем ты клялся на своей коронации... Клянусь жизнью, мы увидим тебя снова на твоём престоле, вознесенным обратно твоим народом и войсками... Ты спас царство своего сына (Государыня имеет в виду первоначальное отречение его в пользу сына) и страну, и свою святую чистоту, и ты будешь коронован самим Богом на этой земле, в своей стране»...

Да, воистину, настанет пора неизбежно, когда желанием народа и в присутствии его войск, Государь будет превознесен и коронован на престоле своем в своей стране и на этой земле, как святой страдалец и мученик и исповедник правды Христовой великою славою Божиею, церковною.

Такова была русская несравненная героиня и великомученица Императрица Александра Феодоровна. Это была одна из немногих сильных душ, на которую охотно обрушиваются испытания, ибо их трудно или невозможно одолеть, но и мера их страданий почти беспредельна.

Государь в ставке простился со всеми чинами штаба и управлений, с рыдавшими офицерами и казаками конвоя и сводного полка, но не выдержал всего ужаса этих своих и общих переживаний насильственной разлуки и, оборвав свой обход, поклонился и вытирая глаза, вышел из зала. «Сердце мое чуть не разорвалось» — записал он в дневнике.

Государь телеграфировал Императрице: «Отчаяние проходит. Благослови Вас всех Господь. Нежно люблю».

Купе отходящего ночью поезда было освещено одной горевшей лампадкой пред иконой. Здесь он обнял дворцового коменданта и зарыдал.

«Образ Государя, с заплаканными глазами, в полуосвещенном купе, — писал последний, — до конца жизни не изгладится из моей памяти».

В Могилеве Государь встретился с Матерью, Императрицею Мариєю Феодоровной, прибывшей из Киева. Мать и сын крепко несколько раз поцеловались, а в комнате мать долго сидела без движения и много плакала. Когда царский поезд отходил, Государь стоял у окна и смотрел на всех провожавших. Почти против его вагона был вагон Императрицы-Матери. Она

243

стояла у окна и крестила Сына. В последний раз в жизни они видели друг друга.

V.

Теперь начиналась в жизни Государя и его Семьи новая эпоха, эпоха лишения свободы с унижениями и оскорблениями для его не только царского, но и просто человеческого достоинства.

Ворота дворца в Царском Селе были заперты, когда подошел автомобиль Государя. Солдат, стоявший здесь, не открыл их и ждал дежурного офицера. Тот крикнул издали: «открыть ворота бывшему царю». Поза офицера была нарочито обидная для Государя. Когда Государь шел мимо него, у него во рту была папироса и он держал руку в кармане. На крыльцо вышли другие офицеры. Они все были в красных бантах. Ни один из них, когда проходил Государь, не отдал ему чести. Государь отдал им честь.

Страшное горе у Государыни вызвало известие об отречении Государя. Наконец встретившись с радостью, они вместе рыдали, но их взаимная, громадная и теперь уже неразлучная любовь давала достаточно сил, чтобы перенести все страдания, на которые они пошли.

Цесаревич и его сестры поразительно сознательно и мужественно отнеслись к постигшей Царскую семью перемене и преданной любовью и заботливостью старались облегчить Государыне и Государю всю горечь обид и унижений.

Когда наследника известили об отречении Отца от престола, он спросил только о том, кто же будет править Россией и ни слова не сказал о себе и ни единого намека на свои права. Его учитель был поражен скромностью этого ребенка, которую он находил равной его доброте.

О жизни в Царском Селе Государь дал одной из своих сестер благодушное описание, в котором, между прочим, говорит: «Выход наш в сад со всеми нашими людьми, для работы или на огороде или в лесу, должно быть напоминал оставление зверями Ноева Ковчега, потому что около будки часового у схода с круглого балкона собиралась толпа стрелков, насмешливо наблюдавшая за этим шествием. Возвращение домой тоже происходило совместное, т. к. дверь сейчас же запиралась. Сначала я здоровался по привычке, но затем перестал, потому что они плохо и вовсе не отвечали... Разумеется за этот долгий срок с нами было множество мелких забавных и иногда неприятных происшествий, но всего не описать, а когда-нибудь, даст Бог,

244

расскажем вам на словах». Об этих стрелках Государь вообще отзывается так: «Бедные сбитые с толку люди».

9 марта Государь прибыл в Царское Село к больным детям и супруге и началась совместная жизнь под арестом. А 31 июля они простились на веки с дорогими уголками родного им Царскосельского дворца и парка. «Какое страдание наш отъезд, — писала Государыня, — все уложено, пустые комнаты — так больно, наш очаг в продолжении 23 лет».

6-го августа Царская Семья прибыла в Тобольск на пароходе «Русь».

Жизнь в Тобольске получила свое отражение в письмах Царской Семьи своим родным и носит бодрый характер, а у молодых членов семьи всегда веселый.

Государь пишет своей сестре в Крым: «Мы постоянно думаем о вас всех и живем с вами одними чувствами и одними страданиями». В другом письме он говорит: «Тяжело чрезвычайно жить здесь без известий — телеграммы получают здесь и продаются на улице не каждый день, а из них узнаешь только о новых ужасах и безобразиях, творящихся в нашей несчастной России. Тошно становится от мысли о том, как должны презирать нас наши союзники. Для меня ночь — лучшая часть суток, по крайней мере забываешься на время».

«Мы только что вернулись от обедни, — пишет Государь, — которая для нас начинается только в 8 час. при полной темноте. Для того, чтобы попасть в нашу церковь, нам нужно пройти городской сад и пересечь улицу — всего шагов 500 от дома. Стрелки стоят редкою цепью справа и слева и когда мы возвращаемся домой они постепенно сходят с мест и идут сзади, а другие вдали сбоку и все это напоминает нам конец загона, так что мы каждый раз со смехом входим в нашу калитку».

«Сегодня день твоих именин, — пишет Государь своей сестре. — Как часто мы проводили этот день вместе всей семьей и при иных обстоятельствах, более счастливых, чем нынешние. Бог даст и эти пройдут. Я не допускаю мысли, что те ужасы, бедствия и позор, которые окружают нас всех, продолжались долго. Я твердо верю (Государь подчеркнул слово «верю») как и ты, что Господь умиласердится над Россией и умирит страсти в конце концов. Да будет Его святая воля».

«Последние дни были очень холодные, — продолжает он, — сильнейшая буря с 25-30 градусными морозами. Ветры проникают даже в дом и температура некоторых комнат доходила до 7-8 град. тепла, например в зале и моем кабинете. Эта температура в помещениях напомнила мне пребывание зимою у

245

дорогого Георгия в Абастумане. Но ко всему привыкаешь, одеваемся мы тепло и по утрам сидим в валенках — пока печи не растопятся. Отлично».

Государыня пишет той же сестре своего супруга: «На душе так невыразимо больно за дорогую родину, что объяснить нельзя... Живем тихо, хорошо устроились, хотя далеко, далеко от всех отрезаны, но Бог милостив, силы даст и утешит, — сердце полно, выразить нельзя». «Сколько горя кругом. Куда ни смотришь слезы — слезы. Но крепко верю, что время страданий и испытаний проходит, что солнце опять будет светить над многострадальной Родиной. Ведь Господь милостив — спасет родину, вразумит туманный ум, не гневается до конца. Забыли люди Бога. Год — что царство зла всем правит. Немного еще терпеть и верить. Когда кажется, что конец всего, тогда Он наверно услышит все молитвы. Страдания и испытания Им посланы — и разве Он не всегда достаточно сил дает для перенесения всего. Ведь Он Сам показывал нам как надо терпеть без ропота и невинно страдать... Дни быстро идут, однообразно, все заняты, только таким образом и можно жить. Теперь будем тоже во время службы петь, не знаю как выйдет. Дети, Нагорный (который тоже будет чтецом — мальчиком читал в

церкви), я и регент. Очень грустно не бывать в церкви, не то, без обедни. Хотим говеть на 1-й неделе, не знаем как будет, что позволят».

Письма Царевен дают те же сведения: «По воскресеньям бывает обедница в зале, были два раза в церкви. Какая это была для нас радость после 6 месяцев... Здесь церковь хорошая. Одна большая летняя в середине, где и служат для прихода и две зимние по бокам. В приделе служили для нас одних. Она здесь недалеко, надо пройти город, сад и прямо напротив через улицу. Маму мы везли в кресле, а то ей все-таки трудно столько идти». «Вчера у нас в доме была заупокойная всенощная, а сегодня утром обедница. Поют во время службы 4 монахини из Иоанновского монастыря, который за городом. Говорят, что очень красиво...» «Бог даст все как-нибудь уляжется и успокоится. Говорят всегда, что ничего хорошего и счастливого долго не бывает, вернее не длится, так по моему также и скверное когда-нибудь должно же кончиться. Верно. У нас все слава Богу, насколько можно, спокойно. Все здоровы, бодры и не падаем духом». «Собираемся петь во время службы, начали спеваться, но регент еще не был, т. е. не знаем успеем ли петь в субботу». «Надеемся все на Бога и не унываем». «Мы

246

все на этой неделе говеем и сами поем у себя дома. Были в церкви наконец. И причаститься тоже можно будет там».

Письма эти отчасти отражают и возрастающие для узников стеснения. В церковь запретили наконец ходить, во дворе испортили и сократили для детей развлечения, постепенно сменяется состав охраны и на место старых дисциплинированных солдат становятся люди большевицкой формации, служащим Царской Семьи запретили выходы в город и они сделались заключенными, неся этот подвиг добровольно и не получая никакого жалованья, что и беспокоит и трогает Царскую Семью.

Пребывание в Тобольске было временем видимо особых нравственных терзаний Государя. Государь выражал сожаление о своем отречении, которое он сделал в надежде, что пожелавшие его удаления окажутся способными победоносно закончить войну и спасти Россию. Но за его уходом последовал большевизм, развал армии и развращение страны. Он страдал теперь при виде того, что его самоотречение во избежание внутренних волнений во время войны оказалось бесполезным, и что он, руководствуясь лишь благом своей родины, на самом деле оказал ей плохую услугу своим уходом. Эта мысль преследовала его и причиняла ему тяжкие страдания.

В соловецком заключении был настоятель Тобольского кафедрального собора протоиерей о. Владимир Хлынов, который совершал службы для Государя и Его Семьи в губернаторском доме и был духовником Их Величеств ¹⁾). По его свидетельству Государь сказал ему, между прочим:

— Я никак простить себе не могу, что я сдал власть. Я никогда не ожидал, что власть попадет к большевикам. Я думал, что сдаю власть народным представителям.

У отца протоиерея создалось убеждение, что это переживание было самым болезненным у Государя и по преимуществу преследовало его в дни заключения и может быть сознавалось им как какой-то грех, от тяжести которого он хотел избавиться.

Государыня тяжело болела другим. Ей было трудно простить несправедливость в отношении к ней. Ее мучило непонимание и клевета на нее общества.

— Все говорили про меня: немцы, немцы...

По мнению отца протоиерея, Государыню мучила мысль, что

¹⁾ В мемуарной литературе о нем хорошо вспоминает Татьяна Мельник, урожденная Боткина: «Воспоминания о Царской Семье и ее жизни до и после революции». 1921 г. стр. 44.

247

такое предубеждение против нее так и не рассеялось в русском обществе и восторжествовало.

Сначала Царская Семья ходила на богослужения в Собор. И ей и всему народу это было приятно. Но однажды соборный протодиакон в царский день в конце молебна, провозгласил Государю многолетие с полным титулом. Это обстоятельство очень огорчило Государя. После службы, придя домой, Государь сказал: «кому это нужно? Я отлично знаю, что меня еще любят и мне еще верны, но теперь будут неприятности и в собор больше не пустят»...

Так и случилось в конце концов. Но благодаря этому, о. протоиерей был приглашен на дом для совершения служб и ближе познакомился с Царской Семьей.

Пели за богослужением царевны. Пели просто и стройно. У них были хорошие книжечки, по которым они следили службы. Разметки музыкальных строф и ударений были в них сделаны очень мудрой рукой. Были случаи, когда Государь прислуживал священнику: ставил аналой, брал кадило.

После служб обычно договаривались, когда будут следующие службы. Царевны успевали жаловаться о. протоиерею на Брата, который шалил, не давал покоя им. — Мальчик лукаво смотрел на батюшку, прятался, и начинал снова свои забавы. Часто приходилось проходить по бульвару мимо губернаторского дома. Останавливаться было нельзя и тем более смотреть в окна или здороваться. Почти всегда о. протоиерей видел кого-нибудь из Великих Княжон у окна. Бедные птички из своей клетки всегда смотрели на свободу и радость жизни проходящих людей. Отец протоиерей всегда старался взглянуть в окно и кивнуть туда головой. А оттуда улыбка, кивки и долгий провожающий взгляд.

Еще важный факт. Государь в первые же дни знакомства с о. протоиереем, просил его передать епископу Гермогену, правящему в Тобольске, свой земной поклон (именно так выразился Государь) и просьбу простить его, Государя, что он принужден был допустить отстранение его от кафедры. Иначе нельзя было сделать. Но что он, Государь, рад, что имеет возможность просить прощения за все.

Как уже впереди описано, Гермоген, епископ Саратовский, написал послание Государю непосредственно, минуя Синод и за это формально должен был быть наказан.

Теперь епископ Гермоген был растроган до глубины души, сам послал Государю, через отца протоиерея, земной поклон и просфору и просил прощения.

248

Так Царь и епископ, незадолго до мученической кончины обоих, изжили бывшее недоразумение с глубоким смирением и любовью.

В Тобольске Царскую Семью постигло испытание, имевшее по своим конечным результатам только нравственное значение, а не какое-либо практическое, и бывшее как бы их Гефсиманией с ее борениями, за которой дальше началось шествие на Голгофу.

Прибывший из Москвы комиссар объявил Государю, что его увозят и что отъезд состоится этой ночью. Узнав об этом, Государь воскликнул с волнением: «в таком случае это значит, что они хотят заставить меня подписать брест-литовский договор, скорее я дам отрубить себе руку»... Комиссар уверял, что с Государем не случится ничего дурного и что, если кто-нибудь пожелает его сопровождать, этому не будут противиться. Государыня решила сопровождать мужа, не смотря на болезнь сына, которого она решила покинуть во имя долга. Ей пришлось выбирать между сыном и мужем. Государь оставлял семью по необходимости со смертельной решимостью служить родине. Государыня шла за ним добровольно, только чтобы поддержать мужа в том же самом. Ради того, чтобы разделить жизнь и смерть мужа во имя долга, она героически отрывает свое сердце от безгранично любимого сына. Она выносит решение, полное пламенного патриотизма, в сознании долга пред Россией.

Воспитатель Наследника рассказывает, что проходя по коридору он встретил двух лакеев, которые рыдали, сообщая, что Государя увозят. Минуту спустя Татьяна Николаевна в слезах попросила его к Государыне. Государыня говорила: — «Я не могу отпустить Государя одного. Его хотят, как тогда разлучить с семьей... хотят постараться склонить его на что-нибудь дурное, внушая ему беспокойство за жизнь близких... вдвоем мы будем сильнее сопротивляться, и я должна быть рядом с ним в этом испытании... Но мальчик еще так болен... вдруг произойдет осложнение... Боже мой, какая ужасная пытка... В первый раз в жизни я не знаю, что мне делать»... Государыню терзали сомнения. Наконец она сказала: «Да, так лучше, я уеду с Государем, я вверяю вам сына», — обратилась сна к воспитателю. Семья провела всю вторую половину дня у постели Алексея Николаевича. Вечером Государыня сидела на диване, имея с собой рядом двух дочерей. Они так много плакали, что их лица опухли. Все окружающие Царскую Семью скрывали свои мучения и старались казаться спокойными. У всех было

чувство, что, если кто-нибудь не выдержит, не выдержат и все остальные. Государь и Государыня были серьезны и сосредоточены. Чувствовалось, что они готовы всем пожертвовать, в том числе и жизнью, если Господь, в неисповедимых путях своих, потребует этого для спасения страны. Никогда они не проявляли по отношению ко всем окружающим больше и доброты и заботливости. Та великая духовная ясность и поразительная вера, которой они проникнуты, передаются и всем. В одиннадцать часов с половиною слуги собираются в большой зале. Их Величества и Мария Николаевна

прощаются с ними. Государь обнимает и целует всех мужчин. Государыня — всех женщин. Почти все плачут. В три с половиною часа ночи во двор въезжают экипажи. Это ужаснейшие тарантасы. Один только снабжен верхом. Находится на заднем дворе немного соломы, которую подстилают на дно тарантасов. Матрац кладется в тот из них, который предназначен Государыне. В четыре часа все поднимаются к Их Величествам, которые выходят в эту минуту из комнаты Алексея Николаевича. Государь, Государыня и Мария Николаевна прощаются со всеми. Государыня и Великие Княжны плачут. Государь кажется спокойным и находит ободряющее слово для каждого, он обнимает и целует остающихся. Государыня, прощаясь, просит воспитателя сходить вниз и оставаться при Алексее Николаевиче. Тот отправляется к нему, мальчик плачет в своей кровати. Несколько минут спустя, слышен грохот экипажей. Великие Княжны возвращаются к себе наверх и проходят, рыдая, мимо дверей своего брата.

Родители и дети никогда не разлучались, а теперь должны были разделиться, даже с больным сыном и накануне Пасхи, когда вся семья всегда была вместе. Впрочем, разлука была очень недолгой. Большевицкие организации севера воспрепятствовали дальнейшему следованию Царской Четы и задержали ее в Екатеринбурге. 13/20 апреля она выехала из Тобольска и проделала 285 верст в повозках, «кошевах» или плетенных корзинках без сидений, прежде чем достигла железной дороги. 17/30 апреля Государь, Государыня и Вел. Княжна Мария Николаевна с некоторыми членами их добровольной свиты прибыли в Екатеринбург и заключены в доме инженера Ипатьева. А 10 мая к ним уже прибыли и все остальные члены семьи. Навигация речная открылась и дорога для них была более легкой.

Два с половиною месяца прожила здесь Царская Семья среди шайки наглых, разнузданных людей новой их стражи, подвергаясь издевательствам и непрерывным страданиям. При первом обыске большевик грубо вырвал из рук Императрицы ручной

мешочек и отвечал Государю дерзостями. В первое время Великие Княжны спали на полу и все ели отвратительную пищу из советской столовой. Караульные были поставлены во всех углах дома и следили за каждым движением заключенных. Они покрывали стены неприличными рисунками, глумясь над Императрицею и Великими Княжнами. За столом садились все вместе. Караульные, присутствуя тут-же, не снимали фуражек, курили, плевали и ругались скверными словами. Однажды за столом сам комиссар,

беря тарелку, толкнул Государя локтем прямо в лицо. Большею частью караульные несли свою службу в пьяном виде. Они систематически грабили и расхищали вещи, белье и одежду Царской Семьи. Но постепенно даже озверевшие охранники были поражены той силой христианского смирения и кротости, с которыми вся Царская Семья переносила мучительное заключение, пока наконец в ночь на 17 июля 1918 г. было совершено одно из величайших преступлений во всемирной истории.

За три дня до злодеяния, 1/14 июля, была последняя служба в помещении, занятом Царской Семьей. Священник отец Иоанн Сторожев так описывает этот момент. «Мне показалось, что как Николай Александрович, так и все его дочери на этот раз были — я не скажу — в угнетении духа, но все же производили впечатление как бы утомленных. По чину обедницы положено в определенном месте прочесть молитву «Со святыми упокой». Почему то на этот раз о. диакон, вместо прочтения, запел эту молитву, стал петь и я... Но едва мы запели, как я услышал, что стоявшие позади меня члены Семьи Романовых спустились на колена»... Так подготовились они, сами того не подозревая, к своей смерти, принимая погребальное напутствие.

В это богослужение, вопреки обыкновению, никто из Семьи не пел, что тотчас обратило внимание духовенства и выйдя из дома они поделились своими впечатлениями, что как будто у них там что-то случилось и они все какие то другие.

Узники спали глубоким сном, когда их разбудили и приказали одеваться, чтобы покинуть город, которому будто бы угрожала опасность. Царская Семья спустилась в нижний полуподвальный этаж, где Государь с больным сыном сел на стуле посреди комнаты. Вокруг расположились Государыня, Великие Княжны, доктор и трое преданных слуг. Все ожидали сигнала к отъезду. Они не знали, что экипаж давно уже ждет их у ворот. Это был грузовик, на котором должны были отвезти тела обреченных.

После, ошеломившего всех заключенных, заявления палача о предстоящем расстреле Государыня успела перекреститься.

Она была убита сразу, одновременно с Государем. Бог послал им счастье не слышать стонов Цесаревича и криков раненой Великой Княжны Анастасии. Первые пули не принесли смерти самым младшим и их прикончили, добивая ударами штыков и прикладов, выстрелами в упор. Самое невинное и святое претерпело наибольшие муки. Они были убиты:

Государь 50 лет (род. в 1868 г.) от роду.

Государыня 46 лет (род. в 1872 г.).

Ольга 23 лет (род. в 1895 г.).

Татьяна 21 года (род. в 1897 г.).

Мария 19 лет (род. в 1899 г.).

Анастасия 17 лет (род. в 1901 г.).

Алексий 14 лет (род. в 1904 г.).

Из числа преданных друзей и слуг Царской Семьи, прибывших с нею из Тобольска, убиты вместе с Царственной Седмерицей лейб-медик Евгений С. Боткин, горничная Государыни Анна С. Демидова, повар Харитонов и лакей Трупп. Матрос Климентий Нагорный, ходивший за Наследником с раннего детства и Сергей Седнев, лакей Великих Княжен, оба защищавшие заключенную Царскую Семью в Екатеринбурге от грабежа и оскорблений, были увезены из дома заключения в тюрьму и там расстреляны. Совсем не были допущены жить с Царской Семьей в Екатеринбурге и также расстреляны в тюрьме генерал Илья Татищев и князь Василий А. Долгоруков. Другие недопущенные, фрейлина, графиня Анастасия В. Гендрикова и гоф-лектриса, учительница русского языка, Екатерина А. Шнейдер вывезены были в Пермь и там расстреляны. Графиню Гендрикову перед расстрелом, 21-го августа, допрашивали: добровольно ли она последовала за Романовыми в Тобольск. Она сказала, что добровольно. «Ну раз вы так преданы им, скажите нам: если бы мы вас теперь отпустили, вы бы опять вернулись к ним и опять продолжали бы служить им?» — «Да, до последнего дня моей жизни», — ответила графиня.

«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Иоан. 15, 13).

VI.

Семь измученных страдальцев, семь кротких незлобивых агнцев приготовили себя на заколение. Поруганные, всеми оста

вленные, они совершили крестный свой путь от царских дворцов до Екатеринбургских подвалов Ипатьевского дома, от блестящей свиты царедворцев и славы у масс войск и народа к тяжкому одиночеству среди шайки разбойников и поруганию от этих полужверей-палачей и своих убийц.

Рожденный в день церковной памяти святого праведного Иова Многострадального (6 мая), Государь, жизнь которого была так тяжела и правление так несчастливо, сам обратил внимание на день своего рождения и сам уподобил жизнь свою испытаниям страдальца Иова, приняв свой крест, как крест Иова, твердо, кротко и без тени ропота.

У Государя сознание полноты счастья, удовлетворенности жизнью никогда не было. На нем исполнилось его собственное пророчество: «У меня более чем предчувствие, что я обречен на страшные испытания и что я не буду вознагражден за них на этом свете».

«Мне не удастся ничего, чтобы я не предпринимал; у меня нет удачи. Впрочем воля человека так бессильна». «Сколько раз я применял к себе слова св. Иова: ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня; и чего я боялся, то и пришло ко мне».

«Быть может, для спасения России нужна искупительная жертва. Я буду этой жертвой. Да будет воля Божия».

Эти святые слова Царь-Мученик произносил свыше чем за 10 лет до 1917 года.

В юности он получил ранение от руки фанатика-японца, как предзнаменование будущего, еще большего ранения. Заря счастливой супружеской жизни была омрачена кончиной обожаемого отца. Заря государственного служения — Ходынской катастрофой. Затем потеря любимого брата-друга, революционные волнения 1905 года, неудачная русско-японская компания, разногласия и своеволия некоторых родственников, томительное ожидание сына и рождение вымоленного у Бога Императрицей больного мальчика, нежно любимого Наследника. Наконец, новая война с первоначальными неудачами, но с надеждой и со всеми данными грядущей скоро уже победы, которой дожидаться также не удалось.

И за всеми неудачами следовали непонимание, неправда и клевета «общества». На мудрого и во всем разбирающегося, но кроткого и скромного смотрят свысока, как на невежественного и ограниченного. Его глубокое сознание нравственной ответственности за судьбы родины и за жизнь бесчисленных подданных, осторожность в самых последних решениях, трактуется как безволие; смирение осуждается, религиозность осмеивается как мракобесие, в речах и манифестах, чуждых угодливости

и лести, но твердых по взглядам и убеждениям; усматривается только рутинность, консерватизм. Всякая неудача возводится в его личную ошибку или преступление. Клевета не щадит не только верной и ни в чем неповинной Государыни, которой бросается гнусное обвинение в измене, но даже прекрасных, ангело-подобно чистых дочерей.

И из всего этого моря лжи, клеветы и бранной ругани Государь выходит прекрасным и чистым. Ни единого неверного, неблагородного, нецарственного жеста: такое достоинство и такое смирение.

«Святой страдалец» — самое верное, истинно выражающее душу и жизнь Государя определение, произнесенное его царственной супругой.

Все, все, что произошло с Государем и его Семьей, произошло по евангельской канве.

Страдание Царской Семьи — величественное, исключительное, Хриstopодобное. Оно совершилось во всей полноте нравственных и физических переживаний. В несмолкаемом газетном хохоте и в уличном общенародном глумлении издевались, позорили, клеветали, оскорбляли и унижали ее, после того как одни ближайшие сотрудники Государя ему изменили, а другие трусливо бежали. «Кругом измена, трусость и обман». Вчера имевшие торжественные входы в столицы и города с кликами несметных толп — «осанна!» — сегодня слышит — «распни!». Временное правительство, во власть которого Царь отдал сам себя добровольно, испугалось толпы и не защитило его. Иуды предали, Пилаты умыли руки, палачи распяли.

Было и Гефсиманское борение с «отчаянием», которое, однако, «прошло», со слезами и рыданиями, с горячей молитвой, с переживанием разлуки, от которой «разрывалось сердце». Еще об этом сердце. «Я начинаю ощущать мое старое сердце, — писал он Царице еще в июне 1915 г., — Первый раз, ты помнишь, это было в августе прошлого года после самсоновской катастрофы, а теперь опять». Сколько пережило это сердце в горестных скорбях о неудачах отечества вплоть до тех дней, когда лучшей порою стала для него ночь, в которой он мог «забываться на время». Святой страдалец, новый Иов Многострадальный! Золотой свой царский венец он сменил на терновый венец Христов. В его уста так легко вкладываются слова Иова: «наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь; Господь дал,

Господь и взял; да будет имя Господне благословенно! неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать» (Иов. I, 21; II, 10).

254

У здравствующих членов Императорского Дома оказались книги, которые были у Царской Семьи во время заточения их в Тобольске и Екатеринбурге. Книги, лично принадлежавшие Императрице и В. К. Татьяне Николаевне, на полях многих своих страниц, хранят карандашные отметки, из которых мы видим, какою мыслью читавшие были поражены, с чем они молча соглашались, в чем невольно выражали себя их души. Берем несколько подчеркнутых выдержек только из двух книг: «Лествица, Преп. Иоанна Лествичника», изд. 1909 г. и «О терпении скорбей, учение св. отцев», еп. Игнатия Брянчанинова, 1893 г. Обе книги за собственноручной подписью Императрицы на заглавном листе.

«Христиане должны мужественно переносить оскорбления и борьбу, как внешние, так и внутренние. Ударяемые скорбями христиане должны восходить в преуспевание посредством терпения. Таков путь христианского жительства. Где Святой Дух, там, как тень за солнцем, последует гонение и борьба. Возри на пророков, в которых действовал Дух Святой: каким они подвергались гонениям. Возри на Господа, Который — Путь и Истина, и Который претерпел гонение не от какого-либо чуждого народа, но от своего собственного племени...»

«Не следует христианам приходить в недоумение при напастях: подвергаться преследованию — неотъемлемая принадлежность истины. Мученики, прошедшие через многие виды мучений, явили силу непобедимого мужества, подчинившись и самой смерти насильственной: после этого они удостоиваемы были венцов. Чем многочисленнее были их страдания, тем большие получили они славу от Бога и дерзновение к Богу».

«Нам заповедано взять крест наш и последовать Христу, что значит — быть постоянно готовым к смерти. Если будем в таком расположении и настроении духа, то, как сказано, будем переносить с великим удобством всякую скорбь, и внутреннюю и находящую извне... Говорящие, что любят Господа, пусть докажут справедливость своих слов не только великодушным терпением всех случающихся скорбей, но и терпением охотным, с любовью, ради надежды, отложенной в Господе».

«Невозможно спастись иначе, как через ближнего.. Отпускайте — заповедал Господь — и отпустится вам. В этом заключается духовный закон... И так исполнение закона заключается в прощении обид. Исполняющие закон духовно, и, по мере исполнения, делающиеся участниками благодати, любили не только благодетельствовавших, но и поношающих их и гонящих, ожидая получить любовь в воздаяние добродетели. Добродетель их состояла не только в том, что они простили нанесенные им обиды, но и в благотворении душам обидчиков, молясь за них Богу, как за те орудия, при посредстве которых они получают блаженство, по свидетельству Писания: Блаженни есте, егда поносят вас и ижденут вас».

«Во всяком времени, месте и деле будем твердо держаться одной цели, чтобы нам, подвергаясь различным обидам от человеков, радоваться, а не скорбеть, — радоваться не просто, не бессмысленно: радоваться на том основании, что обретаем благоприятный случай к получению прощения в наших согрешениях, прощая ближнему. В этом заключается разум истины».

255

«Блажен тот, кто, укоряемый и унижаемый ежедневно, понудил себя к терпению ради Бога; он примет участие в вечном празднике мучеников, и вступит дерзновенно в общение с Ангелами».

«Усердно пей поругание, как воду жизни, от всякого человека, покушающегося напоить тебя чистительным врачевством, изгоняющим из сердца сладострастие. Если будешь руководствоваться этим правилом, то глубокая чистота воссияет в душе твоей, и свет Божий не оскудеет в [сердце твоём].

«Верующие в Господа Иисуса Христа шли на смерть, как на праздник... становясь перед неизбежной смертью, сохраняли то же самое дивное спокойствие духа, которое не оставляло их ни на минуту... Они шли спокойно на встречу смерти потому, что надеялись вступить в иную, духовную жизнь, открывающуюся для человека за гробом».

Вот та духовная пища, которою питалась Царская Семья, подкрепляя себя на своем крестном пути. Они познавали искусство добродетели из чистого источника писаний святых отцов, которые опытно проходили святые заповеди Божии.

Из Тобольска Государыня писала, что после прочтения Тихона Задонского она читает творения св. Григория Нисского, которых кстати прежде не читала.

Все старшие члены Семьи вполне сознавали возможность трагического конца. Кроме свидетельств приближенных о таком настроении, в тетрадке Вел. Княжны Ольги Николаевны найдено следующее стихотворение.

Пошли нам, Господи, терпенье,
В годину буйных, мрачных дней,
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.
Дай крепость нам, о, Боже правый,
Злодейство ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.
Владыка мира, Бог вселенной,
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый, страшный час.

Существует мнение, что автором стихотворения является учительница русского языка Е. А. Шнейдер, разделявшая судьбу Царской Семьи до Екатеринбурга и принявшая мученическую кончину вслед за нею.

История в свое время расскажет сокровенные еще для нас подробности скорбей Царской Семьи и слезы умиления неоднократно прольются над подвигом новых великих страстотерп-

цев, которых Господь «разжег, яко серебро, искусил седмерицею», чтобы «обрести их достойными Себе» (Прем. Солом. III, 5-7) и увенчать более славными диадемами, чем венцы царские.

Добродетели их это — драгоценные камни, несказанной ценности, которые имеют различную оправу: и золото, и серебро, и другие меньшей ценности металлы или все те свойства свестскости, или может быть человеческих естественных мелких ошибок и недостатков, о которых могут рассказать письма, или другие свидетельства. Эти драгоценные камни сверкают неизменным блеском везде, какова бы ни была их оправка.

Жестокие истязатели изобретали нравственные пытки для незащитной Царской Семьи, и, однако, ни одного слова ропота на свой жребий не вышло из уст страдальцев. Они подражали Тому, о Ком сказано: «будучи злословим, Он не злословил взаимно; страдая, не угрожал» (1 Петр. II, 23). Только Богу они возвещали печаль свою и пред Ним одним изливали свое сердце.

Они оказались одинокими, отверженными и чужими миру, как носители святых идеалов России среди грешных и отпавших от этих идеалов людей. Блаженни эти избранники Божии потому, что к ним относятся слова Спасителя: «если бы вы были от мира, то мир бы любил свое; но как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир» (Иоан. XV, 19).

Они исполнили заповеди Христовы.

Блаженни они, как нищие духом, плачущие, кроткие, алчущие и жаждающие правды, милостивые, чистые сердцем, миротворцы, изгнанные за правду, поносимые, гонимые, всячески несправедливо злословимые за Христа и имени Его ради (Мф. V, 3-12). Радуются они ныне и веселятся, ибо велика их награда на небесах; они утешились, наследовали землю вечной жизни, насытились правдой, сами помилованы, Бога узрели своими очами, наречены сынами Божиими.

Ныне радуются и веселятся у Бога и почитают за ничто свои страдания земные, видя в преизбытке славу Божию, познав сами, что земные страдания ничто пред будущею славою.

Семнадцать долгих месяцев Царская Семья шла по тернистому пути к своей Голгофе, все выше становясь нравственно, озаряясь изнутри светом Небесного Града. Конец избранников Божиих венчал их начало. Государь вымолил себе у Бога супругу. Таким же даром Божиим явился им и их сын, выпрошенный у Бога. Все Богом данное, Богу принадлежит. Им не дана до конца земного бытия полнота благоденствия. Государыня в первый день

брака положила завет на вечный союз с мужем после смерти. Наследник российского престола, в своих детских

257

страданиях разрывал сердце родителей молитвою — «Господи, сжался надо мною» — и услышан Богом и унаследовал лучшее царство. «Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моем, как и Я победил и сел со Отцем Моим на престоле Его» (Откр. III, 21). Не роптавший, а молившийся, притесняемый и не жалующийся есть победитель.

Образ убиенного в Угличе Царевича Димитрия через столетия воплощается в Цесаревиче Алексие. Тогда насильственная смерть невинного восьмилетнего отрока дала основание Церкви причислить его к лику святых...

Подвиг страдальчества в семье с больным ребенком явился там, где была полнота царской земной власти. И здесь навсегда было оставлено памятование, что не все человеку возможно, но все именно в руке Божией и прежде всего крест, самим Богом на земле воспринятый и Им возлагаемый на Его верных, избранных детей. И крест этот здесь понесен с глубочайшим смирением. Какое ободрение всем крестоносным семьям!

Надо было, чтобы нам явился образец «домашней церкви» (1 Кор. XVI, 19) апостольских времен, пример христианской семьи, назидание любви супругов и их детей к Богу и между собою. И откуда же? от Царской Семьи, от дома, стоящего на верху горы, от светильника светящего с подсвечника. Правда, идеал нам показан оттуда, где он должен быть, но кто когда так выполнял свое назначение? И в какие времена? Во времена семейного развала, неверности, взаимного непонимания «отцов и детей», потери религиозного быта и самой любви к Богу.

Семейное счастье ничем никогда неомрачаемой любви в течение всех 24-х лет брака (1894-1918) и любовь детей к родителям и их почитание в Царственной седмице — памятный знак для всех мужей, жен и детей. Там, где были даны условия облегчить труды родительского попечения о детях и сложить их на плечи других, не нерадели и не тяготились ими, и получили достойные плоды этих трудов воспитания. Какой пример!

Устроившие себе семейное счастье, указывают путь женихам и невестам, дабы они с молитвою к Богу о помощи искали себе спутников жизни.

Семейство мучеников, пришедшее к Богу, ничего не потеряло из своих достоинств, но желают пред Богом всем того спасения и той семейной радости, которыми сами обладали.

Любовь к семье у Царственной Четы не побеждала их любви к родине и ради родины они готовы были жертвовать собою и семьей, что и доказали на деле. Однако, и любовь к родине и

258

семье не побеждала их любви к Богу. Бог, родина, семья — вот три служения Императора, где сосредоточивалась его жизнь и вся любовь, но каждая ценность заняла подобающее ей место в его сердце.

В служении Богу последний Император — славный деятель Церкви. Во главе всех мучеников российских из числа мирян стоит первый мирянин Церкви — Государь, попечитель нужд ее, помощник архипастырям и пастырям в устройении дел церковных, строитель храмов Божиих, ревнитель церковного воспитания детей, благоговейный паломник святых мест, благочестивый молитвенник, прославитель памяти святых российских, за что одно уже достоин быть сопричтенным к их лику. Доблестный сын Церкви, он — достойный образец мирянам, рядовым членам Церкви, в служении ей. Говорят, что его сердцу была любезна мысль о восстановлении патриаршества и будто он предполагал, что в свое время, отдав царство сыну и расставшись с супругой, он бы сам воспринял патриаршее служение. Это так походит на Государя. Образы Патриарха Филарета и царя Алексея Михайловича, память о котором он восстановил в имени своего сына, были ему так близки, что навряд ли бы окончил свое царствование иначе, будь оно мирным.

Таков был среди нас представитель Святой Руси, который за исповедание веры в эту святыню и был предан и убит.

Он нес на себе самоотверженно огромное бремя правления один, памятуя постоянно в своем одиночестве, что он даст ответ за все Царю царей там, на небе. И он знал, для кого он это делает. Не для себя: «Я берег не самодержавную власть, а Россию», — сказал он в дни отречения, полагая, что только таким способом он охранял ее от торжества неправды и анархии. Верный своей священной клятве, данной им в день коронования, он должен был или страдать, или изменить своему призванию и очень легко добиться популярности среди кругов, искавших власти, но бывших к ней не только не

способными, но и вообще неверными Русской истории, ее Церкви и христианской совести.

Исповедниками называются христиане, которые мужественно претерпели страдания и узы, темницы и ссылки за открытое исповедание своей веры. И Государь был умучен от маловерного, неверного и отступнического общества русских людей, ставших чуждыми принципам Святой Руси, умучен как хранитель этих принципов. Он умучен, как слуга Божий, ограниченный в своей воле и власти только законом Божиим, законом правды

259

и любви, которому и служил до смерти. За верность своей присяге, клятвенному обещанию, данному при восшествии на престол. За веру в святость своего миропомазания на царство и в свою ответственность пред Богом. За благочестие или за свидетельство Христовой истины своей жизнью, благодаря чему он стал чужд окружающему его развращенному обществу. За правду русской жизни и культуры, дух которой — в Православии.

Самый акт отречения от престола явился выражением его самопожертвования ради отечества, проявлением наибольшей любви, полагающей жизнь свою за други своя. В дни отречения он говорил: «Я не хотел бы уехать из России, ее слишком я люблю; за границей мне было бы слишком тяжело». И когда выезд из России хотя бы на время войны представлялся необходимым для пользы той-же России, он потребовал от временного правительства гарантий на «беспрепятственный приезд по окончании войны в Россию для постоянного жителя».

Оставшись в России и находясь в заключении, Государь не допускал ни того, чтобы семья была разлучена, ни того, чтобы покинуть территорию Российской Империи. Государыня говорила: «Я ни за что на свете не хочу покидать России, так как мне кажется, что, если бы нам пришлось уехать за границу, — это значило бы порвать последнюю нить, связывающую нас с прошлым; мне кажется, что это прошлое погибло бы безвозвратно». В Тобольске она говорила: «Я лучше буду поломойкой, но я буду в России». «Предпочитаю умереть в России, нежели быть спасенной немцами». Вне России Царская Семья не представляла смысла своего существования.

«Ты знаешь, как я люблю твою страну, которая стала моей», — писала она Государю в свое время. «Чувствую себя матерью этой страны, — писала

она из Тобольска, — и страдаю, как за своего ребенка, и люблю мою родину, несмотря на все ужасы теперь и все согрешения. Нельзя вырвать любовь из моего сердца и Россию тоже, несмотря на черную неблагодарность к Государю, которая разрывает мое сердце, — но ведь это не вся страна. Болезнь, после которой она окрепнет. Господь! смилуйся и спаси Россию!» «Будем непрестанно за родину молиться. Христос, помилуй мя, грешную, и спаси Россию».

Когда старшей дочери была возможность выйти замуж за иностранного принца и будущего короля, она заявила: «я не хочу покидать Россию, я русская и хочу остаться русской навсегда». И осталась, чтобы взойти на Голгофу вместе со всеми другими своими сестрами.

260

Единственным человеком, у которого не помутилось в дни революции национальное сознание, был Государь. Его духовное здоровье не было задето моментом. Он продолжал смотреть на вещи просто и трезво. Он отрекся после того, как все ему изменили. Он остался в России и мученически невинно за нее погиб, его преемники у власти — сами изменили всем и дезертировали, сами бежали, спасая свою жизнь. Они нарушили присягу и предали своего Царя и с ним свою родину, хотя должны были сделать все, не жалея живота, победить или умереть, как это делают простые солдаты на полях сражения. Но среди своих высших военачальников-сотрудников только один Император положил жизнь свою за Россию. Сотрудники же его, восстав на него и подрубив ветвь, на которой сидели, или погибли от рук бунтарей, с которыми вошли в союз, получив должное, или постыдно бежали со своих постов.

Для спасения же Царя не нашлось больше Ивана Сусанина.

Русский народ отрекся от своего Царя. Убийство его — не частный грех дворцового переворота, а грех всеобщий, всенародный, от дурмана революции, которым народ позволил себя одурманить. Мы все не убили этих святых людей, но позволили их убить, мы не защитили их, мы их бросили. А если не защитили, то и соучастники убийства. Где наше единство, где наша вера и самоотвержение, где защита правды? Испугались, разложились, пали тяжким падением.

Мы имели высоко поставленного Царя, над которым повторено было таинство миропомазания. Он был помазанником Божиим. Благодать Святого Духа на нем — подлинная реальность, а не условный знак или обряд или

символ. И потому, покидая Царя, мы кощунствовали над таинством, попрали благодать Божию, поступили как богопротивники. Не имеешь царя, помазанника Божия — не имеешь и греха против него, а если имеешь его, то берегись погрешить против Бога. «Кто, подняв руку на Помазанника Господня, останется ненаказанным» (1 Цар. XXVI, 9). И изменивши ему, мы лишились благодати Божией в нашем управлении и подпали не под какую-нибудь власть человеческую, а по истине под власть бесовскую, которая замучила наш народ. И в этом единственном царе в мире — помазаннике Божиим от благодати святого таинства, — не лишился ли и весь мир силы, которая «удерживала» (2 Фес. II, 7) силы бесовские от современного властвования и влияния. Если мы этого еще не поняли, то может быть пойдем потом.

261

VII.

Святыня и подвиг Государя и его Семьи глубоко были осознаны в широких кругах русской эмиграции сразу же после изгнания, но вопрос о причислении их к лику святых без всяких колебаний и сомнений был практически поднят прежде всего в Югославии. Сербский народ возлюбил русского Царя всем сердцем.

30-го марта 1930 года была опубликована в сербских газетах телеграмма, что православные жители города Лесковац в Сербии обратились к Синоду Православной Сербской Церкви с просьбою поднять вопрос о причислении к лику святых покойного Русского Государя Императора Николая II-го, бывшего не только самым гуманным и чистым сердцем Правителем Русского народа, но и погибшего славною мученическою смертью.

В сербской печати, еще в 1925 году, появились описания того, как одной пожилой сербке, потерявшей на войне двух сыновей убитыми и одного — без вести пропавшим, считая последнего тоже убитым. Однажды, после горячей молитвы за всех погибших в минувшую войну, бедная мать заснула и увидела во сне Императора Николая II, сказавшего ей, что сын ее жив и находится в России, где он вместе с двумя убитыми своими братьями боролся за славянское дело. «Ты не умрешь, — сказал Русский Царь, — пока не увидишь своего сына». Вскоре после этого вещего сна, старушка получила известие, что сын ее жив, и через несколько месяцев после того, она счастливая обнимала его живым и здоровым, прибывшим из России на родину.

Этот случай чудесного явления во сне покойного и горячо любимого сербами Русского Императора Николая II разошелся по всей Сербии и передавался из уст в уста. В Сербский Синод начали поступать со всех сторон сведения о том, как горячо сербский народ, особенно простой, любит покойного Русского Императора и почитает его святым.

11-го августа 1927 года в газетах в Белграде появилось извещение под заглавием «Лик Императора Николая II в Сербском монастыре св. Наума, что на Охридском озере».

Это сообщение гласило: «Русский художник и академик живописи С. Ф. Колесников был приглашен для росписи нового храма в древнем Сербском монастыре св. Наума, причем ему была предоставлена полная свобода творческой работы в украшении внутреннего купола и стен. Исполняя эту работу, художник задумал написать на стенах храма лик 15-ти святых, размещенных в пятнадцати овалах. Четырнадцать ликов были

262

написаны сразу же, а место для пятнадцатого долго оставалось пустым, так как какое-то необъяснимое чувство заставляло С. Ф. Колесникова повременить. Однажды в сумерки С. Ф. Колесников вошел в храм. Внизу было темно и только купол прорезывался лучами заходящего солнца. Как потом рассказывал сам С. Ф. Колесников, в этот момент в храме была чарующая игра света и теней, все кругом казалось неземным и особенным. В этот момент художник увидел, что оставленный им незаполненным чистый овал, ожил и из него, как из рамы, глядел скорбный лик Императора Николая II. Пораженный чудесным явлением мученически убиенного Русского Государя, художник некоторое время стоял, как вкопанный, охваченный каким-то оцепенением. Далее, как описывает сам С. Ф., под влиянием молитвенного порыва, он приставил к овалу лестницу, и, не нанося углем контуры чудного лика, одними кистями начал прокладку. С. Ф. Колесников не мог спать всю ночь и, едва забрезжил свет, он пошел в храм и при первых утренних лучах солнца уже сидел наверху лестницы, работая с таким жаром, как никогда. Как пишет сам С. Ф. Колесников: — «я писал без фотографии. В свое время я несколько раз близко видел покойного Государя, давая ему объяснения на выставках. Образ его запечатлелся в моей памяти. Я закончил свою работу и этот портрет-икону снабдил надписью: — «Всероссийский Император Николай II, принявший мученический венец за благоденствие и счастье славянства».

Вскоре в монастырь приехал Командующий войсками Битольского военного округа генерал Ристич. Посетив храм, он долго смотрел на написанный С. Ф. Колесниковым лик покойного Государя и по щекам его текли слезы. Затем, обратившись к художнику, он тихо промолвил: — «Для нас, сербов, это есть и будет самый великий, самый почитаемый из всех святых».

Этот случай, равно как и видение старой сербки, объясняет нам — почему жители города Лесковац в своем прошении Синоду говорят, что они ставят покойного Русского Государя Императора наравне с сербскими народными святыми: Симеоном, Саввой, Лазарем, Стефаном и другими.

Кроме приведенных случаев о явлении покойного Государя отдельным лицам в Сербии, среди Сербской Армии имеется сказание, что ежегодно в ночь накануне убийства Государя и его Семьи, Русский Император появляется в Кафедральном Соборе в г. Белграде, где молится перед иконой святого Саввы за Сербский народ. Затем, согласно этого сказания, он пешком идет

263

в Главный штаб и там проверяет состояние Сербской Армии. Это сказание широко распространилось среди офицеров и солдат Сербской Армии.

В русской эмигрантской печати было сообщено (в 1947 г.) о дерзновенном молитвенном призывании Царской Семьи в опасности, когда сотня казаков, потеряв связь с обозом и войском, оказалась в окружении красных среди болот. Священник о. Илья призвал всех к молитве, говоря: — «Сегодня день памяти нашего Царя-мученика. Сын его, отрок Алексей — Царевич, был войск казачьих Атаманом почетным. Попросим их, чтобы ходатайствовали они пред Господом о спасении христолюбивого воинства казачьего».

И отец Илья отслужил молебен «Мученику Николаю, Государю Российскому». А припев на молебне: «Святые мученики дома Царского молитесь Бога о нас».

Пела вся сотня и обоз. В конце молебна отец Илья прочитал отпуст: «Молитвами святого Царя-Мученика Николая Государя Российского, Наследника его отрока Алексея-Царевича, христолюбивых войск казачьих Атамана, благоверные Царицы-мученицы Александры и чада ее Царевен-мучениц; помилует и спасет нас, яко благ и человеколюбец».

На возражения, что эти святые мученики еще не прославлены и чудеса от них еще не явлены, отец Илья возразил: «А вот молитвами их и выйдем... А вот и прославлены они... Сами слышали, как народ прославил их. Божий народ... А вот и покажет нам путь святой отрок Алексей-Царевич. — А вот не видите вы чуда гнева Божия на Россию за неповинную кровь их... А вот явления узрите спасением чтущих святую память их... А вот указание вам в житиях святых чтите, когда на телесах святых мучеников без всякого прославления, христиане храмы строили, лампы возжигали и молились таковым яко предстоятелям и ходатаям...»

Сотня и обоз из окружения вышли чудесным открытием о. Ильи.

Шли и по колено, и по пояс, проваливались по шею... Лошади вязли, выскакивали, опять шли... Сколько шли и устали ли не помнят. Никто ничего не говорил. Лошади не ржали... И вышли... 43 женщины, 14 детей, 7 раненых, 11 стариков и инвалидов, 1 священник, 22 казака — всего 98 человек и 31 конь. Вышли прямо на ту сторону болота, угол которого занимали казаки, сдерживающие обходное движение красных, прямо в середину

264

своих. Из окрестных жителей никто не хотел верить, что прошли они этим путем. И шума перехода не слышал неприятель. И следа куда ушли отрезанные не могли утром установить красные партизаны. Были люди — и нет их!

Ко второму Всеагличному Церковному Собору 1938 г., среди русских в Сербии, под влиянием религиозного почитания памяти царственных мучеников как в самом сербском народе, так и среди его высокопоставленных лиц, возник вопрос о канонизации Царской Семьи. Но этот вопрос имеет значение не только для эмиграции, но и для всего русского народа, под игом находящегося, и надо чтобы он вошел в сознание и был принят широкими церковными массами. Уясняя себе духовный образ Царской Семьи, церковный народ в каждой нужде может прибегать к ее небесной помощи и через молитвенное поминовение ее в панихидах. Так поминают люди постоянно о. Иоанна Кронштадтского и блаженную Ксению и через заупокойное моление о них получает помощь от них. Имеющие славу небесную отзываются на славу и память земную, выражающим ее в какой угодно форме.

Архиерейский Собор, в период сессии 2-го Всеагличного Церковного Собора из клира и мирян, в августе 1938 г. постановил: «В связи с исполнявшейся 20-летней годовщиной убийства Царской Семьи установить повсеместные народные поминовения через совершения заупокойных литургий и панихид в следующие дни года: 6 мая — в день рождения и 6 декабря — в день тезоименитства Государя Императора Николая II и 4/17 июля — в день убийства Царской Семьи».

Такова должна быть общенародная церковная память. Но каждая душа в отдельности, проникнутая горячею любовью к великим царственным мученикам российским да памятует их молитвенно постоянно и молитвами сих мучеников Господь да помилует русскую землю и всех нас, русских людей.

В последнем Царе нам явилось именно то, что нам наиболее нужно при нашем упадке. Он был верен тому, чему мы давно изменили. В нем явилось основание и новой жизни, которое показано нам при конце прежней и которое мы еще себе не усвоили.

265

Глава 30.

Великая Княгиня Елизавета Феодоровна.

Через сутки после расстрела Царской Семьи, 5/18 июля была убита Великая Княгиня Елизавета Феодоровна вместе с несколькими своими царственными родственниками и с послушницей, всюду следовавшей за ней. Старшая, родная сестра Императрицы, женщина смелая и великодушная, начала свою карьеру в период полного расцвета величия Русской Империи и закончила ее в мрачных недрах одной Пермской угольной копи, куда она была ввергнута своими палачами в итоге продолжительных скорбей и страданий.

Будучи на восемь лет старше своей сестры Императрицы, она с раннего детства получила от своей матери воспитание, подготовившее ее к духовной деятельности. Эта мудрая и нежная мать сумела внушить своим детям с их малых лет главный принцип христианства — любовь к ближнему. Елизавета Феодоровна вызвала самое искреннее расположение к себе в стране, заменившей ей ее отечество, совершивши множество благотворительных дел и в течение своей краткой жизни непрестанно заботясь о благополучии русского народа.

На образование духовного облика Великой Княгини, по собственному ее признанию, имел большое влияние пример Елизаветы Тюрингенской, сделавшейся чрез свою дочь одною из родоначальниц Гессенского дома. Современница Крестовых походов эта замечательная женщина соединяла в себе глубокое благочестие с самоотверженною любовью к ближним. Ея супруг считал ее щедрость расточительностью и иногда преследовал ее за это. Постигшее затем Елизавету раннее вдовство обрекло ее на скитальческую, полную лишений жизнь. После она снова получила возможность всецело посвятить себя делам милосердия. Высокое почитание этой царственной подвижницы еще при жизни, побудило римскую церковь в XIII в. причислить ее к лику своих святых. Душа Великой Княгини с детства была пленена светлым образом ее прабабки.

266

Замечательно, что вскоре после рождения Великой Княгини ее мать Принцесса Алиса, женщина высокого и кроткого духа, по поводу данного ею дочери имени, писала Королеве Виктории: «Мы любили Елизавету, потому что святая Елизавета была прабабкой Гессенского Дома также, как и Саксонского». Великая Княгиня сохранила это имя и после принятия православия, избрав своею небесною покровительницею св. и прав. Елизавету (5 сентября).

Будучи избрана в супруги Великому Князю Сергию Александровичу, молодая Великая Княгиня с любознательностью и чуткостью стала изучать черты русского народа и особенно его веру, положившую глубокий отпечаток на наш народный характер и всю нашу культуру. Вскоре православие покорило ее своею красотою и богатством внутреннего содержания, которое она не редко противопоставляла духовной бедности опустошенного протестантизма («и при всем том они так самодовольны», — говорила она).

Глубоко благочестивая протестантская семья, давшая нам двух великих женщин — Императрицу и ее сестру — имела широкий созерцательный дух, который оказался близким даже православному богослужебному строю. Елизавета Феодоровна говорила потом про свою третью сестру, гостившую у нее: «Ирена ни в чем не находит такого наслаждения, как в православном богослужении и особенно в Успенском соборе. Мы с нею не пропускаем ни одной воскресной утрени». Вот ответ подлинных протестантов нашим отщепенцам-сектантам, именующим себя также протестантами и ожесточенно отвергающим православное богослужение.

И Великая Княгиня по собственному внутреннему побуждению решила присоединиться к Православной Церкви. Когда она сообщила о своем намерении своему супругу, «у него, — по словам одного из бывших придворных, — слезы невольно брызнули из глаз». Глубоко тронут был ее решением и сам Император Александр III, благословивший свою невестку после св. миропомазания драгоценной иконой Нерукотворенного Спаса (копия чудотворной иконы в часовне Св. Спаса), которую Великая Княгиня свято чтит в течение всей последующей жизни. Приобщившись, таким образом, к нашей вере и чрез нее ко всему, что составляло душу русского человека, Великая Княгиня могла с полным правом сказать теперь своему супругу словами моавитянки Руфи: «твой народ стал моим народом, твой Бог — моим Богом» (Руф. I, 16).

Долговременное пребывание Великого Князя на посту Генерал-Губернатора в Москве, этом истинном сердце России, где его супруга была в живом соприкосновении с нашими вековыми

святынями и исконным русским народным бытом, должно было еще теснее сроднить Великую Княгиню с новым ее отечеством.

Семь лет ее брака прошли в полном расцвете Петербургской придворной жизни и чтобы угодить своему мужу она собрала вокруг себя светское общество, и это общество ею восхищалось. Но подобный образ жизни ее мало удовлетворял. По занимаемому ею положению она обязана была присутствовать на всех официальных приемах, но они представляли для нее интерес лишь постольку, поскольку она могла использовать некоторые ее связи на пользу своей благотворительной деятельности, которую в то время она уже начинала проявлять. В Москве все очень быстро усвоили навык постоянно на нее опираться, ставить ее во главе новых организаций, выбирать в патронессы всех благотворительных учреждений, и к началу Японской Войны она уже была хорошо подготовлена для того, чтобы сыграть главную роль в великом патриотическом движении, в котором приняло участие все русское общество, постоянно заботясь о раненых солдатах, как в госпиталях, так и на фронте, вдали от их домашних очагов. Великая Княгиня была вполне поглощена этой работой, она всюду успевала, заботилась обо всем том, что могло восстановить силы и предоставить всякие удобства солдатам. Не забывала она и духовные нужды русских людей, посылала им походные церкви, снабжала всем необходимым для совершения богослужений. Но самым замечательным ее достижением, и только ее одной, была организация женского труда, в состав которой входили женщины всех

слоев общества, с высшего до низшего, объединенные ею в Кремлевском дворце, где были устроены надлежащие мастерские. С утра до вечера, за все время войны, этот деятельный улей работал на армию, и Великая Княгиня радовалась, видя, что обширные, позолоченные дворцовые залы едва хватили на работниц; в самом деле, единственный, не употреблявшийся на эту цель зал, был только Тронный зал. Весь день Великой Княгини проходил за этой работой, вскоре принявшей грандиозные размеры. То было целое Министерство своего рода. Москва боготворила свою Княгиню и выражала ей глубокую признательность ежедневной посылкой в ее мастерскую всякого рода подарков для солдат, и число тюков, отправленных таким образом на фронт, было колоссальное. Личность ее была до такой степени вдохновляющей, что даже самые холодные люди загорались пламенем от соприкосновения с ее пылкой

268

душой и с необычайной энергией шли на благотворительную деятельность.

Однажды, 4-го февраля 1905 г., в тот момент, когда Великая Княгиня собиралась в свои мастерские, она была встревожена сильным взрывом бомбы, и бросившись к месту его, она увидела, как один солдат расстилал свою военную шинель над растерзанным телом ее мужа, желая скрыть его от взоров несчастной супруги.

Коленопреклоненная, на улице, Великая Княгиня простирала свои руки, чтобы обнять останки своего мужа. Весьма возможно что ужас пред растерзанным телом явился причиной того, что она с тех пор отказывалась от всякой пищи, в которой была прежде жизнь. Молоко, зелень и хлеб являлись главными продуктами ее питания, еще задолго до ее пострижения в иночество.

Величие духа, с каким она перенесла постигшее ее испытание, вызвало удивление у всех: она нашла в себе нравственную силу посетить даже убийцу своего мужа, Каляева, в надежде смягчить его сердце своею кротостью и всепрощением. Она навестила преступника в тюрьме. Ей открыли его двери и она одна вошла в камеру. Когда он увидел ее стоящую перед ним, он спросил: «Кто вы?» «Я его вдова — ответила она; — почему вы его убили?» «Я не хотел убить вас — сказал он, — я видел его несколько раз в то время, когда имел бомбу наготове, но вы были с ним и я не решился его тронуть». «И вы не сообразили того, что вы меня убили вместе с ним», — ответила она. Тогда она заговорила об ужасе самого преступления пред Господом Богом. Евангелие было в ее руках, и она умоляла преступника его

прочесть. Она надеялась, что заблудшая душа его покается до своего явления пред Господом. Смерть для нее была пустым звуком. Она навестила его не для того только, чтобы иметь возможность добиться помилования от Государя. Она преследовала иную цель. Она опасалась дня Страшного Суда даже для своих врагов. Ей, при ее необычайной доброте, казалось невыносимым, чтобы даже тот, который лишил ее счастья, скончался нераскаянным. Она все продолжала настаивать на том, чтобы преступник прочел слова Евангелия, надеясь что они тронут его закаменелое сердце. «Я прочту их, — сказал он, — если вы обещаете мне прочесть описание моей жизни, тогда вы поймете почему я задался целью уничтожить всех тех, которые мешают нам привести в исполнение наши анархические принципы». Евангелие было оставлено на столе в камере. Выходя оттуда, Великая Княгиня с грустью заявила ожидавшим ее: «Моя попытка оказалась

269

безрезультатной, хотя, кто знает, возможно что в последнюю минуту он сознает свой грех и раскается в нем».

Таким образом, мы можем понять, что и всю свою жизнь, не исключая даже и самого напуганнейшего ее периода, Великая Княгиня совершенно могла забывать о самой себе и думать лишь о других. Тотчас после смерти Вел. Князя, тогда как она еще не вполне отдавала себе отчета в своей потере, она начала думать о второй жертве того же преступления, о преданном кучере ее мужа, умиравшем в госпитале, тело которого было пробито гвоздями и обломками дерева от кареты. Как только кучер ее увидел, он сразу спросил: «Как здравствует Его Императорское Высочество?» Чтобы скрыть правду, которая его огорчила бы, она произнесла эти простые и прекрасные слова: «Он направил меня к вам».

Высокие христианские чувства она выразила и от лица Великого Князя, написав на кресте-памятнике, воздвигнутом по проекту Васнецова на месте его кончины, трогательные евангельские слова: «Отче, отпусти им: не велят бо, что творят».

Мученическая смерть Великого Князя Сергея Александровича произвела переворот в душе его супруги, заставив ее навсегда отойти от прежней жизни. Пережитый ужас оставил в ее душе глубокую рану, которая зажила лишь тогда, когда она устремила свои глаза на созерцание того, что не от мира сего.

Не все, однако, были способны правильно понять и оценить происшедшую в ней перемену. Надо было пережить такую потрясающую катастрофу, как ее, чтобы убедиться в непрочности богатства, славы и прочих земных благ, о чем столько веков говорит Евангелие. Для общества решимость Великой Княгини распустить свой двор, что бы удалиться от света и посвятить себя служению Богу и ближним, казалось соблазном и безумием. Презрев одинаково и слезы друзей, и пересуды, и насмешки света, она мужественно пошла своею новою дорогой.

Она старалась ничего не предпринимать без указаний опытных в духовной жизни старцев, в особенности старцев Зосимовой пустыни, которым отдала себя в полное послушание. Небесными своими наставниками и покровителями она избрала Преп. Сергия и Святит. Алексия¹⁾: их особенному покрову она вручила и

¹⁾ Высоко чтит она и Преподобного Серафима, на прославлении которого она присутствовала вместе с другими членами Императорской Фамилии. Под глубоким обаянием торжества прославления она писала своей сестре принцессе Виктории (Мильфорд Хевен, которая жива по сей день) следующее: «Как много красивых и здоровых впечатлений. Мы ехали шесть часов в экипажах до монастыря. По дороге в деревнях красивые, здоровые люди были живописны в ярко красных сарафанах и рубахах. Монастырь очень красив и расположен в необъятном сосновом бору. Богослужение и молитвы, читаемые на нем, были замечательны. Св. Серафим был монахом, жил в 18 столетии, был известен чистотой и святостью своей жизни и при этом исцелял больных, и нравственно поддерживал к нему обращающихся, а после его кончины чудеса не прекращаются. Тысячи и тысячи народа, со всех концов России, собрались в Сарове на день его прославления и привезли своих больных из Сибири и Кавказа... Какую немощь, какие болезни мы видели, но и какую веру. Казалось, что мы живем во времена земной жизни Спасителя. И как они молились, как плакали — эти бедные матери с больными детьми, и, слава Богу, многие исцелились. Господь сподобил нас видеть, как немая девочка заговорила, но как молилась за нее мать».

ушедшего от нее супруга, похоронив его прах под Чудовым монастырем в великолепной усыпальнице, отделанной в стиле древних римских катакомб. Продолжительный траур по Великом Князе, когда она замкнулась в свой внутренний мир и постоянно пребывала в храме, был первою естественною гранью, отдалившей ее от обычной до сих пор жизненной обстановки. Переход из дворца в приобретенное ею здание на Ордынке, где она оставила для себя только две-три очень скромные комнатки, означал полный разрыв с прошлым и начало нового периода в ее жизни.

Отныне ее главной заботой стало устройство общины, в которой внутреннее духовное служение Богу органически соединено было бы с деятельным служением ближним во имя Христово. Это был совершенно новый для нас тип организованной церковной благотворительности: по этому он обратил на себя общее внимание. В основу его положена была та глубокая и непреложная мысль, что мы все почерпаем от Бога, а потому и в Нем только можем любить своих ближних и что тот, кто живет во Христе, способен подниматься на высоту полного самоотречения и полагать душу свою за други своя. Великая Княгиня хотела одушевить нашу благотворительность духом Евангелия и поставить ее под покров Церкви, и через то приблизить к последней постепенно самое наше общество, в значительной своей части остававшееся равнодушным к вере.

Очень знаменательно самое наименование, какое Великая Княгиня дала созданному ей учреждению — Марфо-Мариинская обитель: она предназначалась быть как бы домом Лазаря, в котором так часто пребывал Христос Спаситель. Сестры обители призваны были соединить и высокий жребий Марии, внемлющей вечным глаголам жизни, и служение Марфы, поскольку они опекали у себя Христа, в лице Его меньших братьев. Оправдывая и поясняя свою мысль, приснопамятная основательница обители говорила, что Хри-

271

стос Спаситель не мог осудить Марфу за оказанное Ему гостеприимство, ибо последнее было проявлением ее любви к Нему: Он предостерегал только Марфу и в лице ее женщину вообще, от излишней хлопотливости и суетности, способной отвлекать ее от высших запросов духа.

Быть не от мира сего и однако жить, и действовать среди мира, чтобы преображать его — вот основание, на котором она хотела утвердить свою обитель.

Стремясь быть во всем послушной дочерью Православной Церкви, Великая Княгиня не хотела воспользоваться преимуществами своего положения, чтобы в чем-нибудь, хотя бы в самом малом, освободить себя от подчинения установленным для всех правилам и указаниям церковной власти: напротив, она с полной готовностью исполняла малейшее желание последней, хотя бы оно и не совпадало с ее личными взглядами. Одно время, например, она серьезно думала о возрождении древнего института диаконисс, в чем ее горячо поддерживал Митрополит Московский Владимир, потом мученик Киевский; но против этого, по недоразумению, восстал

Епископ Гермоген (в то время Саратовский, после мученик Тобольский), обвинив без всяких оснований Великую Княгиню в протестантских тенденциях (в чем потом раскаялся сам), он заставил ее отказаться от взлелеянной ею идеи.

Оказавшись, таким образом, непонятой в своих лучших стремлениях, Великая Княгиня не угасила в себе духа от пережитого разочарования, но вложила все сердце в свое любимое детище, т. е. Марфо-Мариинскую обитель. Не удивительно, что обитель быстро расцвела и привлекла много сестер, как из аристократического общества, так и из народа. Во внутренней жизни последней царил почти монастырский строй; но и вне ее деятельность выражалась в лечении приходящих и клинических, помещенных в самой обители, больных, в материальной и нравственной помощи бедным, в призрении сирот и покинутых детей, которых так много гибнет в каждом большом городе.

Здесь нельзя не упомянуть о том, что Великая Княгиня имела в виду воспитать особых сестер для духовного утешения тяжелых больных, стоящих на краю могилы. «Не страшно ли, говорила она, что мы из ложной гуманности стараемся усыплять таких страдальцев надеждою на их мнимое выздоровление. Мы оказали бы им лучшую услугу, если бы заранее приготовили их к христианскому переходу в вечность».

Особенно внимание Великая Княгиня обратила на несчастных детей Хитрова рынка, сирот и бесприютных, несших на себе

печать проклятия за грехи своих отцов, детей, рождавшихся на этом мутном «дне» Москвы, чтобы поблкнуть прежде, чем они успели расцвести. Многие из них были взяты в устроенное для них общежитие для мальчиков, где они быстро возрождались физически и духовно; за другими было установлено постоянное наблюдение на местах их жительства. Силою любви и христианского воспитания недавние бродяги улицы превратились в честных и исполнительных юношей, составивших всем известную в Москве артель посыльных. Великая Княгиня во всей ее деятельности изыскивала новые пути и формы благотворительности, в которых иногда отражалось влияние ее первой западной родины, опередившей нас в организации общественной помощи и взаимопомощи. Дом для молодых девушек работниц и учащихся давал им дешевую, или бесплатную квартиру и спасение от той же развратной улицы. Ею организованы: бесплатная лечебница, амбулатория, курсы сестер милосердия, бесплатная столовая, в мировую войну лазарет

тяжело раненых. Не все из этих учреждений были непосредственно связаны с Марфо-Мариинской обителью, но все они, как лучи в центре, объединялись в лице ее настоятельницы, обнимавшей их своими заботами и покровительством. Она твердо верила в то, что работа является основой религиозной жизни, а молитва ее отдыхом, и потому монахини призывались ею на деятельность и вне стен монастыря. Сестры Марфы и Марии навещали бедных и больных, оказывали им всевозможную помощь, заботились о их детях, убирали их помещения, и всюду вносили с собой радость и мир. Но самые трудные должности всегда выполнялись Настоятельницей монастыря, которая чувствовала в самой себе мощь, необходимую для достижения ее цели. Многочисленные доклады и приемы, рассмотрение разного рода просьб и ходатайств, поступавших к ней со всех концов России, и другие дела, наполняли обыкновенно весь ее день, доводя ее часто до полного утомления. Это не мешало ей, однако проводить ночь у постели тяжело больных или посещать ночные службы в Кремле и в излюбленных народом церквях и монастырях в разных концах Москвы. Дух превозмогал изнемогающее тело. Единственным отдыхом для нее служили поездки на богомолье в разные концы России. Народ, однако и здесь отнимал у нее возможность найти тишину уединения. Высоко почитая в ней соединение двойного ореола — царственного происхождения и высокого благочестия, он восторженно встречал ее повсюду, и поездки Великой Княгини в разные го-

273

рода России против ее воли обращались в триумфальные шествия ¹⁾.

Скрывая свои труды, она являлась пред людьми всегда со светлым улыбающимся лицом. Только, когда она оставалась одна или в кругу близких людей, у нее на лице, особенно в глазах, проступала таинственная грусть — печать высоких душ, томящихся в этом мире. Отрешившись почти от всего земного, она тем ярче светила исходящим от нее внутренним светом и особенно своею любовью и ласкою. Никто деликатнее ее не умел сделать приятное другим — каждому соответственно его потребностям или духовному облику.

Душа Велик. Княгини росла и одухотворялась при ее образе жизни, полной всевозможных лишений. Постоянно спокойная и уравновешенная, она находила достаточно времени и сил для выполнения своей неустанной деятельности. Она занимала три крошечные комнаты, белые и чистые, отделенные от госпиталя церковью. Единственная находящаяся в них мебель были плетенные стулья, а на стенах висели лишь одни иконы, дарованные ей теми, которые любили ее и ценили. Спала она на деревянной кровати, без

тютяка и на жесткой подушке, но, изнуренная после тяжелых дневных забот, она быстро засыпала. Зачастую сон ее продолжался не более 2-3 часов в сутки, но бывало, что и часть этого времени посвящалась друзьям, умолявшим ее не отказать принять их в поздний час. В полночь она вставала на молитву в своей церкви, а затем обходила всю больницу. В тех случаях, когда кто-либо из больных давал ей повод для серьезных опасений, она сидела у его изголовья вплоть до рассвета, стараясь облегчить его страдания. С присущей ей интуицией ума и сердца, она всегда находила слова утешения, и больные сами свидетельствовали о том, что одно ее присутствие оказывало на них благотворное влияние и значительно облегчало их страдания. Они чувствовали, что от нее исходила целебная сила, дававшая им возможность терпеливо и безропотно переносить мучения, и нервные пациенты, ободренные ею, храбро шли на операцию.

Если случалось, что, не смотря на все ее усилия, больной все же не выживал, то он умирал на ее руках. Православная Церковь имеет обычай непрерывного чтения псалмов над телом по-

¹⁾ Великая Княгиня посещала и самые захолустные, глухие и бедные края и отдаленные деревушки даже с языческим населением черемис, вотяков, чувашей. См. «Под молитвенным покровом Святителя Николая. Ея Императорское Высочество Благоверная Государыня и Великая Княгиня Елизавета Феодоровна у черемис-язычников 8, 9, 10, и 11 июля 1910 г. в Николо-Березовке Уфимской Епархии». Составил священник Сергей Покровский. Москва. 1912.

койного в течение дней, предшествующих погребению. Должность эта обычно выполнялась монахинями любого монастыря, и падала она зачастую и на долю сестер Марфы и Марии. Ночные же бдения всегда выполнялись Настоятельницей монастыря, в часовне, сооруженной для этой цели в конце сада, и в ночной тишине раздавался голос Велик. Княгини, читающей псалмы над телом покойного.

Главные больницы Москвы быстро обнаружили благотворные результаты лечения в госпитале Великой Княгини, вмещавшем в себе не более 15 пациентов, и самые безнадежные случаи всегда направляли сюда. Приводим один пример. Кухарка бедного домохозяйства пострадала ожогами от опрокинутой ею керосиновой печки; ожоги покрывали все ее тело, за исключением ладоней и ступней. Привезена она была к Великой Княгине из одного городского госпиталя, уже захваченная гангреной. Великая Княгиня собственноручно перевязала ей раны. Это причиняло такую острую боль пациентке, что Великой Княгине приходилось все время

останавливаться для успокоения и подбодрения пациентки. Перевязывание занимало по два с половиною часа два раза в день. Платье Великой Княгини проветривалось вслед за тем, т. к. оно было пропитано противным запахом гангрены, но перевязывание ран из-за этого не останавливалось. Женщина в конце концов вылечилась, к изумлению докторов, которые давно уже поставили на ней крест. Все известные хирурги преклонялись перед лечением Великой Княгини и обращались к ней за помощью, когда им надлежало произвести особенно серьезную операцию. Великая Княгиня содействовала хирургу бесподобным спокойствием и сосредоточенностью внимания к каждому его движению. Она успешно всегда подавляла в себе всякое чувство естественного отвращения, удовлетворяясь видимо одним сознанием того, что сумела оказаться полезной.

В числе учреждений всякого рода она основала одно — для неизлечимых чахоточных женщин наибеднейшего класса, и навещала этот «Мертвый Дом» два раза в неделю. Зачастую пациентки выражали ей свою признательность обнимая ее, не задумываясь над опасностью заразы, но она ни разу не увернулась от их объятий. Этому учреждению она была особенно предана. Главной ее целью было предоставить удобства и немного роскоши прислугам, рассчитанным с момента обнаружения их болезни, т. к. госпитали отказывались их принять, и несчастным женщинам ничего больше не оставалось делать, как умирать в жестокой нищете. Пациентки эти лечились в уютном доме, с большим садом, в котором они часто приобретали надежду на их

275

выздоровление, постоянно подбодряемые Велик. Княгиней. Но случалось также, что они и спокойно умирали, прося их благодетельницу не забыть о тех, которые им были особенно дороги. Не раз умирающая мать говорила ей: «мои дети больше не мои, а Ваши, ибо у них никого нет в мире кроме Вас». Трудно было бы указать на границу благотворительных дел Велик. Княгини или на размер суммы, израсходованной ею на эту цель. Ея же личные расходы были при этом ничтожными: бывало, что в течение нескольких месяцев ее туалетные принадлежности обходились ей всего несколько копеек.

По смерти своего мужа, она разделила все свои драгоценности на три части: одна из них была возвращена казне, другая часть была распределена между ближайшими ее родственниками, и третья, самая обильная часть, пошла на пользу благотворительной деятельности. Великая Княгиня ровно ничего себе не оставила, не исключая и своего обручального кольца;

единственное украшение, которое она носила, был деревянный крест, висевший на белой ленте вокруг ее шеи. Одета она была зачастую в серое или белое ситцевое платье, храня белые шерстяные для более важных событий. Когда она хотела незаметной пройти по городу, она одевалась в черный цвет, с черной косынкой на голове, но иногда носила серое платье и косынку, и тогда ее узнавали, и с благоговением приветствовали.

Особенным вниманием и поддержкой с ее стороны пользовались все учреждения церковного, благотворительного или научно-художественного характера. Горячо ратовала она также за сохранение наиболее ценных бытовых обычаев и преданий, которыми так богата была жизнь старой любимой ею Москвы. Все храмы, созданные ею, особенно главный храм обители, построенный по новгородско-псковским образцам известным архитектором Щусевым и расписанный кистью Нестерова, отличались выдержанностью стиля и художественною законченностью внешней и внутренней отделки. Церковь-усыпальница, помещенная ею под сводами этого последнего храма, также вызывала общее восхищение своею умиротворяющею теплотой. Богослужение в обители всегда стояло на большой высоте, благодаря исключительному по своим пастырским достоинствам духовнику, избранному настоятельницею: время от времени она привлекала сюда для служения и проповеди и другие лучшие пастырские силы Москвы и отчасти всей России. Для нее, как истинной христианки, не было, по выражению Гоголя, «оконченного курса»; она всю жизнь оставалась ученицей, одинаково добросовестной, как и смиренной. На всей внешней обстановке Марфо-Мариинской обители и на самом

276

ее внутреннем быте, как и на всех вообще созданиях Великой Княгини, кроме духовности, лежал отпечаток изящества и культурности, что было произвольным действием ее творческого духа.

Ея богатые от природы дарования изощрены были не только широким, многосторонним образованием, но и сведениями практического характера, необходимыми в домашнем обиходе. «Нас с Государыней (т. е. Императрицей Александрой Феодоровной) обучали в детстве всему» — сказала она однажды в ответ на вопрос, почему ей известны все отрасли домоводства.

И все содействовало ей в поисках высшего совершенства.

2 апреля 1910 г., она заменила светские одежды на монашеские в церкви св. сестер Марфы и Марии, одновременно с 30 другими женщинами, жаждавшими оказаться ей полезными в ее борьбе с людскими страданиями.

То была удивительная служба, запечатлевшаяся в памяти всех, принявших в ней участие. Велик. Княгиня покинула мир, в котором она сыграла яркую роль, чтобы войти, по ее же собственным словам, в более великий мир, в мир бедных и страдающих. Епископ Трифон, в мире известный как князь Туркестанов, дал ей эту одежду с пророческими словами: «эта одежда скроет Вас от мира, и мир будет скрыт от Вас, но она в то же время будет свидетельницей Вашей благотворной деятельности, которая воссияет пред Господом во славу Его».

Его слова оправдались. Сквозь серую одежду Сестричества деятельность Велик. Княгини блестела божественным лучом и в конечном итоге привела ее к мученическому концу.

Великая Княгиня Елисавета Феодоровна была редким сочетанием возвышенного христианского настроения, нравственного благородства, просвещенного ума, нежного сердца и изящного вкуса. Она обладала чрезвычайно тонкой и многогранной душевной организацией. Самый внешний облик ее отражал красоту и величие ее духа: на ее челе лежала печать прирожденного достоинства, выделявшего ее из окружающей среды. Напрасно она пыталась иногда под покровом скромности утаиться от людских взоров: ее нельзя было смешать с другими. Где бы она не появлялась, об ней всегда можно было спросить: «кто это блистающая, как заря, светлая, как солнце?» (Песнь Песн. VI, 10). Она всюду вносила с собою чистое благоухание лилии; быть может поэтому она так любила белый цвет: это был отблеск ее сердца.

Трудно отдать себе отчет в том, что никому уже больше не удастся встретиться с этим существом, настолько отличавшемся от всех остальных, до такой степени превышавшего

средний уровень и приковывавшем к себе всеобщее внимание своей необычайной красотой и очаровательностью, а также бесконечной своей добротой. Привлекала она людей без всякого на то усилия с ее стороны, и всем казалось, что она витала в высших сферах, содействуя при этом и другим подняться на ту же высоту. Она никогда никому не давала почувствовать степени своего превосходства над кем бы то ни было, а

наоборот, и при этом без ложного самоунижения, умела вызвать в каждом, присущие таковому лучшие его качества.

Ея душа чужда была односторонности. Женственность соединялась в ней с мужеством характера; доброта не переходила в слабость и слепое безотчетное доверие к людям; дар рассуждения, который так высоко ставят христианские подвижники, присущ был ей во всем, даже в лучших порывах сердца. Этими особенностями своего характера она обязана была отчасти своему воспитанию под руководством своей бабушки, Английской Королевы Виктории. Английский отпечаток несомненно лежал на всех ее вкусах и привычках; английский язык был ей ближе родного немецкого.

Сосредоточив свою деятельность вокруг обители, Великая Княгиня не порывала связи и с другими общественными учреждениями благотворительного или духовно-просветительного характера. Едва-ли не самое первое место среди них принадлежало Православному Палестинскому Обществу, которое было вызвано к жизни ее почившим супругом В. К. Сергеем Александровичем. Унаследовав от него председательство в этом обществе, она подражала ему в заботах о Сионе и о русских паломниках, устремившихся в Св. Землю. Ея заветным желанием было самой приобщиться к ним, хотя она уже посетила ранее святыне места вместе с покойным Великим Князем; но непрерывные дела мешали ей надолго оставить Россию для Святого Града. Увы! никто тогда не предвидел, что она придет в Иерусалим уже по смерти, чтобы найти себе здесь место вечного упокоения. В палестинском деле она проявляла не только любовь к Святой Земле, но и большую деловую осведомленность, как будто она непосредственно руководила всеми учреждениями Общества. В последние годы пред войной ее занимала мысль о сооружении достойного русского имени подворья в Бари с храмом в честь Свят. Николая.

С наступлением войны она с полным самоотвержением отдалась служению больным и раненым воинам, которых посещала лично не только в лазаретах и санаториях Москвы, но и на фронте.

Вдовствующая Императрица, молодая Государыня и Великая Княгиня Елизавета Феодоровна разделили между собой оба фронта: Восточный или Германский, и Южный или Австрийский, не говоря уже о Турецком фронте, хотя и меньшего масштаба, но по ожесточенности борьбы не уступавшему первым двум.

Государыня и Велик. Княгиня привлекали в свою организацию все слои общества, должностных, высшего и низшего чина, лиц, государственных служащих и всю иерархию женского общества. Красный крест на белом фартуке виднелся на всех тех, которые имели возможность оторваться от своих домашних очагов и посвятить себя на великое дело войны и победы. Никакая жертва не считалась слишком большой — деньги сыпались как бисер, да и жизнь в это время ставилась ни во что.

Клевета не пощадила однако ее, как и покойную Императрицу, обвиняя их в излишнем сочувствии к пленным раненым германцам. Великая Княгиня перенесла эту горькую незаслуженную обиду с обычным ей великодушием.

Революционную бурю она встретила с замечательным самообладанием и спокойствием.

В первый день революции, 1-го марта 1917 г., взбунтовавшаяся толпа окружила ее дом, к которому также подъехал экипаж, полный людей, большею частью из выпущенных на волю арестантов, пришедших за ней, чтобы доставить ее в зал городской думы в качестве германской шпионки. Она услала всех испуганных женщин в заднюю часть дома, и вышла к пришедшим за ней людям. «Что вам от меня нужно» — спросила она.

«Мы пришли за вами, чтобы предать вас суду. У вас спрятано оружие и германские князья скрываются в вашем доме».

«Войдите, — сказала она — ищите везде, но пусть лишь пятеро из вас войдут».

«Оденьтесь, чтобы идти с нами» — заявили они.

«Я настоятельница монастыря, — сказала она — и должна сделать кое-какие распоряжения и проститься с моими сестрами». Она собрала сестер в церкви для пения молебна. Затем, обращаясь к революционерам, сказала: «Войдите в церковь, но оставьте ваше оружие у входа». Они последовали за нею. После молебна она подошла ко кресту, приглашая революционеров следовать за нею. Под влиянием ее необычайного спокойствия, они пошли за нею и приложились ко кресту. «Теперь идите за поисками того, что вы думаете у меня найти». Священник о. Митрофан Серебрянский пошел с ними, и они вскоре вернулись к шумящей вне монастыря толпе, со словами: «это монастырь, и ничто больше». Обаяние всего ее облика было так велико, что не-

вольно покорило даже революционеров. Один из них (по-видимому студент) даже похвалил жизнь сестер, сказав, что у них не заметно никакой роскоши, а наблюдается только повсюду порядок и чистота, в чем нет ничего предосудительного. Видя его искренность, Великая Княгиня вступила с ним в беседу об отличительных особенностях социалистического и христианского идеала. «Кто знает», заметил в заключение ее неведомый собеседник, как бы побежденный ее доводами, «быть может мы идем к одной цели, только разными путями», — и с этими словами покинул обитель. «Очевидно, мы недостойны еще мученического венца», — ответила Настоятельница сестрам, поздравлявшим ее с столь благополучным исходом первого знакомства с большевиками. Но этот венец уже недалек был от нее...

Опасность как будто миновала. По прошествии некоторого времени члены Правительства, в состав которого в то время все еще входили умеренные элементы, отправились в Общину, чтобы извиниться за беспокойство, причиненное этой группой арестантов и заверить Велик. Княгиню о их непричастности к таковым. Она их приняла и справилась о ходе революции.

«Вы хотите слышать от нас правду» — спросили они.

«Да, я хочу, чтобы вы всегда говорили мне правду».

«Сегодня первый день социальной революции, и у нас нет никаких средств борьбы с надвигающейся на нас волною анархии. Мы пришли просить Ваше Высочество переехать в Кремль, где нам будет легче Вас охранять».

«Я не выехала из Кремля с тем, чтобы вновь быть загнанной туда революционной силой. Если вам трудно охранять меня, прошу вас отказаться от всякой к этому попытки».

Она продолжала жить в Общине, ухаживая за солдатами в своем госпитале, в котором она также бесплатно кормила наиболее беднейших людей; в общем она не внесла какой бы то ни было перемены в свой образ жизни, кроме как той, что она с еще более одухотворенным пылом приступала к молитве. Живя тихо и спокойно, она безропотно отдала себя всецело воле Божией. В то время как большевизм окончательно разнуздан, в апреле 1918 г. Великая Княгиня отправила одному старому другу нижеследующие строки:

«Необходимо направить все мысли на чудную нашу страну, чтобы узреть все совершающееся в ней в настоящем свете, и иметь возможность сказать «да будет Твоя воля», когда наша возлюбленная Россия подвергается

полному развалу. Помните, что Святая Православная Русская Церковь — против которой не усто-

280

ят и врата ада, — все еще существует и существовать будет до скончания веков. Те, которые могут в это верить, без сомнения узрят сокровенный луч, сияющий сквозь мрак в самый разгар бури. Но все же я уверена в том, что карающий Бог — Тот же Любящий. Я часто читаю Библию за последнее время, и если мы верим в Высшую Жертву Бога Отца, пославшего Сына Своего на смерть и воскресение для нашего спасения, то чувствуем мы одновременно и присутствие Святого Духа, осеняющего нам путь, и наша радость будет вечной, даже при условии, если наши ограниченные людские сердца и умы пройдут через путь тяжелых испытаний. Подумайте о буре — в ней имеется одухотворяющие, также как и ужасающие элементы; одни боятся от нее укрыться, другие поражаются ею, глаза же некоторых открываются и они видят в ней величие Божие. Не является ли это правдивой картиной нынешнего времени. Мы работаем, молимся, надеемся, и каждый день все более и более чувствуем в себе высшее сострадание. То что мы живем — является неизменным чудом. Другие люди начинают понимать то же самое и они приходят к нам в церковь, чтобы найти покой для своих душ. Молитесь за нас, дорогая. Всегда Ваш старый и верный друг».

Затем следует «пост скрипtum», который читался с глубокой признательностью тем лицом, к которому строки эти были обращены: «Спасибо за дорогое прошлое».

У нее не было и тени озлобления против неистовств возбужденной толпы: «народ — дитя, он неповинен в происходящем, — кротко говорила она: — он введен в заблуждение врагами России».

Она пишет одному из старых друзей: «Россия и ее чада в данный момент не ведают что делают, на подобие больного ребенка, которого каждый во много раз ценит в таком состоянии, чем когда он весел и здоров. Каждый стремится облегчить его страдания, помочь ему и научить его терпеливо переносить все невзгоды. Это как раз то, над чем я с каждым днем больше и больше задумываюсь».

Не приводили ее в уныние и великие страдания и унижения, выпавшие на долю столь близкой ей Царской Семьи. «Это послужит к их нравственному очищению и приблизит их к Богу» — с какою то просветленной мягкостью заметила она однажды.

В течении последних месяцев 1917 года и в начале 1918-го советская власть, к общему удивлению, предоставила Марфо-Мариинской обители и ее начальнице полную свободу жить, как они хотели, и даже оказывала им поддержку в смысле обеспечения, населения обители жизненными продуктами. Тем тяжелее и не

281

ожиданнее для последней был удар, постигший ее на Пасхе, когда Великая Княгиня внезапно была арестована и отправлена в Екатеринбург.

Но наступившие страдания могли бы быть избегнуты, если бы она этого пожелала, но Великая Княгиня пошла на сей путь добровольно. Весною или летом 1917 г. шведский министр приехал в Москву по особому поручению Германского Императора, чтобы посоветовать Велик. Княгине покинуть Россию, где ужасающие происшествия должны были неминуемо свершиться. Шведский министр, будучи представителем нейтральной державы был принят Велик. Княгиней, и он настаивал на ее последовании совету Германского Императора. Она внимательно выслушала его и ответила, что ей тоже казалось, что ужасающие времена не за горами, но что она решила разделить судьбу той страны, которую она считала за свою, и не может оставить на произвол судьбы сестер своей Общины. После этого она встала и прием был таким образом закончен. Так Великая Княгиня собственноручно подписала свой смертный приговор.

В первые дни революции даже большевики не решились сразу покуситься на Высокую Настоятельницу Общины. Немецкое командование в лице графа Мирбаха добилось согласия большевицкой власти на вывоз за границу Великой Княгини. Но сама Великая Княгиня категорически отказалась покинуть пределы России. Мирбах после Брест-Литовского мира два раза просил Великую Княгиню принять его и оба раза получил отказ. Она отказалась от каких-либо сношений с представителями вражеской державы. Русским же Великая Княгиня говорила: «я никому ничего дурного не сделала: буди воля Господня!»

Наконец большевики послали ей распоряжение, покинуть Москву и присоединиться к Государю и его семье в Екатеринбурге. Она просила дать ей два часа, чтобы сделать необходимые приготовления для дальнейшего пути, но ей в этом было отказано. Выехала она под конвоем латвийской гвардии и в сопровождении преданной ей послушницы сестры Варвары.

Ей сказали, что на новом месте она будет сестрой милосердия. Ей предоставили отдельное купе в дороге и все удобства. Она очень радовалась предстоящей встрече со своей сестрой Императрицей и была этим воодушевлена в дороге. Оставленная же ею обитель пребывала в это время в слезах и печали. Однако, прибыв в Екатеринбург, Великая Княгиня не получила свидания с семьей Государя. Послушнице удалось быть у дома царственных заключенных для какой-то передачи и видеть только через щели забора самого Государя где-то в саду или у окна.

282

Известно, что Великая Княгиня дважды снеслась со своим духовником отцом Митрофаном Серебрянским. Первый раз она написала ему, что латвийские солдаты вначале очень грубо с ней обращались, но затем стали гораздо снисходительнее, вследствие чего они были заменены русской гвардией, солдаты которой были бесцеремоннее и жесточе. Второе письмо заключало в себе просьбу, чтобы Московский Патриарх, который тогда еще был на свободе, ходатайствовал о получении для нее разрешения перейти на вегетарианскую пищу, к которой она привыкла. Святейший Патриарх Тихон пытался при помощи церковных организаций, с которыми на первых порах считалась большевицкая власть, принять меры к ее освобождению, но безуспешно. Потом пребывание Великой Княгини в ссылке обставлено было одно время даже некоторыми удобствами: она была помещена в женском монастыре, где все сестры в ней принимали самое искреннее участие; особенным утешением для нее было то, что ей беспрепятственно разрешено было посещать церковные службы.

Весной 1918 г., вслед за прибытием Государя с Семей из Тобольска, в Екатеринбург были привезены из Перми и помещены в грязной гостинице Великий Князь Сергей Михайлович с его слугой, по фамилии Ф. Ремез, Князя Иоанн, Константин и Георгий Константиновичи, и Князь Владимир Палей, 20 лет. С ними плохо обращались, поместили всех в одну комнату, кормили впроголодь, но позволяли иногда выходить на улицу, и они могли встречаться с людьми и навестить даже знакомых.

В конце мая Великую Княгиню и всех ее родственников перевезли в Алопаевск по близости от Екатеринбурга и поместили в «Напольной школе» на краю города под охраной караула. Великая Княгиня с разрешения властей сначала ходила в церковь, много работала в огороде, своими руками полола грядки и устраивала цветочные клумбы, рисовала и много молилась. Завтраки и обеды ей подавались в комнату; остальные заключенные кушали вместе.

Было какое-то общение с населением, потому что к здравствующим членам царственного дома из вещей Великой Княгини попало полотенце деревенского грубого полотна с вышитыми голубыми цветами и надписью, орфографию которой сохраняем: «Матушка Великая Княгиня Елисавета Феодоровна не откажись принять по старому русскому обычаю хлеб-соль от верных слуг царя и отечества, крестьян Нейво-Алопаевской волости, Верхотурского уезда».

283

Великая Княгиня по временам еще посылала слова ободрения и утешения глубоко скорбевшие об ней сестрам ее обители.

Так продолжалось до роковой ночи 5/18 июля. В эту ночь она внезапно была вывезена вместе с прочими царственными узниками. Убийство произошло в 12 верстах от Алопаевска по Верхотурскому тракту в шахте под названием «Нижняя Селимская».

Застрелен был только Вел. Князь Сергей Михайлович. Остальные брошены в шахту живыми, с завязанными глазами. Бросив в шахту людей, палачи бросали туда ручные гранаты, а затем разный хлам. Шахта была глубиною 28 сажень, но трупы Великой Княгини и князя Иоанна Константиновича были найдены на одной глубине в 7 с половиной сажень, на выступе шахты. Великая Княгиня была жива довольно долго. Возле шахты слышалось церковное пение, которое продолжалось весь следующий день Проезжавший мимо крестьянин, услышав это пение, в страхе погнал лошадей в сторону фронта белых, которые были по близости, и сообщил им об этом. Те упрекнули его за то, что он не бросил в шахту хотя бы хлеба. Прибывшие затем белые извлекли трупы убитых. Расследование показало, что Великая Княгиня сделала перевязку Князю Иоанну Константиновичу, будучи сама тяжело ушиблена. Вскрытие ее трупа показало, следующее: в головной полости, по вскрытии кожных покровов, обнаружены кровоподтеки — на лобной части величиною в детскую ладонь и в области теменной кости — величиною в ладонь взрослого человека, кровоподтеки в подкожной клетчатке, в мышцах и на поверхности черепного свода. Кости черепа целы. Около тела Великой Княгини — две неразорвавшиеся гранаты, а на груди — икона Спасителя. Великая страстотерпица пела себе и другим надгробные или благодарственные и хвалебные Богу песни до тех пор, пока для нее не зазвучали уже райские напевы. Так вожделенный для нее мученический венец увенчал ее главу и приобщил ее к сонму святых¹⁾.

¹⁾ Общий список убиенных Царского Дома Романовых представляется в таком виде:

31 мая/13 июня 1918 г. убит в Перми Вел. Князь Михаил Александрович.

4/17 июля убита в Екатеринбурге (Перм. губ.) Седмерица Царской Семьи.

5/18 июля убиты в Алопаевске. (Перм. губ.) пять членов Царского Дома.

В январе 1920 г. убиты в Петрограде Великие Князья:

Павел Александрович,

Николай Михайлович,

Георгий Михайлович и князь

Димитрий Константинович.

Всего убито из Императорской фамилии 17 человек.

284

Князь Иоанн Константинович очень любил церковное пение и сам был регентом в церкви Павловского дворца, и продолжал петь на клиросе в первое время его пребывания в ссылке, в Перми.

Юный Князь Владимир Палей, сын Велик. Князя Павла Александровича, был талантливым поэтом. Целый ряд его последних стихов, слышанных от него друзьями в Екатеринбурге, касался переживаний заключения, когда, по его словам, «родные, близкие так жутко далеко, а недруги так жутко близко».

Из среды участников этого убийства двое сошли с ума тотчас после злодеяния. Один из них по фамилии Бугрышин. Эти обыватели, увлекшиеся большевизмом, не рассчитали своих сил и способностей на такие преступления. Организатором этого убийства был некий А. Смольников, приехавший из Екатеринбурга в фуражке Государя, которою он в Алопаевске хвастался на митингах.

По распоряжению адмирала Колчака тела Великой Княгини и всех других убиенных с нею 1 ноября 1918 г. были торжественно похоронены в Алопаевском соборе. При приближении красных (в июле 1919 г.), они были

перевезены сначала в Иркутск, а отсюда 28 февраля 1920 г. были направлены в Китай.

По дороге, на пограничном пункте, на тела убиенных напали большевики и успели сбросить на железно-дорожный путь гроб Князя Иоанна Константиновича. Подоспевшие китайские солдаты прекратили возмутительное кощунство. 3-го апреля в Пекине, после заупокойного богослужения, гробы были опущены в склеп храма преп. Серафима Саровского, на кладбище нашей Духовной Миссии. Отсюда уже заботами сестры Великой Княгини, Маркизы Мильфорд-Хевен, Принцессы Виктории, с которой они были связаны при жизни особенно тесными узами, ее гроб вместе с гробом сестры Варвары был доставлен чрез Шанхай и Суец в Палестину. 15 декабря 1920 г. тела обеих неразлучных до конца страдалиц были торжественно встречены в Иерусалиме английскими властями, греческим и русским духовенством, многочисленную русскою колонией и местными жителями. Через день состоялось их погребение, совершенное маститым главою Сионской Церкви, Блаженнейшим Патриархом Дамианом, в сослужении большого сонма духовенства. Таковую дал ей Бог славу церковную. Усыпальницей для Великой Княгини избрана как бы нарочито для этого приспособленная крипта под нижними сводами русской церкви св. Марии Магдалины в Гефсимании. Сама эта церковь, построенная в память Государыни Марии Александровны, супруги Императора Александра II, ее Августейшими детьми,

285

не чужда почившей: последняя присутствовала вместе с В. К. Сергием Александровичем на ее освящении в 1888 г. и, говорят, выразила желание закончить бы дни своей жизни при этом храме. Так ей понравилось это место.

«Какое чудное видение прошла она по земле, оставив после себя сияющий след, — пишет составитель очерка ее жизни, Высокопреосвященный Митрополит Анастасий. — Вместе со всеми другими страдальцами за русскую землю она явилась одновременно и искуплением прежней России, и основанием грядущей, которая воздвигнется на костях новых мучеников. Такие образы имеют непреходящее значение: их удел вечная память и на земле и на небе. Не напрасно народный голос еще при жизни нарек ее святой. Как бы в награду за ее земной подвиг и особенно за ее любовь к Св. Земле, ее мученическим останкам (найденным в шахте, по словам очевидцев, совершенно нетронутыми тлением) суждено почивать у самого места страданий и воскресения Спасителя».

Близкая свидетельница долгих лет жизни Великой Княгини графиня А. Олсуфьева пишет: «Зная ее очень хорошо, я могу с уверенностью сказать, что славилась она Всевышнего за свои страдания, которые она приносила в жертву за спасение душ ее убийц. Я верю также твердо, как я верю в загробную жизнь, что Елизавета Феодоровна никогда не произнесла ни одной жалобы и славилась Господа за предоставленную ей возможность — мученическим путем занять приготовленное для нее место среди Его избранных. Она была подобна первым мученикам христианства, погибшим на Римских аренах. Возможно, что ко времени наших правнуков, Церковь ее причислит к лику своих святых».

286

Источники.

«Хлеб Небесный» №4. 1930. № 1. 1940.

«Церковная Жизнь» № 4-5. 1936.

«Церковные Ведомости» № 21-22. 1925.

«Воскресное Чтение» № 25-36. 1930.

«Утренняя Заря» Февр. 1939.

«Россия» 25-I. 18-III. 1939. 18-IX. 1941. 17-X. 12, 20-XII. 1945. 5-X. 1946. 10-IX. 1947.

«Царский Вестник» 1938-1940.

«Двухглавый Орел» № 22. 1928.

«Голос Пастыря» № 7. 1937.

«Церковное Обозрение» 1932-1939.

«Церковный Вестник» Зап. Европ. Епар. № 3-4. 1931.

«Вестник Р. Студ. Хр. Движ». Май 1930.

Архиепископ Анастасий. Похвальное слово новым священномученикам Русской Церкви.

Архиепископ Анастасий. Светлой памяти В. К. Елизаветы Феодоровны. 1925.

Архиепископ Нестор. Смута в Киеве. Мученичество Митрополита Владимира в 1918 г. По личным воспом. Харбин. 1937.

Прот. А. Рождественский. Святейший Тихон, Патриарх Московский и всея России. Воспоминания. София. 1922.

А. А. Валентинов. Черная Книга. (Штурм небес). Париж. 1925.

Священник Кирилл Зайцев. Памяти последнего Царя. Шанхай. 1947.

Священник Кирилл Зайцев. Православная Церковь в советской России. 1947.

Михаил Священник. Положение Церкви в советской России. Иерусалим. 1931.

Прот. М. Польский. О духовном состоянии Русского народа под властью безбожников. Деяния 2-го Всеаграничного Собора. Белград. 1938.

287

Прот. М. Польский. Современное состояние Православной Церкви в СССР. Нью Йорк. 1946.

Прот. М. Польский. Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и заграницей. Джорданвилль. 1948.

С. П. Руднев. При вечерних огнях. Воспомин. Всероссийский Церковный Собор. Харбин.

П. Савченко. Государыня Имп. Александра Феодоровна. 1939.

В. В. Свечин. Светлой памяти Императора Николая II 1933.

В. В. Свечин. О Царской Семье и мн. др.

Графиня А. Олсуфьева. Воспоминания о Велик. Княгине Елизавете Феодоровне.

Н. Набок-Василькова. Замученный Святитель. Россия. 12-ХП. 1945.

РУКОПИСИ, ПИСЬМА И СПРАВКИ:

Е. Н. Л-нская. Епископ Дамаскин и борьба за Православие. 84 стр.

Е. Н. Л-нская. Епископы-исповедники и патриарх Сергей. 96 стр.

Монахиня Иулиания — о проф. Попове И. В. и др.

Прот. В. Демидов — об Архиеп. Иоакиме и др.

Прот. Г. Шорец — о епископе Гермогене, Андронике и др.

С. В. Громов — о Кунцевиче Л. З.

П. Н. Лесеневич, библиограф. указания и историческ. справки.

Прот. П. Триодин — о разных лицах.

Игумен Филимон (валаамец), сообщение о убиенных.